

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Даниловская Анна Владимировна

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант:

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ

Александр Иванович Коробеев

Владивосток, 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 КОНКУРЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	35
§ 1 ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	35
§ 2 СИСТЕМНЫЕ КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	50
ГЛАВА 2 ГЕНЕЗИС ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ	83
§ 1 ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИХ НА КОНКУРЕНЦИЮ	83
§ 2 МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА КОНКУРЕНЦИЮ	105
§ 3 РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОНКУРЕНЦИИ В ИНОСТРАННОМ ПРАВЕ	117
ГЛАВА 3 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	148
§ 1 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	148
§ 2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ВЗАИМОЗАВИСИМЫЕ ФАКТОРЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	166

§ 3 ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ.....	179
--	-----

ГЛАВА 4 КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	201
---	-----

§ 1 КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КОНКУРЕНЦИИ	201
--	-----

§ 2 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ ДЕЯНИЙ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	236
--	-----

ГЛАВА 5 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	304
---	-----

§ 1 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КОНКУРЕНЦИИ	304
--	-----

§ 2 МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ.....	324
--	-----

§ 3 СРЕДСТВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ	350
--	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	419
-----------------	-----

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	428
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ	496
------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	496
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» 506

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»..... 518

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СТ. 23 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»»..... 519

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»»..... 520

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЦЕНТРАЛЬНОМ БАНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (БАНКЕ РОССИИ)»»..... 521

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»..... 522

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ..... 526

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ключевым элементом рыночной экономики является конкуренция, обеспечивающая ее стабильность и безопасность. Выступая 5 апреля 2018 г. на заседании Государственного совета по вопросу развития конкуренции, Президент РФ В.В. Путин отметил, что справедливая и честная конкуренция – это базовое условие для экономического и технологического развития, залог обновления страны. В силу этого охрана добросовестной конкуренции представляет собой одну из актуальных задач, решение которой предполагает установление оптимальных критериев обоснованности и достаточности правовых запретов нарушений законодательства о защите конкуренции. Такие общие критерии впервые в истории российского государства были фундаментально определены в Конституции РФ, в соответствии с которой поддержка и защита конкуренции, запрет монополизации и недобросовестной конкуренции закреплены как конституционные основы существования экономики страны, продолжены – в Федеральном законе «О защите конкуренции»¹ (далее – ФЗ «О защите конкуренции»), которым запрещены проявления монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции, а также ограничивающей конкуренцию деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Общественная опасность посягательств на добросовестную конкуренцию проявляется в их широком негативном воздействии на все сферы жизни общества и государства. Помимо непосредственного вреда экономике страны, исчисляемого в процентном соотношении к ВВП, посягательства на добросовестную конкуренцию создают благоприятные условия для самодетерминации картелей, развития и процветания криминогенности экономики, ее теневого сектора с противоправным использованием объектов интеллектуальной собственности,

¹ О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256> (дата обращения: 02.07.2018).

коррупционной деятельности, способствует развитию экстремистско-террористической и других видов преступности.

Осознание вредности посягательств на добросовестную конкуренцию для отечественной экономики явилось причиной становления уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции как отдельного направления государственной деятельности.

Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»² (далее – Стратегия экономической безопасности РФ) впервые в истории российской экономики картели официально были признаны одной из угроз экономической безопасности; их предотвращение, а также борьба с коррупцией, теневой и криминальной экономикой были названы среди важных государственных задач. В указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³ (далее – Стратегия национальной безопасности РФ) также отмечено, что экономическая безопасность обеспечивается решением задач по снижению доли теневого и криминального секторов экономики, уровня коррупции в предпринимательской среде; поддержке, развитию и защите конкуренции на российском рынке, пресечению монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений.

Во исполнение данных указов Президента РФ заложены основы законодательной деятельности по формированию нормативно-правовой базы противодействия посягательствам на конкуренцию, включая ужесточение уголовной и административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства; по улучшению показателей соблюдения антимонопольного законодательства, имеющего важное превентивное значение; по организации координации деятельности органов власти по выявлению, предупреждению,

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 05.10.2018).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 16.07.2021).

пресечению и раскрытию антиконкурентных соглашений; определены организационные условия решения поставленных задач, в том числе путем повышения эффективности взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов. Следовательно, определены не только стратегические направления, но и конкретные действия, имеющие целью создать надлежащие условия для успешного пресечения, выявления, расследования, а также предупреждения антиконкурентных деяний. В этой связи повысилась актуальность исследования возможностей мер уголовно-правового характера противодействовать данным посягательствам на экономику.

Представление об уголовно-правовом воздействии на экономику, в том числе в связи с необходимостью охраны добросовестной конкуренции, нашло свое отражение в принятом в 1996 г. Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ), глава 22 которого заложила основу для становления и дальнейшего совершенствования соответствующего правового механизма. С течением времени все очевиднее проявляется необходимость в качественной регламентации уголовной ответственности за экономические преступления. Проблема уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию, является ярким тому примером. На фоне принятия важных политических решений о необходимости противодействия антиконкурентным деяниям, в большом количестве выявляемых антимонопольным органом, действующий УК РФ не содержит четкой и понятной системы преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию, а наиболее опасное из этих преступлений – картель – отнесено к категории преступлений небольшой тяжести; редакция единственной статьи УК РФ, содержащей описание преступления, прямо посягающего на добросовестную конкуренцию (ст. 178), претерпевала частые изменения, которые не приносили и не приносят ожидаемого результата, в связи с чем в течении длительного времени статистика фиксирует низкий уровень привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Существующие указанные и другие проблемы связаны со всеми направлениями уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной

конкуренции. Дискуссионные вопросы о необходимости и целесообразности защиты конкуренции, криминализация деяний, направленных против конкуренции, критерии их систематизации, вопросы пенализации, дифференциации ответственности за их совершение, применения правил законодательной техники, основанные на необходимости поиска баланса защиты частных и публичных интересов в процессе выработки и реализации уголовно-правовых средств и менее репрессивных правовых мер, представляются в свете изложенного весьма актуальными проблемами, решение которых имеет важное уголовно-правовое, экономическое, политическое и социальное значение.

Ответы на данные вопросы могут быть основой для вывода о значимости уголовно-правовой политики в сфере защиты добросовестной конкуренции, ее роли как самостоятельного направления уголовной политики, а следовательно, о целесообразности применения политико-правовых мер государства по охране конкуренции.

Степень разработанности темы. Как тема исследования в целом, так и ее отдельные направления являются актуальными для научных исследований. Существуют труды дореволюционного и современного периода, посвященные защите конкуренции.

Особенность темы исследования, обусловленная многозначностью конкуренции как экономического института, вызвала необходимость использовать разные сферы научных знаний в целях понимания конкуренции как объекта уголовно-правовой охраны. Анализ понятий конкуренции, монополистической деятельности в целом и картелей в частности, их роли в экономике осуществлялся в первую очередь на основе исследований представителей экономической науки (С.Б. Авдашевой, Л.С. Архиповой, Г.Ю. Гагариной, К.С. Дегтярева, И.В. Князевой, С.В. Кравцевича, Р. Коуза, М. Портера, Н.М. Розановой, Ю.Б. Рубина, А.Е. Шаститко, и др.), исследований в области конкурентного, административного, гражданского права, отраженных в работах дореволюционного периода А.В. Венедиктова, В.А. Гольденберга, А.И. Каминки, А.Ф. Федорова, Г.Ф. Шершеневича, В.Н. Шретера, а также современных исследователей А.Н.

Варламовой, М.А. Егоровой, В.И. Еременко, А.Ю, Кинева, С.А. Паращука, К.А. Писенко, К.Ю. Тотьева и др.

Вопросы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, проблемы их квалификации являются довольно частым предметом научных исследований в уголовном праве. Концептуальные научные труды в данной сфере, взятые за основу в исследовании заявленной темы, были представлены А.А. Аслахановым, Б.В. Волженкиным, Л.Д. Гаухманом, А.Э. Жалинским, М.Г. Жилкиным, И.А. Клепицким, А.Г. Корчагиным, Л.Л. Кругликовым, А.П. Кузнецовым, Н.Ф. Кузнецовой, И.И. Кучеровым, В.Ф. Лапшиным, Н.А. Лопашенко, С.Ф. Мазур, С.В. Максимовым, П.Н. Панченко, Т.В. Пинкевич, Ю.Е. Пудовочкиным, А.И. Рарогом, И.М. Середой, И.Н. Соловьёвым, М.В. Талан, Ю.В. Трунцевским, В.И. Тюниным, С.И. Улезько, Т.Д, Устиновой, В.А. Широковым, И.В. Шишко, П.С. Яни и др.

Исследование теоретических основ понимания уголовной политики, уголовно-правовой политики было проведено на основе работ Н.А. Беляева, А.Э. Жалинского, А.И. Коробеева, А.П. Кузнецова, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, П.Н. Панченко, А.И. Рарога, Т.Р. Сабитова и др.

Общие положения криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации уголовной ответственности, составившие основу данного исследования, изложены в научных трудах П.С. Дагеля, А.Э. Жалинского, М.Г. Жилкина, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Н.А. Лопашенко, Л.М. Прокументова, Е.В. Роговой, Т.Р. Сабитова, В.М. Степашина и др.

Изучение вопросов законодательной техники, предложения по ее совершенствованию при конструировании составов преступлений против добросовестной конкуренции были основаны на работах В.К. Бабаева, И.Н. Боковой, С.Н. Болдырева, М.И. Гешелина, А.В. Иванчина, В.Ф. Лапшина, И. В. Лозинского, Ф.А. Мусаева, К.К. Панько, Е.Е. Пухтий, Я.И. Семенова, Ю.А. Тимошенко, Ю.А.Тихомирова, и др.

Непосредственно уголовно-правовой защите добросовестной конкуренции посвящен ряд диссертационных исследований: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук М.Х. Хакулова «Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности» (2009); а также следующие диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Ю. Г. Бабаевой «Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции с использованием служебного положения» (2007); И.В. Бацина «Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование» (2017); А.Н. Бойцова «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции по уголовному праву России» (2005); А.В. Денисовой «Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации» (2006); О.Е. Деревягиной «Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты» (2021); Р.А. Жабагинова «Уголовная ответственность за ограничение конкуренции» (2021); В.Т. Корниенко «Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке» (2004); Д.Б. Лаптева «Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции» (2016); П.Н. Репина «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции : уголовно-правовая характеристика (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области)» (2007); И.В. Серебруева «Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика» (2016); Ю.Г. Следь «Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции» (2007); А.Ю. Улезько «Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции» (2004); К.М. Хутова «Преступный монополизм : уголовно-политическое и криминологическое исследование» (2006).

Отдельные аспекты уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции были исследованы в рамках научных трудов по темам уголовно-правовой защиты объектов интеллектуальной собственности и деловой репутации, подготовленных М.Ю. Бондаревым «Уголовно-правовая охрана интеллектуальных

прав» (2008), М.В. Воцинским «Уголовно-правовые меры противодействия нарушению авторского и смежных прав» (2005); И.А. Головизиной «Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения» (2008); Е.В. Демьяненко «Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака» (2003); Е.А. Емельяновой «Правовые последствия манипулирования информацией на рынках» (2013); Р.Б. Иванченко «Уголовно-правовая защита коммерческой, налоговой и банковской тайны» (2003); С.В. Карташовым «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (2019); И.К. Кузьминой «Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» (2010); М.С. Ласточкиной «Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции» (2010); Е.А. Лысак «Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству» (2012); С.С. Омельченко «Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления» (2008); Р.В. Притулиным «Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: проблемы теории и практики» (2010); Е.В. Толстой «Посягательства на авторские и смежные права в российском сегменте сети Интернет: уголовно-правовая характеристика» (2011); Ю.В. Толченовой «Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав» (2010); И.И. Харитоновым «Уголовная ответственность за клевету» (2015); К.А. Шахманаевым «Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности» (2006); А.В. Шульгой «Предмет и объект преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества» (2008) и др.

Изучение проблем противодействия преступлениям против добросовестной конкуренции, совершенных должностными лицами органов власти или местного самоуправления, осуществлялось на основе работ М.Г. Леонова «Уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» (2009); Е.А. Рудовер «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности : уголовно-правовой и криминологический

аспекты» (2004); Р.А. Сорочкина «Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления» (2021) и др.

Высоко оценивая внесенный указанными учеными вклад в раскрытие темы противодействия экономической преступности в целом и преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию, в частности, следует отметить, что заявленная тема еще не была предметом изучения. До настоящего времени не исследован вопрос уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции как самостоятельного направления государственной политики, имеющего свой объект, предмет, цели, задачи, принципы. Не исследованы многие вопросы криминализации деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, как системы таких преступлений, основанных на запретах антимонопольного законодательства. Нуждаются в осмыслении вопросы пенализации, дифференциации уголовной ответственности, включая межотраслевую дифференциацию, средства дифференциации. Остаются актуальными вопросы конструирования составов преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию.

Объектом настоящего исследования выступает часть социальной действительности – посягательства на добросовестную конкуренцию и уголовно-правовое противодействие им.

Предметом исследования являются присущие названному объекту закономерности и противоречия, получившие выражение в законодательной и правоприменительной деятельности в сфере охраны конкуренции, а также в положениях уголовно-правовой доктрины. А именно: международные акты, отечественное и зарубежное уголовное и антимонопольное (антикартельное, конкурентное) законодательство, административные, гражданские, уголовно-процессуальные правовые нормы, акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, данные официальной статистики, материалы судебной, следственной, антимонопольной практики, социологических опросов, теоретические разработки разных ученых, диссертации, научные публикации по теме исследования.

Целью диссертационного исследования является разработка концепции противодействия преступлениям против добросовестной конкуренции на основе научно обоснованных предложений о понятии, правовых основах и направлениях уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции.

Для достижения указанной цели был поставлен ряд задач:

а) определить понятие и ценность конкуренции, раскрыть содержание конкуренции как объекта уголовно-правовой охраны, установить ее место в перечне объектов, перечисленных в ст. 2 УК РФ;

б) выявить системные критерии классификации преступлений против добросовестной конкуренции с учетом запретов, содержащихся в специальном законе – ФЗ «О защите конкуренции», определить группу преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию, ее групповой (видовой) объект;

в) исследовать отечественный опыт становления и развития уголовного и антимонопольного законодательства, нормы которого содержали основания ответственности за посягательства на конкуренцию; выявить проблемы их применения;

г) изучить международный опыт охраны конкуренции, текущее состояние и направления развития международных правовых основ в сфере уголовно-правовой охраны конкуренции, исследовать законодательство и правоприменение в иностранных государствах для проведения сравнительного анализа и определения общих тенденций в уголовно-правовой охране конкуренции;

д) обозначить основы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции в Российской Федерации, ее современное состояние, определить ее правовые формы, объект, предмет, методы, способы, принципы, цели и задачи; сформулировать концепцию уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции;

е) определить сферы взаимного влияния уголовно-правовой политики и антимонопольной политики в сфере охраны конкуренции, изучив статистические данные Федеральной антимонопольной службы России, динамику роста и снижения количества нарушений антимонопольного законодательства в их

соотношении с изменениями ФЗ «О защите конкуренции» и УК РФ, исследовав положения антимонопольного закона для выявления как позитивного, так и негативного характера его влияния на уголовно-правовую политику в сфере охраны добросовестной конкуренции;

ж) исследовать проблемы организационного и процессуального взаимодействия правоохранительных и антимонопольного органов при выявлении и расследовании преступлений против добросовестной конкуренции, включая установление признаков состава преступления, определить сферы законодательства, требующие внесения изменений;

з) в целях обоснования необходимости криминализации деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, определить критерии криминализации деяний, исследовать с учетом экономического подхода общественную опасность посягательств на добросовестную конкуренцию, изучить соотношение предложенных в науке принципов криминализации с современным состоянием криминализации деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, уровнем преступности в данной сфере, а также статистическими данными о деятельности антимонопольного органа по фактам нарушения антимонопольного законодательства; исследовать современное состояние криминализации деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, в соотношении с запретами, фигурирующими в ФЗ «О защите конкуренции»;

и) изучить законодательную технику, ее элементы, выявить недостатки законодательной техники при конструировании составов преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию, предложить пути их устранения;

к) раскрыть проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления против добросовестной конкуренции; провести анализ межотраслевой дифференциации, выявив проблемы соотношения сфер уголовной и административной ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию; исследовать средства дифференциации, состояние квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков, санкций, оснований освобождения от уголовной ответственности за картель, изучить связанные со

средствами дифференциации ответственности вопросы правоприменения; предложить варианты устранения выявленных недостатков.

Методологическую основу, с помощью которой был изучен предмет исследования, составили положения учения о материалистической диалектике, а также системный подход, который позволил оценить группу преступлений против добросовестной конкуренции как самодетерминирующееся и развивающееся правовое явление, а также определить уголовно-правовую политику в сфере защиты конкуренции как самостоятельное направление государственной деятельности.

Методы настоящего исследования представлены общенаучными и частнонаучными методами. Среди общенаучных методов - дедукция и индукция, анализ и синтез, абстрагирование, системный анализ, формально-догматический способ познания, в качестве частных были применены формально-юридический, сравнительно-правовой, лингвистический, историко-правовой, конкретно-социологический. Метод системного анализа, логический, сравнительный и формально-догматический методы позволили изучить понятие конкуренции. Принцип детерминизма продемонстрировал взаимосвязь экономических явлений – конкуренции и монополии, противодействие конкуренции как нежелательному элементу, который является основополагающим для существования рыночной экономики, что в целом определяет развитие общества. На основе этих же методов исследованы правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции. Для изучения вопросов классификации и систематизации преступлений против добросовестной конкуренции был использован метод классификации. С применением историко-правового метода исследован генезис отечественного уголовного законодательства, предусматривавшего ответственность за посягательства на добросовестную конкуренцию. Уголовное законодательство и правоприменение зарубежных стран, международные акты в сфере охраны конкуренции изучены с помощью совокупности логического и сравнительного метода. Современное состояние уголовного законодательства об ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию,

вопросы их криминализации и пенализации были проанализированы при помощи логического метода и метода контент-анализа. Выработка предложений и рекомендаций практического характера в сфере противодействия преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию, была осуществлена с применением методов системного анализа, дедукции и правового прогнозирования, принципа единства теории и практики, моделирования.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые представлено комплексное, актуальное в современных условиях, решение проблем противодействия преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию, основанное на предложенной концепции уголовно-правовой политики в сфере ее охраны, учитывающей правовые, экономически предопределенные, организационные и процессуальные вопросы, а также специальные запреты, содержащиеся в ФЗ «О защите конкуренции», сделаны предложения практического характера.

В частности, научной новизной обладают:

- понятие конкуренции как объекта уголовно-правовой охраны,
- выделение группы преступлений против добросовестной конкуренции, определение ее внутренней системы, построенной на основе запретов ФЗ «О защите конкуренции»,
- понятие, объект, предмет, метод, принципы, цели и задачи уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции,
- установленная взаимосвязь уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции и конкурентной политики,
- предложенные аспекты организационного и процессуального обеспечения противодействия преступлениям против добросовестной конкуренции,
- отражение принципов криминализации в системе преступлений против добросовестной конкуренции,
- анализ современного состояния криминализации деяний против добросовестной конкуренции, основанный на соотношении объективных и субъективных признаков их составов с запретами ФЗ «О защите конкуренции»,

- решение проблем конструирования составов преступлений против добросовестной конкуренции на основе предложенной в науке концепции,
- обоснование дифференциации ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию, предложенные новые средства дифференциации,
- предложение о формулировании концепции уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции.

В рамках одной научной работы еще не уделялось внимание детальному изучению отечественного и иностранного законодательства и правоприменения, международных актов, направленных на охрану конкуренции, вопросов криминализации, пенализации и дифференциации ответственности, исследованию дореволюционного опыта в обозначенной сфере, а также анализу изменений советского и постсоветского законодательства, актов, содержащих стратегические и иные меры, направленные на охрану конкуренции, системы преступлений выделяемой группы противоправных общественно опасных деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию.

Непосредственное выражение научная новизна находит в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Сделан вывод о признании добросовестной конкуренции (конкурентных правоотношений) объектом уголовно-правовой охраны в составе поименованных в ст. 2 УК РФ общих объектов в силу стабилизирующей функции, устанавливающей экономический и социальный порядок, которую конкуренция выполняет, являясь одной из экономических основ конституционного строя, закрепленных в Конституции РФ экономических прав и свобод, а также ее значения для национальной и экономической безопасности страны.

2. Обосновано, что в целях приведения уголовно-правовых норм в соответствие с требованиями экономической безопасности система преступлений против добросовестной конкуренции должна основываться на запретах, содержащихся в специализированном правовом акте – ФЗ «О защите конкуренции». В той или иной мере запреты указанного закона нашли свое воплощение в ст. 128¹, 146, 147, 169, 178, 180, 183, 185³, 185⁶, 200⁴, 285, 286 УК РФ,

которые и составили исследуемую группу преступлений. В группе преступлений против добросовестной конкуренции предложено выделять:

- а) монополистическую деятельность хозяйствующих субъектов (картель);
- б) недобросовестную конкуренцию в форме использования чужих прав на объекты интеллектуальной собственности, распространения ложных, неточных или искаженных сведений, введения в заблуждение, незаконного получения, использования, разглашения информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, совершения умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком;
- в) ограничивающую конкуренцию деятельность должностных лиц органов государственной власти или местного самоуправления в виде их индивидуальных действий и соглашений с хозяйствующими субъектами;
- г) антиконкурентные преступления, совершаемые на торгах работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок на торгах, включая соглашения, ограничивающие конкуренцию на торгах, заключаемые ими с хозяйствующими субъектами, а также соглашения на торгах, заключаемые хозяйствующими субъектами между собой и с должностными лицами органов государственной власти или местного самоуправления.

Предложено групповой объект рассматриваемой категории преступлений определять как добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанные на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности. А саму группу исследуемых преступлений определить как совокупность общественно опасных, противоправных, виновных и наказуемых деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанных на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности.

3. Разработана авторская концепция уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, которая строится на взаимосвязи уголовной, экономической, внешней политики государства.

Под самой уголовно-правовой политикой в сфере охраны добросовестной конкуренции предложено понимать закрепленное в правовых формах стратегическое направление правотворческой и правоприменительной деятельности государства в сфере охраны конкуренции, в рамках которого определяются цели, задачи, принципы, а также средства уголовно-правового воздействия на преступления, посягающие на добросовестные конкурентные отношения. Правовыми формами уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции следует признать: а) Конституцию РФ, ФЗ «О защите конкуренции», УК РФ, иные законы, содержащие общие и специальные положения о противодействии общественно опасным деяниям, посягающим на добросовестную конкуренцию; б) международно-правовые акты, посвященные вопросам международного сотрудничества в борьбе с посягательствами на добросовестную конкуренцию и признанные Российской Федерацией; в) указы Президента РФ, г) постановления Правительства РФ, д) документы ФАС программного характера, определяющие основные аспекты работы антимонопольного органа по противодействию посягательствам на добросовестную конкуренцию.

Определены объект, предмет, принципы, цели и задачи уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, которые впервые в науке были выделены и изучены как самостоятельные элементы.

Объект уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции предложено определять как группу общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения; предмет – деятельность соответствующих органов власти (законодательной, исполнительной и судебной), в результате которой осуществляется криминализация и декриминализация деяний против добросовестной конкуренции, их пенализация и депенализация, дифференциация уголовной ответственности.

Предложены следующие принципы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции:

а) принцип приоритета публичного интереса в защите добросовестной конкуренции как основы национальной безопасности страны,

б) принцип абсолютного запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции,

в) принцип запрета антиконкурентных действий должностных лиц органов власти или местного самоуправления,

г) принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий,

д) принцип эффективного сотрудничества антимонопольного и правоохранительных органов и координации их деятельности,

е) принцип определения преступности антиконкурентных деяний с учетом базовых запретов, установленных антимонопольным законодательством.

Цель уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции заключается в эффективном обеспечении конкурентного правопорядка посредством максимального снижения количества преступлений, совершаемых против конкуренции и в ее сфере.

Специальные задачи уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции определены в виде:

а) эффективной защиты добросовестной конкуренции и основанных на ней правомерных экономических публичных и частных интересов от преступных посягательств;

б) исчерпывающей и обоснованной криминализации антиконкурентных деяний;

в) принятия актов стратегического характера, предусматривающих программы противодействия антиконкурентным деяниям, включая недобросовестную конкуренцию;

г) повышения эффективности взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов.

4. Сделан вывод о том, что основы взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов как ключевой критерий эффективности уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции должны иметь закрепление в ФЗ «О защите конкуренции», Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Предложено внести изменения в указанные законы, связанные:

- с признанием материалов антимонопольного органа в качестве повода для возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к группе преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию (ст. 140 УПК РФ);

- с отнесением к подследственности Следственного комитета РФ всей группы преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию (ст. 151 УПК РФ);

- с привлечением к работе следственной группы должностных лиц компетентных органов, осуществляющих функции контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации (ст. 163 УПК РФ);

- с наделением антимонопольного органа полномочиями обращаться с запросом в правоохранительные органы о проведении оперативно-розыскных мероприятий и получать их результаты, информировать правоохранительные органы о выявленных фактах нарушений ст. 11, 14.1-14.8, 15, 16, 17 ФЗ «О защите конкуренции», имеющих признаки преступлений, проводить по запросам правоохранительных органов экспертизы, давать заключения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции, предоставлять аналитическую информацию о состоянии конкуренции на товарных рынках, по запросам правоохранительных органов направлять в качестве экспертов работников антимонопольного органа для участия в процессуальных действиях и мероприятиях по расследованию нарушений законодательства РФ в сфере защиты конкуренции (ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»);

- с направлением органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, результатов оперативно-розыскной деятельности в

антимонопольный орган для использования в своей деятельности (ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

5. На основе экономического подхода доказана необходимость отражения принципа достаточной для введения уголовного запрета общественной опасности антиконкурентных деяний в процессе их криминализации. При этом установлено, что уровень общественной опасности монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и антиконкурентной деятельности органов государственной власти или местного самоуправления является относительно одинаковым, что дает основания заявлять о потенциально равнозначных высоких рисках этих преступлений для экономики страны как подрывающих ее экономическую безопасность, следовательно, и об одинаковых подходах к противодействию им.

6. Сделан вывод о методике построения состава антиконкурентного преступления, основанной на специфических признаках, характеризующих деяние как антиконкурентное: а) объект преступления - добросовестные конкурентные отношения; б) предмет преступления в форме недобросовестной конкуренции – конкурентное преимущество в виде прав на объекты интеллектуальной собственности, охраняемой информации, инсайдерской информации, деловой репутации, добросовестное обладание которыми используется в конкуренции; в) объективная сторона выражена: в нарушениях запретов ФЗ «О защите конкуренции» в виде монополистической деятельности хозяйствующих субъектов (картель); в недобросовестной конкуренции в форме использования чужих прав на объекты интеллектуальной собственности, распространения ложных, неточных или искаженных сведений, введения в заблуждение, незаконного использования, в том числе разглашения информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, либо совершения умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком; в ограничивающей конкуренцию деятельности должностных лиц органов власти или местного самоуправления в виде их индивидуальных действий и соглашений с

хозяйствующими субъектами; в антиконкурентных преступлениях, совершаемых на торгах работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок на торгах, включая соглашения, ограничивающие конкуренцию на торгах, а также соглашений на торгах, заключаемых хозяйствующими субъектами между собой и с должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления; г) специальный субъект преступления – хозяйствующий субъект, характеристика которого дана в ФЗ «О защите конкуренции», а также определена Федеральным законом «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом «Об организованных торгах», Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; д) вина в форме прямого или косвенного умысла, волевой и интеллектуальный моменты которого направлены на ограничение конкуренции.

7. Определены предпосылки и обоснована целесообразность криминализации видов ограничивающих конкуренцию соглашений, а также уточнены признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Так, к признакам объективной стороны данного преступления следует отнести (помимо заключения ограничивающего конкуренцию соглашения) также признак «участие в его реализации», ибо причинение вреда конкуренции, равно как и наступление описанных в действующей редакции ст. 178 УК РФ иных последствий преступления, невозможно без непосредственно участия в реализации условий антиконкурентного соглашения.

Доказана необходимость разделять ограничивающие конкуренцию соглашения на классический картель и сговоры на торгах, предусмотрев признаки их составов в разных статьях гл. 22 УК РФ. Сговоры на торгах отличаются от других ограничивающих конкуренцию соглашений по способам ограничения конкуренции, которые характеризуются обманом или введением в заблуждение организатора торгов, заказчика торгов либо собственника имущества. При этом

сговоры на торгах могут быть с участием: а) исключительно хозяйствующих субъектов, б) хозяйствующих субъектов с должностными лицами органов государственной власти или местного самоуправления, а также с работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Выдвинут довод в пользу самостоятельной криминализации ограничивающего конкуренцию соглашения, заключаемого между хозяйствующими субъектами и должностным лицом органа государственной власти или местного самоуправления. Вывод основан на суждении о недопустимости отсутствия уголовной ответственности за такое соглашение при наличии его запрета в ФЗ «О защите конкуренции». Существующая практика, основанная на привлечении только должностного лица за сговор с хозяйствующими субъектами по ст. 285 или 286 УК РФ, фактически допускает такой сговор со стороны хозяйствующих субъектов, которые не привлекаются к уголовной ответственности за данное деяние, а также не учитывает специфики такого преступления как посягающего на два охраняемых объекта.

8. Аргументирована целесообразность формализации составов антиконкурентных преступлений, так как материальные признаки объективной стороны деяний, во-первых, не отражают уровень свойственной им относительно одинаковой общественной опасности, которая представляет угрозу экономической безопасности страны; во-вторых, страдают существенными недостатками, противоречащими правилам законодательной техники; в-третьих, установление материальных признаков в виде ущерба затруднительно или невозможно. Возникающую при формализации составов преступлений рассматриваемой группы конкуренцию с составами административных правонарушений следует преодолевать по признаку субъекта ответственности. В этой связи целесообразно субъектом административной ответственности признать только организацию,

субъектом уголовной – физическое лицо, обладающее признаками специального субъекта.

9. Обоснована необходимость криминализации дискредитации как антиконкурентного деяния, направленного на причинение вреда деловой репутации индивидуального предпринимателя, в том числе путем распространения порочащих ее сведений, если они касаются учрежденной или возглавляемой им организации, или организации как хозяйствующего субъекта. В целях унификации критериев уголовно-правовой охраны деловой репутации индивидуального предпринимателя и организации предлагается самостоятельный состав преступления «Дискредитация», описание признаков которого следует включить в новую ст. 180¹ УК РФ «Дискредитация».

10. Доказана целесообразность объединения признаков преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и 180 УК РФ, в одном составе как деяний, характеризующихся общим элементом правовой охраны – объектами интеллектуальной собственности, а также одинаковыми признаками объективной стороны, выраженной в незаконном использовании прав на них, имеющей экономическую направленность. В этой связи ст. 146 и 147 предложено исключить из УК РФ, а объединение признаков осуществить на основе состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.

11. Предложены новые конститутивные признаки, актуальность которых связана с устранением препятствий в криминализации незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, а также имеет важное значение для дифференциации ответственности за их совершение лицами, не являющимися субъектами предпринимательской деятельности. В этой связи предложены два формально-материальных объективных признака – «деяние, совершенное в коммерческом масштабе» и «деяние, совершенное в целях недобросовестной конкуренции».

Под деянием, совершенным в коммерческом масштабе, предлагается понимать производство контрафактной продукции, основанное на механизации и автоматизации процесса, ориентированном на массовое изготовление

контрафактных товаров и реализацию таких товаров, а равно реализацию товаров, изготовленных таким путем, направленные на систематическое получение прибыли. Массовое изготовление, массовая реализация – изготовление, реализация для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

Деянием, совершенным в целях недобросовестной конкуренции, предлагается считать деяние, совершенное в целях получения преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности посредством незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, инсайдерской информации, распространения ложных, неточных или искаженных сведений о лице, его деятельности или товаре.

Перечисленные признаки предложено включить в обновленную редакцию ст. 180, ч. 3 ст. 183, новую ст. 180¹, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ, а их описание предусмотреть в примечании к ст. 180 УК РФ.

12. Обосновано, что в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака составов преступлений, предусмотренных ст. 178, 146, 147, 178, 180 и 183 УК РФ, следует признать совершение деяний лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, определение которого содержится в примечании к ст. 201 УК РФ.

13. Предложено незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, распространение ложных, неточных или искаженных сведений, распространение охраняемой информации в сети Интернет и средствах массовой информации признать квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренных обновленными редакциями ст. 180, 183, 185³ УК РФ, а также предложенной к включению в УК РФ ст. 180¹, как деяния, обладающего повышенным уровнем общественной опасности.

При этом деяние, предусмотренное ч. 1 обновленной ст. 180 УК РФ, совершенное в коммерческом масштабе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, предлагается понимать как деяние, выразившееся в незаконном размещении объектов интеллектуальной

собственности в сети Интернет или средствах массовой информации и допущении их использования неопределенным кругом лиц, направленное на систематическое получение прибыли, в том числе от размещения рекламы на сайте (странице) лица.

14. Предложен авторский подход к определению видов наказаний за совершение преступлений против добросовестной конкуренции и их размеров, основанный на отнесении основных составов всех антиконкурентных преступлений к категории преступлений средней тяжести, уменьшении количества альтернативных санкций, увеличении размеров штрафов и определении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного или дополнительного наказания для всех видов антиконкурентных преступлений, установлении минимальных пороговых значений всех видов наказаний в отношении деяний, имеющих квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки.

Приведены доводы в пользу того, что при определении критериев наказания за ограничивающие конкуренцию соглашения на торгах следует ориентироваться на санкции, установленные за квалифицированное мошенничество (ст. 159 УК РФ) и за злоупотребления в сфере закупок (ст. 200⁴ УК РФ), как преступления, признаки которых имеют общую с указанными деяниями природу. В этой связи за основной состав сговора на торгах (как и за мошеннические действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору) наказание в виде лишения свободы должно составлять до 5 лет; за сговор на торгах, совершенный работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также должностным лицом, – до 7 лет.

15. Сделан вывод о целесообразности распространения института конфискации на преступления, предусмотренные ст. 178, 180, 185³, 185⁶ УК РФ;

предложено дополнить ими перечень преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ.

16. Обоснована необходимость совершенствования уголовно-правового механизма освобождения от уголовной ответственности по некоторым основаниям или ее смягчения. Во-первых, данный вывод распространяется на правила освобождения от уголовной ответственности лица, первым сообщившим правоохранительным органам о совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ; предлагается также дифференцировать ответственность лиц, заявивших о преступлении во вторую и третью очередь. В целях упрощения применения примечания к ст. 178 УК РФ, предусматривающего основания освобождения от ответственности, следует признать возможным возмещение ущерба юридическим лицом – участником картеля, чьим представителем (работником) является обвиняемое в совершении преступления физическое лицо. При этом предлагается закрепить в примечании к ст. 178 УК РФ правило о возможности быть освобожденным от уголовной ответственности за картель лишь один раз, а также запрет на освобождение от ответственности организатора преступления и лица, допустившего принуждение иных лиц к его совершению. Лица, сообщившие о преступлении во вторую или третью очередь, должны иметь право на смягчение наказания последовательно, в зависимости от очередности обращения, в соответствии со ст. 64 УК РФ.

Во-вторых, представляется рациональным в целях дифференциации ответственности при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 178, 185³ и 185⁶ УК РФ, учитывать особые экономические условия, сопутствовавшие совершению преступлений. Экономический кризис может иметь признаки такой опасности, при наличии которой лицо будет действовать в состоянии, близком к крайней необходимости. Данное обстоятельство есть резон учитывать при решении вопроса об уголовной ответственности за указанные преступления либо при назначении наказания согласно ст. 64 УК РФ.

Во-третьих, установлено, что экономические последствия картеля могут иметь позитивный характер для товарного рынка, что может свидетельствовать об

отсутствии общественной опасности деяния как таковой или ее малозначительности, что исключает идентификацию деяния как преступления. В случае же превышения негативных последствий картеля над позитивными, последние должны учитываться при назначении наказания в качестве смягчающих обстоятельств в соответствии со ст. 61 или иных, перечисленных в ст. 64 УК РФ.

Отдельные положения, выносимые на защиту, сформулированы в виде предложений об изменении УК РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федеральных законов – «О защите конкуренции», «Об оперативно-розыскной деятельности», постановлений Пленума Верховного Суда РФ - постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» (см. приложения 2-7).

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в расширении представления об основах уголовно-правовой политики, конкуренции как об объекте уголовно-правовой охраны и ответственности за посягательства на нее. В диссертации предложено решение научной проблемы формулирования и понимания уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, классификации и систематизации преступлений против добросовестной конкуренции, обоснована криминализация этих деяний и дифференциация ответственности за их совершение. Полученные выводы и предложения могут составить теоретическую основу для других исследований как в уголовном праве, так и смежных отраслях.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что полученные выводы и предложения могут быть реализованы в правотворческой и правоприменительной деятельности, в частности при подготовке законопроектов об изменении действующего законодательства, проектов актов программного значения по охране конкуренции, постановлений Пленума Верховного Суда РФ,

при выявлении и расследовании посягательств против добросовестной конкуренции, а также в образовательном процессе учреждений высшего и специального профессионального образования и при повышении квалификации сотрудников правоохранительных, антимонопольного и иных органов и организаций.

Степень достоверности результатов исследования. Настоящая работа выполнена на кафедре уголовного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Нормативная основа исследования включает в себя Конституцию РФ, УК РФ, ФЗ «О защите конкуренции», Кодекс РФ об административных правонарушениях, Гражданский кодекс РФ, иные нормативные акты РФ, являющиеся источниками конкурентного, административного, гражданского и иных отраслей российской системы права, международного права, источники зарубежного уголовного и иного законодательства, акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Теоретическая база исследования представлена научными трудами по уголовному, конкурентному, административному праву, экономической теории, философии, социологии. При подготовке диссертационной работы особый акцент сделан на труды Н.А. Беляева, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, А.Э. Жалинского, М.Г. Жилкина, А.В. Иванчина, Н.Г. Кадникова, И.А. Клепицкого, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, А.П. Кузнецова, В.Ф. Лапшина, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимова, П.Н. Панченко, К.К. Панько, Т.Д. Устиновой, Л.М. Прокументова, А.И. Рарога, Е.В. Роговой, Т.Р. Сабитова, И.Н. Соловьёва, М.В. Талан, В.И. Тюнина и др.

Эмпирическая база исследования состоит из материалов более 2000 приговоров, вынесенных судами за период с 2009 по 2023 гг. на территории Российской Федерации, официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии преступности за период с 2009 по 2023 гг., официальных статистических данных Федеральной антимонопольной службы России о количестве нарушений ФЗ «О защите конкуренции» за период с

2006 по 2022 гг., 250 дел об административных правонарушениях, расследованных ФАС по признакам нарушения ФЗ «О защите конкуренции» за период с 2009 по 2022 гг., а также результатов эмпирических исследований других авторов.

В процессе исследования было проведено анкетирование 144 сотрудников антимонопольного органа и 310 сотрудников правоохранительных органов (Министерства внутренних дел РФ, Следственного комитета РФ) Вологодской области, Иркутской области, Липецкой области, г. Москвы, Мурманской области, Новосибирской области, Приморского края, Псковской области, Свердловской области, Смоленской области, Ставропольского края, Томской области, Хабаровского края, Чувашской Республики.

При исследовании, а также при формулировании выводов и предложений учитывался личный опыт работы в качестве специалиста по материалам проверок, проводимых управлением экономической безопасности и противодействия коррупции УМДВ России по Приморскому краю и СЧ СУ УМВД России по г. Владивостоку.

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования были изложены автором на следующих мероприятиях:

«Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе: международная практическая конференция (Хабаровск, Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 17-18 мая 2007 г.)»; «Актуальные проблемы юридических наук, профессиональной подготовки и правоприменения: международная научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровская государственная академия экономики и права, 16-17 марта 2007 г.)»; «Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: Всероссийская научно-практическая конференция (Хабаровск, Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 16 ноября 2012 г.)»; «20 лет Конституции Российской Федерации: практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства: научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровская государственная академия экономики и права, 28 ноября 2013 г.)»; «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XIII международной научно-

практической конференции (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 28-29 января 2016 г.); «Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: 2 Всероссийская научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровский государственный университет, 30 марта 2017 г.); «Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании: IV Московский юридический форум, XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 6-8 апреля 2017 г.); «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 21-23 ноября 2018); «Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: III Всероссийская научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровский государственный университет экономики и права, 20 апреля 2018 г.); «Противодействие коррупции: проблемы и перспективы: Научно-практическая конференция в рамках IV Тихоокеанского юридического форума «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанской регионе» (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2-4 октября 2018 г.); «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства: Региональная научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровский государственный университет экономики и права, 25 января 2019); «Дальневосточные юридические научные чтения: Научно-практическая конференция (Хабаровск, Хабаровский государственный университет экономики и права, 1 октября 2019 г.); «Киберпреступность в России и мире: новые вызовы и угрозы» при поддержке Центра киберправа Университета Корё: Международная конференция в рамках V Тихоокеанского юридического форума «Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы» (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 3-4 октября 2019 г.);

«Московский юридический форум онлайн – 2020 (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, апрель 2020 г.)»; «X Дагелевские чтения. Уголовная политика России: взгляд из прошлого в будущее: Региональная научно-практическая конференция (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 26 декабря 2019 г.)»; «АмурКон 2020: Международная научная конференция (Биробиджан, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 15 декабря 2020 г.)»; «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: XVIII Международная научно-практическая конференция (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 25-26 января 2021 г.)»; «XI Дагелевские чтения. Уголовное право в эпоху глобальных потрясений: Всероссийская научно-практическая конференция (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 17 декабря 2020 г.)»; «XII Дагелевские чтения. Уголовное право в поисках ответов на вызовы XXI века: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 24 декабря 2021 г.)»; «XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от Русской Правды до наших дней: Всероссийская научно-практическая конференция (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 17 декабря 2022 г.)»; «Преступность в России и мире борьба с ней в условиях глобального кризиса: международная научно-практическая конференция в рамках VII Тихоокеанского юридического форума «Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации» (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 13–15 октября 2023 г.)»; «XIV Дагелевские чтения. Уголовно-правовая политика современной России: векторы развития: Всероссийская научно-практическая конференция (Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 25 декабря, 2023 г.)».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Работа соответствует специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), направления исследования: 1. Уголовно-правовые науки

(уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, судебная экспертология, оперативно-розыскная деятельность); 2. Уголовная политика: ее цели, задачи, формы, содержание, средства и меры. 3. Теория уголовного права: задачи, функции, источники уголовного права; уголовно-правовое регулирование, его предмет и методы; преступление, уголовная ответственность, наказание и иные меры уголовно-правового характера; институты уголовного права; применение уголовного права; социальная обусловленность и эффективность уголовного права, закономерности и тенденции его развития и совершенствования; 4. Теория криминологии, преступность, ее криминологические параметры; личность преступника, детерминанты преступности, ее отдельных видов и преступлений; криминологический механизм преступления; виктимология. Система предупреждения преступности и ее отдельных видов. Мировая практика социально-правового контроля над преступностью; 5. Теория уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальное законодательство, закономерности и тенденции развития и совершенствования уголовного судопроизводства, содержание и формы реализации, уголовно-процессуальные институты и функции; стадии уголовного процесса, уголовно-процессуальное производство, его участники, уголовное преследование, обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, доказательственное право, процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль; 6. Теория оперативно-розыскной деятельности, становление, состояние и тенденции развития, структура и функции. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности. Субъекты и участники оперативно-розыскной деятельности. Задачи, методы, мероприятия, средства и формы деятельности уполномоченных субъектов. Контроль и прокурорский надзор; 7. Правоохранительные органы в сфере борьбы с преступностью: система, виды, функции, правовое регулирование и координация деятельности. Международное сотрудничество; 8. Уголовно-правовые науки в зарубежных странах.

ГЛАВА 1 КОНКУРЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

§ 1 Понятие и содержание конкуренции как объекта уголовно-правовой охраны

Уголовно-правовая охрана конкуренции в Российской Федерации не является новым трендом государственной политики, хотя ее современные стратегические направления в сфере охраны конкуренции определены лишь недавно. Несмотря на то, что УК РФ содержит основания уголовной ответственности за посягательства на конкуренцию с 1996 г., объект охраны остается до конца не изученным явлением, вызывая многочисленные дискуссии о том, что представляет собой конкуренция и есть ли необходимость ее защищать.

Проведенный анализ конкуренции как экономического, социального, психологического и философского явления⁴ приводит к выводу о понимании конкуренции как необходимого, желательного и нежелательного для хозяйствующих субъектов элемента рыночной экономики, основанного на противостоянии и взаимодействии (объединении), поддерживаемого правовыми и иными правилами, которые, упорядочивая связи между хозяйствующими субъектами, формируют профессиональную культуру отношений между ними, направленных не только на получение прибыли, но имеющих и социально ориентированные мотивы, что в конечном итоге приводит к стабильности экономического процесса, социальному порядку, обеспечивающему баланс интересов. Последнее в понимании значения конкуренции является еще и важным средством в достижении национально-государственных интересов, вследствие чего конкуренция имеет большое политическое значение, заключающееся в поддержании национальной безопасности страны.

Межотраслевой подход к изучению конкуренции также дает основания для

⁴ Даниловская А. В. Межотраслевой подход к исследованию понятия «конкуренция» // Российское конкурентное право и экономика. 2019. №4. С. 30-35.

выводов о причинах нарушения законодательства о защите конкуренции, в частности заключения хозяйствующими субъектами антиконкурентных соглашений, которые оказываются predetermined самой конкуренцией и вытекают из факторов не только чисто экономического характера, но и социальных, психологических, философских.

Свое понимание имеет термин «конкуренция» в праве. Официальная дефиниция конкуренции была сформулирована как в Законе РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», так существует и в действующем ФЗ «О защите конкуренции».

Конкуренция как явление исследуется в научной юридической литературе. В частности, встречаются следующие суждения о ней:

- в широком смысле конкуренцию рассматривают в качестве процесса соперничества (борьбы) хозяйствующих субъектов за преимущества на рынке с использованием различных методов, в узком смысле – как процесс соперничества на рынке между хозяйствующими субъектами (группами лиц) за достижение преимущества с целью получения наиболее выгодных условий сбыта товаров в пределах, установленных законом⁵;

- состязательность хозяйствующих субъектов за потребительский спрос на рынке, обусловленная факторами экономического, этического и правового характера, направленная на получение прибыли посредством использования приёмов и средств, определяемых как самими предпринимателями, так и государством, и зависящих в конечном счете от объективных процессов (функционирования капиталов и экономики в целом)⁶;

- принцип организации предпринимательской деятельности в российском и зарубежном законодательстве, содержание которого заключается в соперничестве между хозяйствующими субъектами за экономически более выгодную обстановку

⁵ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 39–40.

⁶ Парашук С. А. Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства ее пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 16.

производства, реализацию продукции и получение наивысшей прибыли при наличии условий экономического, юридического и этического характера⁷;

- естественное для рыночных условий состояние экономики, при котором с помощью установленных и защищаемых государством правил поведения хозяйствующие субъекты на паритетных началах соперничают в достижении лучшего результата хозяйствования на каком-либо рынке, исключая возможность каждого влиять в одностороннем порядке на общие условия хозяйствования на данном рынке⁸;

- регламентированное правом соперничество хозяйствующих субъектов в сфере экономической деятельности, осуществляемое с использованием разнообразных хозяйственных и интеллектуальных способов и средств, направленное на повышение эффективности производства и ведущее к качественному росту развития общественно-экономических отношений⁹.

Таким образом, понимание конкуренции как правового явления обусловлено многогранностью ее природы, вследствие чего четкая правовая дефиниция конкуренции весьма затруднительна, что и вызывает критику существующего в законе определения¹⁰.

Между тем анализ приведенных воззрений на конкуренцию позволяет сделать вывод о том, что так или иначе конкуренция определяется через взаимодействие хозяйствующих субъектов между собой. Иначе говоря, конкуренция может быть рассмотрена с помощью категорий «общественное отношение», «конкурентное отношение», в качестве отношений субъектов рынка по поводу реализации

⁷ Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 16.

⁸ Владимирова П. М. Правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

⁹ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 27; Даниловская А. В. Конкуренция как правовая категория // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2022. № 2 (109). С. 111-119.

¹⁰ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 38–39; Тотьев К. Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции): учебник. М. : РДЛ, 2000. С. 22; Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М. : Проспект, 2022. С. 637.

собственного экономического интереса и общества в целом, а также максимизации выгод каждого из них. Стоит отметить, что основы такого, ставшего традиционным подхода, были заложены еще экономистом А. Смитом¹¹.

В обобщенном смысле, если рассматривать конкуренцию как статичное явление, ее можно считать, во-первых, принципом предпринимательской деятельности, обусловленной множественностью субъектов, которые предлагают идентичные товары, во-вторых, потенциальным состоянием рынка, predetermined рыночной экономикой. Она представляет собой широкое понятие, порождающее самые разнообразные отношения, возникающие в связи с участием в ней, по поводу ее регулирования и поддержания со стороны государства, а также из-за необходимости обеспечивать ее защиту вследствие нарушений правил, установленных государством. С другой стороны, конкурентные отношения, порождаемые самой конкуренцией, могут возникать за рамками соперничества между хозяйствующими субъектами и охватывать иных субъектов, в этом соперничестве не участвующих, но зависимых от него или заинтересованных в нем (потребители, общество, государство).

Если же рассматривать конкуренцию с позиции процесса, как это принято в рамках некоторых экономических течений, то ею охватывается вся профессиональная деятельность хозяйствующих субъектов, состоящая из конкретных действий, сопровождающих предпринимательство, в которых реализуется право вести деятельность свободно, используя свои преимущества или без такового. Конкуренция – неотъемлемый элемент профессиональной деятельности хозяйствующего субъекта, приносящей ему доход, одно из ее направлений, «которое имеет столь же важное значение, как, например, создание, реинжиниринг или ликвидация бизнеса»¹².

Таким образом, конкурентные отношения возникают потому, что конкуренция предполагается в рыночной экономике как ее принцип, основа. В свою очередь

¹¹ Платонова Е. Д. Об общенаучных подходах к исследованию конкуренции и конкурентных отношений // Современная конкуренция. 2007. № 4 (4). С. 105.

¹² Рубин Ю. Б. Что такое конкуренция (введение в теорию конкурентного поведения) // Современная конкуренция. 2014. № 1 (43). С. 111.

конкурентные отношения – это лишь часть всего сложного экономического процесса, включающего в себя многочисленные акты поведения, возникающие в связи с необходимостью вести деятельность в условиях наличия множественности хозяйствующих субъектов с потенциально одинаковыми внешними условиями использования своих возможностей.

Как и сама конкуренция, конкурентные отношения могут быть регулируемые и нерегулируемые правом, а также добросовестными и недобросовестными. Соответственно целесообразно разделять конкурентные отношения и конкурентные правоотношения. В научной литературе природа конкурентных правоотношений раскрывается в разных аспектах, которые имеют как общий, так и специальный характер:

1) им свойственны воля, осознанность и самостоятельность; их субъекты – лица, осуществляющие или планирующие осуществлять экономическую деятельность в пределах одного товарного рынка (реальные и потенциальные конкуренты); в рамках конкурентных правоотношений реализуется право на конкуренцию¹³;

2) складываются по поводу ограниченных имущественных благ, могут быть как относительными, так и абсолютными¹⁴;

3) им присущи неcodифицированность, межотраслевой характер, сочетание частно-правовых и публично-правовых элементов¹⁵;

4) потребители и государство, не участвуя непосредственно в конкурентных отношениях (правоотношениях), оказывают решающее влияние на результат конкурентных действий хозяйствующих субъектов¹⁶.

Особенность участия в конкурентных отношениях потребителей позволяет сделать вывод о классификации конкурентных отношений на прямые (основные),

¹³ Серегин Д. И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 26, 29.

¹⁴ Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений. С. 48.

¹⁵ Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 41.

¹⁶ Парашук С. А. Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства ее пресечения. С. 17.

которые возникают исключительно между хозяйствующими субъектами-конкурентами, и косвенные (второстепенные), с участием потребителей. Потребители прямого воздействия на конкуренцию не оказывают, но участвуют в формировании условий конкуренции, повышая или понижая спрос на те или иные товары. В то же время необходимо учитывать ситуацию, при которой потребители могут конкурировать между собой за приобретение товара. Такие отношения относятся к основным, поскольку конкуренция между потребителями-хозяйствующими субъектами представляет собой вид конкурентных отношений, которые возникают в такой сфере экономики, как потребление.

Заинтересованность государства в конкуренции выражается посредством прямого правового регулирования конкурентных отношений в связи с разной по своей природе выгодой от конкуренции, характеризующей общественную ценность поведения участников товарных рынков и их итогов. Кроме этого, государство является участником конкурентных отношений, когда речь идет, например, об организации и проведении торгов, одним из принципов которых являются их конкурентные начала, предоставлении преференций отдельным хозяйствующим субъектам.

Таким образом, конкуренция как правоотношение основана на множественности субъектов экономической деятельности, прямо и косвенно взаимодействующих по поводу производства, обмена, потребления и распределения ограниченных имущественных благ, направленных на удовлетворение частных и публичных экономических интересов. Содержанием конкурентного правоотношения являются предусмотренные Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами права и обязанности субъектов экономической деятельности, вытекающие из условий их деятельности, основанной на таком принципе рыночной экономики, как эффективная конкуренция, включая право на конкуренцию, обязанность конкурировать добросовестно, а также обязанность государства создавать условия для конкуренции между хозяйствующими субъектами. Конкуренция как объект правоотношения представляет собой благо, способствующее справедливому

распределению материальных ресурсов в обществе. Значение конкуренции определяется через ее влияние на состояние экономики, возможность удовлетворять частные и публичные интересы.

Конкуренция как таковая не названа в качестве объекта охраны в ст. 2 УК РФ. Однако таким положение дел представляется лишь на первый взгляд, ибо норма указанной статьи имеет обобщающий характер.

Конкуренция, будучи сложным экономическим явлением, выступает одним из конституционных принципов, составляющих основы конституционного строя, а также подпадает под такую категорию конституционных общественно значимых целей, как защита прав и законных интересов других лиц, поскольку возможность ее неправомерного ограничения нарушает конституционно установленные экономические права и свободы других субъектов экономического оборота¹⁷. Данное суждение представляется верным с позиции значения конкуренции для экономических основ конституционного строя – она выступает незаменимым элементом и важной гарантией единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, свободы экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ), а также конституционного права гражданина на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности (п. 1 ст. 34 Конституции РФ).

Приоритетное направление государства в борьбе с картелями, определенное в Стратегии экономической безопасности РФ, ставит охрану конкуренции на первое место среди его задач в целях поддержания экономической безопасности страны и защиты национальных интересов, ключевым элементом которой выступает общественная безопасность как один из объектов уголовно-правовой охраны, названный в ст. 2 УК РФ.

Таким образом, конкуренция имеет непосредственное отношение к поименованным в ст. 2 УК РФ общим объектам охраны – правам и свободам

¹⁷ Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М. : Юстицинформ, 2010. С. 113.

человека и гражданина, общественной безопасности, конституционному строю Российской Федерации¹⁸.

Как объект охраны конкуренция выступает элементом общественных отношений, имеющих экономическую характеристику, а именно общественных отношений, складывающихся в сфере экономики, то есть в системе хозяйствования (как родовый объект), и общественных отношений, возникающих непосредственно по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров, работ и услуг (как видовой объект), защите которых посвящена гл. 22 УК РФ.

Бесспорно, ценность охраняемых общественных отношений предопределяет построение Особенной части УК РФ. Однако, несмотря на закреплённую в Конституции РФ важность конкуренции для экономики, а также предусмотренные ею запреты монополизации и недобросовестной конкуренции, анализ гл. 22 УК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии отражения этой концепции в ее структуре, да и в доктрине уголовно-правовой охраны конкуренции в целом. Данное утверждение основано на анализе ряда экономических и уголовно-правовых фактов.

Во-первых, лишь одна статья УК РФ – ст. 178 «Ограничение конкуренции» – прямо направлена на противодействие одному, как считается, из наиболее опасных видов посягательств на конкуренцию – картелям. Как таковых иных составов преступлений, прямо предусматривающих признаки каких-либо посягательств на конкуренцию, в Особенной части УК РФ нет, а те, которые могут быть применимы, расположены в разных главах Особенной части УК РФ и содержат весьма неупорядоченный набор признаков.

Во-вторых, в науке уголовного права существуют разные взгляды на выделение в самостоятельную группу преступлений, посягающих на конкуренцию. Среди сторонников этой идеи дискуссии вызывает то, какие именно составы к ней относить и что называть объектом их посягательства.

¹⁸ В науке есть и иные взгляды на проблему объема перечисленных в ст. УК РФ объектов охраны (см., напр.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. 1 – М. : Юрлитинформ, 2015. С. 239).

В-третьих, вопрос о необходимости защиты конкуренции является общенаучным и обусловлен природой конкуренции. В то же время в научных исследованиях проблем конкуренции отмечается, что значительная доля рассматриваемых антимонопольным органом дел связана с нарушениями, последствиями которых явилось ущемление интересов отдельных субъектов, а не ограничение на рынке конкуренции¹⁹, что расценивается как подмена защиты конкуренции защитой конкурентов²⁰; доказываемая, что законы о конкуренции должны защищать прежде всего конкуренцию²¹.

Вопрос об уголовно-правовой охране конкуренции находится на стыке с другими: имеется ли необходимость в ее охране вообще или охранять следует интересы участников экономической деятельности? Если ответ утвердительный, то какие именно интересы? Последний вопрос отнюдь не теоретический. Так, на одной из научных конференций начальник Следственного департамента МВД РФ, обращая внимание присутствующих на уголовно-правовой аспект конкуренции в бизнесе, отметил отсутствие комплексного понимания защищаемых интересов, результатом чего является недостаточная следственная и судебная практика по таким делам²².

Конкуренция, конкурентные отношения, безусловно, возникают в сфере экономической деятельности, однако эта сфера чрезвычайно разнообразна для того, чтобы можно было говорить о свойственности признака конкуренции всем ее направлениям. Также неоспоримо то, что конкуренция возникает по поводу производства, распределения, обмена и потребления, которые образуют суть экономической деятельности²³. Но конкуренция является признаком экономической деятельности лишь тогда, когда она реализуется многими хозяйствующими субъектами на одном товарном рынке.

¹⁹ Гуляев Г. Ю. Особенности развития конкуренции в современной экономике России : дис. ... канд. экон. наук. Пенза, 2014. С. 134.

²⁰ Некрасова Е. А. Конкурентная ситуация в России и влияние сделок слияния и поглощений на ее экономику : дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2015. С. 18.

²¹ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 13.

²² Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений (обзор XI Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся) // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 40.

²³ Экономика : учебник / Е. С. Дубровская. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2012. С. 5.

Из вышеизложенного следует, что конкуренция свойственна предпринимательской деятельности как виду экономической деятельности, возникающей по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров, при наличии множественности хозяйствующих субъектов, задействованных в каждой (одной) из перечисленных сфер и стремящихся к удовлетворению собственных интересов, используя свои преимущества, на одном и том же товарном рынке. Благодаря этому качеству конкуренции в предпринимательстве появляется категория «конкурентные отношения».

Почему необходимо выделять конкуренцию (конкурентные отношения) в качестве самостоятельного объекта охраны? Ответ на поставленный вопрос предопределен конституционными нормами, содержащими запрет на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, действием специального закона – ФЗ «О защите конкуренции», государственной конкурентной политикой, направленной на поддержку, развитие и защиту конкуренции. С уверенностью можно сказать, что государственная конкурентная политика является одним из актуальнейших направлений деятельности государства, о чем свидетельствуют ежегодно принимаемые в этой сфере правовые акты политико-правового характера.

Исходя из сложившегося в науке уголовного права представления о критериях выделения той или иной группы общественных отношений в качестве объекта охраны, есть все основания полагать, что конкурентные отношения в сфере экономики – это особая группа экономических (предпринимательских) отношений, обладающих специальными признаками именно потому, что не всем этим отношениям свойственна конкуренция как необходимое условие их развития, направленное на повышение благосостояния общества.

Объяснение формулирования объекта охраны именно через конкуренцию (конкурентные отношения) можно осуществить с помощью анализа структуры общественного отношения, элементы которого предложены В. Филимоновым: 1)

социальное благо – объект общественного отношения; 2) субъекты общественного отношения; 3) их потребности в социальном благе; 4) их взаимосвязь²⁴.

В качестве социального блага, способного существовать в виде социальной ценности, социальной функции субъектов общественных отношений, общественного отношения, имеющего частный характер²⁵, в рассматриваемом контексте видится сама конкуренция, способная удовлетворять любые материальные и нематериальные потребности как самих хозяйствующих субъектов, так и потребителей, общества и государства.

Конкуренция как социальное благо значима в первую очередь для государства. Выступая в качестве необходимого принципа рыночной экономики, конкуренция создает условия для экономической деятельности, благодаря чему формируется особый экономико-правовой режим деятельности всех ее участников. В результате государство поддерживает необходимый для стабильности экономики и общественной жизни баланс интересов.

Конкуренция как социальная функция важна для хозяйствующих субъектов. От того, как будет реализована данная функция и насколько профессионально, зависит оценка этой деятельности со стороны общества и государства.

И наконец, конкуренция как общественное отношение частного характера – это есть суть взаимодействия хозяйствующих субъектов между собой в целях удовлетворения своих частных интересов, включая субъективное право конкурировать на принципах добросовестности, свободы экономической деятельности и справедливости, являющееся безусловной конституционной ценностью.

Субъектами общественного отношения выступают: 1) хозяйствующие субъекты, в понимании ФЗ «О защите конкуренции» являющиеся как конкурентами, так и потребителями; 2) государство как субъект, обладающий публично-правовым статусом, но участвующий в рассматриваемых отношениях и

²⁴ Филимонов В. Объект преступления и последствия преступления // Уголовное право. 2010. № 3. С. 67.

²⁵ Там же. С. 68.

как суверенный носитель этого статуса, и как равный иным участникам этих отношений субъект; 3) физические лица – потребители товаров (работ, услуг) хозяйствующих субъектов; 4) общество в целом, повышение благосостояния которого посредством конкуренции является задачей государства.

Перечисленные субъекты обладают разными экономическими интересами, которые и являются причиной их участия в экономической деятельности. Конкуренция для каждого из этих субъектов служит условием удовлетворения их интересов. В обобщенном виде потребность в конкуренции может быть сформулирована в нескольких основных тезисах экономического, социального, психологического, философского и политического содержания:

- потребность в эффективном распределении ресурсов;
- потребность в реализации права предпринимательской инициативы, в возможности самостоятельно координировать свою экономическую деятельность;
- потребность во взаимодействии ради достижения личных и общественных целей;
- потребность в производстве, распределении и потреблении тех товаров, в которых нуждаются потребители;
- потребность в выборе необходимого для обычной жизнедеятельности товара, характеризующегося способным удовлетворить конкретные нужды качеством;
- потребность в конкурентном порядке, стабилизирующем рынок и сохраняющем общественное равновесие и благосостояние;
- потребность в разрешении противоречий, конфликтов;
- потребность в обеспечении национальной, в том числе экономической, безопасности.

Перечисленные аспекты потребности субъектов в конкуренции отражают общее представление о понятии справедливости в рассматриваемых отношениях, проявляющейся не в последнюю очередь в единстве индивидуальных и общественных интересов и разрешении существующих противоречий.

Экономические интересы рассматриваются как социальная направленность жизненной активности субъектов на создание наиболее благоприятных

общественных условий, необходимых для удовлетворения их материальных потребностей и нужд, обеспечения максимально возможной физической и социальной жизненности²⁶. В экономических научных исследованиях доминирует подход, основанный на приоритете частных (индивидуальных и групповых) экономических интересов как залога социально-экономической эффективности и отдельных организаций, и экономики в целом. При рассмотрении соотношения интересов и экономических отношений отмечается, что личный интерес стоит перед общественным и является формой его реализации, а сами экономические отношения проявляются, прежде всего, как интересы²⁷.

Между тем защите конкуренции как таковой свойственен публично-правовой характер, это особенно хорошо видно при анализе ФЗ «О защите конкуренции». Законодатель выделил публичный интерес государства в наличии конкуренции в экономике страны, хотя в структуре охраняемых отношений имеется и частный интерес хозяйствующих субъектов – добросовестных конкурентов и потребителей. В силу существования в системе мер защиты конкуренции мер уголовно-правового характера, тема баланса частных и публичных интересов не может остаться незамеченной тем более, что в сфере уголовного права она является одной из актуальнейших. Но, как справедливо было отмечено Т.В. Кленовой, несмотря на перспективность развития идеи частного начала в уголовном праве, это не может происходить «в ущерб утверждению специфичности норм уголовного права и уголовно-правовых отношений»²⁸.

Попытка соблюсти баланс частных и публичных интересов отмечается в различных аспектах уголовно-правовых норм. Так, в ст. 178 УК РФ в качестве потенциальных потерпевших от картеля перечислены разные участники экономической деятельности, но с указанием общего для всех размера

²⁶ Машенцева Н. Г. Гармонизация экономических интересов: сущность и проблемы обеспечения // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8 (041-042). С. 102.

²⁷ Стомпелева Е. С. Развитие системы экономических интересов как фактор общественного воспроизводства : дис. ... канд. экон. наук. М., 2017. С. 4, 21–22, 23.

²⁸ Кленова Т. В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 42.

причиненного им крупного ущерба. Представляется, что содержащийся в статье единый размер ущерба несправедливо уравнивает разных по статусу и возможностям субъектов в уголовно-правовой защите их прав. Другой пример. Примечание к статье, предусматривающее основания освобождения от уголовной ответственности за заключение картеля, что отражает попытку прийти к компромиссу в вопросе уголовной ответственности, сложно будет применять из-за отсутствия оптимальных условий для его достижения, так как одно из требований заключается в возмещении ущерба виновным физическим лицом, причиненного картелем (объединением хозяйствующих субъектов), что является непосильным для первого. Таким образом, при привлечении к уголовной ответственности виновного лица будет удовлетворен лишь публичный интерес, при этом частный интерес физического лица будет ущемлен не только своей слабой позицией из-за невозможности погасить причиненный ущерб, но и несправедливостью, связанной с невозможностью сделать это иным путем, а именно с непривлечением к погашению ущерба юридического лица – хозяйствующего субъекта, в то время как за иные экономические преступления такая возможность государством предоставлена (в частности, согласно ч. 2 примечания к ст. 199¹ УК РФ).

В отношении ответственности за недобросовестную конкуренцию имеется прямо противоположная ситуация, свидетельствующая о нарушении баланса частных интересов при защите прав на разные объекты промышленной собственности. Так, анализ признаков преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180, 183 УК РФ, которые в рамках настоящего исследования отнесены к группе преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию (далее также – антиконкурентные преступления), свидетельствует о том, что уголовная ответственность наступает за посягательства на субъективные права лиц, являющихся правообладателями соответствующих интеллектуальных (в основном исключительных) прав, с причинением им ущерба, размер которого необоснованно дифференцирован (в частности, в ст. 146, 147, 180, ч. 3 ст. 183 УК РФ предусмотрены разные размеры ущерба, причиняемого практически

равноценным²⁹ для хозяйствующих субъектов исключительным правам на изобретение, средство индивидуализации, коммерческую информацию – так называемые «объекты промышленной собственности»), либо имеется признак неоднократности деяния как альтернатива ущербу (ст. 180 УК РФ), либо состав преступления является формальным (ст. 183 УК РФ).

Так или иначе в результате совершения преступлений происходит нарушение сложившегося конкурентного порядка, социального равновесия, образующих суть охраняемых отношений. Несправедливость сложившейся после преступления ситуации заключается в том, что, имея потребность конкурировать, хозяйствующий субъект «утрачивает» свое право на конкуренцию или оно нарушается из-за негативного воздействия конкурентов на его потенциальные конкурентные преимущества.

Четвертый анализируемый элемент отношения, объясняющий необходимость уголовно-правовой охраны конкуренции, – взаимосвязь между субъектами экономической деятельности. Конкуренция является тем звеном, которое связывает, с одной стороны, хозяйствующих субъектов, действующих на одном товарном рынке и потому являющихся по отношению друг к другу конкурентами, с другой стороны – хозяйствующих субъектов и потребителей их товаров (работ, услуг), а также государство. Третий аспект взаимосвязи заключается во взаимодействии хозяйствующих субъектов и государства, заинтересованного в существовании конкуренции, в первую очередь как регулятора этих отношений и контролера деятельности хозяйствующих субъектов-конкурентов в целях соблюдения установленных им правил. Таким образом, конкуренция, объединяя всех субъектов экономической деятельности, делает эти связи взаимозависимыми: выбывание хотя бы одной категории участников из этой цепи отношений подрывает экономическую основу остальных, приводя к серьезной уязвимости их существования³⁰.

²⁹ Кинг К. Стоимость интеллектуальной собственности, нематериальные активы и их оценка // URL: https://www.wipo.int/sme/ru/documents/value_ip_intangible_assets.htm (дата обращения: 13.03.2019).

³⁰ Даниловская А. В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // Lex Russica. 2020. № 2 (159). Т. 73. С. 81–86.

Резюмируя вышеизложенное, представляется логичным, во-первых, признать конкуренцию безусловной экономической и социально-политической ценностью в силу ее стабилизирующей функции, благодаря которой устанавливается экономический и социальный порядок, уравниваются разные интересы, во-вторых, признать добросовестную конкуренцию (конкурентные правоотношения) объектом уголовно-правовой охраны в составе поименованных в ст. 2 УК РФ общих объектов в силу той функции, которую конкуренция выполняет, являясь одной из экономических основ конституционного строя, элементом закрепленных в Конституции РФ экономических прав и свобод, а также учитывая ее значение для национальной и экономической безопасности страны.

§ 2 Системные критерии классификации преступлений против добросовестной конкуренции

Признание конкуренции в качестве объекта уголовно-правовой охраны делает обоснованным постановку вопроса о перечне деяний, которые могут посягать на данный объект, их классификации и систематизации, а также закреплении в законе. Следует отметить, что состояние классификации и систематизации преступлений является важным индикатором эффективности уголовно-правовой политики. Так, имеющаяся дискуссия в науке относительно системы уголовно-правовых норм о преступлениях против добросовестной конкуренции свидетельствует о том, что законодатель в УК РФ четко не определил направления уголовной репрессии в отношении антиконкурентной деятельности хозяйствующих субъектов. Такая ситуация на практике приводит к отсутствию единой концепции противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию, к рассогласованности в деятельности правоохранительных и антимонопольного органа и, как следствие, отсутствию эффективности уголовно-правовых мер при защите конкуренции.

В науке пока нет единства как о том, что представляет собой классификация преступлений³¹, так и об основаниях классификации преступлений вообще и в сфере экономической деятельности в частности³². Согласно точке зрения Н.Г. Кадникова, классификация преступлений в уголовном праве – есть разграничение их на определенные виды, группы, категории в соответствии с выбранным критерием и по единому основанию (по мнению автора, возможно применение основного и ряда дополнительных критериев классификации), которое применяется в зависимости от целей и задач³³.

Существует множество воззрений на классификацию преступлений в сфере экономической деятельности, видовым объектом которых, согласно предложению Б.В. Волженкина, следует признавать охраняемую государством систему общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики³⁴. В основном критерием классификации выступает группой объект преступлений, выделение которого предложено Л.Л. Кругликовым³⁵. Автор также предлагает понятие подгруппового объекта, выделяемого в пределах отдельных групп³⁶, что

³¹ Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. 349 с.; Цатурян Т. В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 16–31.

³² См., напр.: Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2001. С. 184–214; Чугунов А. А. Уголовно-правовая охрана свободы предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 60–75; Кузнецов А. П., Бокова И. Н., Маршакова Н. Н. Проблемы классификации преступлений, совершаемых в сфере экономики // Бизнес в законе. 2006. № 1–2. С. 29–38; Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 45–61; Лапшин В. Ф. Финансовые преступления в структуре экономических уголовно наказуемых посягательств // Актуальные вопросы юриспруденции. 2011. № 16. С. 9–13; Дайшутов М. М. Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 10. С. 76–79; Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 62–98.

³³ Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. С. 11, 35.

³⁴ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. С. 36.

³⁵ Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовых сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: монография / сост. Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьев, А. С. Грибов. Ярославль : ЯрГУ, 2008. С. 14–17.

³⁶ Там же. С. 17.

представляется методологически оправданным, в частности, в целях разделения антиконкурентных преступлений по видам согласно основным запретам антимонопольного законодательства, о чем будет сказано далее.

Авторы вариантов разделения преступлений в сфере экономической деятельности на группы по-разному формулируют свое видение места преступления против добросовестной конкуренции в таких классификациях. В соответствии с выбранной позицией взгляды исследователей делятся на две категории³⁷:

1) не выделяющие самостоятельную группу преступлений, посягающих на конкуренцию или совершаемых исключительно в ее сфере, но включающие традиционные в рассматриваемом смысле статьи в общую или отдельную категорию преступлений в сфере предпринимательской деятельности: Д.И. Аминов, А.А. Аслаханов, Н.Н. Афанасьев, И.Н. Бокова, А.А. Витвицкий, Л.Д. Гаухман, Г.А. Есаков, О.Г. Карпович, Л.Л. Кругликов, И.А. Кузнецова, В.Ф. Лапшин, Б.М. Леонтьев, С.Ф. Мазур, Е.В. Маслов, Г.М. Миньковский, С.И. Никулин, Н.И. Пикуров, Т.Ю. Погосян, В.П. Ревина, В.П. Степалин, В.И. Тюнин, С.И. Улезько, Т.Д. Устинова, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.;

2) выделяющие самостоятельную группу преступлений против конкуренции или совершаемых в сфере конкуренции: И.В. Бацин, И.Н. Бокова, А.В. Бриллиантов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Ермакова, А.Э. Жалинский, А.В. Иванчин, Л.В. Иногамова-Хегай, А.Н. Караханов, И.А. Клепицкий, С.М. Кочои, Н.А. Лопашенко, И.М. Мельников, А.Г. Корчагин, А.П. Кузнецов, Н.Н. Маршакова, Г.А. Русанов, И.Ю. Селивановская, Ю.Г. Следь, И.В. Серебруев, М.В. Талан, А.Ю. Улезько, М.Х. Хакулов, И.В. Шишко, А.М. Яковлев, В.Г. Ярыгин и др.

В обеих группах основным критерием разделения преступлений на виды выступает объект посягательства, но есть и иные:

1) по объекту: общественные отношения, регулирующие предпринимательскую и иную экономическую деятельность юридических и

³⁷ Даниловская А. В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны. С. 77–80.

физических лиц и других хозяйствующих субъектов (Н.Н. Афанасьев³⁸), общественные отношения, обеспечивающие правомерное и гарантированное Конституцией РФ осуществление предпринимательской деятельности (Т.Д. Устинова³⁹), порядок осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (П.С. Яни⁴⁰), свобода товарного рынка (Л.Л. Кругликов⁴¹), отношения, поддерживающие конкурентоспособность хозяйствующих и иных субъектов, право свободного поведения их в рамках закона (В.И. Тюнин⁴²); частные экономические интересы (И.А. Кузнецова⁴³); материальные и иные блага потребителей (Б.М. Леонтьев⁴⁴);

2) по сфере, в которой совершаются преступления: сфера предпринимательства (Б.В. Яценко⁴⁵), сфера предпринимательской и иной экономической деятельности (С.Ф. Мазур⁴⁶), сфера распределения материальных благ (Л.Д. Гаухман⁴⁷), сфера производства (А.А. Аслаханов⁴⁸);

3) по типу противоправного поведения или способу совершения преступления: преступления, состоящие в недобросовестной конкуренции и ином

³⁸ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 218.

³⁹ Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2005. С. 25.

⁴⁰ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. профессора Л. В. Иногамовой-Хегай. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 135.

⁴¹ Кругликов Л. Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовых сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 16.

⁴² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. С. 137–152.

⁴³ Кузнецова И. А. Система преступлений в сфере экономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3–2. С. 65–73.

⁴⁴ Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Г. Н. Борзенкова, докт. юрид. наук, проф. В. С. Комиссарова. М. : Зерцало-М, 2005. Полутом 2. С. 315.

⁴⁵ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. – 9-е изд., перераб. и доп. / сост. М. П. Журавлева, А. В. Наумов, С. И. Никулин [и др.]; под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2017. С. 489.

⁴⁶ Мазур С. Ф. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2004. С. 17.

⁴⁷ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М. : ФОРУМ; ИНФРА-М, 2003. С. 140–152.

⁴⁸ Аслаханов А. А. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 1997. С. 27–28.

посягательстве на законные интересы субъектов экономической деятельности (Н.И. Пикуров и С.И. Никулин⁴⁹), преступления экономического доминирования (В.Ф. Лапшин⁵⁰), преступления, совершаемые с использованием монопольного положения или с помощью принуждения (Т.Ю. Погосян⁵¹).

Во второй группе объект более детализирован с акцентом на конкурентную составляющую. Следует отметить, что здесь мнения авторов расходятся как в отношении того, что следует считать объектом посягательства, так и перечня составов преступлений, образующих интересующую группу преступлений, среди которых можно увидеть совпадающие позиции:

- 1) в качестве группового объекта выступают отношения добросовестной конкуренции – ст. 178–180, 182–184 (Б.В. Волженкин)⁵²;
- 2) общественные отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности – ст. 178, 180, 182, 183, 184 УК (Н.А. Лопашенко)⁵³;
- 3) добросовестные конкурентные отношения – ст. 178–180, 182–184 УК РФ (И.В. Шишко)⁵⁴;
- 4) отношения по осуществлению добросовестной конкуренции и ограничению монополизма – ст. 178–180, 183, 184 УК РФ (Л.В. Иногамова-Хегай)⁵⁵;
- 5) добросовестная конкуренция – ст. 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185³ УК РФ (А.В. Иванчин)⁵⁶;

⁴⁹ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 468.

⁵⁰ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 95.

⁵¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник. – 5-е изд., изм. и доп. / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М. : Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 327–340.

⁵² Волженкин Б. В. Экономические преступления. С. 39.

⁵³ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 9.

⁵⁴ Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 6–7.

⁵⁵ Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М. : Инфра-М, 2003. Т. 2. С. 263.

⁵⁶ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева. М. : КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2013. С. 120.

6) общественные отношения, складывающиеся в сфере регулирования добросовестной конкуренции и деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики – ст. 169, 178–184, в том числе исключенные ст. 182 и 200 УК РФ (И.М. Мельников)⁵⁷;

7) отношения, поддерживающие конкурентоспособность хозяйствующих и иных субъектов, право свободного поведения их в рамках закона – ст. 178, 179, 180, 183, 184 УК РФ (В.И. Тюнин)⁵⁸;

8) свободная и честная конкуренция – ст. 178, 180, 183 УК РФ, а также исключенная из УК РФ ст. 182 (И.А. Клепицкий)⁵⁹;

9) свобода и добросовестность конкуренции в предпринимательской сфере – ст. 178–180, 183 и 184 УК РФ (М.Х. Хакулов)⁶⁰;

10) общественные отношения в сфере добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности – ст. 178, 180, 184 УК РФ (А.П. Кузнецов, И.Н. Бокова и Н.Н. Маршакова)⁶¹;

11) принципы свободы и добросовестности конкурентных отношений – ст. 178, 180 и 183 УК РФ (И.В. Серебруев)⁶²;

12) конкурентные отношения, то есть возникающие в процессе ведения бизнеса в рыночных условиях и объединяющие в себе две группы общественных отношений; отношения, характеризующиеся наличием добросовестной конкуренции на рынке, и отношения, характеризующиеся наличием конкуренции на рынке – ст. 178, 180 и 183 УК РФ (Д.Б. Лаптев)⁶³;

⁵⁷ Мельников И. М. Криминологические проблемы противодействия преступности в сфере антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2002. С. 11–12.

⁵⁸ Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности. С. 206.

⁵⁹ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 157.

⁶⁰ Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности. С. 8.

⁶¹ Кузнецов А. П., Бокова И. Н., Маршакова Н. Н. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 37.

⁶² Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 232.

⁶³ Лаптев Д. Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 66.

13) отношения добросовестной конкуренции – ст. 178-181, 183, 184, 200⁴, 200⁵, 200⁶, 200⁷ УК РФ (В.Б. Боровиков, А.А. Смердов)⁶⁴.

Отдельные авторы в качестве классифицирующего критерия называют непосредственный объект, являющийся общим для всей группы преступлений, например:

1) охраняемые уголовным законом однородные и взаимосвязанные общественные отношения в сфере добросовестной конкуренции – ст. 178, 180, 181, 183, и 184 УК РФ⁶⁵;

2) свободная и добросовестная конкуренция – ст. 178–180, 183 и 184 УК РФ (А. Н. Караханов и А. В. Бриллиантов)⁶⁶;

3) общественные отношения, которые складываются (обеспечивают) добросовестную конкуренцию в различных сферах экономической деятельности – конкурентные отношения – ст. 178, 179, 180, 183, 184 УК РФ (И.В. Бацин)⁶⁷;

4) сфера отношений, обеспечивающих свободную и добросовестную конкуренцию – ст. 178–180, 183, 184 УК РФ (Л.Д. Ермакова)⁶⁸.

Помимо этого, выделяются и иные критерии классификации:

1) характер объективной стороны преступления: преступления, связанные с проявлением монополизма и недобросовестной конкуренции – ст. 178–181, 183–184 (М.В. Талан)⁶⁹;

⁶⁴ Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под ред. В. Б. Боровикова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 143.

⁶⁵ Улезько А. Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дисс. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2004. С. 53-54.

⁶⁶ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2008. С. 591.

⁶⁷ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование. С. 46.

⁶⁸ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для вузов. – 2 изд., исправ. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : Контракт, Инфра-М, 2008. С. 128.

⁶⁹ Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2002. С. 22.

2) степень однородности посягательств: монополизация рынка и недобросовестная конкуренция – ст. 178–184 УК РФ (А.М. Яковлев)⁷⁰, сфера недобросовестной конкуренции – ст. 178, 179, 180 УК РФ (И.Ю. Селивановская)⁷¹;

3) регулируемость отношений другими отраслями права, представляющими отдельные сферы экономической деятельности и поставленными под охрану уголовного закона: сфера антимонопольного законодательства – ст. 169, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 200 (Т.В. Пинкевич)⁷².

Так или иначе все эти критерии должна объединять их связь с конкуренцией, которая и выступает в качестве основного аспекта при выделении исследуемой группы преступлений в самостоятельную.

Однако, хотя авторы, выделяя группу преступлений, охватили ряд предусматривающих их описание статей, последовательно расположенных в гл. 22 УК РФ, как это предложено Л.Л. Кругликовым⁷³, надо признать, что не все из них связаны с посягательством на конкуренцию. Прежде чем перейти к исследованию оснований выделения группы антиконкурентных преступлений, а из нее – подгрупп преступлений, надо отметить, что такое обособление не является каким-то искусственным процессом: предпосылки этому в первую очередь были определены Конституцией РФ, в которой содержатся общие запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34), во-вторых, отраслевым (антимонопольным) законодательством (Законом РСФСР «Об конкуренции и ограничении монополистической деятельности» 1991 г., а затем ФЗ «О защите конкуренции» 2006 г.), определяющим регулирование и условия охраны этих отношений и предусматривающим запреты на наиболее серьезные для экономики

⁷⁰ Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М. : Юристъ, 2006. С. 186.

⁷¹ Селивановская И. Ю. Классификация преступления в сфере экономической деятельности // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 129. (Несмотря на то, что автор выделяет эту группу преступлений по признаку объекта, из характера критерия следует, что в основе лежит однородность деяний, которые автор относит к недобросовестной конкуренции.)

⁷² Пинкевич Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 138.

⁷³ Кругликов Л. Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовых сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 17.

его нарушения и ответственность за них. В этой связи предложение, высказанное Т.В. Пинкевич о критерии классификации, относящегося к роли отраслевого законодательства, выглядит весьма рациональным (при условии соблюдения при построении системы преступлений непосредственной связи уголовного закона с отраслевым законодательством).

Также стоит обратить внимание на характеристику объекта, лежащего в основе выделения группы. Единства в его понимании нет и быть не может. В то же время в каждой позиции можно увидеть рациональный и (или) спорный моменты. Так, существует дискуссия вокруг предложения Н.А. Лопашенко признавать видовым объектом посягательств общественные отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности. Представляется, что в данной авторской позиции нет каких-либо противоречий. Во-первых, она основана на классическом понимании объекта как общественных отношений. Во-вторых, принцип добросовестной конкуренции вытекает из конституционного принципа добросовестности и сформированной на его основе Конституционным Судом РФ презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности⁷⁴. Следовательно, отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции, – это качественное состояние конкурентных отношений с участием хозяйствующих субъектов, чья экономическая деятельность соответствует конституционному принципу добросовестности. Данный принцип создает определенный режим общественному отношению, в результате которого оно приобретает свойство, отвечающее требованиям справедливости, добропорядочности и разумности, отражающее баланс интересов в нем. Поэтому полагаем, что добросовестные конкурентные отношения – это и есть суть общественных отношений, основанных на принципе добросовестной конкуренции.

В-третьих, как было сказано выше, являясь экономической категорией, конкуренция понимается по-разному не только в экономике, но и в иных отраслях

⁷⁴ Конституционная экономика. С. 62–63.

науки, и количество этих определений неисчислимо. Одно из них – конкуренция и есть принцип. Суть конкуренции как экономического принципа отмечается не только современными экономистами, в качестве таковой конкуренция была обозначена еще в конце XIX в. немецкими учеными⁷⁵. Поэтому рассмотрение конкуренции как принципа также имеет свое обоснование, несколько не противоречащее ее природе как вполне конкретного явления, а не абстракции.

Следует согласиться с авторами, характеризующими объект как добросовестный вид конкурентных отношений (добросовестную конкуренцию), так как они фактически могут быть и недобросовестными, а значит, не подпадающими под охрану. Однако в законодательстве понятие «добросовестность» не раскрывается. ФЗ «О защите конкуренции» содержит определение недобросовестной конкуренции, признаки которой раскрываются через противоречие действующему законодательству, обычаям делового оборота и таким нравственным категориям, как «добропорядочность», «разумность» и «справедливость», а также причинение убытков хозяйствующим субъектам-конкурентам и вреда их деловой репутации (п. 9 ст. 4). В отсутствие какого-либо легального понятия добросовестной конкуренции есть смысл обратиться к его основному критерию – добросовестности, суть которого раскрывается в цивилистике:

- добросовестность – сложившаяся в обществе и признанная законом, обычаям, судебной практикой система представлений о нравственности поведения субъектов права при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также исполнении обязанностей. При этом предполагается, что нравственность поведения участников гражданского оборота оценивается на основе противопоставлений категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление о добре, следует считать добросовестным. Поведение, отражающее представление о зле, – недобросовестным⁷⁶;

⁷⁵ Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 6. С. 52.

⁷⁶ Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 10.

- добросовестность в объективном смысле – принцип гражданского права, действие которого проявляется при возникновении и осуществлении гражданских прав и обязанностей и направлено на достижение равновесия интересов между субъектами отношений⁷⁷;

- добросовестность – необходимость для субъектов действовать без намерения причинить вред другим участникам гражданских правоотношений, не допускать легкомыслия и небрежности во избежание причинения вреда, а также соотносить свои действия с правами, свободами и законными интересами других лиц, общества и государства⁷⁸.

Приведенные варианты понятия добросовестности, отражая имеющуюся в науке дискуссию, характеризуются разнообразием ее признаков, ключевым из которых следует признать отсутствие в действиях/бездействиях участника гражданского оборота прямого умысла на злоупотребление правом, о наличии которого свидетельствует осознание того, что действие осуществляется во вред другим⁷⁹.

Некоторое разъяснение добросовестности дал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, отмечен п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, согласно которому никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а также указано на то, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и

⁷⁷ Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 6–7.

⁷⁸ Татарников А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

⁷⁹ Сафонов А. В. Критерии добросовестности // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 32.

законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации⁸⁰.

Между тем экономисты определяют добросовестную конкуренцию как методы конкурентной борьбы, соответствующие принятым на рынке нормам и правилам конкуренции⁸¹.

Следовательно, понятие добросовестной конкуренции основано на подчинении поведения хозяйствующих субъектов нормативным правовым актам и правилам, принятым субъектами определенного товарного рынка, а также деловым обычаям, которые сложились на этом товарном рынке⁸², и отражающие соблюдение баланса интересов всех участников экономической деятельности.

В научной литературе встречаются предложения о замене понятия «добросовестность» («добросовестный») на понятия «законный» или, применительно к недобросовестной конкуренции, «незаконный»⁸³, или же вовсе исключить их из употребления⁸⁴. Однако представляется целесообразным использовать уже устоявшийся и традиционный для теории права и правоприменения термин «добросовестность».

Некорректным видится указание в объекте на свободную конкуренцию. Конкуренция – понятие экономическое, и, как было изложено ранее, она имеет множество видов. Свободная (чистая, совершенная) – один из них, характеризующийся своими особенностями и представляющий собой

⁸⁰ О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸¹ Рубин Ю. Б., Потапова О. Н. Конкуренция в экономике // Современная конкуренция. 2016. № 6 (60). Т. 10. С. 112.

⁸² Напр., Социальная хартия российского бизнеса, принятая Российским союзом промышленников и предпринимателей, кодексы этики, которые разрабатываются хозяйствующими субъектами для определения основных морально-нравственных критериев своей деятельности. Одним из разделов таких кодексов является раздел, посвященный тому, как в той или иной организации понимается добросовестная конкуренция. В основном, эти критерии сводятся к воздержанию от совершения промышленного шпионажа, клеветы, коммерческого подкупа, избежанию иных незаконных форм экономической борьбы, уважению конкурентов.

⁸³ Степанова М.М. Правовое регулирование конкуренции на современных товарных рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11.

⁸⁴ Исайчева Е. А. Недобросовестная конкуренция как социально-правовое явление: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2011. С. 11.

идеализированное состояние рынка, требованиям которого абсолютно точно не удовлетворяет ни одна из существующих отраслей экономики⁸⁵.

Экономисты исходят из того, что конкуренция на рынке постоянно меняется, переходя из одного состояния в другое. В случае вмешательства государства, конкуренция становится регулируемой, то есть несвободной. Но от этого она не утрачивает своей ценности, скорее наоборот, вмешательство государства, основанное на создании условий для развития конкуренции и правовых нормах в целях ее регулирования и защиты, подчеркивает значимость конкуренции.

Резюмируя вышеизложенное, представляется верным рассматривать групповой объект исследуемой группы преступлений как добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанных на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности⁸⁶.

Между тем современное состояние российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию, характеризуется отсутствием системы таких деяний, расположением уголовно-правовых норм, содержащих описание потенциально антиконкурентных противоправных деяний, в разных главах УК РФ, разрозненностью признаков существующих запретов на общественно опасные формы антиконкурентного поведения и иными проблемами.

Помимо этого, среди преступных деяний, связанных так или иначе с конкуренцией, выявляется большое количество преступлений общекриминальной, а также иной, как неэкономической, так и экономической направленности, имеющих «экономическую мотивацию» ограничения конкуренции: убийство, причинение вреда здоровью, мошенничество, незаконное создание юридического лица, контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий и т.д. С.В. Максимов и К.А. Утаров причисляют эти деяния к «преступлениям, совершаемым в сфере конкуренции» как к самостоятельной группе, отдельной от «преступлений,

⁸⁵ Рубин Ю. Б., Потапова О. Н. Конкуренция в экономике. С. 117–118.

⁸⁶ Даниловская А. В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны. С. 76–80.

совершаемых против конкуренции»⁸⁷. К ним авторы относят любые виды преступлений, которые, имея в качестве основного объекта одни охраняемые отношения, совершаются в связи с соперничеством хозяйствующих субъектов с целью получения наиболее быстрой и высокой с экономической точки зрения прибыли, число которых превышает 80. Представляется, условное именование таких деяний преступлениями антиконкурентной направленности позволит отграничить их от антиконкурентных преступлений, напрямую посягающих на добросовестные конкурентные отношения.

Безусловно, многие противоправные деяния, посягая на самые разные охраняемые объекты, могут косвенно затрагивать и добросовестные конкурентные отношения. Соглашаясь с С.В. Максимовым и К.А. Утаровым в том, что в такой ситуации следует правильно понимать цели уголовной политики в сфере конкуренции⁸⁸, представляется целесообразным выстраивать систему преступлений против добросовестной конкуренции исходя из базовых запретов, установленных специальным отраслевым законодательным актом. В силу высокой степени распространенности бланкетных норм в гл. 22 УК РФ, которая обуславливает зависимость уголовно-правовых норм от норм иных отраслей права, использование данного правила видится весьма целесообразным, так как поможет решить многие вопросы, связанные как с классификацией преступлений, так и их криминализацией и декриминализацией.

Следует отметить, что есть иные суждения по вопросу соответствия признаков составов преступлений, содержащихся в УК РФ, запретам антимонопольного законодательства. Так, И.А. Клепицкий стоит на позиции самостоятельного уголовно-правового запрета картеля, без отсылки к антимонопольному закону⁸⁹. Среди практиков такую позицию поддерживает большинство опрошенных. На вопрос: «Полагаете ли Вы, что Уголовный кодекс РФ должен предусматривать

⁸⁷ Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / под ред. В. П. Заварухина. М. : ИПРАН РАН, 2018. С. 11, 28–29.

⁸⁸ Там же. С. 11.

⁸⁹ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития. С. 267.

уголовную ответственность только за нарушение запретов, установленных ФЗ «О защите конкуренции»?», – ответы распределились следующим образом: положительно ответили 50 % сотрудников антимонопольного органа и 26,4 % сотрудников правоохранительных органов, отрицательно – 50 % и 73,6 % соответственно (Приложение 8).

В то же время представляется, что имеющиеся в УК РФ составы преступлений, содержащих описание деяний, способных причинить вред добросовестной конкуренции, стоит исследовать в их соотношении с запретами ФЗ «О защите конкуренции» и правоприменением, а затем на основе анализа такого соотношения можно делать выводы о возможностях соответствующих положений УК РФ противодействовать антиконкурентному поведению уголовно-правовыми средствами.

Целесообразность данного суждения видится также в его соответствии принципу связи, выделенному Л.Н. Кривоченко, в соответствии с которым построение классификации должно вытекать не только из внутренних связей признаков преступлений, придающих им определенную целостность, образующих тот или иной вид преступления, а также внешних связей отдельных видов преступлений между собой, но и связей взаимоотношений преступлений и иных правонарушений⁹⁰. Отдельное значение имеет последний критерий взаимосвязи, являющийся ключевым в обосновании выделения отдельных групп и подгрупп антиконкурентных преступлений, в основе которых лежат запреты отраслевого законодательства – ФЗ «О защите конкуренции». Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит составы административных правонарушений против конкуренции, которые являются частью этой связи. Это заключение соответствует Концепции уголовно-правовой политики, согласно которой не должно допускаться нарушение взаимосвязи между нормами уголовного права и нормами различных отраслей законодательства⁹¹.

⁹⁰ См. в соч. Кадникова Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. С. 33–34.

⁹¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 31.03.2020).

Таким образом, при определении группы и подгрупп преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, представляется целесообразным исходить из классификации правонарушений, содержащейся в ФЗ «О защите конкуренции»: 1) монополистическая деятельность (гл. 2); 2) недобросовестная конкуренция (гл. 2.1); 3) антиконкурентная деятельность органов власти и управления (гл. 3), включая нарушения при предоставлении государственных или муниципальных преференций (гл. 5); 4) нарушения на торгах (гл. 4).

Согласно ст. 4 указанного Закона, под монополистической деятельностью понимается, во-первых, злоупотребление хозяйствующим субъектом или группой лиц своим доминирующим положением, во-вторых, соглашения, ограничивающие конкуренцию и запрещенные антимонопольным законодательством, в-третьих, запрещенные согласованные действия, в-четвертых, иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью. Детально запреты определены ст. 10-11.1. Анализ положений ФЗ «О защите конкуренции» указывает на то, что наиболее опасными из всех предусмотренных форм монополистической деятельности законодатель признал картели, правовое понятие которых дано в ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции».

Недобросовестной конкуренцией, согласно ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», являются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации. ФЗ «О защите конкуренции» в ст. 14.1–14.7 выделяет 7 форм недобросовестной конкуренции, оставляя их перечень открытым: 1) недобросовестная конкуренция путем дискредитации; 2) недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение; 3) недобросовестная конкуренция путем некорректного сравнения; 4) недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и использованием

исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг; 5) недобросовестная конкуренция, связанная с использованием результатов интеллектуальной деятельности; 6) недобросовестная конкуренция, связанная с созданием смешения; 7) недобросовестная конкуренция, связанная с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Следовательно, проявлениями (формами) недобросовестной конкуренции необходимо считать деяния, основными признаками которых является, во-первых, цель – противоправное, то есть незаконными методами получение и (или) использование преимуществ (конкурентных), во-вторых – реальная или потенциальная вероятность негативных последствий для конкурентов.

Конкурентные преимущества – экономический термин, не имеющий официального определения, а потому понимаемый по-разному. Так, согласно одному из определений, конкурентное преимущество – все то, что обеспечивает компании более благоприятные условия работы по сравнению с конкурентами (низкие издержки производства, новые технологии и торговые марки, собственные источники сырья и т.д.)⁹². При этом конкурентное преимущество нельзя отождествлять с потенциальными возможностями компании⁹³, они могут быть созданы только через инновационное развитие бизнеса – новые идеи, новые продукты, новые технологии, новые методы ведения бизнеса, любые иные акты новаторства⁹⁴. Помимо материальных активов, конкурентные преимущества могут

⁹² Сиполс О. В. Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика. М. : Флинта; Наука. 2010 // URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy/fc/slovar-202-2.htm#zag-505> (дата обращения: 21.11.2019).

⁹³ Кузнецова И. Д., Фомина Н. В. Конкурентные преимущества предприятий торговли в рыночной среде // Современные наукоемкие технологии. (Региональное приложение). 2017. № 4 (52). С. 81.

⁹⁴ Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. М. : Альпина Паблишер, 2016. С. 549–582; Орлова Л., Ксенофонтова В. Механизмы формирования долгосрочных конкурентных преимуществ торговых организаций // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2017. № 1. Т (21). С. 88.

составлять и нематериальные ресурсы, среди которых важнейшим компонентом становится деловая репутация хозяйствующего субъекта⁹⁵.

Таким образом, конкурентные преимущества могут быть связаны с абсолютно разными аспектами предпринимательской деятельности и характеризуются наличием материальных (в основном новаторских возможностей) и нематериальных активов хозяйствующих субъектов. При недобросовестной конкуренции действия хозяйствующих субъектов направлены на получение конкурентных преимуществ в предпринимательской деятельности таким образом, что получаемое при этом превосходство над конкурентами обеспечивает возможность увеличить размер прибыли по отношению к уровню прибыли при воздержании от указанных действий⁹⁶.

Антиконкурентная деятельность органов власти или местного самоуправления не определяется как официальный правовой термин, представляет собой деяния, запрещенные ст. 15 и 16 ФЗ «О защите конкуренции». В ст. 15 предусмотрен запрет на акты, действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, иных, осуществляющих функции указанных органов или организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственных внебюджетных фондов, Центрального банка РФ (далее – Центральный банк), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции. В частности, запрещаются различного рода ограничения, запреты в отношении осуществления отдельных видов деятельности или производства определенных видов товаров, их свободного перемещения; необоснованные препятствия осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами; ограничение свободы предпринимательской деятельности путем дачи

⁹⁵ Гавришин К. В. Деловая репутация – конкурентное преимущество фирмы // Экономика и управление. 2007. № 5 (31). С. 104–108.

⁹⁶ Методические рекомендации ФАС России по применению главы 2.1 ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Справ.-правовая система «Консультант Плюс».

хозяйствующим субъектам указаний о первоочередных поставках товаров для определенной категории покупателей (заказчиков) или о заключении в приоритетном порядке договоров; предоставление хозяйствующему субъекту доступа к информации в приоритетном порядке или предоставление государственной или муниципальной преференции в нарушение установленного законом порядка; создание дискриминационных условий и др.

В ст. 16 запрещаются соглашения между федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком или между ними и хозяйствующими субъектами либо осуществление этими органами и организациями согласованных действий, если такие соглашения или такое осуществление согласованных действий приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции. В частности, запрещены соглашения, которые приводят или могут привести к изменению уровня цен (тарифов): их повышение, снижение или поддержание цен (тарифов), за исключением случаев, установленных законом; необоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо по составу продавцов или покупателей (заказчиков); ограничению доступа на товарный рынок, выхода с товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.

Запреты на действия при проведении торгов, запроса котировок цен на товары, запроса предложений содержатся в ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции» и распространяются на действия, которые также приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции. В том числе запрещены координация организаторами или их заказчиками деятельности участников торгов, а также заключение соглашений между организаторами и (или) заказчиками торгов с участниками этих торгов, если такие соглашения имеют своей целью либо приводят или могут привести к ограничению конкуренции и (или) созданию

преимущественных условий для каких-либо участников, в том числе путем доступа к информации; нарушение порядка определения победителя или победителей торгов; участие организаторов или заказчиков торгов и (или) работников организаторов или работников заказчиков в торгах.

Помимо этого, если торги, запрос котировок, запрос предложений проводятся для обеспечения государственных и муниципальных нужд, то закон запрещает также ряд действий, связанных с ограничением доступа к участию в перечисленных формах торгов, ограничением конкуренции между их участниками путем включения в состав лотов товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных с товарами, работами, услугами, поставки, выполнение, оказание которых являются предметом торгов.

Нарушения требований закона при предоставлении государственных или муниципальных преференций на практике выявляются через анализ действий (бездействий) органов власти и управления, перечисленных в ст. 15, так как оформляются актами органов государственной власти и местного самоуправления, представляют собой одно из таких нарушений и квалифицируются по указанной статье. Признаки нарушений при предоставлении государственных и муниципальных преференций содержатся в ст. 19–20 ФЗ «О защите конкуренции».

Перечисленные нарушения антимонопольного законодательства запрещены законом в общем, но соглашения, предусмотренные ст. 16 закона, могут быть в отдельных случаях признаны допустимыми.

Проведенное исследование, в том числе анализ предлагаемых разными авторами к объединению в одну группу уголовно-правовых норм, которые содержат некоторые признаки антиконкурентных деяний, и соотношение их с вышеприведенной классификацией антимонопольных правонарушений, а также анализ правоприменения в процессе квалификации деяний как конкретных антиконкурентных преступлений (на основе приговоров) приводит к выводу о том, что такую группу преступлений против добросовестной конкуренции образуют следующие деяния.

1. Статья 178 «Ограничение конкуренции» УК РФ (гл. 22), предусматривая ответственность за картель как одну из наиболее опасных форм монополистической деятельности, имеет прямое соотношение с п. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции». Практика показывает, что с 2015 г. по данной статье квалифицируются исключительно сговоры на торгах, уголовно-правовая норма ст. 178 УК РФ пока не применялась к классическим картелям на товарных рынках;

2. Статья 128¹ «Клевета» (гл. 17), ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав», ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав» (гл. 19), ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 185³ «Манипулирование рынком», ст. 185⁶ «Неправомерное использование инсайдерской информации» УК РФ (гл. 22) предусматривают ответственность за формы недобросовестной конкуренции.

Перечисленные составы преступлений содержат признаки, в определенной мере соответствующие признакам основных форм недобросовестной конкуренции, поименованным в ст. 14.1–14.7 ФЗ «О защите конкуренции». Анализ теории и практики квалификации деяний по указанным статьям свидетельствует о следующем.

•Статья 128¹ «Клевета» УК РФ корреспондирует ст. 14.1 и ст. 14.3 ФЗ «О защите конкуренции», которые содержат признаки недобросовестной конкуренции в форме дискредитации и некорректного сравнения с другим хозяйствующим субъектом-конкурентом и (или) его товаром. В практике встречаются примеры попыток⁹⁷ применения данной статьи в целях уголовно-правовой защиты деловой репутации индивидуальных предпринимателей и даже юридических лиц от дискредитации со стороны конкурентов. За период 2012–2020 гг. было выявлено всего пять таких приговоров⁹⁸ из 570 изученных. Безусловно, признаки состава

⁹⁷ Все вынесенные приговоры являются оправдательными.

⁹⁸ Приговор мирового судьи судебного участка № 62 Солнечного района Хабаровского края № 1-44/2016Н от 14.09.2016 г. URL : <https://sudact.ru/magistrate/doc/RQbFu1eVaMV9/> (дата обращения: 28.07.2020); приговор мирового судьи судебного участка № 152 Одинцовского

данного преступления внешне имеют мало общего с недобросовестной конкуренцией, как она проявляется в предпринимательстве, так как затрагивают только интересы физических лиц. Отсутствие уголовно-правовой нормы, способной защитить интересы любых хозяйствующих субъектов от дискредитации, дает основания заявлять о ее необходимости в целях объективности уголовно-правовой охраны от умышленного распространения информации, не соответствующей действительности, подрывающей репутацию указанных лиц. Признаки преступления, содержащиеся в ст. 128¹ УК РФ, представляют интерес постольку, поскольку иных составов, имеющих хотя бы некоторые критерии такой формы недобросовестной конкуренции, в УК РФ не предусмотрено.

•Составы, предусмотренные ст. 146 и 147 УК РФ, корреспондируют признакам ст. 14.5 ФЗ «О защите конкуренции», норма которой содержит описание недобросовестной конкуренции в форме действий по продаже, обмену или иному введению в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности. В 44 приговорах из 350, состоявшихся по уголовным делам, возбужденным по ст. 146 УК РФ, и в 5 приговорах из 5 по уголовным делам, возбужденным по ст. 147 УК РФ, были установлены признаки недобросовестной конкуренции.

Противоправность действий согласно ст. 146 УК РФ заключается во введении в гражданский оборот контрафактных объектов авторских и смежных прав путем их приобретения и продажи без заключения лицензионных договоров с правообладателями лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или работающими в сфере предпринимательской деятельности.

судебного района Московской области по делу № 1-13/2016 от 25.05.2016 г. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/zaey0JLMYhVn/> (дата обращения: 1.07.2020); приговор мирового судьи судебного участка № 25 Центрального района г. Хабаровска № 1-10/2016 от 08.04.2016 г. URL : <https://sudact.ru/magistrate/doc/f6YKMCaFbGY7/> (дата обращения: 28.07.2020); приговор мирового судьи Левобережного судебного участка Биробиджанского судебного района ЕАО №1-4/2015 от 20.01.2015 г. URL : <https://sudact.ru/magistrate/doc/LpknqzDe3BoO/> (дата обращения: 1.07.2020); приговор мирового судьи судебного участка № 29 в МО «Велижский район» (Смоленская область) от 01.06.2016 г. по делу № 1-23/2016-29. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/Rg1goYJshQVa/> (дата обращения: 28.07.2020).

Деяние, образующее недобросовестную конкуренцию, предусмотренное ст. 147 УК РФ, выражается в незаконном использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца, то есть также без заключения лицензионного договора, что виновное лицо использует в качестве своего конкурентного преимущества в целях извлечения прибыли, конкурируя с правообладателем и иными хозяйствующими субъектами-конкурентами на одном товарном рынке.

•Статья 180 УК РФ имеет соотношение с п. 2 ст. 14.6 ФЗ «О защите конкуренции», то есть может быть применена для квалификации деяния как недобросовестной конкуренции путем совершения хозяйствующим субъектом действий (бездействия), способных вызвать смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента либо с товарами или услугами, вводимыми хозяйствующим субъектом-конкурентом в гражданский оборот на территории Российской Федерации, в частности в форме копирования или имитации внешнего вида товара, вводимого в гражданский оборот хозяйствующим субъектом-конкурентом, упаковки такого товара, его этикетки, наименования, цветовой гаммы, фирменного стиля в целом (в совокупности фирменной одежды, оформления торгового зала, витрины) или иных элементов, индивидуализирующих хозяйствующего субъекта-конкурента и (или) его товар. При изучении 450 приговоров в описании 37 были установлены признаки недобросовестной конкуренции в виде незаконного использования средств индивидуализации в предпринимательской деятельности; деяния были совершены индивидуальными предпринимателями или руководителями организаций.

•Статья 183 УК РФ предусматривает некоторые признаки недобросовестной конкуренции, которые согласно ст. 14.7 ФЗ «О защите конкуренции» связаны с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную, охраняемую законом тайну. Из 360 изученных приговоров 32 были вынесены по поводу собирания или разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну. Таким образом, в качестве акта недобросовестной конкуренции актуальна криминализация собирания и разглашения или иного использования сведений, составляющих коммерческую тайну. В первом случае

сведения теряют свою конфиденциальность, а значит, и ценность, которая сохранялась в силу неизвестности третьим лицам, отсюда у правообладателя ущерб в виде прямого ущерба (например, в виде уменьшения стоимости или обесценивания исключительных прав на секрет производства, который составлял часть имущества юридического лица) и упущенной выгоды. Во втором – аналогичные формы ущерба вызваны непосредственным использованием чужих коммерческих секретов в хозяйственной деятельности конкурентов.

• Признаки преступлений, предусмотренных ст. 185³ и ст. 185⁶ УК РФ, рассматриваются как потенциально вероятные акты недобросовестной конкуренции; лишь один приговор состоялся по ст. 185³ УК РФ и один – по ст. 185⁶ УК РФ. Такое поведение в некоторой части соответствует признакам недобросовестной конкуренции в формах, предусмотренных ст. 14.1, ст. 14.2 и ст. 14.8 ФЗ «О защите конкуренции», связанных с распространением заведомо ложной информации, информации, вводящей в заблуждение, и иными недобросовестными действиями (ст. 185³ УК РФ), а также в формах, описанных ст. 14.7 ФЗ «О защите конкуренции» в связи с использованием или распространением коммерческой тайны, режим которой может быть введен в отношении инсайдерской информации, и уже отмеченной ст. 14.8 (ст. 185⁶ УК РФ).

Таким образом, перечисленные и рассмотренные статьи УК РФ включают описание деяний, содержащих те или иные признаки нарушения антимонопольного законодательства в виде проявлений недобросовестной конкуренции. Однако их непосредственный объект шире, ибо они посягают на оборот интеллектуальной собственности как в предпринимательстве, так и в экономической сфере в целом.

3. Статья 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 «Превышение должностных полномочий» УК РФ (гл. 30) могут быть применимы как за индивидуальные антиконкурентные акты (ст. 15, 17, 19 ФЗ «О защите конкуренции»), так и за ограничивающие конкуренцию соглашения с хозяйствующими субъектами (ст. 16, 17 ФЗ «О защите конкуренции») (далее также

– антиконкурентная деятельность органов власти или местного самоуправления). Указанные статьи не предусматривают напрямую ответственность за ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие) органов власти и управления, но отнесены к исследуемой группе преступлений, поскольку их признаки соответствуют в общем антиконкурентным действиям должностных лиц органов государственной власти или местного самоуправления, которые на практике квалифицируются, согласно этим признакам, в отсутствие специальных уголовно-правовых.

Должностные лица, допуская в своем поведении противоправные уголовно наказуемые деяния, могут посягать на разнообразные объекты. В этой связи такое поведение указанных лиц в сфере экономики предопределяет их квалификацию по ст. 285 и 286, а также по ст. 169 УК РФ. Как отмечено В.Ф. Лапшиным, произвести качественное юридическое разграничение экономических и иных преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, представляется большой проблемой, а буквальное толкование наименования разд. VIII УК РФ позволяет утверждать, что к экономическим преступлениям относятся не только посягательства, предусмотренные гл. 21, 22 и 23, но и те деяния, которые предусмотрены нормами иных разделов и глав Особенной части УК РФ⁹⁹.

Следует согласиться с мнением Л.Л. Кругликова в том, что ряд преступлений, описание которых содержится в иных, помимо гл. 22, главах УК РФ, могут иметь экономическую составляющую, однако посягают в первую очередь на другой основной непосредственный объект – ведущий объект, следовательно, отличаются от собственно экономических преступлений¹⁰⁰.

Исследование практики квалификации нарушений антимонопольного законодательства по указанным статьям осуществлено в целях установления

⁹⁹ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 69, 81.

¹⁰⁰ Кругликов Л. Л., Дулатбеков Н. О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания): учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2001. С. 4–5; Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г., Грибов А. С. Экономические преступления в бюджетной сфере: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 5–6.

фактического состояния дел по привлечению должностных лиц к уголовной ответственности в связи с выявлением в их действиях нарушений антимонопольного законодательства.

Воспрепятствование предпринимательской деятельности со стороны должностных лиц органов власти и местного самоуправления (ст. 169 УК РФ) соответствует признакам нарушения антимонопольного законодательства, в частности п. 1 и 2 ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции» в форме: 1) введения ограничений в отношении создания хозяйствующих субъектов в какой-либо сфере деятельности, а также установления запретов или введения ограничений в отношении осуществления отдельных видов деятельности или производства определенных видов товаров; 2) необоснованного препятствования осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами, в том числе путем установления не предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к товарам или к хозяйствующим субъектам. Такие действия должностного лица также могут быть следствием заключенного между ним и хозяйствующим субъектом соглашения об ограничении конкуренции, которое привело к ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.

По ст. 285 и 286 УК РФ квалифицируются деяния должностных лиц, имеющие признаки нарушений антимонопольного законодательства, совершенные как единолично¹⁰¹, так и в силу антиконкурентного соглашения с хозяйствующими субъектами¹⁰², и связаны с нарушениями ст. 15, 16 и 17 ФЗ «О защите конкуренции». Именно эти действия должностных лиц выявляются в правоприменении. Нередко нарушения фиксируются по всем перечисленным статьям указанного закона и в совокупности по ст. 169 и ст. 285 или 286 УК РФ¹⁰³.

¹⁰¹ См., напр.: приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия № 1-34/20156 1-852/2014 от 26.11.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3uDNW7k8fc1T> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁰² См., напр.: приговор Ленинского районного суда г. Смоленска Смоленской области № 1-257/2020 от 15.07. 2020 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/НхсС38отb3rК> (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁰³ См., напр.: приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области № 1-523/2018 от 19.09.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения:

4. Статья 200⁴ УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» предусматривает ответственность за нарушения законодательства на торгах, совершенные с нарушением запретов, предусмотренных ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции». Преступление может быть совершено как в виде индивидуальных актов, так и в сговоре с хозяйствующими субъектами.

В то же время стоит признать, что объект данного посягательства (так же, как и иных рассмотренных выше преступлений) иной – он гораздо шире и включает в себя помимо основного еще и другие охраняемые отношения. Поэтому включение данного состава в предполагаемую группу антиконкурентных преступлений обусловлено необходимостью изучения признаков этого преступления в целях ответа на вопрос о возможности самостоятельной криминализации антиконкурентного соглашения, заключаемого в сфере закупок с хозяйствующими субъектами.

По данной статье пока нет приговоров. Однако в 2023 г. по данной статье в производстве уполномоченных органов находилось 6 материалов и уголовных дел, из которых одно в 2023 г. было направлено в суд, еще по двум уголовным делам производство было приостановлено по ч. 1 ст. 208 УПК РФ¹⁰⁴.

Введенные в гл. 22 УК РФ одновременно со ст. 200⁴ ст. 200⁵ и 200⁶ УК РФ содержат признаки составов, не свойственные нарушениям антимонопольного законодательства как таковым. Однако деяние, предусмотренное ст. 200⁵ УК РФ, можно отнести к преступлениям, сопряженным с нарушениями антимонопольного законодательства так же, как предусмотренное ст. 290 УК РФ, ибо образует состав подкупа лица за действия, в числе которых могут быть и деяния, направленные на ограничение конкуренции на торгах. Преступление, предусмотренное ст. 200⁶ УК РФ, имеет отношение к любой стадии закупки, так как проведение экспертизы

28.06.2020); приговор Семикаракорского районного суда Ростовской области № 1-169/2018 от 20.02.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Xfblu3AiLNHb/> (дата обращения: 28.06.2020).

¹⁰⁴ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь-декабрь 2023 года) (документ не опубликован).

может иметь место на любом ее этапе, вплоть до исполнения государственного контракта, когда необходимо осуществить контроль за качеством и другими характеристиками предмета договора. Преступления, предусмотренные ст. 200⁵ и 200⁶ УК РФ, облегчают совершать иные противоправные деяния, совершаемые при осуществлении закупок, и напрямую не посягают на правила их осуществления.

Несомненно, на основе перечисленных статьей УК РФ невозможно составить точную систему уголовно-правовых норм о преступлениях против добросовестной конкуренции: принятые в науке правила классификации преступлений в Особенной части УК, основанные на принципе системности, выделении родового и видового объектов преступных посягательств, здесь не будут соблюдены в полной мере так же, как иные принципы диалектической логики, включая связанный с опытом прошлого принцип развития¹⁰⁵. В то же время игнорирование уголовно-правовых норм, содержащихся в иных главах УК РФ (17, 19, 30) и предусматривающих признаки посягательств на добросовестную конкуренцию, не представляется верным решением при определении всей группы таких деяний. Данный вывод основан на анализе вынесенных приговоров по таким статьям. При этом следует признать, что за исключением ст. 178 УК РФ, уголовно-правовая норма которой напрямую отсылает к ФЗ «О защите конкуренции», остальные статьи предусматривают лишь косвенные признаки посягательств на добросовестную конкуренцию.

Вместе с тем нельзя согласиться с С.В. Максимовым и К.А. Утаровым в том, что ряд деяний, в частности, предусмотренных ст. 147, 169, 180, 183, 185³, 285, УК РФ, следует относить к преступлениям, типично сопряженным с нарушениями антимонопольного законодательства, запрещаемыми в соответствии с ФЗ «О защите конкуренции»¹⁰⁶. Исследование показало, что квалификация деяний по перечисленным статьям УК РФ является уголовно-правовой реакцией государства на различные прямые нарушения антимонопольного законодательства в отсутствие

¹⁰⁵ Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. С. 20–22.

¹⁰⁶ Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. С. 28.

специальных норм. Типично сопряженными с антимонопольным законодательством следует считать деяния, которые способствуют совершению антиконкурентных преступлений, облегчают его или иным образом «сопровождают» непосредственно антиконкурентное поведение (например, предусмотренные ст. 159, 160, 165, 167, 200⁵, 201, 272, 273, 285¹, 285², 290, 291, 292, 293 УК РФ и др.).

Ряд уголовно-правовых норм, предусмотренных, в частности, ст. 179, 181 и 184 УК РФ и предложенных отдельными авторами к включению в группу антиконкурентных преступлений, не могут быть к ней отнесены в силу следующих причин.

Статья 179 УК РФ действительно иногда встречается при квалификации деяний, признаки которых составляют принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения с целью ограничить деятельность конкурентов¹⁰⁷. Между тем это преступление иной природы. И.А. Клепицкий отмечает, что непосредственный объект рассматриваемого преступления выходит за рамки отношений, обеспечивающих свободу конкуренции. Это преступление поражает свободу личности как таковую (в части свободы волевого решения и волеизъявления), хотя и имеет существенное сходство с насильственным ограничением конкуренции¹⁰⁸. Одновременно с этим, отметим, что свобода волеизъявления, на которую происходит посягательство в результате принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения, является одним из элементов сделки как гражданско-правового института.

Объективная сторона этих преступлений выражена в действиях, далеких от действий экономического характера, описанных в ФЗ «О защите конкуренции», хотя и способных повлечь экономические изменения на товарном рынке. Так, в

¹⁰⁷ См., напр.: приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики № 1-213/2019 от 12.08.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/9r9ljHs7EtQl> (дата обращения: 15.05.2020); приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска № 1-35/2017 1-501/2016 от 09.02.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Wy19bU7cWzW/> (дата обращения: 19.10.2020).

¹⁰⁸ Клепицкий И. А. Уголовное право РФ. Особенная часть: учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, докт. юрид. наук, проф. А. И. Рарога, докт. юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М. : Контракт; Инфра-М, 2005. Т. VI. С. 269.

результате принуждения к отказу от совершения сделок на рынке могут быть выявлены признаки ограничения конкуренции, например в виде отказа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке. Но примерно такая же ситуация возникает и при убийстве конкурента–индивидуального предпринимателя: признаки ограничения конкуренции, предусмотренные тем же п. 17 ст. 4, в виде сокращения числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке.

Элементы принуждения в виде применения насилия или угрозы его применения¹⁰⁹ существуют как квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 178 УК РФ. Следовательно, законодатель учел опасность такой формы принуждения в целях ограничения конкуренции, установив наказание за его осуществление только, если оно сопутствует картелю. Квалификация по ст. 179 УК РФ в таких случаях изначально исключена в силу того, что картель, в силу прямого указания в законе, является противоправным соглашением, а не сделкой¹¹⁰.

Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм, предусмотренное ст. 181 УК РФ, также не может образовать состав антиконкурентного правонарушения. Несанкционированное изготовление, сбыт или использование, а равно подделка государственного пробирного клейма без введения в гражданский оборот изделий с оттиском поддельного пробирного клейма, что влечет введение потребителя в заблуждение относительно природы таких изделий, может представлять собой лишь подготовительную часть недобросовестных конкурентных действий. Объектом данного преступления является установленный законом порядок опробования и клеймения изделий из драгоценных металлов, которым опосредуется их гражданский оборот.

¹⁰⁹ Гертель Е. В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» // Российский следователь. 2010. № 17. С. 19–20.

¹¹⁰ Даниловская А. В. Понятие картеля: от сделки до преступления // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). 21–23 ноября 2018 г. - в 3 ч. М. : РГ Пресс, 2018. С. 112–116.

Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ) совершается в сфере деятельности в области физкультуры и спорта и проведения зрелищных коммерческих конкурсов. Однако здесь не приходится говорить об экономической конкуренции, на защите которой стоит антимонопольное законодательство: спортивные соревнования и зрелищные конкурсы основаны на конкуренции особого рода – неэкономической. Следовательно, данное преступление не имеет отношения к антиконкурентной деятельности хозяйствующих субъектов.

Рассматривая далее значение принципа связи для классификации преступлений, невозможно не отметить его роль в анализе соотношения исследуемой группы уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений. В отличие от УК РФ, в КоАП РФ предусмотрена более уравновешенная система правовых норм, содержащих если не все, то большинство признаков нарушений антимонопольного законодательства. Поместив их описание в гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», законодатель, вне зависимости от субъектного состава, установил ответственность за следующее:

- ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (ст. 14.9);
- нарушение законодательства об организованных торгах (ст. 14.24);
- злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (ст. 14.31);
- заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности (ст. 14.32);
- недобросовестную конкуренцию (ст. 14.33).

При этом ст. 14.33, предусматривающая ответственность за недобросовестную конкуренцию, содержит отсылочную норму к УК РФ, исключая из административно наказуемой недобросовестной конкуренции признаки преступления и, таким образом, отграничивая ее от уголовно наказуемой

недобросовестной конкуренции, специальной статьи о которой в УК РФ не существует.

«Выпадают» из этой более или менее выстроенной системы правонарушений составы, предусмотренные в других главах КоАП:

- ст. 7.30 «Нарушение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности»;

- ст. 15.21 «Неправомерное использование инсайдерской информации», ст. 15.30 «Манипулирование рынком», ст. 15.35 «Нарушение требований законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» гл. 15 «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней».

При этом в гл. 22 УК РФ есть соответствующие им составы преступлений, предусмотренные ст. 200⁴ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 185³ «Манипулирование рынком» и ст. 185⁶ «Неправомерное использование инсайдерской информации».

Тем не менее отмечаемое несоблюдение принципа связи административных и уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства подтверждает вывод об отсутствии системы антиконкурентных преступлений в УК РФ и пробелы уголовного законодательства по наличию встречных уголовно-правовых норм, отражающих отсылочный характер административных.

В отсутствие четко выраженного принципа системности, его важного критерия взаимосогласованности элементов, при определении группы преступлений против добросовестной конкуренции более объективным представляется использовать термин «совокупность», который этимологически означает множество элементов, обладающих некоторыми свойствами,

существенными для их характеристики, но не обязательно системными свойствами¹¹¹.

Таким образом, современное состояние российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию, характеризуется отсутствием четкой и понятной системы соответствующих уголовно-правовых норм. Представляется, что в целях приведения уголовно-правовых норм в соответствие с требованиями экономической безопасности в основе построения системы уголовно-правовых запретов на антиконкурентное поведение должны лежать запреты, сформулированные в специализированном правовом акте – ФЗ «О защите конкуренции».

С учетом изложенного приходим к выводу, что исследуемую группу преступлений составляют деяния, предусмотренные ст. 128¹, 146, 147, 169, 178, 180, 183, 185³, 185⁶, 200⁴, 285, 286 УК РФ. Групповой объект рассматриваемой группы преступлений определяется как добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанных на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности. А саму группу исследуемых преступлений можно определить как совокупность общественно опасных, противоправных, виновных и наказуемых деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанных на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности. В обозначенной группе преступлений против добросовестной конкуренции предложено выделять монополистическую деятельность (картель), недобросовестную конкуренцию, антиконкурентную деятельность должностных лиц органов власти или местного самоуправления и антиконкурентные преступления, совершаемые на торгах.

¹¹¹ Экономико-математический словарь [Электронный ресурс] // https://economic_mathematics.academic.ru/4173/совокупность (дата обращения: 25.09.2020).

ГЛАВА 2 ГЕНЕЗИС ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ

§ 1 История становления и развития российского законодательства об ответственности за преступления, посягающих на конкуренцию

Несмотря на то, что появление современной уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции связано с формированием в стране в 90-х гг. XX века рыночной экономики, первые признаки государственной политики в области регулирования общественных отношений для предотвращения злоупотреблений со стороны предпринимателей с целью ограничения конкуренции между собой появились довольно давно и имели свое развитие, исследование которого позволило выделить его исторические периоды¹¹².

Наиболее ранним этапом становления законодательства в сфере защиты от различного рода злоупотреблений и манипуляций на рынке является XVII век, когда из-за усиления конкуренции между иностранными и отечественными торговцами в России были приняты правовые меры, запрещающие некоторые формы злоупотреблений на рынке и устанавливающие систему мер противодействия им. В частности, Наказ «О сборе померных пошлин» 1681 г. запретил монополистические действия, включая соглашения; Боярский приговор «О нечинении перекупа привозимых на рынки крестьянами припасов» 1694 г. был направлен не только против дороговизны от монополизации, но и на защиту потребителей и добросовестных производителей и торговцев, а также поручил проведение антимонопольного контроля на ряд органов¹¹³.

¹¹² Даниловская А. В. Становление и развитие уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию // Genesis: исторические исследования. 2023. № 12. С. 55-74.

¹¹³ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования: монография. М.: РУДН, 2010. С. 22–34.

В период правления Петра I были приняты законодательные акты, внедрившие новые конкурентные механизмы. Так, Указом 1723 г. был составлен Регламент мануфактур-коллегии¹¹⁴, с ведома которой учреждались фабрики, что, однако, не должно было вредить ранее созданным фабрикам и рыночной ситуации в целом¹¹⁵.

В дальнейшем отмечается активное развитие законодательства, направленного на пресечение монополистических тенденций в торговле, уточнение функций контролирующих органов, регламентацию административного и полицейского порядка рассмотрения дел, связанных с нарушением российского законодательства, в том числе в сфере торговли¹¹⁶.

XIX век отличался значительными изменениями в российском законодательстве, связанными с его кодификацией и появлением свода законов 1832 года. Включенный в него Устав об обеспечении народного продовольствия устанавливал разнообразные антимонопольные механизмы, такие как правила проведения торгов, запреты на сговоры, способные привести к увеличению цен, а также поручение контрольных обязанностей местным полицейским чиновникам с их подотчетностью губернскому начальству¹¹⁷. Интересно, что запрет на сговор между торговцами или промышленниками с целью изменения цен, установленный в ст. 121 раздела 2 «Об учреждении торжков и устройстве рынков», существовал с 1785 года¹¹⁸.

¹¹⁴ Регламент Мануфактур-коллегии от 03.12.1723 г. : извлечение из книги «Законодательство Петра I. 1696–1725 годы» / сост., автор предисл. и вст. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014 [Электронный ресурс] // URL : http://base.garant.ru/57566524/#block_8 (дата обращения: 04.02.2020).

¹¹⁵ А. Н. Голомолзин усматривает в этом прообраз современного механизма контроля крупных сделок слияний и приобретений, целью которого является недопущение ограничения конкуренции, в том числе вследствие возникновения или усиления доминирующего положения компаний на соответствующих товарных рынках (Голомолзин А. Н. Исторические уроки защиты и развития конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20). С. 15).

¹¹⁶ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 35–42.

¹¹⁷ Свод законов Российской Империи: в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балконов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб. : Рус. кн. тов. «Деятель». Кн. 5. Т. 13–14. С. 1–80 [Электронный ресурс] // URL : <https://civil.consultant.ru/reprint/books/220/1.html> (дата обращения: 12.02.2020).

¹¹⁸ Там же. С. 17–18.

В конце XIX – начале XX в. из-за политических и экономических изменений противодействие недобросовестной конкуренции, к которой в то время относили не только ее известные формы, связанные с нарушением правил конкуренции и направленные против добросовестных конкурентов, но и злоупотребление доминирующим положением, а также антиконкурентные соглашения¹¹⁹, являлось одним из важных экономических вопросов¹²⁰. Уголовная политика в сфере охраны конкуренции, как и антимонопольная политика, в это время была развита слабо. Активное развитие промышленного производства, усиление экономической концентрации, экономические кризисы, создавшие условия для картельного движения, привели к пересмотру правительством существующего правового подхода, целью которого стало сдерживание картелей¹²¹.

Не лучшим образом складывалась ситуация с применением правовых мер защиты от недобросовестной конкуренции, в борьбе с которыми экономические средства¹²², как и гражданско-правовые¹²³, оказались бесполезными. В связи с недостаточностью российского законодательства и правоприменения в противодействии недобросовестной конкуренции ученые того времени пытались ответить на многие вопросы, опираясь на опыт зарубежных стран. С помощью такого анализа исследователи пришли к выводам, что необходимо использовать уголовно-правовые средства, которые уже тогда были описаны в источниках русского уголовного права.

Принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало первым документом, включившим в себя описание основных составов преступлений, направленных на ограничение конкуренции или связанных с нею

¹¹⁹ Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 7. С. 130.

¹²⁰ Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 6. С. 48.

¹²¹ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 56–57.

¹²² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / Г. Ф. Шершеневич // URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/912.html (дата обращения: 11.01.2017).

¹²³ Федоров А. Ф. Торговое право. Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1911. С. 206.

недобросовестными проявлениями, санкции за их совершение. Нельзя сказать, что эти преступления образовывали признанную наукой уголовного права конца XIX – начала XX в. определенную систему, хотя в отношении недобросовестной конкуренции высказывались мнения о некоторых статьях Уложения, с помощью которых ей могло оказываться противодействие. К ним, в частности, были отнесены: ст. 1535–1537, устанавливавшие ответственность за клевету и оскорбление, ст. 1360, запрещающая именоваться мастером или вообще заниматься ремеслом, не имея на то установленного права, ст. 1416 и 1418, наказывавшие за присвоение себе знаков отличия, чинов, звания и фамилии, ст. 1187 и 1355, устанавливавшие запрет за нанесение ущерба кредитору путем раскрытия коммерческой тайны или вредных разглашений, а также за разглашение секретов производства¹²⁴.

Анализ научных изысканий современных исследователей в данной сфере свидетельствует о восприятии ими в Уложении 1845 г. группы однородных преступлений, посягающих на институт добросовестных конкурентных отношений¹²⁵. К этой группе были отнесены преступления, содержащиеся в разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» в гл. 2 «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», отд. 2 «О противозаконных действиях для перекупа и непомерного возвышения или понижения цен на жизненные припасы» ст. 913 (ст.

¹²⁴ Федоров А. Ф. Торговое право. С. 207.

¹²⁵ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития. С. 264–265; Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования. С. 21–26; Корниенко В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 30–31; Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование. С. 49–52; Репин П. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 40–43; Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 106–110; Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 46–48; Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. С. 15–16.

1130) – стачка (сговор) торгующих о повышении цен на предметы продовольствия; в гл. 13 «О нарушении торговых уставов», отд. 6 «О нарушении уставов торговых учреждений» ст. 1180 (1615) – стачка о повышении или снижении цены на необходимые товары, ст. 1181 (1619) – склонение к стачке об участии или неучастии в торгах; в гл. 14 «О нарушениях уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», отд. 1 «О нарушении уставов фабричной и заводской промышленности» ст. 1353–1357 (1788–1790) – нарушения прав на изобретения, чужие клейма и знаки, нарушение знака охраны, посягательства на коммерческую тайну незаконное использование чужих рисунков или моделей¹²⁶. Перечисленные деяния условно можно отнести к основной группе преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения.

Характеристика перечисленных преступлений позволяет говорить о наличии их общих элементов, к которым в первую очередь относилось воздействие на сферу экономики, характеризующуюся честной конкуренцией, хотя сама конкуренция как объект охраны не предусматривалась ни в одном из отмеченных выше составов.

Суждения об объекте указанных преступлений, как и в современной науке, переплетались с понятиями частного и публичного интереса, их имущественного и нематериального содержания. Так, Л.С. Белогриц-Котляровский отмечал, что стачки (соглашения) торговцев или промышленников «угрожают опасностью не одному только личному интересу потерпевшего, но и интересам всего общежития, правильному течению экономического оборота ... подрывая самые его основы, его коренные устои»¹²⁷. Н.А. Неклюдов, комментируя ст. 1354 «Подделка заводских клейм и знаков» Уложения, относил ее к группе преступлений против

¹²⁶ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – 5-е изд., доп. / издано проф. имп. училища правоведения Н. С. Таганцевым. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

¹²⁷ Тюнин В. И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 77.

общественного строя¹²⁸: «Цель 1354 статьи – оградить промышленников от противозаконной конкуренции»¹²⁹.

Большое значение для понимания объекта имел зарубежный опыт. Так, Ф. Лист¹³⁰ при изложении различных аспектов уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию отмечал, что в защите здесь нуждаются как имущественные права добросовестных конкурентов, так и неимущественные права, связанные с именем, репутацией, опытом, которые «должны служить в качестве создания индивидуальности, объектом индивидуального права, равноценного с авторскими правами»¹³¹. «Индивидуальное право промышленника» называлось в качестве объекта недобросовестной конкуренции и такими немецкими юристами, как Гарейс, Колер, Гирке¹³².

В публикациях по уголовному праву того времени встречается описание признаков, характерных для перечисленных преступлений. Их анализ приводит к выводу, подтверждающему конкурентно-добросовестную природу охраняемых отношений. Так, Н.А. Неклюдов¹³³, в качестве признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 913 и 1180, устанавливавших уголовную ответственность за опасные соглашения, отметил ряд важных характеристик, значение которых имеет актуальность и в современном правоприменении в отношении картелей. Так, по мнению учёного, в условиях конкуренции только при наличии сговора существует риск того, что снижение или повышение цен может привести к общественному ущербу. Помимо этого, им выделилось общее правило об участниках сговора, характеризующее количественный и качественный аспект их состава, при котором сговор может быть признан преступным: 1) число

¹²⁸ Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права: в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 4. С. 5.

¹²⁹ Там же. С. 530.

¹³⁰ Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М. Тов-во тип. А. И. Мамонтова. 1905. С. 126–133.

¹³¹ Там же. С. 126–127.

¹³² Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 7. С. 135.

¹³³ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. Т. 3. С. 429–431.

торговцев данной местности должно быть настолько значительным, чтобы имелась возможность подавить конкуренцию меньшинства, или 2) число участников сговора хотя и незначительное, но в их руках сосредоточены оптовая продажа или производство, что позволяет им сдерживать конкуренцию со стороны других представителей торговли или производства. Согласно описаниям преступлений, его субъектом могли быть только торговцы и промышленники. Примечательно, что ученый указывал на невозможность привлечения иных лиц ни в качестве самостоятельных субъектов преступления, ни в качестве соучастников. Данное замечание актуально и для современного состояния уголовного права, характеризующегося тенденциями более широкого понимания субъектного состава преступления, предусмотренного, в частности, ст. 178 УК РФ, установившей уголовную ответственность за картель, участниками которого, согласно ФЗ «О защите конкуренции», могут быть только хозяйствующие субъекты.

Правила, изложенные в Уложении, устанавливали уголовную ответственность как за формальные действия (стачку), так и за такие действия участников сговора, которые имели негативные последствия для населения в виде недостатков товаров первой необходимости и нарушения общественного порядка вследствие этого обстоятельства.

Ключевым моментом в законодательстве было четкое разграничение между понятиями стачки (сговора хозяйствующих субъектов) и действий, направленных на устранение конкуренции на торгах, к которому относилось преступление, предусмотренное ст. 1181 Уложения, – склонение одних участников торгов к неучастию в публичных торгах других. Данное деяние также преследует цель избежать конкуренции. Как указывал Н.А. Неклюдов, сговор на торгах направлен прямо против интересов собственника, парализует конкуренцию и удешевляет покупную цену имущества¹³⁴.

¹³⁴ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. Т. 2 С. 670.

Наибольшую общественную опасность, на взгляд законодателя конца XIX в., представляли стачки (ст. 913 и 1180), подделка чужих клейм и знаков (ст. 1354) и разглашение коммерческой тайны (ст. 1355), их совершение влекло наиболее строгое наказание.

Уголовная ответственность за стачки дифференцировалась. Так, за основной состав преступления, предусмотренного ст. 1180 Уложения, виновных зачинщиков преступления подвергали заключению в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев. Иные лица, только принимавшие участие в такой стачке, в зависимости от степени участия, могли быть приговорены к аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев или к денежному взысканию на сумму не свыше 200 рублей. При наличии признаков квалифицированного состава, выразившегося в возникновении действительного недостатка в товарах первой необходимости и, как следствие этого, нарушении общественного спокойствия, зачинщики приговаривались к лишению некоторых прав и привилегий (ст. 50 Уложения, определяя сословную категорию виновных, перечисляет виды прав и привилегий, которых они лишаются) и к заключению в тюрьму на срок от 1 года и 4 месяцев до 2 лет, иные соучастники преступления – к заключению в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев. Примечательно, что сговор на торгах наказывался только денежным взысканием до 500 рублей.

Уложение отграничивало ответственность за нарушения на торгах со стороны должностных лиц: такие деяния были отнесены не к преступлениям, а к проступкам¹³⁵, согласно отд. 6 «О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи» гл. 11 «О преступлениях и проступках

¹³⁵ Согласно отд. 1 «О существе преступлений и проступков» гл. 1 «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» разд. 1 «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» Уложения «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., преступлением признавалось всякое нарушение закона, посягающее на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, в то время как проступком именовалось нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы (см. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санктпетербург : тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. - III, 592, XIV. С. 1 [Электронный ресурс] // URL: <http://hdl.handle.net/11701/8933> (дата обращения: 15.01.2017).

чиновников по некоторым особенным родам службы» Уложения. Среди противоправных деяний указанной группы проступков следует выделить следующие: ст. 491 – допущение к торгам лиц, чьи товары или деятельность не обладают необходимым качеством; ст. 498 – сговор (стачка) должностного лица, осуществляющего проведение торгов, с некоторыми их участниками для недопущения других, «а равно продажа без торга чего-либо из назначенного в продажу с аукциона и за всякое потворство одним покупателям к убытку других»; ст. 499 – несообщение должностным лицом, осуществляющим проведение торгов, о сговоре (стачке), «имеющего целью убыток для казны или частного лица», о чем ему было известно, начальству. Деяния влекли наказания, не связанные с лишением свободы, в виде строгого выговора, отрешения от должности или исключения из службы. Деяние, предусмотренное ст. 499, наказывалось более сурово: помимо отрешения от должности или исключения из службы, согласно ст. 528 Уложения, виновное лицо подвергалось заключению в тюрьму на срок от 2 до 4 месяцев или аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев.

Следует отметить еще одно преступление, образующее форму недобросовестной конкуренции на бирже и предусмотренное гл. 13 отд. 6 «О нарушении уставов торговых учреждений», ч. 1 «О нарушении уставов о бирже» ст. 1277, которая предусматривала ответственность за распространение на бирже вредных для хода коммерции, заведомо ложных известий. Представляется, что данный состав стоит также выделять как преступление, совершаемое против добросовестных конкурентных отношений, так как умышленное распространение заведомо ложной информации способно крайне негативно отразиться на положении хозяйствующих субъектов-конкурентов, оказывая влияние на цены, а значит, и на доход от участия в биржевой торговле. По сути, схожий состав преступления присутствует и в УК РФ. В ст. 185³ «Манипулирование рынком» все чаще исследователи усматривают признаки недобросовестной конкуренции.

Совершенствуя старые нормы в борьбе с картелями, законодатель пересмотрел в Уголовном уложении 1903 г. основания уголовной ответственности, связанные с нарушением правил добросовестной конкуренции. Например,

согласно ст. 242 гл. 11 «О нарушениях постановлений, ограждающих народное благосостояние» влекло заключение в тюрьму «торговца или промышленника, виновного в чрезмерном поднятии цен на предметы продовольствия или иные предметы необходимой потребности по соглашению с другими торговцами этими предметами или промышленниками»¹³⁶. Обращает на себя внимание санкция за деяние, имеющее признаки квалифицированного состава, выразившееся в том, что виновный воспользовался последствиями такого соглашения в виде крайней нужды местного населения в таких предметах, она предполагала заключение в тюрьму до 3 месяцев. Следовательно, законодатель существенно снизил общественную опасность картелей. И хотя, как отмечал А.И. Каминка, данный правовой акт является более строгим, наказывая отдельных лиц, которые пользуются чрезвычайным положением местного населения, чрезмерно поднимая цену на предметы первой необходимости¹³⁷, снижение наказания свидетельствует о пересмотре государством своей позиции в отношении картелей.

Исходя из рассмотренных ранее взглядов на характер преступной деятельности, проявлениям недобросовестной конкуренции предполагалось противодействовать посредством запретов на использование в промышленности или торговле товарных знаков, сходных с товарными знаками, принадлежащим другим промышленникам или торговцам (ст. 356), использование в промышленности или торговле товарных знаков с запрещенными надписями или изображениями (ст. 357), использование в хозяйственной деятельности без разрешения знака, принадлежащего законно учрежденному обществу (ст. 359), разглашение заведомо ложного обстоятельства, подрывающего доверие к промышленной или торговой деятельности лица, общества или учреждения или к способности лица исполнять обязанности его звания или занятия (ст. 540)

¹³⁶ Об утверждении уголовного уложения : Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 416 // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 16 апреля 1903 г. № 88. Отдел первый [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 07.04.2019).

¹³⁷ Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Петроград : Труд, 1917 [Электронный ресурс] // URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18166> (дата обращения: 05.04.2019).

разглашение секретов производства (ст. 543), разглашение банковской, акционерной тайны (ст. 544), разглашение коммерческой тайны (ст. 545).

Заслуживает внимания тот факт, что описания субъективных признаков трех последних составов преступлений указывали на специальный субъект для каждого из них, в качестве которых выступали рабочий и служащий, которым секрет производства был вверен (ст. 543), служащие банковских, акционерных и кредитных учреждений (ст. 544), лица, состоящие на службе в торговом предприятии (ст. 545).

Нарушение прав на произведения и изобретения влекло уголовную ответственность, согласно ст. 620–622 гл. 35 «О преступных деяниях против прав авторов и привилегий на изобретения» Уголовного уложения. Состав преступления, предусмотренный ст. 622, имел признаки недобросовестной конкуренции, так как был ориентирован на противодействие нарушениям с использованием авторских и патентных прав в сфере торговли: в качестве его субъекта указан торговец, который ввел в оборот предмет, заведомо изготовленный с нарушением авторских и патентных прав (наказание предполагалось в виде ареста и штрафа до 500 руб.).

Тем временем из анализа законодательства, изменившихся критериев оценки противоправных деяний следует, что существовал ряд проблем в уголовном праве и правоприменении в сфере охраны общественных отношений от монополистических направлений и недобросовестной конкуренции в экономике, а также о попытках государства изменить ситуацию. Наиболее напряженное положение дел сложилось в отношении предпринимательских союзов – картелей. Одними из насущных вопросов противодействия им отмечались: 1) негибкость существующих уголовно-правовых запретов, 2) наличие полномочий по расследованию и квалификации предпринимательских объединений у судей и судебных следователей, не обладающих ни специальными знаниями, ни необходимыми средствами для анализа рынка, и, напротив, отсутствие у

уполномоченных органов, обладающих перечисленными ресурсами, функций расследования¹³⁸.

Все это сказывалось на уголовном правоприменении: уголовного преследования за картели в России того времени не существовало¹³⁹, что объяснялось отсутствием возможностей следствия и суда разбираться в рыночной конъюнктуре и деятельности предпринимательских объединений, неспособностью правильно их квалифицировать с точки зрения как гражданского, так и уголовного закона¹⁴⁰.

Для того, чтобы решить эти проблемы и создать новую систему антимонопольного регулирования в стране, был разработан ряд мер. При формировании этой системы был выбран принцип, который заключался в совершенствовании механизма уголовной ответственности за монополистические действия наряду с использованием судами гражданско-правовых механизмов для предотвращения деятельности картелей. Такой акцент был сделан в связи с существовавшим в стране в целом неоднозначным отношением к картелям: несмотря на имеющиеся в Уложении 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных ст. 913 и 1180, запрещающие стачки (сговор) между торговцами и промышленниками, российское правительство демонстрировало свою лояльность к картелям¹⁴¹, а в судебной практике имелись решения, которые принимались в рамках гражданско-правовых споров между членами картеля¹⁴². Были даже предпосылки появления самостоятельной отрасли права – картельного права, которая включала в себя государственное право, административное право,

¹³⁸ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 68.

¹³⁹ Каминка А. И. Основы предпринимательского права. // URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18166> (дата обращения: 05.04.2019).

¹⁴⁰ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 66–67.

¹⁴¹ Каминка А. И. Основы предпринимательского права // URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18166> (дата обращения: 05.04.2019).

¹⁴² См., напр.: Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 1. § 55; Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 62–63.

криминалистику, гражданское право и политическую экономию¹⁴³. В научной среде предпринимались попытки дать гражданско-правовое понятие картеля, изучить структуру картелей¹⁴⁴. В то же время русские ученые признавали и действующий уголовно-правовой запрет на сговоры (стачки), содержащийся в ст. 913 (1180) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., который мог быть применен и к синдикатам¹⁴⁵.

В целях разрешения указанных противоречий в 1914–1916 гг. был разработан ряд поправок в действующее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которыми: 1) предполагалось увеличение круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 1180 «сговор о повышении цен на товары первой необходимости» (к ним предлагалось относить не только членов картеля, но и членов его правления, поверенных и других прикосновенных к картелю лиц); 2) вводилась уголовная ответственность за отказ предоставить контролирующему органу документы или сведения о деятельности предпринимательского объединения (ст. 1197(4)), а также за индивидуальные действия торговца или промышленника, направленные на необоснованное повышение цен (ст. 913(1) и 1180(1)), за создание искусственного дефицита товара (ст. 1180(2)); 3) ужесточалась уголовная ответственность за монополистическую деятельность увеличением санкций, в частности размер штрафа вырос до 10 000 рублей¹⁴⁶.

Были предусмотрены и иные меры, направленные на улучшение работы уполномоченных органов государства в сфере противодействия картелям¹⁴⁷.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что в XIX в. в России стала зарождаться концепция охраны и поддержки конкуренции, появилась система относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на

¹⁴³ Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1 // URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1619.html (дата обращения: 26.02.2016).

¹⁴⁴ Там же; Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 1. § 55.

¹⁴⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 1. § 55.

¹⁴⁶ Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. С. 70–75.

¹⁴⁷ Там же. С. 89–90.

добросовестные конкурентные отношения, которые выделялись среди других преступлений в сфере экономической деятельности своей антиконкурентной направленностью. Последующие в начале XX в. изменения, нацеленные на более четкую регламентацию видов преступлений, связанных с ограничением конкуренции, решение уголовно-процессуальных проблем расследования таких преступлений, особенно по фактам картелей, наделение соответствующими функциями органов государственной власти, уточнение критериев антимонопольной политики в целом свидетельствуют о восприятии государством высокой степени общественной опасности этих деяний, необходимости противодействовать им и укреплении основ такого противодействия.

Произошедшие после 1917 г. события остановили начавшийся активно развиваться этап формирования государственной политики в сфере охраны и поддержки конкуренции. После революции принятые новым государством нормативные правовые акты также предусматривали уголовную ответственность за преступления, в частности, имевшие некоторое сходство с современной монополистической деятельностью. Так, Декретом СНК об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и обмене от 15 июля 1921 г. была установлена уголовная ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки между торговцами или путем злостного невыпуска товара на рынок¹⁴⁸.

Анализ первых уголовных кодексов Советского государства, когда экономика страны строилась уже на иных принципах, чем ранее, имея в основе централизованный государственный монополизм¹⁴⁹, дает основания утверждать, что отдельные заложенные ранее критерии охраны интересов, связанных с конкуренцией, сохранились. В правовой литературе первых лет советской власти поднимался вопрос о важности противодействия тем проявлениям

¹⁴⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. проф. И. Т. Голякова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953. С. 100.

¹⁴⁹ Шкараденко И. А. Правовое регулирование конкуренции и ограничение монополистической деятельности на товарных рынках по законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12.

недобросовестной конкуренции, которые, несмотря ни на что, оставались в экономике. При отрицании необходимости наличия в стране специального законодательства о конкуренции¹⁵⁰ признавалась актуальность существующих в УК РСФСР 1922 г. статей, которые могли защитить «публичные интересы от явно недобросовестных действий торгующих»¹⁵¹.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в действие с 1 июня 1922 г., содержал гл. IV «Преступления хозяйственные», ст. 137 которой предусматривала уголовную ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок¹⁵². Деяние каралось лишением свободы на срок не ниже шести месяцев и конфискацией части имущества с запрещением права торговли. Политика создания государственных монополий привела к появлению в Уголовном кодексе ст. 136, установившей уголовную ответственность за нарушение положений, регулирующих проведение их в жизнь. Таким образом под охрану были поставлены публичные интересы, связанные с централизованным государственным управлением. В первом Уголовном кодексе Советского государства было уделено внимание и недобросовестной конкуренции, которая как явление не могла быть полностью исключена, о чем свидетельствует наличие в гл. 6 «Имущественные преступления» ст. 199, в соответствии с которой преследовалось самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием. Деяние наказывалось принудительными работами на срок до 1 года или штрафом в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

¹⁵⁰ Эстрин А. Я. Хозяйственные преступления и уголовное право (к вопросу о «хозяйственных преступлениях» в УК РСФСР) // Революция права. 1927. № 3. С. 52–53 [Электронный ресурс] // URL : <https://naukaprava.ru/catalog/435/712/1996/18255?view=1> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁵¹ Иделиович Л. Л. Недобросовестная конкуренция // Вестник советской юстиции. Харьков, 1926. № 7. С. 291. [Электронный ресурс] // URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/438/558313/37302?view=1> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁵² Уголовный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 01.06.1922 г. / [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 01.03.2019).

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 22 ноября 1926 г.¹⁵³, в целом продолжил основные тенденции в сфере уголовно-правовой защиты государственной монополии и противодействия недобросовестной конкуренции. Так, ст. 107 содержала почти идентичный ст. 137 УК РСФСР 1922 г. состав, но помещен он был в гл. II «Преступления против порядка управления», что свидетельствует о смещении акцентов в уголовно-правовой охране: соблюдение установленного порядка в регулировании цен напрямую затрагивало общегосударственные интересы. Статья предусматривала ответственность за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок, наказание за его совершение было предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 1 года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев наказывались лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества. В 1932 г. редакция статьи была существенно изменена¹⁵⁴, объективная сторона стала выражаться в скупке и перепродаже частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления, которые наказывались лишением свободы на срок не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества.

Среди деяний, образующих недобросовестную конкуренцию, следует выделить два состава, предусмотренные гл. 7 «Имущественные преступления». Статья 177 устанавливала уголовную ответственность за посягательства на объекты патентных и авторских прав, ст. 178 – за самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.¹⁵⁵, не предусматривал ответственность за монополистические действия и

¹⁵³ Уголовный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 22.11.1926 г. (в ред. от 22.11.1926 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://museumreforms.ru/node/13973> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁵⁴ Уголовный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 22.11.1926 г. (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.01.1956 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁵⁵ Уголовный кодекс РСФСР: закон от 27.10.1960 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 02.03.2020).

уже не включал специальный состав преступления, образующего недобросовестную конкуренцию.

Существенные изменения УК РСФСР стали происходить с начала 90-х гг., с переходом страны к рыночной экономике¹⁵⁶. Отношение к государственному монополизму изменилось на противоположное, в стране начались процессы разгосударствления и приватизации. В 1991 г., с принятием первого в России специального антимонопольного акта – Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции 1991 г.), в стране была установлена уголовная ответственность за нарушение его норм. Изначально она предусматривалась ст. 24 Закона о конкуренции 1991 г. и касалась должностных лиц органов власти и управления и хозяйствующих субъектов, виновных в неоднократном уклонении от исполнения или несвоевременном исполнении предписаний антимонопольного органа, а также в неоднократном предоставлении заведомо недостоверных (ложных) сведений, необходимых антимонопольному органу для осуществления его деятельности. Соответствующие изменения в 1992 г. были внесены в гл. VII «Должностные преступления» УК РСФСР включением в ее содержание ст. 175¹ «Нарушение антимонопольного законодательства». Согласно указанной статье, уголовная ответственность наступала за неисполнение в срок должностным лицом органа власти, управления или хозяйствующего субъекта законных предписаний антимонопольного органа, если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия.

Далее Законом РФ от 1 июля 1993 г. в гл. VI «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса РСФСР была введена ст. 154³ «Незаконное повышение или поддержание цен». Уголовная ответственность предусматривалась за незаконное повышение или поддержание цен, совершенное в результате монополистической деятельности путем создания препятствий доступу на рынок другим

¹⁵⁵ Князева И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Национальная экономика». М. : Омега-Л, 2006. С. 162.

¹⁵⁶ Уголовный кодекс РСФСР: закон от 27.10.1960 г. (в ред. Закона от 30.07.1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

хозяйствующим субъектам, либо изъятия товаров из обращения, либо сдерживания их от реализации, либо другого устранения от потребителей (ч. 1). Квалифицирующим признаком являлось совершение этих же действий по предварительному сговору между гражданами-предпринимателями, а равно должностными лицами хозяйствующих субъектов или органов представительной и исполнительной власти (ч. 2). Незаконное повышение или поддержание цен путем насилия или угрозы его применения квалифицировалось по ч. 3 указанной статьи. Часть 4 предусматривала ответственность за преступления, предусмотренные ч. 1 и 3, совершенные организованной группой или лицом, ранее судимым за данные преступления.

Это был первый состав преступления, в котором содержались признаки противоправной монополистической деятельности, направленной против конкурентных основ зарождающейся рыночной экономики страны. Анализ деятельности антимонопольного и правоохранительных органов тех лет свидетельствует о том, что ст. 154³ и 175¹ УК РСФСР практически не применялись при пресечении нарушений правил конкуренции, что объяснялось как несовершенством законодательства, так и особенностями правоприменительной деятельности соответствующих органов¹⁵⁷.

Основным составом недобросовестной конкуренции можно назвать состав преступления, предусмотренный ст. 155 «Незаконное пользование товарными знаками».

Таким образом, к 1996 г. в УК РСФСР существовало описание преступлений, посягающих на общий объект – добросовестные конкурентные отношения: ст. 154³, 155, 156, а также ст. 175¹, чей объект посягательства несколько иной – он шире, так как посягает и на отношения в области властно-распорядительной и управленческой деятельности государства, но также связан с обеспечением добросовестной конкуренции на рынке между хозяйствующими субъектами. Составы преступлений сформулированы как формальные, что означало

¹⁵⁷ Тотьев К. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. 1998. № 5. С. 55.

признанную государством высокую степень их общественной опасности. При этом преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 154³, а также ч. 3 ст. 156 были отнесены, согласно ст. 7¹ УК РСФСР, к тяжким преступлениям. Важным условием наступления уголовной ответственности по ст. 175¹ и 156⁵ являлась административная преюдиция. Эти же преступления совершались специальным субъектом, указанным в диспозиции уголовно-правовой нормы. Относительно других составов – субъект общий, но исходя из природы объективной стороны данных преступлений им является лицо, осуществляющее деятельность в сфере торговли.

Запреты Закона о конкуренции 1991 г. нашли свое отражение и в УК РФ 1996 г., который предусматривал в гл. 22 ряд составов преступлений, составляющих группу деяний, прямо или косвенно направленных против добросовестной конкуренции. К таковым можно отнести ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 178 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», ст. 180 «Незаконное использование товарного знака», ст. 182 «Заведомо ложная реклама», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну», ст. 200 «Обман потребителей».

Первоначальная редакция ст. 178, содержащая основной состав рассматриваемой группы преступлений, просуществовавшая с 1996 по 2003 гг., называлась «Монополистические действия и ограничение конкуренции» и предусматривала ответственность за широкий спектр действий, в частности монополистических, совершенных путем установления монопольно высоких или монопольно низких цен, а также ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен. Состав преступления был формальным, а в качестве квалифицирующих признаков назывались неоднократность либо совершение деяний группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2), а также совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2, с применением насилия или с угрозой его применения,

а равно с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (ч. 3).

В 2003 г. статья сменила название на «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции». Состав преступления стал материальным, установленная сумма ущерба составила свыше 1 млн руб., изменились квалифицирующие признаки: в качестве таковых были названы использование служебного положения и группа лиц по предварительному сговору (ч. 2).

В 2009 г., после принятия и вступления в силу в 2006 г. нового антимонопольного закона – ФЗ «О защите конкуренции», описание признаков преступления кардинально изменилось, уголовная ответственность наступала за недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере. Крупный размер ущерба по-прежнему составлял свыше 1 млн руб., сумма дохода в крупном размере была определена в 5 млн рублей. Из перечня квалифицирующих признаков был устранен признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, добавился признак особо крупного ущерба и извлечение дохода в особо крупном размере, размеры которого составляли 3 млн и 25 млн руб. соответственно. Статья пополнилась примечанием, содержащим условия освобождения от уголовной ответственности, к которым были отнесены способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате действий, предусмотренных данной статьей, отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Предусматривалось в примечании и понятие неоднократности злоупотребления доминирующим положением: она определялась

привлечением лица к административной ответственности за злоупотребление доминирующим положением более двух раз в течение 3 лет.

В 2015 г. законодатель, в очередной раз изменив название (теперь на «Ограничение конкуренции»), существенно сузил перечень признаков состава этого преступления, установив уголовную ответственность лишь за картель и исключив ее для всех иных форм монополистической деятельности. В частности, признаки преступления составили заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере. При этом повысился размер крупного и особо крупного ущерба – свыше 10 и 30 млн руб. соответственно, а также размер дохода в крупном и особо крупном размере – свыше 50 и 250 млн рублей. Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель вновь изменил размеры крупного и особо крупного ущерба, а также показатели дохода в крупном и особо крупном размере, теперь они составляют 80 млн и 395 млн, 16 млн и 47 млн 500 тыс. рублей соответственно¹⁵⁸.

Условия освобождения от уголовной ответственности трансформировались: теперь освобождается от уголовной ответственности лицо, которое первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

¹⁵⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202404060014?index=1> (дата обращения: 18.04.2024).

С течением времени изменения происходили и с редакциями иных статей УК РФ, составы преступлений в которых имели признаки нарушений антимонопольного законодательства, а обман потребителей и заведомо ложная реклама были декриминализованы.

Таким образом, в истории Российского государства описание преступлений против добросовестной конкуренции было предусмотрено в источниках уголовного права в разные периоды развития страны. Концепция уголовно-правовой охраны конкуренции в России стала зарождаться в XIX в. и характеризовалась наличием описания составов преступлений, объектом посягательств которых могла быть экономическая конкуренция. Анализ положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г., позволяет отметить довольно четкую дифференциацию этих преступлений. Проблемы эффективности выявления и расследования дел по признакам посягательств на конкуренцию в начале XX века были связаны с лояльной государственной позицией относительно картелей, с несовершенством норм процессуального характера в деятельности правоохранительных органов и органов контроля, рассогласованностью их полномочий, слабостью организационных основ. Изменение политико-экономической основы страны после событий 1917 г. привело к иной позиции государства: специальных норм, направленных на защиту конкуренции, в том числе уголовно-правовой не предусматривалось. Становление рыночной экономики в конце XX века, принятие в 1991 г. первого антимонопольного закона, изменения в связи с этим УК РСФСР 1960 г. и вступление в 1997 г. в силу УК РФ ознаменовали новый этап в уголовно-правовой политике в сфере охраны добросовестной конкуренции, для которой прошлый опыт может оказаться весьма полезным, ибо современная Российская Федерация во многом имеет почти аналогичные концу XIX в. проблемы по противодействию преступлениям против добросовестной конкуренции.

§ 2 Международные акты в сфере противодействия правонарушениям, посягающим на конкуренцию

Охрана конкуренции и борьба с совершаемыми против нее или в ее сфере наиболее опасными правонарушениями, как показало проведенное исследование¹⁵⁹, является одним из центров внимания мирового сообщества и активно обсуждается на площадках таких международных организаций, как ООН, ВТО, ЕАЭС, БРИКС. Однако каких-либо специальных международных конвенций, направленных непосредственно на защиту конкуренции, объединяющих на этой основе государства и являющихся для них обязательными, в мире не принято. Тем не менее существует ряд международных конвенций, договоров и иных актов международного характера, из анализа которых следует, что постепенно создается правовая база не только для определения общих ориентиров политики защиты конкуренции, но и установления более четких правил взаимодействия ведомственных и правоохранительных органов государств. Помимо этого, каждая международная организация в своих актах обращается к вопросам уголовной ответственности за нарушения правил конкуренции, определяя ее основания, меры, обстоятельства, условия освобождения от ответственности.

Первым таким документом следует признать Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности 1883 г., которая содержит общий запрет на недобросовестную конкуренцию, предусматривая не только ее понятие и отдельные формы, но также обязывая страны-участницы Конвенции обеспечить эффективную защиту от нее¹⁶⁰. Так, согласно ст. 10-bis Парижской конвенции, актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах.

¹⁵⁹ Даниловская А. В. Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №2. С. 123-138.

¹⁶⁰ Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 г. // URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/paris/trt_paris_001ru.pdf (дата обращения: 06.07.2019).

Самые распространенные формы недобросовестной конкуренции связаны с неправомерным использованием объектов интеллектуальной собственности. Их международно-правовая защита основана на многочисленных международных конвенциях, но именно правовые акты ВТО призваны обеспечить их соблюдение и защиту при использовании объектов интеллектуальной собственности в сфере торговли и производства. В их числе Соглашение по торговле услугами (ГАТС) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), подписанные 15 апреля 1994 г.

Соглашение ТРИПС содержит достаточно определенные уголовно-правовые механизмы защиты интеллектуальных прав в международной торговле. В частности, согласно ст. 61, в странах-участницах Конвенции уголовно-правовые меры должны применяться при умышленном подделывании товарных знаков, пиратстве в сфере авторского права в коммерческих масштабах, а также в иных случаях, если деяние совершено преднамеренно и в коммерческих масштабах. При этом в качестве средств правовой защиты участники Конвенции должны предусматривать тюремное заключение и/или денежные штрафы, достаточные для обеспечения сдерживания в соответствии с уровнем наказаний, применяемых за преступления соответствующей тяжести, а также арест, конфискацию и уничтожение контрафактных товаров и любых материалов¹⁶¹.

Вопросам политики защиты конкуренции, а также ее влияния на международную торговлю посвящены п. 23–25 Декларации министров, принятой ВТО 14 ноября 2001 г. В частности, стороны договорились о разработке положений о жестких картелях¹⁶². Несмотря на отсутствие специального акта о защите

¹⁶¹ Agreement on Trade-Related aspects of intellectual property rights (as amended on 23 January 2017) : the TRIPS Agreement is annex 1C of the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, signed in Marrakesh, Morocco on 15 April 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm (дата обращения: 02.07.2019 г.)

¹⁶² Министерская Декларация от 20.11.2001 г.: Доха, ВТО. // URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_e.htm (дата обращения: 02.07.2019).

конкуренции в рамках ВТО, отдельные правила о конкуренции внедряются в значимые документы организации¹⁶³.

В то же время попытки решить вопросы охраны конкуренции более широкого характера на основе унифицированных правил предпринимаются в рамках ООН. Так, в 1980 г. Конференцией ООН по ограничительной деловой практике, действующей под эгидой ЮНКТАД, принята резолюция, утвердившая Комплекс многосторонних согласованных принципов справедливости и Правила контроля ограничительной деловой практики¹⁶⁴ (далее – Резолюция, Перечень правил ООН по вопросам конкуренции). Данным документом введено понятие ограничительной деловой практики, которой признано поведение предприятия, во-первых, представляющее собой злоупотребление доминирующим положением, ограничивающее доступ к рынкам или иным образом излишне сдерживающее конкуренцию, имеющее или способное оказать неблагоприятное воздействие на международную торговлю, и, во-вторых, посредством формальных, неформальных, письменных или устных соглашений, имеющее аналогичное влияние. Закрепленные в Резолюции виды противоправных актов поведения нашли отражение в Типовом законе о конкуренции 2000 г.¹⁶⁵ Основными среди них являются ограничительные соглашения или договоренности между конкурирующими фирмами независимо от того, являются ли такие соглашения письменными или устными, официальными или неофициальными, а также действия или поведение, представляющие собой злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Перечень правил ООН по вопросам конкуренции предусматривает основания для введения санкций и применения средств правовой защиты, среди которых нарушения положений закона, невыполнение решений или постановлений

¹⁶³ Русин К. ВТО как координатор в противодействии недобросовестной межстрановой конкуренции // Экономические науки. 2009. № 8 (57). С. 371–372.

¹⁶⁴ The United Nations Set of Principles and Rules on Competition: the Set of Multilaterally Agreed Equitable Principles and Rules for the Control of Restrictive Business Practices. Доступ с сайта ЮНКТАД // URL: <https://unctad.org/en/Docs/tdrbpconf10r2.en.pdf> (дата обращения: 06.07.2019).

¹⁶⁵ Типовой закон о конкуренции 2000 ЮНКТАД // URL: https://unctad.org/ru/docs/tdrbpconf5d7rev3_ru.pdf (дата обращения: 2.07.2019).

административного (антимонопольного) органа или соответствующего судебного органа, непредставление требуемой информации или документации в пределах установленного срока, представление информации или выступление с заявлениями, которые являются ложными или вводящими в заблуждение.

Одним из видов санкций, рекомендованных для реагирования на случаи грубого и намеренного серьезного нарушения закона или правоприменительного постановления физическим лицом, названо лишение свободы. Следовательно, на международном уровне признана необходимость введения мер уголовно-правовой ответственности за отдельные нарушения внутреннего антимонопольного законодательства как одной из адекватных форм реагирования на поведение хозяйствующих субъектов¹⁶⁶.

Таким образом, принятая в 1980 г. Резолюция, будучи единственным универсальным международным актом в сфере политики защиты конкуренции, определяет общие критерии охранительных мер и призвана обеспечить взаимодействие между антимонопольными и иными органами всех стран-участниц ООН в сфере реализации международных правил конкуренции и ее охраны.

Другой основой для формирования как международной, так и внутригосударственной политики защиты конкуренции является ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), которая рассматривает самые разные вопросы, связанные с охраной конкуренции, исследуя, в частности, возможности применения правовых средств защиты конкуренции на основе принципов международного права, но с учетом особенностей национальных законодательств и юрисдикций. В рамках ОЭСР приняты акты, ориентированные на оказание помощи странам в противодействии картелям, сговорам на торгах, злоупотреблению доминирующим положением, коррупции. Особое внимание организация уделяет опасности жестких картелей. По этому поводу в 1998 г.

¹⁶⁶ Даниловская А. В. Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №2. С. 127.

приняты Рекомендации¹⁶⁷, адресованные членам ОЭСР, направленные на эффективное и рациональное противодействие картелям, включая жесткие запреты, санкции не только за участие в картелях, но и за противодействие антимонопольным органам в их расследованиях в форме непредоставления требуемой информации.

Согласно Докладу о практике применения странами ОЭСР указанных Рекомендаций, странам рекомендовано устанавливать уголовную ответственность физических лиц за участие в картелях, проводить соответствующую работу среди правоприменителей, убеждая их в необходимости применения уголовно-правовых санкций в борьбе с картелями, налаживать взаимодействие между антимонопольными и правоохранительными органами¹⁶⁸.

Учитывая распространенность сговоров на торгах и их опасность для экономик, ОЭСР в 2009 г., а затем в 2012 г. разработала Руководство по борьбе с фальсификациями заявок в сфере государственных закупок, призывая страны пересмотреть внутреннее законодательство, регулирующее закупки, а также правоприменение в этой сфере, с целью уменьшения рисков возникновения сговоров¹⁶⁹.

Несмотря на то, что Россия не является участником ОЭСР, подходы к ответственности за посягательства на конкуренцию, выработанные в рамках данной организации, могут быть полезными при определении ориентиров и направлений российской конкурентной и уголовно-правовой политики.

Признавая значимость конкуренции и необходимость решения проблем в ее сфере, в рамках БРИКС странами-участницами принимаются различного рода документы, проводятся мероприятия, направленные на сотрудничество по вопросам конкурентной политики. Таковыми являются, например, Стратегия

¹⁶⁷ Recommendation of the OECD Council Concerning Effective Action against Hard Core Cartels As approved by Council on 25 March 1998 C (98) 35/FINAL – C/M(98)7/PROV // URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/2350130.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).

¹⁶⁸ Recommendation of the Council on fighting bid rigging in public procurement : OECD/LEGAL/0396 : as adopted by the OECD Council on 17 July 2012 on the proposal of the Competition Committee P. 39–40 // URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/cartels/35863307.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).

¹⁶⁹ Recommendation of the Council on fighting bid rigging in public procurement // URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/cartels/35863307.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).

экономического партнерства БРИКС 2015 г. (п. II.1)¹⁷⁰, Совместное заявление руководителей конкурентных ведомств стран БРИКС 2015 г.¹⁷¹, Уфимская декларация (п. 25)¹⁷². С 2009 г. странами БРИКС регулярно проводятся конференции по конкуренции под эгидой БРИКС, на которых обсуждаются вопросы политики защиты конкуренции и правоприменения в этой сфере, вырабатываются согласованные подходы к их решению.

Большое значение для развития внутренней политики защиты конкуренции в целом и уголовно-правовых норм за нарушение национального законодательства о защите конкуренции в частности имели и имеют международные соглашения, заключенные в рамках СНГ. Начало сотрудничеству в этой сфере было положено подписанием 12 марта 1993 г. Соглашения о согласовании антимонопольной политики от 12 марта 1993 г.¹⁷³, а затем сменившим его в 2000 г. Договором о проведении согласованной антимонопольной политики¹⁷⁴. Указанные документы, хотя и предусматривали некоторые материально-правовые нормы, в основном были направлены на обозначение общих аспектов взаимодействия государств-участниц СНГ по вопросам совместной антимонопольной политики. Более детальное содержание антимонопольной политики стран СНГ было отражено в других документах – Рекомендательном законодательном акте о защите экономической конкуренции, принятом 17 февраля 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ¹⁷⁵, и Модельном законе «О защите

¹⁷⁰ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. : неофициальный перевод // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf> (дата обращения: 17.08.2019).

¹⁷¹ Совместное заявление руководителей конкурентных ведомств стран БРИКС: неофициальный перевод // URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 11.08.2019).

¹⁷² Уфимская декларация // URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/150709-ufa-declaration-ru.pdf> (дата обращения: 11.08.2019).

¹⁷³ Соглашение о согласовании антимонопольной политики от 12.03.1993 г. // URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=203> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁷⁴ Договор о проведении согласованной антимонопольной политики от 25.01.2000 г. // URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1000> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁷⁵ О рекомендательном законодательном акте о защите экономической конкуренции: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 7–9 от 17.02.1996 г. // URL :

конкуренции»¹⁷⁶, схожем по структуре и содержанию с российским ФЗ «О защите конкуренции». Законодательным актом о защите экономической конкуренции стран СНГ (далее – Закон) было рекомендовано предусмотреть в своих национальных законах уголовную ответственность для должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления или хозяйствующих субъектов за ряд нарушений требований антимонопольного законодательства. В частности, в ст. 20 основаниями уголовной ответственности предлагалось признать неоднократное осуществление регистрации хозяйствующих субъектов или их объединений без согласия органа по защите конкуренции при осуществлении им функций государственного контроля за созданием, реорганизацией, ликвидацией хозяйствующих субъектов и их объединений, непредоставление в срок по требованию органа по защите конкуренции документов либо иной информации, необходимой для осуществления его деятельности и др.

Одновременно с указанным законодательным актом был принят Модельный Уголовный кодекс для стран-участниц СНГ¹⁷⁷, который содержит ряд уголовно-правовых норм, предусматривающих традиционные составы преступлений, совершаемых против добросовестной конкуренции. В частности, речь идет о ст. 265 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», ст. 266 «Злостное нарушение порядка проведения публичных торгов или аукционов», ст. 267 «Незаконное использование товарного знака», ст. 268 «Заведомо ложная реклама», ст. 269 «Незаконное получение информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну», ст. 270 «Разглашение коммерческой или банковской тайны», ст. 254 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 161 «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей».

<http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=549> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁷⁶ О Модельном законе «О защите конкуренции»: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 41–11 от 28.11.2014 г. // URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5065> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁷⁷ О Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 г. № 7–5 // URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=563> (дата обращения: 01.08.2019).

Следующим уровнем развития международных основ защиты конкуренции на постсоветском пространстве стал Таможенный союз, а затем – ЕАЭС. Первоначально одной из правовых основ единого экономического пространства, определяющего правила для конкуренции, являлось Соглашение о принципах и правилах конкуренции 2010 г., позднее – отдельный раздел XVIII Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в 2014 г.

Принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий, предусмотренный Соглашением о принципах и правилах конкуренции, ориентировал участников данного договора предусмотреть в своем законодательстве санкции в отношении как хозяйствующих субъектов, так и должностных лиц органов власти. При этом самые высокие размеры штрафов предполагались за антиконкурентные соглашения и злоупотребление доминирующим положением.

Об уголовной ответственности за антиконкурентные нарушения в рамках Единого экономического пространства впервые было сказано в проекте Модельного закона «О конкуренции» для стран Единого экономического пространства¹⁷⁸. В нем наряду с аналогичной нормой о штрафных санкциях Соглашения о принципах и правилах конкуренции содержалось общее установление возможности закрепления законодательством государств за нарушение законодательства о конкуренции, помимо административной, также и уголовной ответственности для физических и должностных лиц. Однако в дальнейшем это положение было изменено, и уже в окончательном тексте Модельного закона «О конкуренции» предусматривались подробные основания уголовной ответственности, к которым были отнесены заключение ограничивающего соглашения (картеля) и участие в нем, а также неоднократное злоупотребление доминирующим положением, выразившееся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара,

¹⁷⁸ Модельный закон «О конкуренции»: утв. решением Высшего Евразийского экономического совета № 50 от 23.10.2013 г. // URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 27.07.2019).

необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок¹⁷⁹.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) также предусматривает правила для конкуренции хозяйствующих субъектов и ее защиты. Особо в нем оговариваются запреты на соглашения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными осуществляющими их функции органами или организациями или между ними и хозяйствующими субъектами, если такие соглашения приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции за отдельными исключениями, а также на предоставление государственных или муниципальных преференций, за исключением случаев, предусмотренных в законодательстве государств-членов, и с учетом особенностей, предусмотренных Договором и (или) другими международными договорами государств-членов¹⁸⁰.

Международные акты, принятые в рамках СНГ и ЕАЭС, имеют региональный характер и предопределены одинаковыми историческими и экономическими аспектами развития стран, их участниц. Вследствие этого наблюдаются не только единообразие формирования современной системы права, но и общность подходов к определению направлений антимонопольной политики, а также стремление стран к объединению усилий по их реализации. Таким образом, наличие общих интересов, исходящих из исторически сложившихся предпосылок, в качестве принципа взаимодействия могут лечь в основу развития эффективных международно-правовых основ противодействия посягательствам на конкуренцию, ибо общность интересов является одним из главных факторов международного сотрудничества как по вопросам антимонопольной политики¹⁸¹, так и уголовного права¹⁸².

¹⁷⁹ Модельный закон «О конкуренции»: утв. решением Высшего Евразийского экономического совета № 50 от 23.10.2013 г. // URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 27.07.2019).

¹⁸⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе // URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁸¹ См., напр.: Рокоссовская В. В. Международно-правовое сотрудничество в области конкуренции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14.

¹⁸² См., напр.: Спиридонов А. П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 13.

Другим важнейшим принципом взаимодействия органов власти разных стран является так называемый принцип вежливости, проявляющийся через ограничение экстерриториальности действия национального антимонопольного закона и не всегда соблюдаемый странами при расследовании международных картелей. Так, на практике имеют место случаи, когда антимонопольный режим одной страны не учитывает национальные особенности антимонопольного законодательства и экономического развития другой страны и применяет свои правила в отношении сделок, заключенных за ее пределами и не оказывающих какого-либо влияния на ее рынок¹⁸³. Такого рода ситуации порождают вмешательство в суверенитет другого государства и, как следствие, конфликт и излишнюю напряженность в межгосударственных отношениях.

Выявленная асимметрия вызвана целым рядом причин, которые связаны с отсутствием полноценного взаимодействия между странами при обнаружении международного картеля¹⁸⁴. Так, публичные сообщения органов развитых стран о расследовании ими международных картелей могут не содержать значимой для других стран информации, в силу чего последние вынуждены самостоятельно проводить расследования на предмет установления влияния международного картеля на их рынки. Помимо этого, у стран возникают и другие проблемы, которые в отсутствие универсальных правил взаимодействия существенно затрудняют им весь процесс расследования. Причем от сложившейся практики

¹⁸³ Zelger B. EU Competition law and extraterritorial jurisdiction – a critical analysis of the ECJ's judgement in Intel. *European Competition Journal* // URL: <https://doi.org/10.1080/17441056.2020.1840844> (дата обращения: 01.11.2020); Choi J.H., Park JY, Lee C. Cartels 2019: South Korea. *Global Practice Guides*. // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2852/5677-5685-5686-5687-5688-5689> (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁸⁴ Международное сотрудничество в соответствии с разделом F Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой: принятие руководящих принципов и процедур: записка секретариата ЮНКТАД, подготовленная в рамках Восьмой конференции ООН по рассмотрению всех аспектов Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой, проведенной в Женеве 19–23 октября 2020 г. // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf5d1_ru.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

страдают развивающиеся страны - лишь немногим из них удастся активно бороться с международными картелями¹⁸⁵.

Отчасти проблема связана с особенностями внутреннего законодательства, не предусматривающего основы взаимодействия не только с иностранными органами при выявлении и расследовании дел о картелях, но и между национальными антимонопольными и правоохранительными органами. Так, даже в рамках ЕАЭС такие правила предусмотрены лишь законами Республики Беларусь (ст. 17 Закона от 12 декабря 2013 г. № 94-ФЗ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции») и Казахстана (ст. 90-5 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК). Помимо этого, закон может содержать ограничения применения правил взаимодействия или такие его положения, которые станут обязательными для другой страны. Например, согласно Закону США о международном антитрестовском правоприменении 1994 г., помощь иностранному государству может быть оказана лишь при условии, что иностранный антимонопольный закон, применяемый иностранным антимонопольным органом, является уголовным¹⁸⁶.

В отсутствие специальных международных актов по борьбе с противодействиями конкуренции рассматривался вопрос о возможности применения к делам, возбужденным по признакам картеля с участием иностранных хозяйствующих субъектов, международных конвенций по борьбе с трансграничными правонарушениями, в частности Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 12 декабря 2000 г. Но применение к криминальным международным картелям указанного документа оказалось затруднительным в связи с различием тех или иных аспектов внутренней уголовной политики в сфере охраны конкуренции, а также наличием национальных стратегических интересов государства, связанных с деятельностью

¹⁸⁵ Трансграничная антиконкурентная практика: проблемы развивающихся стран и стран с переходной экономикой : записка секретариата ЮНКТАД от 12.04.2012 г. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd16_ru.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

¹⁸⁶ International antitrust enforcement assistance // URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid%3AUSC-prelim-title15-chapter88&edition=prelim> (дата обращения: 10.02.2020).

хозяйствующего субъекта-нарушителя. Практически нерешаемая проблема возникает при разной оценке картелей внутренним законодательством стран: слишком узкому понятию картеля в одной стране противостоит широкое в другой; отсутствие в стране уголовной ответственности за картель делает невозможным применение указанной конвенции к случаю участия в международном картеле хозяйствующего субъекта этой страны.

Тем не менее существует положительный опыт противодействия тем или иным преступлениям в сфере экономической деятельности, в том числе свидетельствующий о том, что ради общей цели пресечения противоправных, общественно опасных деяний государства способны достичь консенсуса по многим спорным моментам соглашения¹⁸⁷.

Из вышеизложенного следует, что международные правила противодействия недобросовестной конкуренции представляют устоявшиеся и признанные государствами правила, включая уголовно-правовые, в то время как антимонопольное (конкурентное) регулирование остается довольно сложной темой для обсуждения на международном уровне, несмотря на внешне активные процессы, направленные на их форсирование. В отсутствие специальных международных правил, имеющих обязательный характер, попытки вывести на аналогичный уровень взаимодействие государств в сфере расследования картелей пока ограничиваются межведомственными и межправительственными соглашениями об обмене информацией. Такая ситуация объясняется существенными различиями в юрисдикциях разных стран, начиная с терминологии и отсутствия законодательно закрепленных правил взаимодействия внутригосударственных антимонопольного и правоохранительных органов, и заканчивая желанием государств защитить свои хозяйствующие субъекты от вероятного вмешательства в их деятельность правоохранительных и антимонопольного органов других стран или международных органов. Представляется, что решение проблем находится в унифицированном подходе

¹⁸⁷ Тенишев А. П., Хамуков М. А. Правовые инструментариумы для противодействия международным картелям // Российское конкурентное право и экономика. 2016. № 2 (6). С. 20.

заинтересованных стран к определению внутренних направлений антимонопольной политики, основанном на общности взаимных интересов и принципе вежливости.

§ 3 Регламентация ответственности за преступления против конкуренции в иностранном праве

Уголовно-правовая политика в сфере защиты конкуренции сформировалась в разное время во всех странах с рыночной экономикой. Проведенное исследование показывает наличие типичных оснований уголовной ответственности за антиконкурентные преступления, хотя, безусловно, имеются и некоторые отличия, обусловленные особенностями экономических систем стран, историей их развития, включая аспекты политического характера¹⁸⁸.

Страны СНГ

Уголовная ответственность за ряд нарушений была установлена в качестве рекомендации странам СНГ Законодательным актом «О защите экономической конкуренции», а затем - Модельным законом «О защите конкуренции» и Модельным Уголовным кодексом для стран-участниц СНГ, что нашло свое отражение в национальных законах стран СНГ. Анализ законодательства стран СНГ в период их становления и на современном этапе позволяет сделать выводы о сохранении общих подходов к уголовно-правовой охране конкуренции на территории СНГ.

Во-первых, наиболее опасное преступление, объективные признаки которого содержат способы монополистической деятельности (в первую очередь –

¹⁸⁸ Даниловская А. В. Уголовная политика в сфере охраны конкуренции в странах СНГ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 254-258; Даниловская А. В. Уголовно-правовая охраны конкуренции в ЕС, ФРГ, Великобритании и Франции // Юридические исследования. 2020. № 6. С. 21-31; Даниловская А. В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 2. С. 107-124; Даниловская А. В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в США // Юридические исследования. 2020. № 2. С. 30-43.

антиконкурентные сговоры), запрещено большинством стран СНГ¹⁸⁹. Исключение составляет Республика Узбекистан¹⁹⁰, чей уголовный закон не предусматривает уголовную ответственность за монополистическую деятельность.

Набор признаков указанного преступления не является везде одинаковым. При этом в ряде стран содержится в основном аналогичное ст. 178 УК РФ (в редакции от 13 июня 1996 г.) описание признаков объективной стороны, связанных с установлением монопольно высоких или монопольно низких цен, а равно с ограничением конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен.

Отдельные страны иначе устанавливают запрет. Так, УК Беларуси запрещает только ценовый картель - уголовная ответственность установлена за установление или поддержание монопольных цен путем сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридических лиц о деятельности на совместном рынке (ст. 245).

Уголовно-правовой запрет противоправной монополистической деятельности в ст. 221 УК Казахстана характеризуется перечислением большого открытого перечня альтернативных действий: установление и (или) поддержание субъектами рынка монопольно высоких (низких) или согласованных цен; установление

¹⁸⁹ Уголовный кодекс Армении: принят 18.04.2003 г. // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 28.07.2019); Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. № 787-IQ // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 10.09.2019); Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят 09.07.1999 г. № 275-3 // URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 04.09.2019); Уголовный кодекс Республики Таджикистан: утв. Законом Республики Таджикистан от 21.05.1998 г., № 574 // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения: 09.09.2019); Уголовный кодекс Республики Молдова: закон от 18.04.2002 г. № 985-XV // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 28.08.2019); Уголовный кодекс Кыргызской Республики: принят 22.12.2016 г. № 19 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 01.10.2019); Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3.07.2014 г. № 226-V // URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁹⁰ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII // URL: <http://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/83/3521/> (дата обращения: 28.08.2019).

ограничений на перепродажу купленных у субъекта рынка, занимающего доминирующее или монопольное положение, товаров (работ, услуг) по территориальному признаку, кругу покупателей, условиям покупки, количеству либо цене; раздел товарных рынков по территориальному признаку, ассортименту товаров (работ, услуг), объему их реализации или приобретения, по кругу продавцов или покупателей; а также иные деяния, направленные на ограничение конкуренции, влекущие причинение крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере.

В Азербайджанской Республике запрещено картельное соглашение хозяйствующих субъектов о применении средств, ограничивающих конкуренцию, в целях вытеснения конкурентов с рынка или предотвращения появления новых конкурентов на рынке, участие в таком соглашении, либо создание рыночных препятствий, которые влекут или могут повлечь предотвращение, устранение или ограничение конкуренции, использование средств ограничительной деятельности или осуществление иных монополистических действий (ст. 199 УК).

Составы рассмотренных преступлений по-разному сконструированы национальным законодателем: в республиках Молдова, Казахстан и Кыргызской Республике они являются материальными, в остальных – формальными.

Во-вторых, уголовные кодексы стран СНГ предусматривают традиционные запреты на деяния, содержащие признаки недобросовестной конкуренции. В частности, речь идет о незаконном использовании товарного знака, незаконном собирании, получении, разглашении или использовании сведений, составляющих коммерческую либо банковскую тайну. Помимо этого, страны установили и некоторые иные основания уголовной ответственности. Например, в Республике Беларусь – распространение ложной информации о товарах и услугах, в Таджикистане, Армении и Азербайджане – заведомо ложная реклама. УК Республики Узбекистан предусматривает уголовную ответственность за дискредитацию конкурента, под которой понимается распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений с целью нанесения вреда деловой репутации хозяйствующего субъекта.

Необходимо отметить УК Республики Молдова, который, будучи единственным в таком роде, содержит в ст. 246-1 самостоятельный состав «Недобросовестная конкуренция», объективная сторона которого представляет собой любой акт недобросовестной конкуренции.

Уголовная ответственность за противоправное использование объектов интеллектуальной собственности, в частности объектов авторских, смежных и патентных прав, в основном предусмотрена странами СНГ в главе о преступлениях против конституционных (гражданских – в УК Кыргызской Республики) прав и свобод человека и гражданина. Исключение составляет УК Республики Казахстан, который устанавливает ответственность за перечисленные деяния в гл. 6 «Уголовные правонарушения против собственности».

В-третьих, внимание страны СНГ уделяют нарушениям на торгах. Самостоятельные составы преступлений в этой сфере предусмотрены уголовными кодексами республик Беларусь (ст. 251 «Срыв публичных торгов») и Армении (ст. 196 «Злостное нарушение порядка торгов»), Кыргызской Республики (ст. 234) и Республики Таджикистан (ст. 274 «Нарушение порядка проведения публичных торгов, аукционов или тендеров»).

В-четвертых, помимо традиционных составов преступлений против добросовестных конкурентных отношений, существуют и иные основания уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства. Так, УК Узбекистана в гл. 12 «Преступления против основ экономики» содержит ст. 183 «Нарушение законодательства о конкуренции и законодательства о естественных монополиях». Кроме этого, УК Узбекистана устанавливает уголовную ответственность за такое ограничивающее конкуренцию поведение, как неправомерный отказ, неприменение или воспрепятствование в применении льгот и преференций, предоставленных субъектам предпринимательства, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия (ст. 192.6 УК). Во всех уголовных кодексах стран СНГ, кроме Республик Беларусь и Молдова, установлена ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности как одна из возможных форм

антиконкурентной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Анализ санкций перечисленных выше преступлений против добросовестных конкурентных отношений приводит к выводу об их отнесении преимущественно к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 245-10 УК Республики Молдова «Незаконное получение и/или разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну», которое относится к категории тяжких преступлений.

Таким образом, политика противодействия преступлениям, посягающим на добросовестные конкурентные отношения в странах СНГ, в целом отвечает сложившимся в мире правовым традициям. В то же время некоторым направлениям, в частности, связанным с более гибким подходом к фактам картельных соглашений, следуют не все страны СНГ. Так, лишь в Республиках Армения, Узбекистан, Казахстан, Молдова разработали и применяют на практике программу смягчения ответственности за картели¹⁹¹. Также не везде программы касаются освобождения от уголовной ответственности: только уголовные кодексы Молдовы, Азербайджана и Казахстана предусматривают самостоятельные основания освобождения от ответственности за картели.

Универсальными являются организационные и процессуальные аспекты деятельности антимонопольного органа. Антимонопольные органы стран СНГ представлены единым самостоятельным органом власти, который обладает административными полномочиями, не связанными с правом осуществления оперативно-розыскной деятельности. Некоторые антимонопольные органы имеют законодательные основы взаимодействия с иными органами власти, (Республик Беларусь, Молдова, Таджикистан). В отдельных антимонопольных законах закреплены правила непосредственного взаимодействия с правоохранительными органами, которые могут привлекаться для оказания содействия антимонопольным

¹⁹¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5.07.2014 г. № 235-V // URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/11255> (дата обращения: 26.01.2020).

органам при осуществлении своих полномочий (в Республиках Таджикистан, Молдова и Казахстан).

Европейские страны

Особенности уголовно-правовой охраны конкуренции в европейских странах в основном вытекают из современной политики защиты конкуренции в Европейском союзе, которые заложены в Договоре о функционировании Европейского союза (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.)¹⁹² (далее – Договор, Договор о ЕС), а также в иных источниках: директивах, регламентах, постановлениях, принятых Советом ЕС, Комиссией ЕС, актах Суда ЕС.

Первостепенно важное значение придается ст. 101 и 102 Договора, которыми предусматриваются два основных запрета: 1) любые соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами, имеют своей целью или влияют на недопущение, ограничение или искажение конкуренции на внутреннем рынке; 2) направленные на ограничение конкуренции индивидуальное или коллективное злоупотребление доминирующим положением.

В конкурентном праве ЕС действует правило, определяющее условие ответственности: влияние запрещенных действий на конкуренцию должно быть существенным. Критерии того, какие действия оказывают на конкуренцию влияние, достаточное для применения ст. 101, содержатся в разъяснении Комиссии ЕС от 1986 г. относительно соглашений, имеющих недостаточно существенное значение. Согласно данному документу, поведение предприятий не подпадает под действие ст. 101, если цены на продукцию этих предприятий, являющуюся предметом соглашения или решения, составляют не более 5 % от совокупной цены всей данного рода продукции, представленной на рынке, и если средний ежегодный оборот участвующих в соглашении или принятии решения предприятий не превышает 200 млн экю¹⁹³.

¹⁹² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2008/art_101/oj (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁹³ Анализ законодательства отдельных государств-членов ОЭСР в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования (II Этап): Сравнительно-правовой анализ договорно-правовой

На наднациональном уровне ЕС в отношении нарушений запретов ст. 101 и 102 Договора о ЕС уголовная ответственность не предусмотрена. Дела о картелях рассматриваются как «административные», наказание за их совершение может быть в виде штрафов, хотя и в значительных размерах¹⁹⁴.

С 1996 г. в ЕС действует программа смягчения ответственности за картель¹⁹⁵, которая распространяется на национальные законодательства стран ЕС¹⁹⁶, но внедрена не всеми. От штрафа освобождается организация, предоставившая до начала расследования Европейской комиссией неизвестные ей ранее полные и достоверные сведения, а также иные доказательства о картеле. При этом должны быть соблюдены три основных условия: 1) постоянное сотрудничество с Европейской комиссией; 2) прекращение своего участия в картеле; 3) организация не склоняла других к участию в картеле. В иных случаях организация может рассчитывать лишь на снижение размера штрафа, который дифференцируется в зависимости от того, какого качества доказательства и иная информация о картеле были предоставлены и когда было выражено согласие сотрудничать с Европейской комиссией: после первого предложения комиссии о сотрудничестве – снижение на 30–50 %, после повторного – на 20–30 %, последующие мероприятия – до 20 %.

Противодействие недобросовестной конкуренции в ЕС осуществляется на общих началах, основанных на положениях Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). В то же время в ЕС для защиты от недобросовестной конкуренции большое значение имеют внутрисоюзные

базы Евразийского экономического союза и государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования: отчет о научно-исследовательской работе. Т 1. / ТОО «КазАналитик Групп» – Астана, 2017. С. 54.

¹⁹⁴ Kmiecik A., Burton R., Gordley C. Cartels 2019: EU // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2020/eu> (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁹⁵ Commission Notice on Immunity from fines and reduction of fines in cartel cases // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52006XC1208\(04\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52006XC1208(04)) (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁹⁶ Ecn model programme // URL: https://ec.europa.eu/competition/ecn/model_leniency_programme.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

административные акты в виде директив, ряд которых был принят для определения общего запрета на совершение отдельных недобросовестных практик¹⁹⁷.

Европейское право допускает принятие странами-участницами ЕС более строгих мер ответственности, включая уголовную, за нарушение антимонопольного законодательства, чем это предусмотрено Договором¹⁹⁸, а в отдельных случаях – обязанность предусматривать уголовно-правовые меры¹⁹⁹.

Обзор как современных²⁰⁰, так и более ранних²⁰¹ научных взглядов, а также собственное исследование указывают на то, что в сфере национальной защиты конкуренции в Европе имеются различия, обусловленные правовыми особенностями трех стран – Франции, Германии и Великобритании.

Так, в ФРГ уголовно-правовая защита конкуренции строится на специальных актах и уголовном законе. Современные правовые источники ФРГ об основных

¹⁹⁷ Так, Директива 84/450/ЕЭС направлена против недобросовестной сравнительной и вводящей в заблуждение рекламы (Directive 2005/29/EC of the European parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council directive 84/450/EEC, directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European parliament and of the Council and regulation (EC) No 2006/2004 of the European parliament and of the council («Unfair Commercial Practices Directive»)) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31984L0450> (дата обращения: 13.06.2020)); Директива 89/552/ЕЭС – против аналогичной рекламы на телевидении (Council Directive 89/552/EEC of 3 October 1989 on the coordination of certain provisions laid down by Law, Regulation or Administrative Action in Member States concerning the pursuit of television broadcasting activities. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:31989L0552> (дата обращения: 13.06.2020)).

¹⁹⁸ Council Regulation (EC) № 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty // URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/385596> (дата обращения: 10.06.2020).

¹⁹⁹ Директива 2014/57/ЕС «Об уголовных санкциях за злоупотребления на рынке» определяет в качестве преступлений деяния при заключении инсайдерских сделок, неправомерное раскрытие внутренней информации и манипулирование рынком, обязывая страны-участницы принимать необходимые уголовно-правовые меры (см.: Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive). // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0057&qid=1709902026954> (дата обращения: 20.05.2020)).

²⁰⁰ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование. С. 65–66.

²⁰¹ Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 7. С. 101–139.

нормах о защите конкуренции представлены Законом о защите конкуренции от 7 июня 2013 г.²⁰² и Законом о недобросовестной конкуренции от 3 марта 2010 г.²⁰³.

Закон о защите конкуренции запрещает соглашения хозяйствующих субъектов, которые наносят ущерб конкуренции. Понятие «картель» охватывает соглашения, в том числе на торгах, и согласованные действия. За нарушение запрета на картель хозяйствующие субъекты привлекаются к административной ответственности с уплатой штрафа до 1 млн евро, более высокий размер штрафа может быть, и он составляет до 10 % от общего оборота компании или ассоциаций компаний. Штрафы для физических лиц также могут достигать 1 млн евро, но обычно исчисляются в виде годовой валовой заработной платы²⁰⁴. Нарушение указанных антимонопольных правил может иметь и другие негативные для хозяйствующих субъектов последствия, например отстранение от участия в торгах.

Согласно § 298 «Договоренность, ограничивающая конкуренцию в процессе конкурса товаров или услуг» разд. 26 «Преступные деяния против конкуренции» УК ФРГ, уголовная ответственность физических лиц наступает лишь за сговоры на торгах (наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или штраф)²⁰⁵. На практике противоправное поведение участников соглашений или согласованных действий может быть квалифицировано как мошенничество (§ 263 УК ФРГ), что вызывает затруднения при установлении всех необходимых признаков преступления²⁰⁶.

²⁰² Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. Juni 2013 // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (дата обращения: 21.06.2020).

²⁰³ Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb in der Fassung der Bekanntmachung vom 3. März 2010. // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_uwg/englisch_uwg.html (дата обращения: 21.06.2020).

²⁰⁴ Hellman H.J., Malz K., Gross S. Cartels 2021: Germany // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2021/germany> (дата обращения: 18.06.2021).

²⁰⁵ Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Научные труды в области немецкого и российского уголовного права. С. 399 // URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 27.03.2022).

²⁰⁶ Hellman H. J., Malz K., Gross S. Cartels 2021: Germany // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2021/germany> (дата обращения: 18.06.2021).

Раздел 26 УК ФРГ содержит еще один состав преступления против конкуренции, предусмотренный § 299 «Коммерческий подкуп», который устанавливает ответственность служащего или уполномоченного лица хозяйствующего субъекта, который требует, соглашается принять или принимает выгоду для себя или третьего лица за недобросовестное оказание предпочтения другим при приобретении конкурирующих товаров или услуг (наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом) (ч. 1), а также за предложение, предоставление или обещание предоставить служащему или иному уполномоченному лицу хозяйствующего субъекта выгоду за недобросовестное предпочтение в приобретении товаров или услуг (ч. 2).

Прямая уголовная ответственность за недобросовестную конкуренцию наступает согласно § 16 Закона о недобросовестной конкуренции за ложную рекламу, вводящую в заблуждение (виновные лица наказываются лишением свободы сроком до 2 лет или штрафом).

Во Франции вопросы ответственности за антиконкурентное поведение разрешаются на основе общих гражданского-правовых начал ответственности за деликт, что не исключает привлечение и к уголовной ответственности согласно Торговому кодексу (кн. IV «Свободные цены и конкуренция»)²⁰⁷, Кодексу интеллектуальной собственности²⁰⁸, УК Франции²⁰⁹.

Во Франции запрещены групповая антиконкурентная практика и злоупотребление доминирующим положением или экономической зависимостью. Так, согласно ст. L420-1 Торгового кодекса, запрещаются любые группы компаний, созданные с целью ограничения конкуренции, соглашения и согласованные действия. Перечисленные деяния признаны преступлениями и наказываются лишением свободы сроком до 4 лет и штрафом в размере 75 000 евро. Субъектами ответственности выступают как физические, так и юридические лица. Важный

²⁰⁷ Code de commerce (version consolidée au 22 septembre 2018) // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/485951> (дата обращения: 24.06.2020).

²⁰⁸ Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 15 novembre 2019): Law No. 92–597 of July 1, 1992 // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/540561> (дата обращения: 15.06.2020).

²⁰⁹ Code pénal // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> (дата обращения: 20.06.2020).

факт: антимонопольный орган может возложить обязанность уплаты штрафа, назначенного руководителю юридического лица, непосредственно на организацию (ст. L490-1).

Французское законодательство разграничивает уголовную ответственность за картель и сговор на торгах, как деяние, имеющее признаки мошенничества. Так, УК Франции предусматривает в разд. 2 «Преступления, связанные с мошенничеством» уголовную ответственность за нарушения на торгах (ст. 313-6): исключение участника торгов любыми мошенническими способами, включая подкуп, обещание, сговор или ограничения на торгах, нарушение свободы торгов путем насилия или угроз, наказывается лишением свободы на шесть месяцев и штрафом в размере 22 500 евро.

Французский Кодекс интеллектуальной собственности предусматривает составы преступлений, наказания за их совершение и иные меры уголовно-правового характера, составляющие правила противодействия недобросовестной конкуренции. То, что нарушения в сфере интеллектуальной собственности могут затрагивать вопросы конкуренции, прямо отмечено в статьях Кодекса, например, в отношении литературных и художественных произведений (ст. L331-1), конструкций и моделей (ст. L521-3-1), сортов растений (ст. L623-31). Среди квалифицирующих признаков следует выделить совершение преступления в сети Интернет. Уголовно-правовые меры применяются к виновным физическим и юридическим лицам как на основе Кодекса интеллектуальной собственности, так и УК Франции. Наказание за эти деяния для физических лиц предусмотрено в виде лишения свободы (общий срок до 3 - 4 лет) и штрафа (до 300 000 - 400 000 евро), размеры которых увеличены в случае наличия квалифицирующих признаков (лишение свободы может составить до 7 лет, штраф – до 750 000 евро).

В сфере оборота коммерческой тайны состав преступления предусмотрен Трудовым кодексом Франции (ст. 1227-1) и имплементирован в Кодекс интеллектуальной собственности (ст. L621-1): директор или работник, раскрывший или попытавшийся раскрыть секрет производства, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет и штрафом в 30 000 евро.

Основой защиты конкуренции в Великобритании являются гражданский и специальный законы. К последним, предусматривающим основания уголовной ответственности, относятся Закон о конкуренции 1998 г.²¹⁰ и Закон о предприятиях 2002 г.²¹¹. Указанные акты содержат традиционный для ЕС запрет соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, и понятие картеля, которое включает сговор на торгах. Интересна особенность английского закона: соглашение не будет квалифицироваться как преступление, если при этом соблюден ряд требований к информированию заинтересованных лиц, в частности, если клиенты хозяйствующих субъектов-членов картеля, а также запрашивающее заявки лицо будут предупреждены о наличии картельного соглашения, либо информация о такой договоренности будет опубликована в соответствии с распоряжением уполномоченного должностного лица государственного органа (ст. 188а Закона о предприятиях).

Нарушение запрета влечет наказание как юридических, так и физических лиц. Юридические лица подлежат только административному наказанию. Для виновных физических лиц предусмотрена уголовная ответственность и наказание в виде тюремного заключения на срок до 5 лет со штрафом, дисквалификации директора на срок до 15 лет в соответствии с Законом о дисквалификации директоров компании 1986 г., конфискации имущества в соответствии с Законом о доходах от преступной деятельности 2002 г.

Ряд нормативных правовых актов направлен на защиту интеллектуальной собственности (Закон о товарных знаках 1994 г., Закон о торговых описаниях 1968 г., Закон о патентах 1977 г. Закон об авторском праве, образцах и патентах 1988 г., Закон о зарегистрированных образцах 1949 г. и др.), посягательства на которую не выделяются как самостоятельное нарушение правил конкуренции. В частности, признается преступлением умышленное копирование и производство продуктов,

²¹⁰ Competition Act 1998 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/contents> (дата обращения: 10.06.2020).

²¹¹ Enterprise Act 2002 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/contents> (дата обращения: 10.06.2020).

похожих на зарегистрированный дизайн иного лица²¹², нарушение порядка использования товарного знака без разрешения правообладателя с целью получения выгоды или намерения причинить убытки правообладателю²¹³.

Антимонопольное и уголовное законодательство других стран Европы по определению видов противоправного поведения и способов их совершения принципиально не отличается от рассмотренных. Вместе с тем, интересен опыт Швейцарии, не являющейся членом ЕС. В Швейцарии. Прямой уголовной ответственности за картель в Швейцарии не предусмотрено, но она может наступить за деяния, связанные с результатом расследования дела о картеле. Итогом расследования картеля может быть мировое соглашение между антимонопольным органом и хозяйствующим субъектом. Условиями соглашения являются обязательства компании в дальнейшем соблюдать антимонопольное законодательство, размеры штрафов за нарушение, в том числе их уменьшение и др. Нарушение мирового соглашения влечет за собой штраф для компании в размере до 10 % ее оборота за предыдущие три финансовых года. Физические лица, виновные в умышленном нарушении мирового соглашения, окончательного и не подлежащего обжалованию постановления антимонопольного органа или решения апелляционного органа, несут уголовную ответственность в виде штрафа в размере не более 100 000 швейцарских франков²¹⁴.

Программы смягчения ответственности существуют во всех изученных правопорядках, успешно применяются²¹⁵, но имеют свои особенности. Так, УК

²¹² West E., McGrath P., Henry D., Ross J. Doing business in ...2019: law and practice in UK // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/416/2892/5812-5814-5819-5825-5831-5839-5844-5851> (дата обращения: 05.06.2020).

²¹³ Trade marks Act 1994 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/26/section/92> (дата обращения: 05.06.2020).

²¹⁴ Dietrich M., Hoffet F., Stäuber R. Cartels 2020: Switzerland // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/587/5174-5187/8205-8213-8231-8247-8256-8265-8271> (дата обращения: 18.06.2021).

²¹⁵ Hellman H. J., Malz K., Gross S. Cartels 2021: Germany // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2021/germany> (дата обращения: 18.06.2021); Quick Guide to Cartels and Leniency for Individuals, July 2013 // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/284418/OFT1495i.pdf (дата обращения: 20.06.2020); Giles I., Rogers S. Cartel leniency in the UK (England and Wales): overview // URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-501->

ФРГ предусматривает самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности за картель для физических лиц. Таковым в ч. 3 § 298 назван отказ от заключения картеля либо добровольное и настойчивое стремление прекратить действие картеля.

Программа смягчения ответственности, предусмотренная Торговым кодексом Франции, полностью освобождает хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса от штрафа и за причиненный деянием ущерб потерпевшим лицам (ст. L481-11). Также от ответственности освобождены те субъекты малого и среднего бизнеса, чья рыночная доля на рынке составляет менее 5 % в течение периода реализации антиконкурентной практики, а также если взыскание ущерба потерпевшим ставит под угрозу их экономическую жизнеспособность (ст. L481-10).

Особенностью программы смягчения ответственности согласно Закону о картелях Швейцарии является то, что количество компаний, имеющих право на снижение штрафа, не ограничено 49а (2).

Япония, Республика Корея, Китайская Народная Республика

Отношение азиатских стран к уголовно-правовой политике в сфере охраны конкуренции, несмотря на различия в правовых системах и путях развития внутренних экономик, построено на традиционных экономических ценностях – запрете злоупотребления доминирующим положением, картелей, недобросовестной конкуренции, защите конкуренции и прав потребителей.

Основу конкурентного законодательства Японии составляют Закон «О запрете частной монополии и поддержании добросовестной торговли» (далее – Антимонопольный закон), принятый в 1947 г.²¹⁶, и Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции» 1993 г.²¹⁷

1833?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1 (дата обращения: 21.06.2020).

²¹⁶ Act on Prohibition of Private Monopolization and Maintenance of Fair Trade: Act № 54 of April 14, 1947 // URL: https://www.jftc.go.jp/en/legislation_gls/amended_ama09/index.html (дата обращения: 20.12.2019).

²¹⁷ Закон Японии «О предотвращении недобросовестной конкуренции» от 19.05.1993 г. (с изм. от 1.07.2019 г.) № 47 // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/532884> (дата обращения: 29.10.2019).

Антимонопольный закон Японии содержит запреты и положения об уголовной ответственности за их нарушение с перечислением конкретных составов преступлений и наказаний за их совершение. В частности, в нем выделяются такие виды противоправных действий, как частная монополизация, необоснованное ограничение торговли, антиконкурентные нарушения в деятельности торговых ассоциаций, противоправная экономическая концентрация и недобросовестная деловая практика. Уголовной ответственности подлежат не все из перечисленных видов действий: запреты не распространяются на недобросовестную деловую практику.

Картель относится к необоснованному ограничению торговли и запрещен²¹⁸, за некоторым исключением - разрешены картели в сфере авиаперевозок, страхования в авиационном и ядерном бизнесе²¹⁹.

Согласно гл. XI «Уголовные положения» Антимонопольного закона, наиболее сурово наказывается нарушение запрета на частную монополизацию, необоснованное ограничение торговли и ограничение конкуренции торговой ассоциацией – перечисленные деяния влекут лишение свободы на срок до 5 лет или штраф до 5 млн иен, наказуемы также покушения на эти деяния. Уголовная ответственность наступает и за различного рода иные нарушения при проведении расследования Комиссией по делам, возбужденным в отношении хозяйствующих субъектов (ст. 93–95-2).

Субъектами ответственности являются как физические, так и юридические лица в ряде случаев. В Антимонопольном законе довольно подробно перечислены признаки субъекта-физического лица. Им, в частности, является должностное лицо или управляющий соответствующей торговой ассоциации или ее составляющего предприятия (включая должностное лицо, работника, агента или другое лицо, которое участвовало в действии в интересах предприятия, являлось учредителем

²¹⁸ ICN Anti-Cartel Enforcement Template // URL: https://www.jftc.go.jp/en/policy_enforcement/cartels_bidriggings/anti_cartel.html (дата обращения: 20.04.2020).

²¹⁹ Ezaki S., Moussis V., Usuki Y., Ishida T. Cartels 2019: Japan // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2019/japan> (дата обращения: 10.10.2019).

предприятия), которое не приняло необходимых мер для предотвращения нарушения, несмотря на знание плана нарушения или потерпевшего неудачу в принятии таких мер для устранения нарушения, несмотря на то, что ему известно о нарушении.

В соответствии с программным заявлением Комиссии привлечение к уголовной ответственности в основе имеет только серьезные нарушения законодательства в виде картелей, которые затрагивают жизнь широкого круга людей, повторных правонарушителей или правонарушителей, отказывающихся выполнять административные приказы Комиссии²²⁰.

С 2006 г. в Японии действует программа смягчения ответственности, в соответствии с которой до пяти компаний могут получить освобождение от выплаты так называемого оборотного штрафа или снижение его размера при подаче ими заявления о снисхождении (ст. 7-2 Антимонопольного закона).

Второй важный документ Японии, направленный на противодействие нарушениям в сфере конкуренции, – Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции». В Законе содержатся положения об уголовной ответственности за нарушение режима коммерческой тайны, противоправное использование торгового обозначения, товарного знака, маркировки, упаковки, схожих до степени смешения с товарным видом или торговым обозначением иного лица, распространение ложных сведений, приносящих ущерб репутации иного лица, являющегося конкурентом, с распространением ложных сведений о месте происхождения, качестве, содержании товаров, услуг.

УК Японии содержит специальный состав преступления против конкуренции²²¹ - нарушения на торгах (ст. 96-3). Суть состава преступления заключается в нарушении справедливости торгов путем обмана или влияния (ч. 1) и в сговоре, подрывающем справедливую цену, с целью получения

²²⁰ Ishida H., Yamada A. The Asia-Pacific Antitrust Review 2019. Japan: Cartels // URL: <https://globalcompetitionreview.com/insight/the-asia-pacific-antitrust-review-2019/1188996/japan-cartels> (дата обращения: 10.10.2019).

²²¹ Penal code (Act № 45 of 1907) // URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

необоснованной выгоды. В качестве наказания предусмотрено лишение свободы с принудительным трудом на срок до 2 лет или денежным штрафом на сумму до 2 млн 500 тыс. иен.

Основным антимонопольным законом Республики Корея является Акт «О монопольном регулировании и справедливой торговле» 1980 г.²²² (далее – Акт, Антимонопольный акт), содержащий множество запретов и уголовную ответственность за их нарушение.

Статьей 19 Антимонопольного акта запрещаются любые объединения хозяйствующих субъектов, которые незаконно ограничивают конкуренцию действиями, указанными в данной статье. По сути, такие соглашения образуют картель, хотя в самом акте этот термин не употребляется. Здесь же предусмотрены и исключения из запрета на соглашения, например, если несправедливые совместные действия признаются удовлетворительными и имеющими цели модернизации промышленности, исследования и развития технологий, преодоления экономического спада, промышленного реструктурирования, модернизации торговли, повышения конкурентоспособности малого и среднего бизнеса.

Между тем правоприменение в Корее сконцентрировано на выявлении сговоров на торгах, которые запрещены той же ст. 19, и картелей с международным участием. Участие в сговоре на торгах может обернуться для хозяйствующего субъекта ограничением в дальнейшем его права участия в торгах на определенный срок по запросу Комиссии, адресованному уполномоченному органу государственной власти²²³.

Нормы об уголовной ответственности за нарушение запретов Антимонопольного акта содержатся в его гл. 14, согласно которой наиболее

²²² Monopoly regulation and fair trade act (Enforcevent date 29.03.2016: Act № 14137, 29.03.2016) // URL:http://www.ftc.go.kr/solution/skin/doc.html?fn=abe6ebfcffcd366c32a8cb91035bdbee5ad625cdf007b29f88891153490137d1&rs=/fileupload/data/result/BBSMSTR_000000002411/# (дата обращения: 03.11.2019).

²²³ Choi J. H., Park J Y, Lee C. Cartels 2019: South Korea // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2852/5685-5686-5687-5688-5689-5678-5680> (дата обращения: 25.12.2019).

опасными признаются злоупотребление предпринимателем своим доминирующим положением, подавление конкуренции в какой-либо сфере экономической деятельности индивидуально или совместно с иными хозяйствующими субъектами, осуществление в составе холдинговой компании запрещенных антимонопольным актом действий (например, приобретение акций отечественных компаний с целью контроля), учреждение холдинговой компании с нарушением требований, воспрепятствование расследованию, несправедливая торговая практика, ограничение доступа на рынок другим хозяйствующим субъектам или их устранение с рынка, неисполнение предписаний Комиссии.

Субъектом уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства могут быть как физические, так и юридические лица.

Противодействовать недобросовестной конкуренции в Республике Корея призван Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции и защите коммерческой тайны»²²⁴. Закон предусматривает уголовную ответственность за посягательства на коммерческую тайну, акт смешения с товарами другого лица с использованием средств индивидуализации, упаковки схожих со средствами индивидуализации, упаковки другого лица, известного в Республике Корея, акт смешения с коммерческими объектами другого лица или действия со знаками, идентичными знакам, принадлежащим известному в Республике Корея иному лицу; причинение ущерба репутации другого лица путем использования идентичных с ним знаков, торгового наименования, товарного знака, упаковки при распространении товаров с такими обозначениями и некоторые другие.

Направлен на поддержание справедливой торговли в Республике Корея и Закон «О справедливой маркировке и рекламе»²²⁵, также предусматривающий составы преступлений и ответственность за нарушения в регулируемой сфере. В частности, гл. 5 «Уголовное обеспечение» предусматривает уголовную

²²⁴ Unfair Competition Prevention and Trade Secret Protection Act: Act № 14033 of February 29, 2016 // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/456204> (дата обращения: 15.01.2020).

²²⁵ Fair Labelling and Advertising Act: enacted by law № 5814 of February 5, 1999, as amended up to Act № 12380 of January 28, 2014 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13725> (дата обращения: 15.01.2020).

ответственность за размещение ложной рекламы, несоблюдение требований Комиссии в случаях, предусмотренных Законом.

Содержит основания уголовной ответственности, которые могут быть применимы для борьбы с ограничением конкуренции, и УК Республики Корея, однако их круг весьма ограничен. Так, к ним можно отнести преступления, предусмотренные ст. 314 «Препятствия в бизнесе», ст. 315 «Препятствия на торгах» гл. 34 «Преступления против кредита, бизнеса и аукциона», а также ст. 317 «Профессиональное раскрытие секретов других» гл. 35 «Преступления, связанные с нарушением тайны». Нарушения на торгах признаются одним из традиционных антиконкурентных нарушений, и потому представляет интерес совокупность признаков преступления, закрепленная в УК Кореи. В нем они описаны как препятствование в проведении беспристрастных торгов, осуществленное обманными средствами или угрозой силы либо другими способами.

В Республике Корея существует программа смягчения ответственности, предусмотренная ст. 22-2 Антимонопольного акта. В Корею, как и в Японии, возмещение ущерба потерпевшим не относится к условиям применения программы смягчения ответственности²²⁶.

Законодательство КНР в сфере конкуренции включает в себя ряд нормативных правовых актов, среди которых выделяются акты антимонопольного регулирования и против недобросовестной конкуренции. К первой группе относится Закон КНР «О противодействии монополиям» 2007 г.²²⁷, ко второй –

²²⁶ Choi J. H., Park J Y, Lee C. Cartels 2019: South Korea // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2852/5685-5686-5687-5688-5689-5678-5680> (дата обращения: 25.12.2019).

²²⁷ Закон КНР «О противодействии монополиям»: принят на 29 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 30.08.2007 г. // URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=42> (дата обращения: 20.04.2020).

Закон КНР «О недобросовестной конкуренции» 1993 г.²²⁸, Закон КНР «О рекламе» 1992 г.²²⁹ и Закон КНР «О торговых марках» 1984 г.²³⁰

Закон «О противодействии монополиям» запрещает ряд традиционных антиконкурентных форм поведения, включая злоупотребление полномочиями органами власти (администрациями) и организациями, осуществляющими управление общественными делами, имеющие аналог в российском праве. В целом преследование за нарушения данного Закона носит административный характер. За картель в КНР также нет уголовной ответственности, а существующая программа смягчения ответственности за картель имеет значение при привлечении виновных хозяйствующих субъектов к административной ответственности и наложении на них «оборотных» штрафов.

Многочисленные формы недобросовестной конкуренции названы в Законе КНР «О недобросовестной конкуренции». Помимо ее традиционных запретов неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности, введения в заблуждение, использования чужой коммерческой тайны, подрыва деловой репутации конкурента, запрещены как формы недобросовестной конкуренции: ограничение хозяйствующими субъектами-монополистами покупателей условиями закупки у указанных ими хозяйствующих субъектов в целях лишения последних возможности осуществления своей деятельности, тайный подкуп покупателей (как юридических, так и физических лиц) при купле-продаже товаров, продажа товара ниже себестоимости (за исключением предусмотренных Законом случаев – п. 13), сговор на торгах в целях поднятия или снижения стоимости предмета торгов (п. 15). В отличие от законодательства большинства стран, в соответствии с которым сговор на торгах – это форма

²²⁸ Закон КНР «О недобросовестной конкуренции»: принят на 3 заседании Постоянного Комитета ВСНП 8-го созыва 02.09.1993 г. // URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=43> (дата обращения: 10.10.2019).

²²⁹ Закон КНР «О рекламе»: принят на 10 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва 27.10.1994 г. // URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=59> (дата обращения: 10.10.2019).

²³⁰ Закон КНР «О торговых марках»: принят на 24 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 23.08.1982 г. // URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=55> (дата обращения: 10.10.2019).

монополистической деятельности, в КНР сговор на торгах относится к недобросовестной конкуренции.

УК КНР, являющийся, согласно его ст. 3, единственным Законом, определяющим преступные деяния²³¹, устанавливает уголовную ответственность за традиционные посягательства на объекты интеллектуальной собственности (ст. 213-217), а также за посягательство на коммерческую репутацию лица или товара (ст. 221); незаконное использование рекламы для сообщения ложной рекламной информации о товаре или услуге (при отягчающих обстоятельствах); сговор о цене на торгах между участниками торгов (ч. 1 ст. 223) или между участниками торгов и организатором торгов (ч. 2 ст. 223). В ст. 226 «Принуждение к сделке или к отказу от ее совершения» предусмотрена уголовная ответственность за принуждение других лиц принимать участие в конкурсе, торгах или выходить из них²³².

Перечисленные составы преступлений помещены в гл. 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка», сформулированы как материальные, предусматривающие в качестве последствий значительный ущерб (ст. 219), вред репутации, убытки третьим лицам (ст. 221), нарушение интересов организатора торгов или иных участников торгов (ст. 223). В качестве субъекта ответственности привлекаются не только физические, но и юридические лица, наказание для которых предусмотрено в виде штрафов (ст. 220 и 231 УК КНР).

США

Федеральное законодательство США по защите конкуренции включает в себя множество нормативных актов, которые касаются как федерального уровня, так и

²³¹ Уголовный кодекс КНР: принят на 5 сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14.03.1997 г. // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 26.05.2020).

²³² Пан Дунмэй, Гао Минсюань. Становление и развитие китайского уголовного законодательства // Вестник СПб. ун-та. 2018. Вып. 2. Т. 9. (Право). С. 222.

уровней штатов²³³. При этом законы штатов, как правило, предусматривают менее суровое наказание, чем федеральное законодательство²³⁴.

Основными законами, направленными на охрану конкуренции в США, составляются Закон Шермана 1890 г. (Закон о защите торговли и коммерции от незаконных ограничений)²³⁵, Закон Уилсона по тарифам 1913 г.²³⁶, Закон Клейтона 1914 г.²³⁷, Акт о гражданском антитрестовском процессе 1962 г., Закон о международном антитрестовском правоприменении 1994 г.²³⁸ и Закон о Федеральной торговой комиссии 1914 г.²³⁹ (далее – Закон о ФТК).

В начале своего существования закон Шермана был направлен на то, чтобы исключить любые монополии. Признано, что он является одним из самых жестких законов по борьбе с монополизацией, так как изначально был принят в форме уголовно-правового статуса и не допускал никаких объединений предпринимателей (§ 1). Согласно современной редакции этого закона уголовная ответственность наступает за так называемые «жесткие» картели, в которых происходит фиксация цен, раздел рынка или манипуляция с предложениями.

В соответствии с Законом Уилсона о тарифах, запрещается создание и заключение сделок по импорту товаров в США, если их распространение на территории страны ведет к ограничению конкуренции или свободной торговли. В данном акте такие действия были названы проступками, за которые полагается

²³³ Кубанцев С. П. Публично-правовые средства противодействия недобросовестной конкуренции : аспекты России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 120–123.

²³⁴ Rosman M., VanHooreweghe J., Ikeda T., Epner J. Cartels 2019: USA // Law and Practice // URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2806/5677-5685-5686-5687-5688-5689> (дата обращения: 18.11.2019).

²³⁵ Sherman Antitrust Act, 15 U.S.C. §§ 1-7 // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 05.06.2020).

²³⁶ Antitrust division manual. Chapter II. Statutory provisions and guidelines of the antitrust division // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 20.11.2019).

²³⁷ Clayton Antitrust Act, 15 U.S.C // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download>.

²³⁸ Antitrust division manual. Chapter II. Statutory provisions and guidelines of the antitrust division // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 20.11.2019).

²³⁹ Federal Trade Commission Act // URL: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/statutes/federal-trade-commission-act/ftc_act_incorporatingus_safe_web_act.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

штраф в размере от 100 до 5000 долларов и лишение свободы на срок от 3 месяцев до 1 года с конфискацией товара, который был ввезен.

Закон Клейтона, в качестве одного из условий для правомерного осуществления деятельности по управлению компанией, предусматривает запрет на дискриминацию в ценообразовании (ст. 2), приобретение корпорацией части или всего акционерного капитала другой компании (ст. 7), а также на осуществление лицом функций руководителя более чем в одном банке, ассоциации банков, тресте. основополагающим принципом Закона является его направленность на контроль действий, которые могут привести к монополизации посредством слияний и экономической концентрации в иных формах, но при этом не содержат оснований для ответственности. Также Законом предусмотрена возможность получения компенсации за ущерб, размер которой в три раза больше, чем размер причиненного ущерба.

На становление и развитие антитрестовского законодательства США большое влияние оказали американские суды, чьи решения способствовали появлению особых правил, в частности, принципа *per se* (правило запрета деяния как такового), *rule of reason* (правило разумного подхода), а также принципа освобождения от ответственности за монополистическую практику, если несмотря на нарушение хозяйствующим субъектом антимонопольного закона достигается экономическая эффективность²⁴⁰. Несмотря на критику в США²⁴¹, перечисленные принципы стали важными критериями квалификации нарушений антимонопольного законодательства в мире.

Перечень антиконкурентных противоправных форм поведения определяется в США как законами, так и судебной практикой. Каждая из них имеет свои проявления, в частности: 1) горизонтальное и вертикальное установление монопольно высоких и монопольно низких цен; 2) горизонтальные и вертикальные ограничения конкуренции; 3) коллективный (групповой) бойкот конкурентов; 4)

²⁴⁰ Emerson J. W., Robert W. Business law / Robert W/ Emerson, John W/ Hardwicke. — 3rd ed. 1997. P. 443.

²⁴¹ Per se rule applies // URL: <https://www.justice.gov/atr/division-operations/division-update-spring-2019/per-se-rule-applies> (дата обращения: 27.02.2020).

связывающие и исключающие соглашения; 5) незаконная монополизация рынка; 6) ценовая дискриминация; 7) антиконкурентные слияния фирм²⁴². Многие перечисленные действия были запрещены *per se*, без каких-либо доказательств их незаконности.

В соответствии с законодательством США, монополизация рынка, к которой причисляются картели, является тяжким преступлением, наказываемое штрафом в размере до 100 млн долларов для юридических лиц и до 1 млн долларов для физических лиц и (или) лишением свободы на срок до 10 лет²⁴³.

Важным положительным аспектом в целях борьбы с картелями является указание в законе на субъект преступления. Так, лицами, совершившими преступление, могут быть признаны наравне с корпорациями директор, иное должностное лицо организации, агент корпорации, который санкционировал, распорядился или осуществил действия, в совокупности или частично нарушившие правила²⁴⁴.

Программа по смягчению ответственности за картельные союзы в США начала действовать с 1993 года. Она предусматривает ряд правил, которые позволяют снизить или вовсе избежать наказания для участников преступных сообществ как для физических, так и для юридических лиц²⁴⁵. Возможность применения программы смягчения в каждом случае зависит от условий, которыми являются: 1) доведение до сведения Антитрестовского управления Министерства юстиции ранее неизвестной ему информации о картеле до начала расследования; 2) взаимодействие с Антитрестовским управлением до конца расследования; 3) наличие факта того, что лицо не являлось организатором картеля и не склоняло других лиц к участию в нем. Важно, что программа смягчения применяется ко всем

²⁴² Еременко В. И. Антимонopolное законодательство зарубежных стран. М.: ВНИИПИ, 1997. С. 42–68.

²⁴³ Sherman Antitrust Act, 15 U.S.C. § 1–7 // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 05.06.2020).

²⁴⁴ Antitrust division manual. Chapter II. Statutory provisions and guidelines of the antitrust division // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁴⁵ Corporate leniency policy // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/810281/download> (дата обращения: 10.02.2020).

физическим лицам, обратившимся от своего имени с соответствующим заявлением в Антитрестовское управление Министерства юстиции даже тогда, когда сам хозяйствующий субъект не попадает под действие программы.

Данная программа даёт возможность освободить от уголовной ответственности первого нарушителя, который обратился в Антитрестовское управление. Хотя программа не требует обязательного возмещения потерпевшей стороне ущерба, даже его частичное погашение существенно уменьшает размер штрафа, который будет впоследствии взыскан с виновного лица²⁴⁶.

Корпоративные и индивидуальные программы смягчения ответственности способствуют выявлению всех лиц, принимавших участие в заключении картеля, в том числе физических лиц независимо от их статуса, – от высшего должностного лица до рядового сотрудника. Эксперты Министерства юстиции США отмечают ее высокий сдерживающий эффект²⁴⁷, невзирая на существующую со стороны ведомства критику данной политики²⁴⁸.

В Америке действует законодательство, направленное на борьбу с недобросовестной конкуренцией. Оно состоит из нескольких законодательных актов, которые регулируют отношения между хозяйственными субъектами и уполномоченными органами власти, а также определяют формы недобросовестной конкуренции. Например, к ним относятся Закон о ФТК, Закон о товарных знаках (Закон Лэнхема) 1946 г.²⁴⁹, Закон Клейтона, Единообразный закон о коммерческой тайне 1985 г.²⁵⁰, Закон об экономическом шпионаже 1996 г.²⁵¹.

²⁴⁶ Individual leniency policy // URL: <https://www.justice.gov/atr/individual-leniency-policy> (дата обращения: 24.11.2019).

²⁴⁷ Individual Accountability for Antitrust Crimes: Deputy Assistant Attorney General Brent Snyder Delivers Remarks at the Yale Global Antitrust Enforcement Conference // URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/deputy-assistant-attorney-general-brent-snyder-delivers-remarks-yale-global-antitrust> (дата обращения: 28.02.2020).

²⁴⁸ См., напр.: Donald C. Klawiter. The U.S. Corporate Leniency Policy: It is Time for a Renaissance // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-u-s-corporate-leniency-policy-it-is-time-for-a-renaissance/> (дата обращения: 02.03.2020).

²⁴⁹ United States Code // URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title15/chapter2/subchapter1&edition=prelim> (дата обращения: 22.11.2019).

²⁵⁰ Uniform trade secrets act // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/us/us034en.pdf>.

²⁵¹ Economic espionage act // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ294/pdf/PLAW-104publ294.pdf> (дата обращения: 22.11.2019).

Недобросовестность конкуренции в США определяется не только в силу прямого противоречия нормам антимонопольного закона, но и его духу. В соответствии с правилами, оценка деятельности как недобросовестной конкуренции осуществляется с учетом практики и поручена ФТК²⁵².

Уголовная ответственность наступает за разнообразные формы недобросовестной конкуренции: ложную рекламу; экономический шпионаж, совершенный в форме присвоения коммерческой тайны, ее незаконного копирования, передачи, уничтожения, присвоения коммерческой тайны, заведомо добытой преступным путем; кражу коммерческой тайны, связанной с продукцией или услугой, используемой или предназначенной для использования в международной торговле; вмешательство в торговую деятельность посредством насилия или угроз (грабежа или вымогательства); незаконный оборот поддельных этикеток, незаконных этикеток, поддельной документации или упаковки; нарушение авторских прав, совершенное из личной корыстной заинтересованности, путем распространения одной или более копий или фонограмм одного или более произведения общей стоимостью 1 тыс. дол. или путем распространения произведений, подготовленных к коммерческому распространению, если лицо знало или должно об этом знать; торговля контрафактными товарами или услугами с использованием поддельного товарного знака. Необходимо подчеркнуть, что за отдельные преступления могут быть применены довольно жесткие санкции. Согласно указанным выше законам, лишение свободы за экономический шпионаж может быть назначено на срок до 15 лет, а за вмешательство в торговую деятельность - вплоть до 20 лет²⁵³.

Помимо перечисленного, уголовная ответственность наступает за воспрепятствование в проведении расследования, согласно § 50 Закона о ФТК. Как сказано в законе, за некоторые из перечисленных в нем нарушений ФТК может

²⁵² Statement of Enforcement Principles Regarding «Unfair Methods of Competition» Under Section 5 of the FTC Act // URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/735201/150813section5enforcement.pdf (дата обращения: 22.11.2019).

²⁵³ United States code. Title 18 – Crimes and Criminal procedure // URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title18&edition=prelim> (дата обращения: 22.11.2019).

быть наложен штраф на сумму от 1000 до 5000 долларов или лишение свободы на срок вплоть до 1 года. За предоставление ФТК не соответствующих действительности документов, можно получить штраф или же лишение свободы на срок до 3 лет.

При анализе всех преступлений, выявляется еще один важный показатель эффективности использования мер уголовно-правовой охраны конкуренции в США: они не предполагают причинение ущерба или получение незаконного дохода как обязательного признака состава преступления, являясь, по сути, формальными.

По статистике несмотря на то, что в перечень оснований уголовной ответственности за посягательства в сфере конкуренции входят лишь формальные составы, количество этих преступлений сравнительно невелико (таблица 1). Одновременно на фоне этого можно отметить большое количество возбуждаемых уголовных дел по таким случаям (таблица 2)²⁵⁴.

Таблица 1 – Общее количество нарушений

<i>Общее количество нарушений</i>	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Закон Шермана	74	48	49	33	27	30	42	43	38	44	58
Закон Клейтона	68	64	90	74	65	81	67	65	55	65	72
Иные	21	3	3	0	0	2	2	4	7	5	4

Таблица 2 – Количество зарегистрированных уголовных дел

<i>Год</i>	<i>Зарегистрировано уголовных дел</i>		
	<i>Всего</i>	<i>Обвиняемые-физические лица</i>	<i>Обвиняемые - корпорации</i>
2009	72	65	22
2010	60	63	21
2011	90	82	27

²⁵⁴ Workload statistics FY 2009 – 2019 // URL: <https://www.justice.gov/atr/division-operations> (дата обращения: 22.11.2019); Criminal Enforcement Trends Charts. URL: <https://www.justice.gov/atr/criminal-enforcement-fine-and-jail-charts> (дата обращения: 2.12.2023).

2012	67	63	16
2013	50	34	21
2014	45	44	18
2015	60	66	20
2016	51	52	19
2017	24	27	8
2018	18	28	5
2019	26	15	13
2020	33	22	11
2021	43	29	14
2022	40	31	9
2023	нет данных	22	2

Отметим практику применения в США различных видов наказания (таблица 3, 4, 5)²⁵⁵:

Таблица 3 – Тюремное заключение

Заключение в тюрьму	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество осужденных	37	39	55	39	35	15	36	52	59	25
Количество осужденных к сроку заключения	29	21	45	28	21	12	22	30	21	22
Среднее количество дней лишения свободы	898	502	747	750	787	402	330	262	285	179

Таблица 4 – Штрафы

Уголовные штрафы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего индивидуальных штрафов (\$ 000)	4,373	1,522	2,141	3,069	2,016	369	5,245	1,017	10,795	2,138

²⁵⁵ Workload statistics FY 2009 – 2019 // URL: <https://www.justice.gov/atr/division-operations> (дата обращения: 22.11.2019).

Количество оштрафованных физических лиц	19	25	31	29	24	15	31	34	53	22
Корпоративные штрафы	338,645	380,032	1,472,968	272,214	1,904,714	985,706	452,935	2,784,839	188,527	255,144
Количество оштрафованных корпораций	11	11	33	24	25	15	14	11	9	10

Таблица 5 – Иные уголовные наказания

Другие ограничения (домашний арест, помещение в специализированные помещения)	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество осужденных	6	12	4	5	7	2	5	19	21	3
Среднее количество дней ограничения	216	173	135	162	181	180	120	201	154	222

В таблице 3 можно увидеть, что несмотря на большой срок в 10 лет лишения свободы, на практике этот вид наказания назначается в гораздо меньших сроках и за период 2010–2019 г. не превышал 2,5 лет лишения свободы. Среднемесячное количество месяцев осуждения за период 2020-2023 гг. составило 15²⁵⁶. Таблица 5 показывает, что менее жесткие наказания (домашний арест, помещение в специализированные помещения) являются более частым наказанием.

Существует ряд факторов, которые влияют на эффективность выявления и расследования антиконкурентных преступлений в США. Это система органов власти, которые имеют право на осуществление таких действий, а также наделение их функциями и полномочиями, которые и определяют их результативность.

Сферы, которые касаются борьбы с нарушениями антitrustовского законодательства, находятся в компетенции ФТК и Антитрестовского управления

²⁵⁶ Criminal Enforcement Trends Charts // URL: <https://www.justice.gov/atr/criminal-enforcement-fine-and-jail-charts> (дата обращения: 2.12.2023).

Министерства юстиции США²⁵⁷. ФТК имеет право на пресечение деятельности недобросовестных участников рынка в сфере торговли, за исключением некоторых ее форм. Также она может проводить расследования случаев нарушения антитрестовских законов в сфере торговли в административном и гражданско-процессуальном порядке. У ФТК есть обширные процессуальные полномочия, позволяющие получать различные доказательства. Такие доказательства должны быть предоставлены в установленный срок лицом, к которому будет обращаться сотрудник ФТК с соответствующим требованием (§ 49 Закона о ФТК). Антитрестовское управление Министерства юстиции США является единственной структурой, которая может проводить уголовное преследование. Между тем с целью избегания дублирования в своей деятельности, указанные органы власти извещают друг друга о начале процесса по факту какого-либо нарушения.

Необходимо отметить, что в структуре правительства США присутствует еще одно важное ведомство – Федеральное бюро расследований (ФБР), которое является департаментом Министерства юстиции. Часть сотрудников ФБР со всеми полномочиями, которые им предоставлены для осуществления своей деятельности, находится в составе Антитрестовского управления на непрерывной основе. Это позволяет последнему успешно вести борьбу с любыми картелями, включая транснациональные²⁵⁸. Дела о нарушении антитрестовского законодательства не разделяются, а сразу попадают в разряд уголовных или гражданских и расследуются согласно установленным процедурам²⁵⁹. Это позволяет сэкономить время, необходимое для расследования преступлений.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

²⁵⁷ Antitrust division manual. Chapter III. Investigation and Case Development // URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> 1 (дата обращения: 20.11.2019).

²⁵⁸ Кинев А. Ю. Административно-правовая защиты конкуренции: проблемы и пути совершенствования. С. 98–99.

²⁵⁹ Анализ законодательства и правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС и Евразийского экономического союза по вопросам привлечения к ответственности и освобождения от нее за нарушение антимонопольного законодательства, рассмотрение международного опыта: итоговый отчет п. 2 Календарного плана к договору от 07.09.2018 г. № Н-23/231 – ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2019. С. 352.

Во всех странах предусмотрена уголовная ответственность за различные нарушения антимонопольного законодательства - картели, недобросовестную конкуренцию, связанную с посягательствами на коммерческую тайну, объекты интеллектуальной собственности. Также существует уголовная ответственность за злоупотребление доминирующим положением (Япония, Республика Корея, Великобритания, Франция, ФРГ, Швейцария), нарушения на торгах (Япония, КНР, Республика Корея, ФРГ, Бельгия). Основаниями уголовной ответственности являются и различного рода препятствования антимонопольным органам в осуществлении их полномочий (Япония, КНР, Республика Корея, Великобритания). Составы преступлений сформулированы преимущественно как формальные. Субъектами уголовной ответственности в ряде стран выступают как физические, так и юридические лица. Большинство стран мира установили в качестве основных наказаний за антиконкурентные преступления лишение свободы и штрафы. Иностранное право предусматривает систему смягчения ответственности, в частности за картели, которая признана эффективным способом выявления картелей и противодействия им.

Уголовно-правовое противодействие посягательствам на добросовестную конкуренцию является актуальным в зарубежных странах, что находит свое отражение в систематическом совершенствовании данного механизма, в том числе путем изменения программ смягчения ответственности за картели.

ГЛАВА 3 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

§ 1 Правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции

Анализ научных исследований, нормативных правовых актов позволяет утверждать, что как таковая уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестной конкуренции уже прошла этап своего становления, который связан с появлением в России в 90-х гг. XX века рыночной экономики и первых законов о защите конкуренции, и находится в стадии развития. В этой связи актуальной представляется постановка вопроса о правовых основах уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, изучение которого привело к следующим выводам²⁶⁰.

В теории права под правовыми основами понимается научно обоснованное моделирование прогрессивного развития общественных отношений, ориентированных на создание условий для наиболее полной жизненной самореализации и удовлетворения интересов общества, индивидов и их коллективных образований путем определения в системе правовых актов принципов, целей, правового воздействия, а также правовых средств, с помощью которых обеспечивается достижение прогнозируемого результата²⁶¹. Соответственно к правовым основам уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции следует относить ее правовые формы, объект, предмет, метод, цели, задачи и принципы.

²⁶⁰ Даниловская А. В. Объект и предмет уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №1. С. 88-95; Даниловская А. В. Правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 2. С. 105-118.

²⁶¹ Струсь К. А. Понятие и признаки правовых основ // Современное право. 2012. № 3. С. 8–11.

В отечественной науке при обсуждении правовых основ уголовной политики зачастую акцент ставится на форме закрепления политических установок²⁶², в качестве которых понимается система правовых источников, обеспечивающих деятельность государства по формированию и реализации стратегии воздействия на преступность, образующих правовые формы уголовной политики. Система правовых форм, предложенная Г.Ю. Лесниковым относительно уголовной политики, включает: 1) законы, включая Конституцию РФ; 2) международно-правовые документы (конвенции, договоры, резолюции и т.п.), посвященные вопросам международного сотрудничества в борьбе с преступностью и признанные Российской Федерацией; 3) подзаконные акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ), утверждающие положения и программы концептуального характера²⁶³.

Учитывая разный уровень перечисленных документов, необходимо согласиться с А.Э. Жалинским в том, что основным источником реальной уголовной политики является законодательство²⁶⁴, акты которого имеют непосредственное применение.

Первыми правовыми формами закрепления основ уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции стали законодательные акты начального периода становления рыночной экономики в стране: 1) Конституция РСФСР, в частности в виде измененной в 1990 г. ст. 17, в соответствии с которой государство впервые взяло на себя обязательства обеспечивать развитие рыночного механизма, не допускать монополизм, пресекать злоупотребления в хозяйственной деятельности²⁶⁵, 2) Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности», в ст. 24 которого

²⁶² Проблемы российской уголовной политики / сост. М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М. : Проспект, 2019. С. 25.

²⁶³ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 166–167.

²⁶⁴ Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И.И. Нагорная; отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : ИД Высшей школы экономики, 2015. Т. 3. С. 58.

²⁶⁵ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 15.12.1990 г. // URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183128/> (дата обращения: 17.05.2020).

была установлена уголовная ответственность за уклонение от исполнения или несвоевременное исполнение предписаний антимонопольного органа, а также предоставление заведомо недостоверных (ложных) сведений, необходимых антимонопольному органу для осуществления его деятельности должностными лицами органов власти и управления и хозяйствующими субъектами), 3) УК РСФСР, в который были внесены изменения в соответствии с первым антимонопольным законом.

Правовые основы развития и охраны конкуренции, заложенные в современной Конституции РФ, более четко выражены и содержатся в разных главах Основного Закона: об основах конституционного строя (гл. 1), в главах о правах и свободах человека и гражданина (гл. 2), федеративном устройстве (гл. 3). Ими, в частности, являются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности, недопустимость осуществления экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34), запрет на установление каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ст. 74).

Содержание ст. 34 и 74, а также ст. 45 и 46 Конституции РФ, в которых закреплены конституционные основы охраны как самой конкуренции, так и субъективного экономического права на конкуренцию, подразумевает разные формы и виды такой охраны, в числе которых и уголовно-правовые средства.

Международные договоры, которые, согласно ст. 15 Конституции РФ, являются частью ее правовой системы, играют важную роль в определении направлений внутригосударственной охраны конкуренции. Российская Федерация была и остается участницей многочисленных международных соглашений, положения которых так или иначе затрагивают вопросы защиты конкуренции: Конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. (10-bis), Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ст. 40), Договора о Евразийском

экономическом союзе (разд. 18) и др., а также международных организаций, в рамках которых принимаются соответствующие правовые документы, имеющие потенциальное значение для защиты конкуренции внутри страны, – Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), ВТО, БРИКС, СНГ, ЕЭАС, Международной конкурентной сети (МКС), Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Региональной ассоциации органов регулирования энергетики (ЭРРА). Более подробно содержание международных правовых основ охраны конкуренции рассмотрено в параграфе «Международные акты в сфере противодействия правонарушениям, посягающим на конкуренцию».

Особой значимостью обладает ФЗ «О защите конкуренции» – основной документ, закладывающий критерии противодействия посягательствам на конкуренцию. Содержащийся в нем охранный механизм имеет преимущественно административно-правовой характер. Сама по себе норма об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, закрепленная в ст. 37 ФЗ «О защите конкуренции», отсылает к законодательству Российской Федерации, не называя прямо уголовную ответственность как один из элементов такого механизма. Положения названного Закона имеют важное правоприменительное значение в связи с бланкетностью уголовно-правовых норм, в частности с толкованием понятия «картель», заключение которого, наряду с иными признаками, является единственным основанием уголовной ответственности, согласно ст. 178 УК РФ. Помимо этого, положения закона, предусмотренные ст. 25.7 и ст. 39.1, оказывают предупредительное и пресекающее действие, обладая признаками как общей, так и частной превенции.

УК РФ, будучи основным специальным федеральным законом – формой выражения положений уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, содержащим правила уголовно-правовой репрессии, включает: принципы уголовно-правового воздействия на преступность в указанной сфере; круг общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения и признаваемых преступными (криминализация), с учетом их дифференциации; наказуемость общественно опасных деяний (пенализация);

применение иных мер уголовно-правового характера (в первую очередь конфискации и судебного штрафа); общие и специальные условия освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания (депенализация).

Указы Президента РФ, которыми определяются ключевые стратегические направления деятельности государства по противодействию тем или иным угрозам экономике страны, имеют принципиальное значение для формирования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции. Первый такой документ – Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» – в рассматриваемом контексте содержал лишь общие критерии охраны конкуренции. В частности, антимонопольное регулирование и поддержка конкурентной политики в нем указаны как одно из направлений государственной социально-экономической политики для противодействия угрозам экономической безопасности (п. 61). Последующие акты Президента предусматривают более детальные положения как о направлениях уголовно-правовой политики, так и средствах ее реализации. Так, в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (далее также – Указ Президента РФ № 208, Стратегия экономической безопасности РФ) к основным вызовам и угрозам экономической безопасности отнесены недостаточно эффективное государственное управление; высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере; сохранение значительной доли теневой экономики (п. 12), а среди важных государственных задач наряду с борьбой с коррупцией, теневой и криминальной экономикой впервые установлено предотвращение картельных сговоров (п. 16).

Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее также – Стратегия национальной безопасности РФ) для целей обеспечения государственной и общественной безопасности одной из задач определено предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с

государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение; совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития. Согласно этому же документу, достижение целей обеспечения экономической безопасности осуществляется также путем решения задач по снижению доли теневого и криминального секторов экономики, уровня коррупции в предпринимательской среде; поддержке, развитию и защите конкуренции на российском рынке, пресечению монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений.

В целях решения проблемы противодействия картелям 5 августа 2017 г. Президентом РФ был подписан Перечень поручений по осуществлению первоочередных мер, направленных на выявление и пресечение деятельности картелей²⁶⁶, среди которых принятие соответствующих законов, в том числе направленных на повышение эффективности выявления и пресечения ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий.

Стратегические аспекты уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции обозначены и Указом Президента РФ от 21 декабря 2017 г. «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»²⁶⁷ (далее – Указ Президента РФ № 618), которым утвержден Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 годы. Указанный документ содержал перечень мероприятий, направленных на уменьшение нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти всех уровней; планировалась организация координации деятельности органов власти по выявлению,

²⁶⁶ Перечень поручений Президента Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 05.08.2017 г. № ПР-1525 // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55315> (дата обращения: 05.07.2020).

²⁶⁷ Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56460> (дата обращения: 18.01.2018).

предупреждению, пресечению и раскрытию ограничивающих конкуренцию соглашений (картелей), запрещенных антимонопольным законодательством.

Среди актов Правительства РФ важное уголовно-политическое значение имеют распоряжения. В Национальном плане на 2021–2025 гг.²⁶⁸ в сфере охраны конкуренции основные направления государственной деятельности сохранены, а также сделан акцент на сотрудничестве стран БРИКС по вопросам развития и защиты конкуренции, включая восстановление условий конкуренции в Российской Федерации при нарушении антимонопольного законодательства, и на обеспечении реализации мероприятий, направленных на принятие Международной конвенции о борьбе с картелями.

Среди иных документов Правительства РФ следует назвать Программу развития конкуренции в Российской Федерации на 2009–2012 гг.,²⁶⁹ в которой среди многочисленных элементов конкурентной политики и инструментов антимонопольного регулирования официально обозначены угрозы конкуренции и меры по ее защите, указано на необходимость выделения группы нарушений антимонопольного законодательства, которые напрямую связаны с ограничением конкуренции, наносят вред конкурентной среде отдельного рынка и затрагивают неограниченный круг лиц, ведущих хозяйственную деятельность на рынке, предусмотрев уголовную ответственность за их совершение.

Во исполнение указов Президента РФ № 208 и 618, а также Перечня поручений Правительством РФ разработана Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных, ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы²⁷⁰. Основные мероприятия программы

²⁶⁸ Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в РФ на 2021 - 2025 гг.: расп. Правительства РФ от 02.09.2021 г. № 2424-р // URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109080001.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

²⁶⁹ Об утверждении Программы развития конкуренции в Российской Федерации (вместе с Планом мероприятий по реализации программы развития конкуренции в Российской Федерации на 2009–2012 годы): расп. Правительства РФ от 19.05.2009 № 691-р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 22. Ст. 2736.

²⁷⁰ Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы: расп. Правительства РФ от 17.06.2019 г. № 1314-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/hZAOhv5nyENRglMoTLAc8UoK1k52MzZq.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

представлены широким перечнем и характеризуются организационным, правовым (включая уголовно-правовой), образовательным и международным компонентами. В его основе нацеленность на совершенствование всей системы противодействия картелям и иным, ограничивающим конкуренцию соглашениям, включая соглашения с участием органов государственной власти и местного самоуправления.

Следует отметить, что ФАС России вносит весьма существенный вклад в развитие уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, в сущности, являясь основным инициатором всех законодательных инициатив, повышения уровня информированности, правовой культуры и образования в сфере конкурентного законодательства, а также межведомственного взаимодействия. Поэтому представляется верным включение его правовых актов стратегического содержания в рассматриваемую систему источников уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции. Примером такого документа является Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 г.²⁷¹, отражающая, в частности, необходимость постоянного принятия оперативных мер уголовно-правового характера, среди которых ФАС называет ужесточение уголовной ответственности за заключение антиконкурентных соглашений, а также подготовку предложений по формированию совместно с МВД России единых подходов к проведению расследований органами внутренних дел Российской Федерации уголовных дел, возбужденных по ст. 178 УК РФ, и применению правовых механизмов освобождения от уголовной ответственности лиц, содействовавших выявлению данных преступлений (п. 3.7).

Таким образом, правовыми формами уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции следует признать: 1) Конституцию РФ, ФЗ «О защите конкуренции», УК РФ, иные законы, содержащие общие и специальные

²⁷¹ Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 г. № 6. URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 05.07.2020).

положения о противодействии общественно-опасным деяниям, посягающим на добросовестную конкуренцию; 2) международно-правовые акты, посвященные вопросам международного сотрудничества в борьбе с посягательствами на добросовестную конкуренцию и признанные Российской Федерацией; 3) указы Президента РФ, 4) постановления Правительства РФ, 5) документы ФАС программного характера, определяющие основные аспекты работы антимонопольного органа по противодействию посягательствам на добросовестную конкуренцию.

Анализ перечисленных документов позволяет сделать вывод о наличии нескольких перспективных ключевых показателей уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции: 1) ужесточение мер уголовной ответственности за заключение картелей путем увеличения размеров наказаний, предусмотренных ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»; 2) уточнение признаков преступления, образующего уголовно наказуемое посягательство на конкуренцию, в том числе включение дополнительных квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков; 3) криминализация других антиконкурентных соглашений, в частности с участием должностных лиц органов власти; 4) качественное изменение принципов взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов между собой и с иными органами власти всех уровней по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию ограничивающих конкуренцию антиконкурентных соглашений (картелей), запрещенных законодательством²⁷².

Однако в перечисленных актах не уделяется достаточно внимания недобросовестной конкуренции, обладающей общественной опасностью, по отдельным оценкам, равной монополистической деятельности, являющейся одной из угроз экономической безопасности. Лишь в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования, разработанной ФАС, отмечается

²⁷² Даниловская А. В. Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции / Тенишев А. П., Даниловская А. В. // Законодательство. 2022. № 11. С. 60.

необходимость противодействия не только монополистической деятельности, но и недобросовестной конкуренции (п. 3.7).

При определении основ уголовно-правовой политики в научной литературе выделяют ее предмет (объект) и метод, понимание которых носит дискуссионный характер. Их значение определено А.П. Кузнецовым не только как важное в теоретическом и практическом смысле, но и с позиции уголовно-правовой теории означающее включение их в определенный правоприменительный (правореализационный) режим²⁷³. Предмет и метод уголовной политики характеризуются как признаки, которые показывают специфику правового регулирования в данной области²⁷⁴.

Имеющиеся точки зрения относительно предмета уголовно-правовой политики являются дискуссионным. При этом необходимо отметить, что в основном предмет уголовно-правовой политики не отделяется от предмета уголовной политики и рассматривается как единая для всех ее направлений категория.

Как в более ранних, так и в современных работах отмечается разделение взглядов на две основные позиции: рассматривать предмет уголовно-правовой политики как деятельность государства, направленную на борьбу с преступностью²⁷⁵, или как то, на что она направлена, – саму преступность²⁷⁶. Имеются и иные представления²⁷⁷.

²⁷³ Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 282.

²⁷⁴ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы). С. 51.

²⁷⁵ См., напр.: Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 282; Степанов М. В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности: теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14; Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблема формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР) : дис. ... докт. юрид. наук. Горький, 1990. С. 44.

²⁷⁶ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 27.

²⁷⁷ См., напр.: Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 3. С. 69 ; Кузнецов А. П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 22; Волошин В. М. Уголовно-правовая политика

В результате проведенного исследования понятий правовой политики, уголовной политики, уголовно-правовой политики было установлено следующее.

Уголовно-правовая политика является одним из направлений (элементов) уголовной политики, а последняя, в свою очередь, видом правовой политики, понятие которой рассматривается в науке²⁷⁸. В качестве объекта правовой политики понимается все многообразие правовой жизни общества, включающее как позитивные (право, правовую систему, механизм правового регулирования, правовые акты, юридические поступки, правовые режимы, правоотношения и юридическую практику, правосознание и правовую культуру, законность и правопорядок), так и негативные явления (противоправные явления, включая преступления, их субъекты, деформации правосознания и др.)²⁷⁹. Следовательно, учитывая связь правовой политики и уголовной политики, как преступность, так и деятельность, направленная на противодействие преступности, являются проявлениями объекта уголовной политики. Как элементы правовой жизни они представляют собой равнозначные, хотя и противоположные правовые явления, каждое из которых может рассматриваться как самостоятельный предмет (как то, что находится в рамках объекта) уголовной политики.

В то же время, отвечая на вопрос о том, что явилось причиной государственной реакции в виде уголовной политики, представляется верным исходить из ее первоисточника, которым является преступность. Следовательно, преступность, как явление, предшествующее направленной на нее государственной деятельности уполномоченных субъектов, первична, и именно она включается в понятие объекта уголовной политики, а деятельность органов

России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2008. С. 17.

²⁷⁸ См., напр.: Малько А. В. Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 4. С. 61.

²⁷⁹ См., напр.: Михайлов А. Е. Правовая жизнь изменяющейся России: проблемы качества и стратегии развития // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4 (14). С. 50; Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10; Шавлохова З. К. Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 16–17.

государства по противодействию преступности следует понимать как предмет уголовной политики.

Между тем рассмотрение предмета уголовно-правовой политики в объединении его с предметом уголовной политики видится не совсем корректным: понятие уголовной политики гораздо шире, так как охватывает большой спектр правоотношений, регулируемых разными отраслями как материального, так и процессуального права, в то время как уголовно-правовая политика большинством ученых определяется хотя и основным, но все же не единственным направлением уголовной политики²⁸⁰.

Следовательно, под объектом уголовно-правовой политики представляется верным понимать некую совокупность общественно опасных противоправных деяний, а под предметом – деятельность уполномоченных органов государства по криминализации и декриминализации таких деяний, их пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Таким образом, объектом уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции является группа общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, а предметом – деятельность соответствующих органов власти (законодательной, исполнительной и судебной), в результате которой осуществляется криминализация и декриминализация деяний против добросовестной конкуренции, их пенализация и депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

Что касается метода уголовно-правовой политики, то в науке этот правовой элемент как одна из теоретических основ уголовно-правовой политики мало освещается, а существующие позиции отражают относительно единодушное понимание методов как элементов содержания уголовно-правовой политики, относя к ним криминализацию, декриминализацию, пенализацию,

²⁸⁰ На отличия в предметах уголовной политики и ее направлений (отраслевых видов) указывал П.Н. Панченко (Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблема формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР). С. 44).

депенализацию, дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности²⁸¹.

Метод как категория в самом общем значении может быть определен как способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность²⁸², совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом²⁸³. Следовательно, криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности представляют собой не сам метод уголовно-правовой политики, под которым следует понимать общее направление, характеризующее ее содержание, а в первую очередь его способы, приемы, которые являются составляющими метода. Непосредственно метод уголовно-правовой политики отражает общую природу таких способов и приемов, являясь императивным, основанным на принуждении и средствах воздействия на лиц, совершивших противоправные деяния²⁸⁴. Следует поддержать доводы Н.А. Лопашенко о различии понятий содержания и метода уголовно-правовой политики²⁸⁵. При этом суть содержания уголовно-правовой политики выражается в деятельности органов государства, уполномоченных осуществлять правотворчество и правоприменение, в рамках которых определяется и реализуется стратегия и тактика противодействия преступности.

В основе принуждения как метода лежит уголовно-правовой запрет, образующий суть принципов уголовно-правовой политики. Принципы уголовно-правовой политики, будучи ее важнейшей теоретической основой, системообразующими элементами, также являются одним из центров научных

²⁸¹ См., напр.: Пронников А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 22.

²⁸² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 258.

²⁸³ Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998 // URL: www.ponjatija.ru (дата обращения: 15.06.2020).

²⁸⁴ Кузнецов А. П. Предмет и метод уголовной политики. С. 282.

²⁸⁵ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 237.

споров²⁸⁶. Не вдаваясь в эту дискуссию, ориентируясь на многообразие источников, в которых могут содержаться принципы уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, представляется, что к ним следует отнести следующие основополагающие идеи:

1) принцип приоритета публичного интереса в защите добросовестной конкуренции как основы национальной безопасности страны. Выделение данного принципа предопределено конституционными положениями о необходимости поддержки и защиты конкуренции (ст. 8, 34 Конституции РФ), а также требованиями национальной и экономической безопасности России (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»);

2) принцип запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции (ст. 34 Конституции РФ, ФЗ «О защите конкуренции»). В рамках данного принципа выделяется отдельный, идейно важный для правоприменения аспект абсолютного запрета картелей как формы монополистической деятельности. Запрет картеля, отнесенного законодателем в ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции» к ограничивающим конкуренцию соглашениям, является безусловным, не предполагающим каких-либо исключений. Принцип запрета картеля также означает, что для признания противоправности такого соглашения не требуется установления ограничения конкуренции – этот факт всегда будет присутствовать при заключении картеля, ибо ограничение конкуренции и есть суть картеля. Выделение данного запрета имеет важное как стратегическое, так и тактическое значение для уголовно-правовой охраны конкуренции. В силу общности конституционного запрета монополистической

²⁸⁶ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. С. 282–285; Сабитов Т. Р. Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы // Вестник НГУ. 2007. Т. 3. Вып. 1. С. 167–175. (Право); Авдеев В. А., Авдеева О. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2014. № 1. С. 19–21, 23; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. – М. : Юрлитинформ, 2019. С. 35–47.

деятельности и недобросовестной конкуренции, безусловную природу рассматриваемого принципа следует распространять и на недобросовестную конкуренцию²⁸⁷;

3) принцип запрета антиконкурентных действий должностных лиц органов власти (отражен в Договоре о Евразийском экономическом союзе), который конкретизирован в принципах: а) запрета на введение и (или) сохранение ограничений, создающих дискриминационные условия в отношении отдельных видов экономической деятельности, производства и оборота отдельных видов товаров, оказания отдельных видов услуг, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, правовыми актами Президента РФ, правовыми актами Правительства РФ; б) запрета на необоснованное вмешательство в свободное функционирование товарных рынков, издание актов, принятие решений, которые могут привести к недопущению, устранению конкуренции (ФЗ «О защите конкуренции», Указ Президента РФ № 618);

4) принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий (Договор о Евразийском экономическом союзе);

5) принцип эффективного сотрудничества антимонопольного и правоохранительных органов и координация их деятельности (Указ Президента РФ № 618);

6) принцип определения преступности антиконкурентных деяний с учетом базовых запретов, установленных антимонопольным законодательством. Данный принцип выделяется из общего правила, предложенного Общественной палатой РФ в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, согласно п. 10 которой преступность деяния должна определяться УК РФ с учетом предписаний законодательства иных отраслей права²⁸⁸. Несмотря на то, что проект Концепции не получил дальнейшего развития, представляется, что только данное правило должно быть положено в основу криминализации деяний в

²⁸⁷ Даниловская А. В. К вопросу о понятии монополизации и ее запрета // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. № 2 (112). С. 102-107.

²⁸⁸ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 31.03.2020).

сфере экономической деятельности в силу принципа связи, предложенного Л.Н. Кривоченко²⁸⁹.

Понятие цели как уголовной, так и уголовно-правовой политики является дискуссионным в науке. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, представляется оптимальным понимание цели уголовной политики, предложенное А.И. Рарогом: она заключается в максимально эффективном обеспечении правопорядка и воздействии на преступность²⁹⁰; цель уголовно-правовой политики, по мнению А.В. Пронникова, – максимально возможное ограничение наиболее опасных проявлений преступности²⁹¹. Сама по себе цель определяется как ключевое понятие в концепциях, описывающих поведение человека или другой сложной органической системы, характеризующейся представлением о состоянии, к которому стремится данная система и ради чего она существует²⁹².

Цели уголовно-правовой политики уже, так как фокусируются на материальной основе уголовно-правовой проблематики противодействия преступности. Относительно преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, цель уголовно-правовой политики можно определить как эффективное обеспечение конкурентного правопорядка посредством максимального снижения количества преступлений, совершаемых против конкуренции и в ее сфере.

В литературе выделяется понятие «реалистичной конечной цели уголовной политики в сфере конкуренции», которая, по мнению его авторов, выражается в формировании массового неприятия (отрицания) уголовно наказуемых способов соперничества хозяйствующих субъектов ради получения прибыли, в том числе посредством создания картелей²⁹³. Однако в силу того, что большинство

²⁸⁹ В соч. Кадникова Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. С. 33–34.

²⁹⁰ Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 470–479.

²⁹¹ Пронников А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности. С. 17.

²⁹² Философская энциклопедия // URL: <http://terme.ru/termin/cel.html> (дата обращения: 10.01.2019).

²⁹³ Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. С. 14.

нарушений антимонопольного законодательства в целом и картели в частности существуют как обычные экономические явления, сменяющие в процессе экономической эволюции конкуренцию, обладая при этом высокой латентностью, такая цель относится, скорее, к иному, выделяемому этими же авторами виду целей уголовной политики – идеальной цели в виде предупреждения 100 % преступлений, совершаемых физическими лицами, в связи с соперничеством хозяйствующих субъектов за получение скорейшей и наивысшей прибыли²⁹⁴. Фактическое уменьшение количества различного рода злоупотреблений доминирования (но не исключения нарушений как таковых), картелей, недобросовестной конкуренции и иных нарушений антимонопольного законодательства, имеющих признаки преступлений, на всех уровнях и во всех секторах экономики, вероятно, достижимый результат уголовно-правовой политики при условии формирования эффективной конкурентной политики.

Задачи уголовно-правовой политики в доктрине также определяются разнообразно. Так, из суждений А.Э. Жалинского следует, что задачами уголовно-правовой политики является решение проблем ресурсного и кадрового обеспечения практики реализации уголовного законодательства, постоянного совершенствования правотворческой и правореализационной деятельности²⁹⁵. Т.Р. Сабитов относит к задачам уголовно-правовой политики напрямую все многообразные элементы ее содержательной стороны²⁹⁶. Весьма широко определяются задачи в Концепции уголовно-правовой политики, среди которых, как имеющих актуальное значение для уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, следует выделить защиту личности, собственности, государства и иных, охраняемых уголовным законом объектов (интересов) от преступного посягательства, выявление эффективности деятельности правоохранительных органов по применению на практике институтов и норм

²⁹⁴ Там же. С. 13.

²⁹⁵ Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 3. С. 57.

²⁹⁶ Сабитов Т. Р. Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы // Вестник НГУ. 2007. Т. 3. Вып. 1. С. 168. (Право).

уголовного права, недопущение нарушения взаимосвязи между нормами уголовного права и нормами различных отраслей законодательства.

Представляется, что с учетом имеющихся воззрений на характер задач уголовно-правовой политики, к специальным задачам уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции следует отнести:

1) защиту добросовестной конкуренции и основанных на ней правомерных экономических публичных и частных интересов от преступных посягательств;

2) исчерпывающую и обоснованную криминализацию и справедливую пенализацию антиконкурентных деяний, а также дифференциацию ответственности за их совершение;

3) принятие актов стратегического характера, предусматривающих программы противодействия антиконкурентным деяниям, включая недобросовестную конкуренцию;

4) повышение эффективности широкого взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов в противодействии антиконкурентным деяниям.

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным определить уголовно-правовую политику в сфере охраны добросовестной конкуренции как официально закрепленное в правовых формах стратегическое направление правотворческой и правоприменительной деятельности государства в сфере охраны добросовестной конкуренции, в рамках которой определяются цели, задачи, принципы, а также средства уголовно-правового воздействия на преступления, посягающие на добросовестные конкурентные отношения. Следует признать сформированными все правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции: объект, предмет, источники, цели, задачи, принципы.

§ 2 Уголовно-правовая политика и антимонопольная политика как взаимозависимые факторы в сфере охраны добросовестной конкуренции

Изучение института уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции невозможно без понимания различных аспектов государственной экономической политики, одним из ведущих направлений которой являются меры по защите конкуренции и пресечению антиконкурентных действий, реализуемых в рамках антимонопольной и конкурентной политики. Проведенное в этой области исследование позволило установить сферы взаимного влияния указанных видов политики друг на друга, выявить его недостатки и обозначить ряд задач, решение которых могло бы иметь обоюдно положительный результат в целях противодействия нарушениям антимонопольного законодательства²⁹⁷.

Анализ литературы первых лет становления в России антимонопольного законодательства приводит к выводу о том, что тогда оно было направлено на противодействие монополизму, в первую очередь государственному²⁹⁸, а государственная политика называлась антимонопольной²⁹⁹. Позже, под влиянием новых макро- и микроэкономических явлений, стали отмечаться тенденции трансформации классической антимонопольной политики в политику защиты конкуренции³⁰⁰, которая является неотъемлемой частью конкурентной политики, включающей в себя активные и защитные методы³⁰¹, нацеленные на

²⁹⁷ Даниловская А. В. Уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестной конкуренции и конкурентная политика: соотношение и проблемы взаимозависимости // Юридические исследования. 2023. № 9. С. 1-17.

²⁹⁸ Антимонопольная политика: теоретические и практические аспекты / сост. И. В. Стародубровская. М.: Знание, 1991. С. 31–39.

²⁹⁹ См., напр.: Авдашева С. Б., Розанова Н. М. Анализ структуры товарных рынков: экономическая теория и практика России. М. Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 1998. С. 99–100; Шишкин М. В. Антимонопольная государственная политика России в период перехода к рыночным отношениям // Государство и рынок: ученые записки кафедр общественных наук вузов Санкт-Петербурга. Вып. 30. Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 54–69. (Политическая экономия).

³⁰⁰ Лукашенко О. А. Переход от антимонопольной политики к политике защиты конкуренции в современных экономических условиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2011. С. 22.

³⁰¹ Шаститко А., Авдашева С., Голованова С. Конкурентная политика в период кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 55.

предотвращение возникновения неоправданных конкурентных преимуществ, полученных в том числе и недобросовестным путем³⁰².

С первых лет ведения антимонопольным органом статистики количества нарушений отмечается периодический рост нарушений антимонопольного законодательства, сменяемый под влиянием различных факторов, в том числе изменением законов, на их уменьшение³⁰³ (таблица 6).

Таблица 6 – Статистика нарушений ФЗ «О защите конкуренции»

<i>Год</i>	<i>Злоупотребление доминирующим положением</i>	<i>Заключение соглашений (согласованных действий), ограничивающих конкуренцию</i>	<i>Акты и действия, включая соглашения и согласованные действия, осуществленные органами власти и органами местного самоуправления, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции (ст. 15-21 ФЗ «О защите конкуренции»)</i>	<i>Недобросовестная конкуренция</i>
2006	1 428	161	2 460	399
2007	1 590	226	2 970	423
2008	1 684	298	4 304	395
2009	2 411	488	5 820	687
2010	2 736	607	6 982	927
2011	3 199	482	6 384	1 065
2012	2 582	294	5 386	1 132
2013	2 634	272	5 364	1 175
2014	3 091	319	5 415	1 136
2015	3 059	375	4 005	1 113
2016	1 340	360	1 340	909
2017	847	420	1 260	409
2018	685	437	1 092	517
2019	630	492	1 017	427
2020	427	413	725	320
2021	492	243	611	271

³⁰² Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации: монография в 2-х томах. Т. 1. М. : Научный эксперт, 2008. С. 16.

³⁰³ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2006–2023 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

2022	424	215	584	253
2023	371	148	483	255

Среди основных угроз конкуренции, начиная с 2007 г., ФАС называет злоупотребления доминирующим положением, картели и антиконкурентные действия органов власти, которые были весьма распространенными нарушениями. Это нашло отражение в криминализации антиконкурентных действий: если первоначально уголовная ответственность была установлена только за неисполнение должностными лицами органов власти предписаний антимонопольного органа (ст. 175¹ УК РСФСР), то позже она уже наступала за все формы монополистической деятельности и нарушения органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 178 УК РФ, в редакции 1996, 2003, 2009, 2011 гг.).

Существенную долю в структуре выявленных нарушений долгое время занимали и продолжают занимать нарушения со стороны государственных органов и органов местного самоуправления, которые, обладая властными полномочиями, способны оказать самое негативное влияние на сферу предпринимательской деятельности в целом и на конкуренцию в частности.

В этой связи особо стоит отметить взаимодействие антимонопольного органа с другими органами власти, о проблеме которого неоднократно указывалось как в научных источниках³⁰⁴, так и при осуществлении правоприменительной деятельности³⁰⁵. Защита конкуренции – это достаточно трудоемкий процесс, результативность которого не может быть позитивной без надлежаще скоординированного участия в нем тех органов власти, чья деятельность связана с воздействием на экономику. Для эффективного взаимодействия, достижения целей принятых документов о развитии и защите конкуренции практикой ФАС даже стало заключение договоров о сотрудничестве как с федеральными органами

³⁰⁴ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 36; Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования. С. 92.

³⁰⁵ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 г.; Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2017 г. // URL: <https://fas.gov.ru/documents> (дата обращения: 1.10.2020).

власти, так и органами государственной власти субъектов РФ³⁰⁶. Необходимость данной меры обоснована рядом причин, одной из которых является непонимание в полной мере конкурентной политики государства ее непосредственными исполнителями – должностными лицами органов исполнительной власти и местного самоуправления, что проявлялось в отсутствии ответственного отношения названных структур к этой сфере своей деятельности³⁰⁷.

Наиболее сложная ситуация, сохраняющаяся уже в течение длительного времени, возникла с задачей раскрытия картелей. Особое внимание антимонопольного органа привлекают торги, в сфере которых выявлялось и выявляется значительное количество нарушений, включая антиконкурентные соглашения в виде сговоров хозяйствующих субъектов между собой и (или) с организатором (заказчиком) торгов. Именно распространенность сговоров на торгах привело в 2017 г. к признанию картелей одной из угроз экономической безопасности страны в сфере экономики.

Недобросовестная конкуренция долгое время не привлекала особо пристальное внимание антимонопольного органа. Однако согласно докладом Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата за период 2012–2020 гг., около четверти опрошенных предпринимателей видит именно в недобросовестной конкуренции одну из главных опасностей для российской экономики. В разные годы от 15,8 до 25 % предпринимателей сталкивались с недобросовестной конкуренцией регулярно, от 42,1 до 52,2 % – в единичных случаях³⁰⁸; в 2020 г. регулярность столкновения с недобросовестной конкуренцией осталась почти прежней – 52,8 %, но единичных случаев стало больше – 32,1 %³⁰⁹.

³⁰⁶ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2017 г.) // URL: <https://fas.gov.ru/documents/> (дата обращения: 13.10.2020).

³⁰⁷ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2013 г.) // URL: <https://fas.gov.ru/documents/> (дата обращения: 13.10.2020).

³⁰⁸ Доклады Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в 2012–2019 гг. // URL: <http://www.rspp.ru/activity/analytics/> (дата обращения: 14.10.2020).

³⁰⁹ Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в 2020 г. // URL:

Основными проявлениями недобросовестной конкуренции были названы распространение ложных, неточных или искаженных сведений на рынке, признание общественной опасности которых послужило поводом к криминализации деяний в форме манипулирования рынком (ст. 185³ УК РФ) и неправомерного использования инсайдерской информации (с. 185⁶ УК РФ).

Между тем с 2007 г. у ФАС появился такой инструмент борьбы с картелями, как программа смягчения наказаний за добровольное информирование о картелях³¹⁰, применение которого в административном производстве дало положительные результаты в виде пресечения многих неправомерных действий и успешного раскрытия десятков картелей. В то же время реализация программы освобождения от ответственности за картель, как элемент общей программы смягчения ответственности за указанное нарушение, в уголовном праве еще остается невозможной.

Существенным превентивным потенциалом обладают институты предупреждения и государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства, предусмотренные ст. 25.7 «Предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства», ст. 39.1 «Предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства» и ст. 35 «Государственный контроль за ограничивающими конкуренцию соглашениями хозяйствующих субъектов» ФЗ «О защите конкуренции».

В первых и третьем случаях речь идет о предупредительных действиях антимонопольного органа при отсутствии факта нарушения. Согласно ст. 25.7, предостережение направляется должностному лицу хозяйствующего субъекта, публично заявившему о планируемом поведении на рынке, которое может привести к нарушению, или должностному лицу органа власти или управления, организации, участвующей в предоставлении государственных или

<https://media.rsp.ru/document/1/0/a/0a140bd76442296880d5190932d0bf73.pdf> (дата обращения: 14.10.2020).

³¹⁰ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007 г.) // URL: <https://fas.gov.ru/documents/> (дата обращения: 10.10.2020).

муниципальных услуг, государственного внебюджетного фонда при наличии информации о планируемых этими лицами действиях (бездействии), способных также привести к нарушениям. Проводимый в соответствии со ст. 35 государственный контроль имеет цель выявить природу соглашения хозяйствующих субъектов, предотвратив заключение ими картеля: хозяйствующие субъекты имеют возможность обратиться в антимонопольный орган с заявлением о проведении проверки проекта такого соглашения. Второй случай касается пресекательных мер антимонопольного органа. Они реализуются в отношении наиболее опасных антиконкурентных деяний – злоупотребления доминирующим положением, недобросовестной конкуренции и актов органов власти и управления (ч. 2 ст. 39.1). Хозяйствующим субъектам и органам власти и управления антимонопольный орган выдает предупреждение либо о прекращении антиконкурентных действий (бездействия), об отмене или изменении актов, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства, либо об устранении причин и условий, способствовавших их совершению, и о принятии мер по устранению последствий нарушения, либо о ликвидации или принятии мер по прекращению осуществления видов деятельности унитарного предприятия, которое создано или осуществляет деятельность с нарушением требований закона.

Данные институты, как уже было отмечено, имеют важное превентивное значение в отношении антиконкурентных преступлений, что уже видно на практике. С начала их применения в 2012 г. отмечается сокращение количества нарушений, в частности, по некоторым пунктам ст. 10, 14.1–14.8, а также ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции». Однако их успешность с позиций уголовно-правовой политики еще предстоит оценить.

В 2019 г. в качестве нового инструмента предотвращения нарушений антимонопольного законодательства в ФЗ «О защите конкуренции» появился институт системы внутреннего обеспечения соответствия деятельности хозяйствующего субъекта требованиям антимонопольного законодательства (ст.

9.1 ФЗ «О защите конкуренции») – «антимонопольный комплаенс»³¹¹. Антимонопольный комплаенс предполагается как инструмент помощи хозяйствующим субъектам соблюдать антимонопольное законодательство и не допускать его нарушения. Для юридического лица правила об антимонопольном комплаенсе – это его внутренняя политика соблюдения антимонопольных правил. В случае же допущения факта нарушения ответственность должна наступать на общих основаниях как для хозяйствующего субъекта, так и для работника организации, допустившего нарушение, включая уголовно-правовую.

Таким образом, ряд мер, реализуемых в рамках конкурентной политики, имеет потенциальное значение общей и частной превенции, что отражается не только на статистике антиконкурентных преступлений, но и влияет на криминализацию и декриминализацию деяний.

Тенденцией современной конкурентной политики стала цифровизация экономики, к которой привело широкое развитие технологий во всем мире, меняющих конкурентную среду. Антимонопольные органы всех стран столкнулись с использованием хозяйствующими субъектами компьютерных алгоритмов для ценообразования, прогнозирования изменений на рынке. Одновременно с этим поддерживать сговор стало возможным без какого-либо реального взаимодействия между представителями хозяйствующих субъектов. Перед антимонопольным органом возникла новая проблема – изменение подходов к выявлению и доказыванию антиконкурентных соглашений, заключенных с использованием интернет-технологий.

Появление так называемых «цифровых картелей» выявило и уголовно-правовые вопросы квалификации таких сговоров как с правомерным, так и с неправомерным использованием «цифровых роботов» – компьютерных программ, позволяющих хозяйствующим субъектам не принимать личного участия в электронных торгах. В этой связи специалисты говорят о необходимости

³¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: федер. закон от 01.03.2020 г. № 33-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003010005> (дата обращения: 15.10.2020).

исследования вопросов, связанных с цифровыми рисками закупочной деятельности, в целях выработки оптимального варианта уголовно-правового реагирования на такие действия³¹². В частности, требуют ответов вопросы о возможности дополнительной квалификации деяний по ст. 273, 274 УК РФ, а также об оценке действий разработчика вредоносного «цифрового робота» как соучастника (пособника) в совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ³¹³.

Право на интеллектуальную собственность как возможность приобретения экономической власти также становится все более актуальной темой во всем мире, что заставляет страны менять свою конкурентную политику, распространяя национальное антимонопольное законодательство на сферу интеллектуальной деятельности. ФАС разработан законопроект, согласно которому запреты монополистической деятельности, предусмотренные ст. 10 и 11 ФЗ «О защите конкуренции», предлагается распространить на действия (бездействия) и соглашения с использованием исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности³¹⁴. Предполагается, что это позволит решить проблемные вопросы, связанные с ограничением или возможным ограничением конкуренции при осуществлении правообладателями исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Следует отметить, что в действующей редакции ФЗ «О защите конкуренции» содержится правило о нераспространении положений закона о запрете

³¹² Тенишев А. П., Тесленко А. В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в условиях развития цифровых технологий // Закон. 2019. № 6. С. 124–131.

³¹³ Даниловская А. В. Использование «цифрового робота» на торгах: вопросы уголовной ответственности // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы. V Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 120-летия Дальневосточного федерального университета и 100-летия юридического образования на Дальнем Востоке России. 3–5 октября 2019 г. / сост. Н. Г. Присекина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2020. С. 150–151.

³¹⁴ Проект Федерального закона О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» в части установления антимонопольных требований к соглашениям и действиям по предоставлению или распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ или услуг» (подготовлен ФАС России, текст по состоянию на 7.02.2020, не внесен в Государственную Думу) // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотребления доминирующим положением на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг (п. 4 ст. 10 названного Закона). Однако, вероятно, с учетом лояльного отношения государства к злоупотреблениям доминирующим положением, выражающегося в приоритете административного контроля за деятельностью лиц, занимающих доминирующее положение, криминализация таких деяний не станет актуальным вопросом. В то же время способность антиконкурентных соглашений (включая картели), направленных на ограничение конкуренции правообладателями в сфере использования объектов интеллектуальной собственности, негативно влиять на экономику, что подтверждено уже имеющимся зарубежным опытом³¹⁵, может поставить задачу об уголовно-правовой оценке как таких деяний, так и их последствий.

Между тем в практике ФАС не отражается ситуация уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции, основные проявления которой связаны с противоправным использованием прав на объекты интеллектуальной собственности. Нет такого отражения и в официальной статистике преступлений, которую ведут МВД и Верховный Суд РФ. Из этого следует вывод о том, что в данной сфере антимонопольный и правоохранительные органы не взаимодействуют или взаимодействуют редко (в рамках данного исследования не было обнаружено каких-либо совместных или индивидуальных правовых актов в данной сфере), соответственно нет сведений об эффективности уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию.

Таким образом, современная конкурентная политика характеризуется взаимосвязью множества активных защитных элементов. При этом следует отметить, что антимонопольное противодействие составляет значительную часть конкурентной политики, так как основная ее направленность – борьба с картелями.

³¹⁵ Писенко К. А. Монополистическая деятельность обладателей исключительных прав: правовые проблемы противодействия // Российская юстиция. 2011. № 4 // СПС «КонсультантПлюс: Юридическая пресса».

Вместе с тем в общей концепции конкурентной политики недостаточно внимания уделено проявлениям недобросовестной конкуренции, что в целом дает неполную картину системы защитных мер, включая уголовно-правовые, принимаемых государством для охраны конкуренции.

Анализ научной литературы, в основном экономического характера, указывает на существование различных критических взглядов в отношении осуществляемой государством конкурентной политики. В основном негативную оценку политике государства по противодействию картелям, недобросовестной конкуренции и антиконкурентной деятельности органов власти, в связи с недостаточностью применяемых мер, дали и участники опроса. Так, 52,8 % опрошенных работников антимонопольного органа считают недостаточными меры в отношении картелей (27,8 % поддержали действия государства), 44,5 % – в отношении недобросовестной конкуренции (39,8 % высказались положительно), 55,6 % – в отношении антиконкурентной деятельности органов власти (27,8 % опрошенных считают достаточными принимаемые меры). На вопрос «Считаете ли Вы достаточными меры, включая антикоррупционные, которые государство применяет для противодействия нарушениям антимонопольного законодательства со стороны органов власти и местного самоуправления?» сотрудники правоохранительных органов ответили следующим образом: положительно – 37,3%, отрицательно – 62,7% (Приложение 8).

В то же время следует признать, что антимонопольное законодательство – молодая отрасль законодательства, институты которой проходят путь своего становления и развития, а уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестной конкуренции является зависимой как от экономической в целом, так и от конкурентной политики в частности. Многие ее проблемы связаны с отраслевой принадлежностью критериев определения степени и характера общественной опасности антиконкурентных деяний антимонопольному законодательству.

Отдельные вопросы связаны с несовершенством институтов конкурентного права, что напрямую сказывается на возможностях уголовно-правовой политики в

сфере охраны конкуренции достичь своих целей по снижению количества антиконкурентных преступлений.

Так, одним из важнейших законодательных достижений следует признать появление в ФЗ «О защите конкуренции» официального понятия «картель». Однако смешение в одном определении понятий классического картеля и сговора на торгах не представляется верным положением дел в силу существенных отличий этих соглашений. В рамках совершенствования конкурентной политики, в целях достижения превентивных задач, в том числе по предотвращению сговоров на торгах, справедливой дифференциации ответственности, включая уголовно-правовую, представляется целесообразным ввести запрет на участие в торгах хозяйствующих субъектов, которые уже были привлечены к ответственности за участие в сговоре на торгах. Такая мера существует в законодательстве отдельных стран (например, ФРГ и Франции). Условиями данного запрета могли бы стать: 1) временный характер действия запрета; 2) применение запрета должно быть независимо от вида субъекта ответственности. Правовой статус предлагаемого запрета может быть определен ФЗ «О защите конкуренции» в качестве административно-предупредительной меры либо в КоАП как вид административного наказания.

Еще один вопрос объективности и целостности охвата регулируемых антимонопольным законом отношений касается критериев признания действий хозяйствующего субъекта монополистической деятельностью. Вопрос актуален, так как открытый перечень этих действий дает повод для усмотрения антимонопольного органа. Для решения этого вопроса в науке предлагается разграничивать действия субъектов в зависимости от наличия или отсутствия последствий в виде причинения вреда³¹⁶. При этом предполагается, что вред может выражаться в ограничении конкуренции или в прямом ущемлении интересов других хозяйствующих субъектов и граждан. Таким образом, характер вреда носит как публичный, так и частный характер, что приводит к давно существующему

³¹⁶ Каменева П. В. Правовое регулирование ограничения монополистической деятельности на рынке товаров, работ и услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 6, 13.

другому вопросу в применении ФЗ «О защите конкуренции»: на первостепенности защиты какого интереса стоит данный Закон? Представляется, что в силу конституционности запрета монополистической деятельности, основной направленности ФЗ «О защите конкуренции» на обеспечение в первую очередь единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защиту конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков, принцип отнесения действий хозяйствующих субъектов к монополистической деятельности должен отражать опасность поведения именно для конкуренции.

Аналогичная позиция по данному вопросу была ранее высказана А.Н. Варламовой, автор предлагает ввести в законодательство понятие «вред конкуренции»³¹⁷. Вопрос о вреде для конкуренции является актуальным в правоприменении при рассмотрении практически каждого дела о нарушении антимонопольного законодательства. Представляется, что понятие вреда конкуренции может лечь в основу дифференциации ответственности за антиконкурентное поведение, а его отсутствие в конкретных случаях явиться основанием исключения ответственности. Более подробное рассмотрение данного предложения изложено также далее при исследовании отдельных аспектов уголовной ответственности за антиконкурентные преступления.

В науке отмечают недостатки закрепленного в ФЗ «О защите конкуренции» понятия и форм недобросовестной конкуренции³¹⁸. В частности, неопределенность в понятии субъекта недобросовестной конкуренции приводит к сомнению о возможности рассматривать в качестве такового некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую им доход, и физическое лицо, не

³¹⁷ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 15.

³¹⁸ Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 62; Исайчева Е. А. Недобросовестная конкуренция как социально-правовое явление: историко-правовой аспект. С. 10; Кванина В. В. О принципе недопущения осуществления недобросовестной конкуренции // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сб. науч. трудов / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. Вып. 1. С. 73.

зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход. Такая ситуация порождает вопрос в понимании субъекта преступлений, имеющих признаки недобросовестной конкуренции, а также основания уголовной ответственности.

Кроме вышеперечисленного, исследователи выделяют и другие положения ФЗ «О защите конкуренции», требующие пересмотра. Ликвидация пробелов некоторых из них, в частности, связанных с правовым регулированием предоставления государственных и муниципальных преференций³¹⁹, не только бы повысила эффективность антимонопольного регулирования, но и могла бы способствовать успешности борьбы с коррупционными проявлениями при предоставлении преференций.

Таким образом, уголовно-правовая политика в сфере охраны конкуренции непосредственным образом связана с антимонопольной (конкурентной) политикой, является зависимой от ее направлений, ибо законодательное регулирование конкурентных отношений, ужесточающее запреты или смягчающее государственную реакцию на те или иные антиконкурентные действия, напрямую сказывается на процессах их криминализации и декриминализации, основаниях и условиях освобождения от уголовной ответственности. В то же время недостатки конкурентного законодательства сказываются на справедливости и эффективности привлечения виновных к уголовной ответственности за антиконкурентные деяния.

³¹⁹ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 12; Белицкая А. В. Государство как участник инвестиционных отношений в аспекте антимонопольного регулирования // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сб. науч. трудов / отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2017. Вып. 1. С. 206–207; Арнаутович А. А., Лебедев С. А. Помощь и преференции: сходства и различия в целях применения законодательства о конкуренции // Закон. 2009. № 12. С. 205–206.

§ 3 Проблемы процессуального и организационного обеспечения противодействия преступлениям, посягающим на добросовестную конкуренцию

Одним из важнейших вопросов реализации уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции является организационное и процессуальное взаимодействие уполномоченных органов власти между собой при выявлении и расследовании антиконкурентных деяний, включая установление признаков состава преступлений, в особенности – признаков объективной стороны³²⁰. Данный аспект является элементом не уголовно-правовой политики как таковой, а уголовной политики, направление которой охватывает процессуальные вопросы противодействия преступности. Однако в силу важности взаимодействия уполномоченных органов власти между собой, процессуальных положений законодательства, отражающих особенности выявления и расследования антиконкурентных преступлений, их отдельных признаков в частности, междисциплинарной природы данного института, значение которой невозможно переоценить, представляется необходимым в рамках данного исследования рассмотреть обозначенный аспект в целях выявления основных организационных и процессуальных проблем, препятствующих эффективности борьбы с посягательствами на добросовестную конкуренцию.

Научные исследования взаимодействия уполномоченных органов власти в обозначенной сфере демонстрируют в первую очередь различные его процессуальные аспекты, начиная с описания типичных следственных и оперативно-розыскных мероприятий при возбуждении уголовного дела по ст. 178 УК РФ и заканчивая анализом прокурорской деятельности при выявлении и расследовании антимонопольных нарушений в целом. Однако проблема не ограничивается лишь ее процессуальной стороной.

³²⁰ Даниловская А. В. Процессуальные и организационные аспекты уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Уголовная юстиция. 2013. № 22. С. 42.

Анализ законодательства, деятельности антимонопольного и правоохранительных органов как при самостоятельном исполнении своих полномочий, сопровождающих выявление и расследование фактов нарушений антимонопольного законодательства, так при совместной деятельности свидетельствует о существовании ряда проблем, которые существенно снижают эффективность уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции.

Во-первых, следует отметить основные индивидуальные критерии деятельности антимонопольного и правоохранительных органов, порождающие некоторые проблемы.

Антимонопольный орган в лице Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных управлений является специализированным органом власти, чьи полномочия связаны с выявлением фактов антиконкурентных деяний и привлечением к административной ответственности за их совершение. Функции и полномочия антимонопольного органа имеют разный характер, в то же время они не являются достаточными, что обуславливает актуальность вопроса об их расширении. В частности, весьма востребовано в практике своевременное получение от правоохранительных органов результатов оперативно-розыскной деятельности, внедрение такой превентивной функции как ведение реестра участников ограничивающих конкуренцию соглашений³²¹. Очевидно, что законодательное закрепление таких возможностей за антимонопольным органом позитивно сказалось бы и на уголовно-правовой политике в сфере охраны добросовестной конкуренции.

Несмотря на то, что полномочия отечественного антимонопольного органа оцениваются как самые широкие в мире³²², его правовой статус соответствует международным стандартам, рекомендованным ЮНКТАД в Типовом законе о конкуренции, предопределен текущим состоянием экономики, направлениями

³²¹ Тенишев А. П. Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции / Тенишев А. П., Даниловская А. В. // Законодательство. 2022. № 11. С. 64.

³²² Цыганов А. Г., Павлова Н. С. Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 30, 29–50.

конкурентной политики государства, которые в свою очередь обоснованы требованиями национальной, в том числе экономической безопасности страны.

МВД РФ и Следственный комитет РФ являются органами государственной власти, уполномоченными возбуждать и расследовать уголовные дела по признакам антиконкурентных преступлений согласно ст. 150 и 151 УПК РФ (таблица 7).

Таблица 7 – Подследственность антиконкурентных преступлений

<i>Формы предварительного расследования</i>	<i>МВД РФ</i>	<i>Следственный комитет РФ</i>
Предварительное следствие	Ст. 178, ч. 2 и 3 ст. 180, ст.183 УК РФ	Ст. 146, 147, 169, 185 ³ , 185 ⁶ , 200 ⁴ , 285, 286 УК РФ
Дознание	Ст. 128 ¹ , ч. 1 ст. 180 УК РФ	

Анализ представленных в таблице данных указывает на распределение между Следственным комитетом и МВД уголовных дел, возбуждаемых также в связи с посягательствами на добросовестную конкуренцию, что представляется небезупречным в силу ряда причин. Так, например, при расследовании Следственным комитетом преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ, нередко выявляются картели, расследование которых отнесено к ведению МВД, а в силу ч. 5 ст. 151 УПК РФ преступления, предусмотренные ст. 146, 183, 285 и 286 УК РФ, могут расследоваться следователями органа, выявившего это преступление. Обе ситуации, вероятно, способны порождать конфликты или конкуренцию между уполномоченными органами, а передача в другой правоохранительный орган выделенных материалов уголовного дела, непосредственно связанных с основным делом, явно не способствует успешности расследования обоих, о чем также может свидетельствовать статистика. Помимо этого, из анализа практики следует, что преступления, предусмотренные ст. 146 УК РФ, в основном выявляются и расследуются органами внутренних дел, сотрудники которых нередко допускают провокацию, что влечет постановку оправдательных

приговоров³²³, а распространенность преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, в науке связывают с некомпетентностью сотрудников органов внутренних дел³²⁴. Очевидно, что описанные ситуации требуют своего более глубокого исследования и внимания законодателя.

Прокуратура Российской Федерации, будучи универсальным надзорным органом, осуществляет надзор и за соблюдением антимонопольного законодательства, в рамках которого пресечение действий органов государственной власти и местного самоуправления, ограничивающих свободу экономической деятельности, а также выявление и устранение фактов ограничения конкуренции и иных нарушений антимонопольного законодательства должно быть одним из центров ее внимания, в силу прямого указания на то соответствующими ведомственными правовыми актами³²⁵. В силу положений ст. 151 УПК РФ прокуратура также разрешает споры о подследственности, которые могут иметь место при определении таковой в отношении антиконкурентных преступлений.

Несмотря на востребованность прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства, в науке отмечается нереализованность всего предусмотренного в этих целях потенциала органами прокуратуры, а также наличие существенных препятствий для этого³²⁶. Причем указанные недостатки в работе прокуратуры рассматривались еще на заре становления антимонопольного законодательства³²⁷, но, как видно, по прошествии более двадцати лет ситуация не изменилась.

³²³ См., напр.: приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда // 1-219/2017 от 25.12.2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OmsrgF299X5d/> (дата обращения: 15.06.2020).

³²⁴ Жайворонок А. В. Незаконное использование товарного знака : криминологическое и уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

³²⁵ Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности: приказ Генеральной прокуратуры от 31.03.2023 г. № 581 // СПС «ГАРАНТ».

³²⁶ Кожинский А. В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. С. 13–16.

³²⁷ См., напр.: Викторов И. С. Прокурорский надзор за исполнением антимонопольного законодательства // Законность. 2000. № 5. С. 7.

Во-вторых, существует ряд проблем в эффективности совместной деятельности антимонопольного и правоохранительных органов в противодействии антиконкурентным преступлениям, среди которых выделяются следующие факторы: 1) необходимость устанавливать основание для возбуждения уголовного дела, а также всех признаков состава преступления, обуславливающие взаимодействие уполномоченных органов власти; 2) множественность органов государства, уполномоченных выявлять и (или) расследовать факты антиконкурентных деяний³²⁸; 3) отсутствие четких положений законодательства, закрепляющих правила их взаимодействия.

Следует отметить, что приведенные факторы взаимосвязаны между собой, первичным из них является установление основания для возбуждения уголовного дела по ст. 178 УК РФ, что представляет собой непростую ситуацию. Как показывает анализ практики, обычно источниками сведений о данном преступлении являются заявления хозяйствующих субъектов, как конкурирующих, так и неконкурирующих с участниками картеля, организаторов или заказчиков торгов, сообщения в средствах массовой информации, сообщения антимонопольного органа, прокуратуры, ФСБ, органов власти и местного самоуправления, а также сообщения из других структурных подразделений органов внутренних дел или иных правоохранительных органов в связи с выявлением ограничения конкуренции при расследовании ими других материалов доследственной проверки или других уголовных дел, что влечет за собой необходимость установить достаточность данных, указывающих на признаки преступления.

Одновременно с этим следует обратить внимание на то, что квалификация антиконкурентного поведения как конкретное нарушение антимонопольного законодательства находится в сфере деятельности в первую очередь антимонопольного органа. Следовательно, в целях подтверждения основания для

³²⁸ Под множественностью органов государства, взаимодействующих по делам об антиконкурентных деяниях, представляется допустимым понимать существование ряда органов исполнительной власти, наделенных соответствующими полномочиями и функциями, неподведомственных друг другу, а также прокуратуры.

возбуждения уголовного дела, а также наличия основных признаков объективной стороны преступления в виде картеля, целесообразно получение соответствующего акта (заключения или решения) антимонопольного органа. В этой связи права М.М. Милованова в том, что акт антимонопольного органа, устанавливающий наличие картеля, расценивается как достаточность данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, что не может быть обеспечено в его отсутствие³²⁹. В то же время утверждение автора об обязательности получения заключения территориального антимонопольного органа (комиссии) об имевших место конкурентных отношениях между действовавшими на рынке хозяйствующими субъектами³³⁰ не соответствует закону, так как она им не предусмотрена, в чем, как представляется, заключается суть проблемы расследования уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 178 УК РФ, и иных деяний, связанных с нарушением антимонопольного законодательства.

Другая проблема взаимодействия связана с процессуальными особенностями установления признаков преступления, в том числе размера причиненного ущерба или полученного дохода. При выявлении картелей антимонопольный орган проводит мероприятия по сбору доказательств причастности к ним разных лиц, на основе которых в дальнейшем будет установлен или опровергнут факт заключения картеля, а также может быть осуществлена оценка причиненного картелем ущерба или полученного дохода от участия в соглашении. Зачастую являясь первым органом, выявившим картель, на начальном этапе антимонопольный орган имеет больше возможностей для сбора доказательств, но в силу отсутствия ряда необходимых полномочий, не может их получить оперативным путем. Правоохранительные органы, приступив к своим действиям по сбору доказательств, могут уже не иметь возможности их получить в силу различных обстоятельств, в том числе связанных с их уничтожением заинтересованными лицами. По этой причине, если между антимонопольным и правоохранительными

³²⁹ Милованова М. М. Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 122.

³³⁰ Там же. С. 121.

органами в каждом случае нет взаимодействия, то возможности привлечь виновных к уголовной ответственности за заключение картеля практически не существует. Именно этот вариант событий наиболее распространен в практике, что и приводит к отсутствию должного результата. Помимо уже перечисленных причин, длительность срока производства антимонопольного расследования, который в совокупности составляет от трех месяцев до одного года без учета возможного приостановления производства по делу, повышает риски различных препятствий в расследовании³³¹.

В этой связи также следует отметить проблему своевременности прокурорского реагирования, выделяемую А.В. Кожинским. Поскольку закон не предусматривает обязанности антимонопольного органа устанавливать размер ущерба (дохода), органы прокуратуры лишены правовой возможности незамедлительно определить законность принятого антимонопольным органом по делам данной категории решения и вынуждены проводить собственные проверочные действия с привлечением соответствующих специалистов для определения размеров причиненного ущерба и извлеченного дохода, что требует значительных временных затрат и негативно влияет на уровень законности, снижает эффективность прокурорского надзора в рассматриваемой сфере³³². Этот вопрос актуален и для правоохранительных органов, которые должны установить сумму причиненного ущерба или извлеченного в результате картеля дохода, являющуюся обязательным признаком объективной стороны преступления, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, эффективность сбора доказательств в целях установления всех признаков антиконкурентного преступления, связанного в первую очередь с осуществлением соответствующих функций и полномочий антимонопольного органа, напрямую зависит от оперативности его взаимодействия с

³³¹ См., напр.: Костылева Г. В. О взаимодействии антимонопольных и правоохранительных органов в ходе расследования ограничения конкуренции // Вестник ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3. С. 111, 113.

³³² Кожинский А. В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства. С. 15.

правоохранительными органами, в частности, от своевременности сообщения друг другу необходимой информации, в то время как верно отмечено И.Н. Клименковым, основной упор должен быть сделан на информировании органов внутренних дел на ранней стадии выявления антимонопольным органом признаков картельных сговоров³³³.

Вышеизложенное свидетельствует о проблемах процессуального законодательства, которые с неизбежностью влияют на процесс и результат противодействия антиконкурентным преступлениям. Однако причина видится также в отсутствии организационных основ взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов.

Попытки определить такие основы предпринимались с 1995 года³³⁴. Но ни совместные, ни индивидуальные документы ФАС и правоохранительных органов не являются актами нормативно-правового характера, которые бы официально, на высшем уровне закрепили правила взаимодействия этих органов, а значит, не обязывают ни прокуратуру, ни антимонопольный орган, ни МВД и Следственный комитет РФ соблюдать все их положения в той же мере, как закон.

Такая ситуация нередко приводит к неисполнению в целом или отдельных договоренностей одной из сторон разработанных ими методических

³³³ Клименков И. Н. Некоторые вопросы разграничения компетенции по обеспечению конкуренции между органами внутренних дел и ФАС России // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 212.

³³⁴ Первым таким документом стало Письмо Генеральной прокуратуры РФ № 3-7/3-38-95 и Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур № НФ/3751 от 28.08.1995 г. «О порядке передачи в органы прокуратуры материалов о нарушениях антимонопольного законодательства». После этого документа были приняты: Приказ ФАС России и МВД России от 30.12.2004 г. № 878/215 «Об утверждении положения о порядке взаимодействия МВД Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы», Приказ ФАС России от 31 января 2012 г. № 56 «О порядке предоставления информации по запросам Министерства внутренних дел Российской Федерации», Соглашение о сотрудничестве Следственного комитета России и ФАС России от 3 октября 2012 г. № 208-796-12/09-45, Приказ ФАС России и МВД России от 11 июня 2013 г. № 397/13/426 «О межведомственной рабочей группе ФАС России и МВД России», Приказ Следственного комитета России и ФАС России от 22 января 2014 г. № 4/16/14 «О создании межведомственной рабочей группы», Приказ ФАС России от 08.08.2019 г. № 1073/19 «Об утверждении Методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации))».

рекомендаций, понимание по разным аспектам совместной деятельности им не всегда удастся установить. Проведенный опрос среди сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов выявил их отношение к взаимодействию друг с другом, в зависимости от вида нарушения антимонопольного закона. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы продуктивным взаимодействие антимонопольного и правоохранительных органов при выявлении и расследовании случаев нарушения запрета на картель?», – положительно ответили 69,4 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 0,9 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов; отрицательно – 16,7 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа (из 86,1 %, имевших такой опыт взаимодействия) и 9,1 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов (из 10 % имевших такой опыт). На вопрос: «Считаете ли Вы продуктивным взаимодействие антимонопольного и правоохранительных органов при выявлении и расследовании случаев нарушения запрета на недобросовестную конкуренцию?», – положительно ответили 27,8 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 5,5 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов; ответили отрицательно 33,3 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа (из 61,1 %, имевших такой опыт взаимодействия) и 7,3 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов (из 12,8 % имевших опыт).

Вопрос: «С какими трудностями Вы сталкиваетесь (сталкивались) при расследовании антиконкурентных нарушений с участием правоохранительных органов?», – вызвал следующее распределение по предложенным вариантам ответов среди работников антимонопольного органа: нежелание оказывать содействие в проведении расследования – 15,2 %; низкий уровень подготовки сотрудников, отсутствие знаний антимонопольного законодательства – 57,6 %; отсутствие четкой процессуальной роли и опыта в проведении таких мероприятий – 3 %, отсутствие правовых механизмов взаимодействия – 3 %.

Похожий вопрос работникам правоохранительных органов: «С какими трудностями Вы сталкиваетесь (сталкивались) при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, имеющих антиконкурентную

направленность?»), – показал, что большинство – 43,8 % – сложность усматривает в отсутствии методических разъяснений по вопросам расследования антиконкурентных преступлений (несмотря на наличие таких рекомендаций, сотрудникам правоохранительных органов из числа опрошенных об этом неизвестно); незнание антимонопольного законодательства выбрали в качестве ответа 30,5 % респондентов и 37,1 % указали на экономическую специфику таких дел, которая усложняет процесс их расследования (Приложение 8).

Примечательно, что проведенный в 2002–2005 гг. опрос сотрудников правоохранительных органов показал идентичные ответы³³⁵. Из этого следует, что за прошедшие годы в данной проблеме не произошло кардинальных изменений.

Отмеченные затруднения взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов свойственны также сфере противодействия манипулированию рынком и неправомерному использованию инсайдерской информации с участием Центрального банка и правоохранительных органов, что отмечается в научных источниках. Так, среди основных проблем называют: отсутствие у Центрального банка полномочий на осуществление оперативно-розыскной деятельности (аналогичная проблема отмечается при взаимодействии Центрального банка и Следственного комитета РФ³³⁶), ограничение арсенала проверочных действий³³⁷, длительность проведения Центральным банком внутреннего расследования, отсутствие специальных знаний у сотрудников правоохранительных органов и невозможность их получения на систематической основе³³⁸ и др.

В контексте рассматриваемых проблем уголовно-правового противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию, следует отметить аспект

³³⁵ Денисова А. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 190.

³³⁶ Арестова Е. Н., Борбат А. В. Проблемы возбуждения уголовных дел о манипуляции рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 389.

³³⁷ Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 351.

³³⁸ Там же. С. 353-354.

взаимодействия Центрального банка и ФАС по вопросам соблюдения антимонопольного законодательства в целом и при выявлении Центральным банком признаков таких нарушений в частности. Законодательно закреплено лишь полномочие антимонопольного органа о направлении в Центральный банк предложения о приведении в соответствие с антимонопольным законодательством принятых им актов и (или) прекращении действий в случае, если такие акты и (или) действия нарушают антимонопольное законодательство (пп. 4 п. 1 ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»). В случае выявления Центральным банком при осуществлении своей контрольной деятельности признаков недобросовестной конкуренции, в частности, при установлении случаев манипулирования рынком или неправомерного использования инсайдерской информации, в качестве правовой основы взаимодействия будет выступать лишь Соглашение о взаимодействии между Центральным банком Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службой от 8.06.2017 г.³³⁹. Согласно п.2.5 этого документа стороны проводят взаимные консультации, в том числе по делам о нарушении антимонопольного законодательства, связанным с биржевой (организованной) торговлей. Отсутствие в данной сфере законодательных основ взаимодействия может способствовать неустойчивой практике из-за ненормативного характера этого документа, в частности, тому, что факты недобросовестной конкуренции при манипулировании рынком или неправомерном использовании инсайдерской информации останутся без внимания антимонопольного органа.

Решение проблем видится в следующем.

1. Взаимодействие антимонопольного органа с правоохранительными органами необходимо запретить законодательно. Во-первых, соответствующие правила должны быть включены в ФЗ «О защите конкуренции» как специальный нормативный правовой акт и иметь значение принципа, ибо от эффективности такого взаимодействия зависит решение задач как уголовно-правовой политики в

³³⁹ Соглашение о взаимодействии между Центральным банком Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службой (Москва, 8 июня 2017 г.) // СПС «Гарант».

сфере охраны добросовестной конкуренции, так и конкурентной политики. Правила о взаимодействии должны предусматривать обязанность антимонопольного органа незамедлительно сообщать в уполномоченные правоохранительные органы (в частности, в прокуратуру и Следственный комитет РФ) о выявленных нарушениях законодательства, имеющих признаки преступлений.

Во-вторых, следует признать акт антимонопольного органа в качестве повода для возбуждения уголовного дела по ст. 178 УК РФ за заключение соглашения, ограничивающего конкуренцию (картеля). В ст. 140 УПК РФ должны быть внесены соответствующие изменения. Данное правило необходимо также в иных случаях криминализации нарушений антимонопольного законодательства, когда признаки его нарушений являются признаками состава антиконкурентного преступления.

Практика свидетельствует, что и в отсутствие рассматриваемого положения в УПК РФ антимонопольный и правоохранительные органы проводят консультации при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по перечисленным статьям, результатом которых является направление антимонопольным органом следователям акта о наличии или отсутствии в расследуемых действиях признаков нарушения ФЗ «О защите конкуренции». Однако положительные тенденции на отдельном временном этапе не могут гарантировать их продолжение при иных условиях. Например, смена руководства в структурных подразделениях как правоохранительных, так и антимонопольного органа зачастую приводит к сбою отлаженной системы взаимодействия. Кроме того, ситуация может являться неодинаковой в зависимости от субъекта Российской Федерации. Поэтому, несмотря на критику данного предложения, уже имевшего место быть в качестве законодательной инициативы, представляется правильным его реализовать, как это вновь сделано в отношении налоговых преступлений (п. 1.3 ст. 140 УПК РФ).

Предложение о закреплении в ФЗ «О защите конкуренции» правила о взаимодействии антимонопольного и правоохранительных органов было поддержано 25 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 20 % опрошенных работников правоохранительных органов. За изменение ст. 140 УПК

РФ путем включения акта антимонопольного органа в перечень поводов для возбуждения уголовного дела положительно высказались 15,9 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 30,9 % – правоохранительных. Оба варианта поддержали 56,8% опрошенных сотрудников антимонопольного органа, 49,1% опрошенных сотрудников правоохранительных органов (Приложение 8).

2. Также целесообразно официально закрепить основы взаимодействия антимонопольного органа и Центрального банка, включив соответствующие положения в ст. 21 главы IV «Взаимоотношения Банка России с органами государственной власти и органами местного самоуправления» Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 27.06.2002 г. В частности, следует предусмотреть взаимодействие Центрального банка и Федеральной антимонопольной службы по вопросам информационного обмена, проведения взаимных консультаций, рабочих встреч по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, создания совместных экспертных органов и участия в их деятельности.

3. Важным аспектом совершенствования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции являются дискуссионные вопросы об изменении правового статуса антимонопольного органа, в частности о наделении антимонопольного органа оперативно-розыскными полномочиями, либо статусом органа дознания, либо статусом органа предварительного следствия. Вот как ответили на эти вопросы представители антимонопольного и правоохранительных органов: 56,8 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа дали отрицательную оценку возможности обладания оперативно-розыскными полномочиями, но 66,4 % сотрудников правоохранительных органов поддержали эту идею. Предложение о наделении антимонопольного органа статусом органа следствия поддержали 27,3 % сотрудников антимонопольного органа и 50 % сотрудников правоохранительных органов; по вопросу о придании антимонопольному органу только статуса органа дознания 13,6 % сотрудников антимонопольного органа и 25,5 % правоохранительных органов ответили положительно. Против статуса следствия или дознания высказались 56,8 %

опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 24,5 % сотрудников правоохранительных органов (Приложение 8).

Следует признать, что наделение антимонопольного органа статусом органа предварительного следствия или дознания означало бы кардинальный переход на совершенно иной уровень всей уголовной политики в сфере охраны конкуренции, но также потребовало бы и пересмотра всей правоохранительной системы и существующего порядка ее деятельности, которое могло бы иметь как положительные, так и отрицательные моменты. Реалистичный взгляд на данную идею говорит о том, что более перспективным является решение насущной проблемы получения антимонопольным органом результатов оперативно-розыскной деятельности для выявления и расследования антиконкурентных деяний, что в полной мере соответствует также задачам уголовного законодательства, ибо высокий уровень латентности, в частности, антиконкурентных соглашений, не оставляет другого варианта для положительной динамики в борьбе с антиконкурентной преступностью.

Помимо этого необходимо закрепить правило о направлении результатов оперативно-розыскной деятельности в антимонопольный орган для использования при реализации функции государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, хозяйствующими субъектами, физическими лицами. Такое правило предусмотрено ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в отношении налоговых органов. Следует дополнить п. 3 ст. 11 указанного закона, распространив аналогичное правило на антимонопольные органы.

4. В силу того, что множественность органов власти, расследующих дела о нарушениях антимонопольного законодательства, очевидно, не оказывает положительного влияния на результативность их деятельности, представляется уместным напомнить пример существующей в США и признанной успешной

правоохранительной системы, основу которой составляет Министерство юстиции, возглавляемое Генеральным прокурором, на структурные подразделения которой – Антитрестовское управление и ФБР – возложены функции расследования нарушений антитрестовского законодательства. Факт высокой результативности раскрытия картелей в США не в последнюю очередь обусловлен тем, что такую деятельность осуществляет один орган, подразделения которого действуют согласованно³⁴⁰. В американской структуре отсутствует конкуренция в расследовании антитрестовских преступлений, сотрудники органа обладают всеми необходимыми, включая оперативно-розыскные, полномочиями. При этом есть также Федеральная торговая комиссия, которая расследует отдельные нарушения антитрестовского законодательства по процедурам административного производства.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью в России не является исключительно современной – отечественный опыт имеет свою историю решения различных аспектов такого взаимодействия. В частности, в установленных законодательством условиях распределения подведомственности по делам определенной категории между несколькими органами власти есть явная необходимость в объединении сотрудников этих органов в рамках одной структуры. Такая задача в отечественной правоприменительной практике решается прикомандированием сотрудников одних ведомств к другим в целях оперативного решения процессуальных задач путем формирования межведомственных следственно-оперативных группы, в том числе специализирующиеся на расследовании преступлений отдельных категорий.

Созданы такие группы и для расследования наиболее опасных антиконкурентных преступлений, в частности картелей, сговоров с должностными лицами органов власти или местного самоуправления³⁴¹. Но, вероятно, здесь также

³⁴⁰ Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования. С. 98–99.

³⁴¹ О межведомственной рабочей группе ФАС России и МВД России: приказ ФАС России и МВД России от 11.06.2013 г. № 397/13/426 // СПС «Гарант»; О создании межведомственной рабочей группы: приказ СК России и ФАС России от 22.01.2014 г. № 4/16/14 // СПС «КонсультантПлюс».

оказалось невозможным избежать общих негативных моментов деятельности таких групп, обусловленных разным статусом ведомств, о чем свидетельствуют и статистика, и проведенный в рамках данного исследования опрос сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов. Лишь один ответ в качестве комментария к предложенным вопросам был дан сотрудником антимонопольного органа о том, что, в случае проведения совместных совещаний с правоохранительными органами, проблем при проведении расследования не возникает.

В то же время, несмотря на существующую между членами группы межведомственную разобщенность, иные проблемы, в том числе, как было установлено в ходе исследования, связанные со сменой руководящих кадров в правоохранительных органах, из-за чего возникает недопонимание, и в практике, и в науке отмечаются действенные результаты в раскрытии преступлений действующими на постоянной основе специализированными следственно-оперативными группами, в которых наблюдается рост профессионализма сотрудников, уровня их взаимодействия³⁴². Ключевым представляется именно постоянство деятельности межведомственных специализированных групп, так как лишь в таком режиме возможно, во-первых, наладить качественную организацию всего процесса расследования, повысив уровень его координации, свести к минимуму межведомственные конфликты и непонимание, позитивно изменить культуру межличностных отношений внутри группы и между ведомствами, которая имеет не последнее значение для слаженного взаимодействия.

Предложенная в 2015 г. законодательная инициатива о межведомственной группе была отклонена³⁴³. Но по весьма большому количеству разнонаправленных категорий дел, включая дела по антиконкурентным преступлениям, включая недобросовестную конкуренцию посредством манипулирования рынком или

³⁴² См., напр.: Кучкина В. Г., Ларичев В. Д. Классификация следственно-оперативных групп // Научный портал МВД России. 2017. № 1. С. 39, 40.

³⁴³ О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о производстве предварительного следствия межведомственной следственной группой): законопроект № 734043-6 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/734043-6> (дата обращения: 13.06.2022).

неправомерного использования инсайдерской информации, имеется насущная потребность в подобных образованиях, которые могли бы решить многие вопросы межведомственного взаимодействия. Представляется правильным вернуться к обсуждению вопроса о принятии такой поправки в УПК РФ с учетом необходимости привлечения к работе межведомственной группы должностных лиц антимонопольного органа. Такая поправка возможна и в рамках действующей ст. 163 УПК РФ, в которой определен статус следственной группы.

5. В контексте предлагаемых в данной работе изменений законодательства, в целях достижения целей уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, представляется необходимым поручить Следственному комитету расследование всей группы антиконкурентных преступлений. Таким образом, во-первых, разрешится проблема вероятных споров о подследственности, которые могут возникать в силу ч. 5 ст. 151 УПК РФ; во-вторых, вся категория дел по антиконкурентным преступлениям будет аккумулироваться в одном правоохранительном органе, что позволит выйти на более профессиональный уровень их расследования³⁴⁴.

6. В целях единого учета преступлений и формирования статической отчетности по совершаемым преступлениям, в структуре преступлений экономической и коррупционной направленности целесообразно выделять категорию антиконкурентных преступлений (преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию), включив соответствующие изменения в Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», а также в Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса

³⁴⁴ Инициатива об отнесении к подследственности Следственного комитета РФ преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, высказана ФАС в законопроекте № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 20.10.2021).

Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Такой учет позволит осуществлять своевременную оценку изменений состояния, структуры и динамики преступности в сфере добросовестной конкуренции и корректировать направления не только уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, но и конкурентной политики.

7. Необходимо решение вопросов профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Данная проблема весьма актуальна не только для работников правоохранительных органов, но и для должностных лиц органов исполнительной, законодательной и судебной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов. Согласно опросу, проведенному в рамках научно-исследовательской работы³⁴⁵, было установлено, что представление об ответственности за картель имеют лишь 36 % опрошенного взрослого населения, при этом 46,9 % уверены, что ответственности за картель не существует; лишь 38,2 % опрошенных хозяйствующих субъектов или их представителей предполагают наличие своих знаний о понятии картеля.

Проблема отсутствия правовых знаний, в том числе о видах и мерах ответственности за антиконкурентные преступления, может быть решена в числе других мер также созданием в учебных учреждениях высшего и среднего специального образования специализированных кафедр конкурентного права, введением в учебные планы дисциплины «Конкурентное право» или дисциплин, связанных с ее институтами, например «Антиконкурентные соглашения», «Правовое регулирование монополистической деятельности», «Правовое регулирование торгов», «Правовые основы противодействия недобросовестной конкуренции».

³⁴⁵ Отчет «О научно-исследовательской работе «Комплексное (экономическое и криминологическое) исследование картелей и иных антиконкурентных соглашений в Российской Федерации, в том числе уровня их латентности, доходов картелей и иных антиконкурентных соглашений и оценки причиняемого ущерба». Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2018.

Должностные лица правоохранительных органов, чья деятельность связана с раскрытием и расследованием преступлений в сфере экономической деятельности в целом и антиконкурентных преступлений в частности, должны проходить соответствующую подготовку на систематической основе, которую целесообразно проводить на базе существующего учебно-методического центра ФАС, включив в число слушателей курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки служащих правоохранительных органов, либо на базе вузов субъектов Российской Федерации, осуществляющих обучение по соответствующим направлениям подготовки, с привлечением в учебный процесс специалистов антимонопольного органа. Данный вывод в равной степени распространяется и на судей, так как при постановке приговоров ими допускаются ошибки, связанные с непониманием природы антиконкурентных деяний и антимонопольного законодательства.

Таким образом, для достижения цели уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции необходимо закрепить в нормативных правовых актах следующие положения:

1. Дополнить ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции» п.1.1 следующего содержания:

«1.1 Антимонопольный орган осуществляет взаимодействие с правоохранительными органами Российской Федерации в пределах своих полномочий в следующих формах:

1) в установленном законодательством Российской Федерации порядке обращается в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, с запросом о проведении оперативно-розыскных мероприятий и получает их результаты;

2) информирует правоохранительные органы о выявленных фактах нарушений ст. 11, 14.1-14.8, 15, 16, 17 Федерального закона «О защите конкуренции», имеющих признаки преступлений;

3) в пределах своей компетенции проводит по запросам правоохранительных органов экспертизы, дает заключения по вопросам

применения законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции, предоставляет аналитическую информацию о состоянии конкуренции на товарных рынках;

4) по запросам правоохранительных органов, их территориальных подразделений направляет в качестве экспертов работников антимонопольного органа для участия в процессуальных действиях и мероприятиях по расследованию нарушений законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции» (Приложение 4).

2. В УПК РФ:

- ст. 140 дополнить п. 1.4, согласно которому поводом для возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 178 УК РФ, и об иных антиконкурентных преступлениях, предложения о которых будут представлены далее в работе, должны служить только материалы, направленные антимонопольным органом в соответствии с законодательством о защите конкуренции для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

- пп. «а» п. 1) ч. 2 ст. 151 дополнить ст. 178, а также номерами иных статей УК РФ и их частями, содержащих описание признаков предложенных в данной работе составов антиконкурентных преступлений, уголовные дела по которым должны расследоваться следователями Следственного комитета РФ;

- в ч. 2 ст. 163 предложение «К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» изложить в новой редакции: «К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также должностные лица компетентных органов, осуществляющих функции контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации» (Приложение 3).

3. Абзац 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности направляются:

1) в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц;

2) в антимонопольный орган для использования при реализации функций государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, хозяйствующими субъектами, физическими лицами, а также при выявлении нарушений антимонопольного законодательства, принятии мер по прекращению нарушения антимонопольного законодательства и привлечения к ответственности за такие нарушения»³⁴⁶ (Приложение 5).

4. Дополнить ст. 21 главы IV «Взаимоотношения Банка России с органами государственной власти и органами местного самоуправления» Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 27.06.2002 г. абзацем 6 следующего содержания:

«Банк России взаимодействует с Федеральной антимонопольной службой России по вопросам соблюдения кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, операторами платежных систем и операторами услуг платежной инфраструктуры, саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, организаторами торгов и их участниками антимонопольного законодательства, контроль за соблюдением которого осуществляет антимонопольный орган, а также предоставления информации в рамках, установленных законодательством и нормативными правовыми актами Российской Федерации. Банк России и Федеральная антимонопольная служба

³⁴⁶ Даниловская А. В. Процессуальные и организационные аспекты уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции. С. 42-48.

России осуществляют информационный обмен, проводят взаимные консультации, рабочие встречи, конференции и семинары в целях выработки предложений по вопросам, входящим в сферу их компетенцию и представляющих обоюдную заинтересованность, в том числе по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, создают совместные экспертные органы и участвуют в их деятельности» (Приложение 6).

Проведенное исследование позволяет также отметить важность официального выделения и учета антиконкурентных преступлений. Такая деятельность связана с необходимостью своевременно реагировать на уровень преступности в сфере конкуренции, проводить анализ криминологической безопасности предпринимательства в этой сфере, который в настоящее время осуществляется отдельными некоммерческими организациями, корректировать направления уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции и конкурентной политики.

Вышеизложенные суждения о понятии, объекте, предмете, целях, задачах, методах, принципах, правовых формах и содержании уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции дают основание сделать вывод о возможности формулирования концепции уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, которая могла бы составить основу соответствующего направления деятельности государства (Приложение 1).

ГЛАВА 4 КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

§ 1 Криминализация как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции

Криминализация, пенализация, дифференциация уголовной ответственности являются основными и имеющими разное значение элементами уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, а связанная с ними деятельность уполномоченных органов власти, реализуемая в рамках правотворчества и правоприменения, составляет суть ее содержания. Криминализация как первый этап в этом объемном и сложном процессе реализации уголовно-правовой политики обосновывает первопричину уголовно-правового запрета, а значит, в первую очередь общественную опасность деяния. Этим объясняется тот факт, что криминализация антиконкурентных деяний – весьма дискуссионная тема.

Понятие криминализации в уголовном праве было и остается спорным. Не вдаваясь в анализ существующих на этот счет позиций разных авторов, приведем признанное в науке классическим³⁴⁷ понятие криминализации, данное А.И. Коробеевым: криминализация – есть процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признание допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых³⁴⁸. Таким образом, криминализация деяний означает положительный ответ на вопрос о необходимости и целесообразности уголовной ответственности за их совершение, которая является не единственным и не основным видом ответственности, наступающей за нарушение норм антимонопольного законодательства.

³⁴⁷ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. С. 244.

³⁴⁸ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 49.

Между тем одним из вопросов криминализации антиконкурентных деяний являются необходимость и целесообразность уголовной ответственности за их совершение. Проведенный в рамках данного исследования опрос сотрудников антимонопольного органа и правоохранительных органов Российской Федерации показал, что уголовную ответственность за картель поддержали 48,7 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов и 61,4 % – опрошенных сотрудников антимонопольного органа; за злоупотребление доминирующим положением высказались 51,8 % и 9,1 % (абсолютное большинство опрошенных сотрудников антимонопольного органа высказалось положительно за административную ответственность – 86,4%); за недобросовестную конкуренцию – 21,1 % и 2,3 % (сотрудники антимонопольного органа высказались за административную – 88,6 % и гражданско-правовую ответственность – 9,1 %); за односторонние антиконкурентные действия должностных лиц органов власти – 64,3 % и 15,9 %; за антиконкурентные соглашения должностных лиц с хозяйствующими субъектами – 53,9 % и 29,5 %; за нарушения на торгах – 32,2 % и 25 % соответственно (Приложение 8).

Из приведенных результатов опроса видно, что общественную опасность картелей сотрудники правоохранительных органов недооценивают. При этом большинство опрошенных сотрудников антимонопольного органа полагает, что за любые нарушения антимонопольного законодательства более эффективной и целесообразной является административная ответственность, в то время как большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов такое же мнение высказали в отношении недобросовестной конкуренции (43%) и нарушений на торгах (47,8%). Таким образом, общественная опасность недобросовестной конкуренции не рассматривается представителями обоих ведомств, как требующая уголовно-правовой реакции государства.

Криминализация строится на ряде принципов, которые в науке представлены разными идеями, лежащими в основе всей теории криминализации³⁴⁹. Некоторые

³⁴⁹ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Дагель П. С., Злобин Г. А., Келина С. Г., Кригер Г. Л., и др.; Отв. ред.: Кудрявцев В. Н., Яковлев А. М. - М.,

из них, разработанные Н.А. Лопашенко³⁵⁰, нашли отражение в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. В частности, к ним отнесены³⁵¹:

- принцип достаточной для введения уголовного запрета общественной опасности криминализируемых деяний;
- принцип относительной распространенности деяния;
- принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовыми средствами на общественно опасное поведение;
- принцип преобладания позитивных последствий криминализации;
- принцип экономии уголовной репрессии;
- принцип неизбыточности уголовно-правового запрета;
- принцип своевременности криминализации.

Представляется, что получить ответы на актуальные вопросы по поводу целесообразности и эффективности криминализации антиконкурентных деяний возможно, проанализировав наложение перечисленных выше принципов на рассматриваемую группу преступлений. Несмотря на существующую в науке критику предложенных Н.А. Лопашенко принципов криминализации³⁵², они были взяты за основу в рамках проведенного нами исследования как имеющие поддержку в научной среде, хотя следует признать, что каждый из этих принципов по-разному был проявлен при рассмотрении вопроса о криминализации антиконкурентных деяний.

1982. С. 210–242; Лозинский И. В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 9–10; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 66–89; Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 101–107.

³⁵⁰ В науке существует мнение о том, что принципы, разработанные Н. А. Лопашенко, являются истинными, так как в их основе лежат принципы, выделенные другими исследователями: Радошнова Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 195–196.

³⁵¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М. : Либеральная миссия, 2010. С. 46.

³⁵² См., напр.: Чемеринский К. В. Принципы криминализации общественно опасных деяний // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Международ. науч.-практич. конф. (29–29 января 2016 г.). М. : РФ-Пресс, 2016. С. 40–42.

В основе криминализации лежит общественная опасность деяния, от степени и характера которой зависит направленность уголовно-правового воздействия на него. Нужно отметить, что в науке общественной опасности придается разное значение, что указывает на ее первостепенную важность для отделения преступного деяния от непроступного и принятия решения о необходимости противодействия ему уголовно-правовыми средствами³⁵³. Большинство авторов общественную опасность, ее достаточность называют принципом криминализации³⁵⁴.

Суть *принципа достаточной для введения уголовного запрета общественной опасности* криминализируемых деяний Н.А. Лопашенко видит в способности причинять значительный ущерб правоохраняемым интересам, быть вредоносным для общества настолько, что требует применения самых строгих мер государственного принуждения³⁵⁵.

Представляется, что в основе криминализации антиконкурентных деяний лежит их общественная опасность, количественная и качественная характеристики которой должны определяться экономическими и социальными факторами их влияния на общественное благосостояние, а оценка причиненного антиконкурентным поведением вреда как одного из критериев общественной опасности должна устанавливаться в первую очередь на основе экономического подхода.

Поднимаемая в науке тема экономического анализа уголовно-правовых явлений может помочь в осмыслении проблемы обоснования криминализации тех или иных антиконкурентных деяний и принятии рациональных решений. При этом стоит согласиться с А.Э. Жалинским в том, что в целях избежания спорных выводов

³⁵³ См., напр.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 65; Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 368; Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 4 (14). С. 90. (Право).

³⁵⁴ Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации. С. 101–107.

³⁵⁵ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. С. 253.

экономические суждения должны корректироваться с позиций как политического, так и в значительной степени уголовно-правового подходов³⁵⁶.

На первый взгляд, первостепенного внимания в контексте такой оценки требует именно монополизация как абсолютно запрещенная монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов. Одним из ее проявлений выступает деятельность монополий, то есть хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке и им злоупотребляющих. Среди экономических недостатков такой деятельности монополий экономисты называют «потерю пульса», когда монополия перестает учитывать потребности потребителей; создание и поддержание барьеров для входа в отрасль; торможение научно-технического прогресса (у монополиста нет стимулов для совершенствования производства); увеличение неравенства в распределении доходов, которое ведет к сокращению спроса, сворачиванию производства, росту безработицы и экономическому кризису; политические потери, возникающие из-за сращивания олигархии с институтами политической власти, подрывающего демократические основы общества³⁵⁷.

Соответственно деятельность монополий приводит к потерям общественного благосостояния, снижению экономической эффективности, то есть несправедливому распределению имеющихся ресурсов. При определенных условиях изменения степени контроля над ценой происходит разрушение и уничтожение богатства общества, стагнация, застой и т.п.³⁵⁸. По разным оценкам, ущерб, причиняемый деятельностью монополий, может составлять 3–4 % внутреннего национального продукта соответствующего государства³⁵⁹, 5–6 %

³⁵⁶ Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 3. С. 256.

³⁵⁷ Антимонопольное регулирование : учебник и практикум для вузов / сост. М. В. Шишкин, А. В. Смирнов. М. : Юрайт, 2020. С. 36–38.

³⁵⁸ Курс экономической теории : учебник для спец. вузов. – 5-е изд., доп. и перераб. / под общ. ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. Киров : АСА, 2004. С. 155.

³⁵⁹ Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям : в 3 т. / под общ. ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 2004. Т. 2. С. 104.

внутреннего валового продукта и выше³⁶⁰. Однако результаты исследований в этой области не являются однозначными, так как весьма затруднительно дать количественную оценку потерь общества³⁶¹.

Необходимо отметить, что экономисты не делают различий в опасных последствиях злоупотреблений доминирующим положением или картеля – и первое и второе рассматривается ими как форма монополизации. Однако очевидно, что общественная опасность картеля имеет и другие характеристики, не свойственные злоупотреблениям доминирующим положением: они связаны с множественностью субъектов, договорившихся об ограничении или устранении конкуренции между ними ради достижения прибыли и скрывающих наличие такой договоренности. Вследствие последнего обстоятельства выявить картель – сложная задача, потому что это чрезвычайно латентное антиконкурентное деяние, в чем также проявляется его общественная опасность.

Конкретные последствия картеля, требующие внимания контролирующих и правоохранительных органов, перечислены в ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции». Они оказывают существенное влияние на ценообразование, результаты торгов, эффективность деятельности товарных рынков. Указанные в Законе последствия экономисты относят к наиболее опасным последствиям картеля³⁶², от которых страдают публичные интересы, так как ими затрагивается неопределенно широкий круг лиц, включая конкурентов, не вошедших в картель, хозяйствующих субъектов смежных товарных рынков, население. Формы вреда от картеля весьма разнообразны и могут выражаться в виде спада производства, дефицита товаров, снижения покупательской способности, ликвидации юридических лиц, в том числе в результате банкротства и т.п., а размер ущерба, согласно последним экономическим исследованиям, может оцениваться в 0,5–2,5

³⁶⁰ Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н. Экономические основы антимонопольной политики : российская практика в контексте мирового опыта // Экономический анализ ВШЭ. 2007. № 1. С. 91.

³⁶¹ Там же. С. 92.

³⁶² Хамуков М. А. Развитие инструментария антикартельного управления в российской промышленности : дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. С. 23.

% внутреннего валового продукта ежегодно³⁶³. Однако методы экономического анализа не могут привести к уверенным выводам о том, что те или иные негативные проявления на товарном рынке являются следствием картеля³⁶⁴, в силу высокой латентности картелей и сложной природы экономических отношений, подверженных самым разным влияниям.

В то же время картели – это еще и угроза экономической национальной безопасности страны, особенно когда речь идет о сговорах на торгах, являющихся, согласно закону, картелем. Им подвержены такие стратегически важные для любого государства направления экономики, как сфера государственного оборонного заказа (оборонно-промышленный комплекс), производство и реализация продукции топливно-энергетического, машиностроительного и металлургического комплексов, строительство инфраструктуры космодромов и государственной границы (промышленность строительных материалов), сфера снабжения продуктами питания (пищевая промышленность) и обмундированием (легкая промышленность) силовых министерств и ведомств страны³⁶⁵. Главное негативное последствие сговоров на торгах, с позиции ФАС, – увеличение бюджетных расходов в связи с отсутствием реальной конкуренции (при этом в год для проведения государственных закупок и закупок компаний с государственным участием из бюджета выделяется около 30 трлн руб., что позволяет говорить о сотнях миллионах рублей ущерба от картелей для бюджетов всех уровней)³⁶⁶.

Таким образом, представляется, что экономический подход позволяет обосновать достаточность общественной опасности картелей в целях их

³⁶³ ФАС России: Уголовные дела и штрафы участников картелей в Хакасии не останавливают : интервью с руководителем Управления по борьбе с картелями ФАС России А. П. Тенишевым // www.fas.gov.ru (дата обращения: 16.07.2020).

³⁶⁴ Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н. Указ. соч. С. 102; Экономический анализ обстоятельств и анализ состояния конкуренции по делам о картелях : презентация заместителя начальника Управления по борьбе с картелями М. А. Хамукова // <https://fas.gov.ru/p/presentations/592> (дата обращения: 4.04.2020).

³⁶⁵ Хамуков М. А. Развитие инструментария антикартельного управления в российской промышленности. С. 4.

³⁶⁶ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 22.03.2020).

криминализации как антиконкурентного поведения группы лиц, направленного против публичных интересов, вред которым выражается в существенном негативном влиянии на общественное благосостояние и национальную безопасность.

Между тем гораздо больший вред общественному благосостоянию экономисты усматривают в деятельности органов государства, в результате которой устанавливаются различного рода барьеры входа на рынок как в рамках действующего законодательства (например, лицензирование, стандартизация), так и в виде противоправных действий, препятствующих развитию конкуренции. Особую группу барьеров образуют действия, связанные с организацией и проведением торгов и предоставлением государственной или муниципальной помощи, предусмотренные ФЗ «О защите конкуренции».

Американский экономист Р. Познер полагал, что деятельность органов власти и их должностных лиц, ограничивающая конкуренцию хозяйствующих субъектов, приводит к большой части потерь от монопольной власти, образуя доход³⁶⁷, называемый «рентой», на поиск которой направлены установленные государством ограничения. Главный вывод, который сделал ученый: регулирование, которое ведет к созданию барьеров, наносит гораздо больший ущерб обществу, нежели частные монополии как таковые³⁶⁸.

Следствием этого вывода является то, что антиконкурентная деятельность государства повышает общественную опасность монополистической деятельности в сравнении с ситуацией, когда такой ограничительной практики нет. Решение проблемы видится российскими экономистами в осуществлении антикоррупционной политики как части конкурентной политики. При этом следует отметить высказанное ими замечание о том, что в рассматриваемом контексте коррупционное поведение оказывает влияние не столько на систему государственного управления, сколько на конкурентную сферу экономики, а потому внимание должно уделяться всем направлениям воздействия государства

³⁶⁷ Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Указ. соч. С. 106.

³⁶⁸ Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н. Указ. соч. С. 94.

на рынки, особенно государственным закупкам и предоставлению государственной и муниципальной помощи³⁶⁹. Данное суждение представляется весьма ценным в целях обоснования необходимости независимой криминализации (от уже существующих результатов криминализации в виде злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий) актов антиконкурентной деятельности должностных лиц органов власти разных уровней, выраженных в заключении противозаконных соглашений с хозяйствующими субъектами, и размещения соответствующих уголовно-правовых норм в гл. 22 УК РФ, согласно объекту посягательства.

Тема последствий коррупции для экономики, их влияния на экономический рост давно и активно обсуждается в научном сообществе. Высокий уровень общественной опасности коррупции – установленный факт, лежащий в основе соответствующей государственной политики, направленной на борьбу с этим явлением. Экономический анализ коррупции приводит к различным, порой противоречивым выводам³⁷⁰, не исключающим общего следствия: коррупция влечет обширные губительные последствия для общества. Даже плохая система цен, противоречащая соображениям социальной справедливости, в чем видится основной негативный эффект монополий, представляется экономистам более предпочтительной, чем коррумпированный административный механизм, как с точки зрения распределения ресурсов, так и с точки зрения распределения выгод³⁷¹. Эмпирически доказано негативное воздействие коррупции на целый ряд экономических, социальных (ВВП, объем прямых инвестиций, инфляция, индекс человеческого развития и пр.) и политических (политические режимы, формирование гражданского общества) индикаторов³⁷².

³⁶⁹ Там же. С. 94–95.

³⁷⁰ Houston D.A. Can Corruption Ever Improve an Economy // *Cato Journal*. 2007. Vol. 27. № 3. Available at: <https://polit.ru/article/2008/02/21/houston/> (дата обращения: 4.03.2021).

³⁷¹ Левин М. И., Левина Е. А., Покатович Е. В. Лекции по экономике и коррупции : учеб. пособ. М. : ИД Высшей школы экономики, 2011. С. 15.

³⁷² Борцев В. В. Коррупция : контагиозность, последствия и методы противодействия : дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. С. 62.

Являясь средством для формирования и функционирования теневой экономики³⁷³, отдельные проявления коррупции тесно связаны с посягательствами на добросовестные конкурентные отношения. Наиболее распространены вызывающие повышенное внимание со стороны антимонопольного органа антиконкурентные сговоры представителей власти с хозяйствующими субъектами, антиконкурентное поведение представителей власти, выступающих в качестве организаторов (заказчиков) торгов, принятие антиконкурентных правовых актов, включая нормативные, нарушения при предоставлении государственной или муниципальной помощи.

При этом, как показывает экономический анализ, между перечисленными актами коррупционного поведения и конкуренцией хозяйствующих субъектов как особым экономико-правовым режимом их взаимодействия усматривается некое взаимное влияние. В контексте монополистической конкуренции, рассматриваемой в качестве одной из наиболее распространенных экономических структур в России³⁷⁴, экономистами усматривается влияние коррупции на рост издержек, вынуждающих фирмы уходить с рынка, и объясняется возможность увеличивающейся конкуренции ограничивать нежелательные последствия коррупции в отношении количества фирм на рынке³⁷⁵. Следовательно, чем больше хозяйствующих субъектов на рынке и выше уровень конкуренции между ними, тем слабее последствия коррупции. Поэтому поддержку и защиту экономической конкуренции можно назвать одним из элементов антикоррупционной политики государства.

Общественная опасность недобросовестной конкуренции хотя и не столь очевидна, как картелей и антиконкурентного поведения органов власти и управления, но, как показало проведенное исследование, проявляется в

³⁷³ Фирсов И. В. Методология формирования системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: дис. ... докт. эконом. наук. М., 2014. С. 91.

³⁷⁴ Лымарь Е. Н. Анализ особенностей и путей развития монополистической конкуренции в российской экономике // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 28 (209). С. 27.

³⁷⁵ Левин М. И., Левина Е. А., Покатович Е. В. Указ. соч. С. 109–110.

способности причинить вред не меньший, чем монополистическая деятельность, на что обращено внимание ФАС России³⁷⁶.

Концепция недобросовестной конкуренции тесно связана с концепцией интеллектуальной собственности, вследствие этого недобросовестная конкуренция может быть особо выраженной в сфере оборота прав на объекты интеллектуальной собственности³⁷⁷. Значение интеллектуальной собственности для современных экономик весьма велико. В рамках институционального подхода интеллектуальная собственность рассматривается как движущая сила экономического и социального развития общества, как важнейший ресурс, обладание которым позволяет превращать его в эффективный капитал, обеспечивая тем самым конкурентные преимущества³⁷⁸.

Актуальность защитных мер от недобросовестной конкуренции и охраны прав на объекты интеллектуальной собственности возрастает в силу отмечаемой в России в течение уже нескольких лет инновационной активности хозяйствующих субъектов, которая влияет на уровень развития конкуренции³⁷⁹.

Общественная опасность такой ситуации обусловлена причинением вреда правомерным экономическим интересам хозяйствующих субъектов и, как следствие, всей экономической системе, а также отдельным правообладателям прав на объекты интеллектуальной собственности. Другой негативный аспект недобросовестной конкуренции заключается в том, что она основывается на асимметрии информации³⁸⁰, а также на связи с теневой экономикой, которая в рассматриваемом контексте создает угрозы получения контрафактных инноваций,

³⁷⁶ Разъяснение Президиума ФАС России от 11.10.2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства»: утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 г. № 20 // СПС «Консультант Плюс».

³⁷⁷ Курдин А., Комкова А. Нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как вид недобросовестной конкуренции // Научные исследования экономического факультета. 2014. № 2 (12). С. 21.

³⁷⁸ Файзуллина Н. Г. Особенности интеллектуальной собственности и ее роль в переходе к инновационному развитию экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. С. 6.

³⁷⁹ Розанова Н. М. Политика поддержки конкуренции в России: вчера, сегодня, завтра // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. № 3. Т. 6. С. 20.

³⁸⁰ Шаститко А. Е., Комкова А. А., Курдин А. А. Недобросовестная конкуренция в сфере обращения объектов интеллектуальной собственности. М., 2015. С. 9-10. [Электронный ресурс]. URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/ppaper/mn33.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).

посягающих не только на неприкосновенность интеллектуальной собственности, но и на репутацию инновационных компаний³⁸¹.

Асимметрия информации, представляющая собой ситуацию, в которой один из участников взаимодействия обладает преимуществом из-за большого количества необходимой для осуществления сделки информации³⁸², рассматривается экономистами в качестве одного из критериев недобросовестной конкуренции. Она связана с предоставлением неполной информации или ее неравным распределением между участниками экономического взаимодействия³⁸³, а также предоставлением недостоверной или заведомо ложной информации³⁸⁴, в том числе в результате манипулирования рынком или незаконного использования инсайдерской информации, что вводит в заблуждение неопределенно широкий круг участников экономических отношений, включая иностранных инвесторов, активно инвестирующих в российскую экономику.

Неблагоприятные последствия асимметрии информации могут быть разнообразными. В частности, она может стать причиной появления монополии, снижения эффективности ценовой конкуренции, ухода с рынка отдельных хозяйствующих субъектов, исчезновения качественных товаров на рынке³⁸⁵, снижения инвестиционной привлекательности российских рынков. Только косвенный ущерб, который наносится общественным отношениям, складывающимся на фондовом рынке и в финансовой системе в целом, из-за отсутствия прозрачности, по отдельным оценкам, может привести к оттоку

³⁸¹ Фирсов И. В. Указ. соч. С. 91.

³⁸² Гущина Е. Г., Витальева Е. М., Волков С. К. Проявление асимметрии информации на различных рынках // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2017. № 4. С. 72.

³⁸³ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М. : Статут, 2016. С. 182.

³⁸⁴ Гущина Е. Г., Витальева Е. М., Волков С. К. Указ. соч. С. 73.

³⁸⁵ Шаститко А. Е., Комкова А. А., Курдин А. А. Указ. соч. С. 33–36; Тарануха Ю. В. Конкуренция и конкурентоспособность : монография [Электронный ресурс]. М. : Русайнс, 2015. URL: <http://www.iprbookshop.ru/78861.html>. – ЭБС «IPRbooks» (дата обращения: 16.04.2021); Бычкова О. В. «Умное регулирование» : как предотвратить появление необоснованных регулирующих правил : учеб. пособ. СПб., 2018. С. 32.

нерезидентов с фондового рынка, осуществляющих покупку до 35 % государственных облигаций России³⁸⁶.

Из вышеизложенного можно заключить, что асимметрию информации следует рассматривать как злоупотребление хозяйствующих субъектов, которое требует государственного вмешательства, включающего уголовно-правовое преследование за отдельные, наиболее опасные деяния. Очевидно, к таковым относится манипулирование рынком (ст. 185³ УК РФ), один из способов совершения которого выражен в распространении через средства массовой информации заведомо ложных сведений, повлиявших на цену, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, а также неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185⁶ УК РФ), имеющее аналогичные последствия.

Особенность убытков при недобросовестной конкуренции в том, что они часто причиняются, хотя и в разной степени, неограниченному кругу конкурентов, связаны с увеличением издержек конкурентов, уменьшением их доходов, увеличением рисков, уменьшением стоимости предприятия, уменьшением доли на рынке³⁸⁷. В свою очередь для недобросовестного конкурента его поведение является выгодным в связи с сокращением собственных издержек, увеличением доли на рынке. Недобросовестная конкуренция и её результаты выступают в качестве барьеров и препятствий к недопущению на рынок потенциальных конкурентов³⁸⁸. Таким образом, вред от недобросовестной конкуренции весьма схож с экономическими последствиями запрещенной монополистической деятельности.

Из вышеизложенного следует, что вредоносность монополистической деятельности, ограничивающей конкуренцию деятельности органов власти и

³⁸⁶ Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации. С. 352.

³⁸⁷ Ясников Г. Е., Тихоненко Т. П. Оценка ущерба от недобросовестной конкуренции в сфере интеллектуальной собственности // Белорусский экономический журнал. 2012. № 3 (60). С. 79.

³⁸⁸ Парашук С. А. Недобросовестная конкуренция : содержание и правовые средства ее пресечения. С. 75.

управления, и недобросовестной конкуренции является определяющим фактором признания их провалами рынка наряду с такими опасными для жизни и деятельности общества и государства явлениями, как экологические потрясения, социально-политические конфликты, включая войны, революции и терроризм³⁸⁹, то есть ситуациями, в которых свободное действие рыночных механизмов неспособно обеспечить рациональное распределение и использование ресурсов³⁹⁰. Безусловно, такое состояние экономики не может обойтись без государственного вмешательства, не исключая в числе его мер репрессивные средства воздействия на лиц, осуществляющих свою деятельность с грубым нарушением законодательства, представляющих угрозу экономической безопасности страны.

По результатам данного анализа, основанного на экономическом подходе, можно с уверенностью заявлять, что отражение принципа достаточной для введения уголовного запрета общественной опасности путем криминализации деяний, явившихся предметом нашего исследования в качестве антиконкурентных, не вызывает сомнений, что в свою очередь дает основания утверждать о высоких рисках этих преступлений для экономики страны как подрывающих ее экономическую безопасность.

Принцип относительной распространенности деяния, по мнению Р.Б. Осокина, состоит в том, что уголовное право регулирует форму реакции общества и государства не неединичные (случайные), а повторяемые деяния³⁹¹. Отношение к распространенности деяния как безусловному основанию установления его уголовно-правового запрета вызывает обоснованную критику в науке. Правильный подход к пониманию этого принципа видится в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6 «По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова», в котором суд признал право государства устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей

³⁸⁹ Хасанова Л. В. Классификация провалов рынка : уровни и основные формы их проявления // Вестник КРСУ. 2008. № 6. С. 3–9.

³⁹⁰ Тумашев А. Р., Котенкова С. Н., Тумашева М. В. Экономическая теория : учеб. пособ. для студентов неэкономических специальностей : в 2 ч. Казань : Казан. ун-т, 2011. Ч. 1. С. 188.

³⁹¹ Осокин Р. Б. Указ. соч. С. 385.

распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств³⁹². То есть сама по себе многочисленность отклоняющегося поведения еще не повод его криминализировать – им должен причиняться такой вред, избежать которого невозможно, несмотря на существующие иные правовые механизмы, не связанные с уголовным преследованием.

Распространенность антиконкурентных деяний целесообразно оценивать с учетом статистики антимонопольного органа.

В первую очередь необходимо отметить ситуацию с распространенностью картелей. Во-первых, картель – весьма латентное правонарушение, хозяйствующие субъекты всегда будут скрывать наличие между ними антиконкурентного соглашения. С совершенствованием мер антимонопольной политики хозяйствующие субъекты – члены картелей – изыскивают новые средства конспирации для сокрытия их деятельности от контролирующих органов. По отдельным зарубежным оценкам, эффективность выявления картелей может составить лишь 13–17 %³⁹³.

Во-вторых, раскрывая картели, антимонопольный орган далеко не каждое такое дело передает в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела, так как не каждый картель обладает признаками преступления. Однако ситуация, которая складывается из соотношения выявленных антимонопольным органом картелей и количеством осужденных по ст. 178 УК РФ, является парадоксальной. Так, в 2023 г. антимонопольным органом было возбуждено 287 дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях, из них 86 дел о сговорах на торгах; в 2022 г. – 301 дело об ограничивающих конкуренцию соглашениях, из них 109 дел о сговорах на торгах; в 2021 г. – 420 дел об ограничивающих конкуренцию

³⁹² По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова : пост. Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 г. № 6 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.

³⁹³ Bryant P., Eckard E. Price Fixing: The Probability Getting Caught // Review of Economics and Statistics. 1991. Vol. 73. P. 531–536 // URL: https://www.researchgate.net/publication/24094971_Price_Fixing_The_Probability_of_Getting_Caught (дата обращения: 02.06.2019).

соглашениях, из них 187 дел о сговорах на торгах; в 2020 г. – 625 дел, из них 247 дел о сговорах на торгах; в 2019 г. – 424 дела о картелях, из них 320 дел о сговорах на торгах; в 2018 г. – 384 дела о картелях, из них 332 дела о сговорах на торгах; в 2017 – 423 дел по картелям, из них 310 дел о сговорах на торгах; в 2016 – 300 дел, из них 298 дел о сговорах на торгах³⁹⁴. По результатам рассмотрения указанных фактов о картелях правоохранными органами в 2023 г. возбуждено 14 уголовных дел по ст. 178 УК РФ, в 2022 - 12, в 2021 г. - 17, в 2020 г. - 21, в 2019 г. - 22, в 2018 г. - 15, в 2016 г. – 3³⁹⁵, но лишь единичные были направлены в суд, то нашло отражение в данных судебной статистики Верховного Суда РФ по осуждению за деяния, предусмотренные ст. 178 УК РФ³⁹⁶ (таблица 8). При этом только в 2023 г. было выявлено 25 человек, совершивших преступление³⁹⁷.

Таблица 8 – Количество осужденных по ст. 178 УК РФ

Ст.	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009
178															
Ч.1	3	1	2	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Ч.2	8	5	2	3	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0
Ч.3			0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	4

Сложность учета количества совершенных преступлений заключается также в том, что большинство уголовно-правовых норм, по которым осуществляется квалификация антиконкурентных деяний, содержит общие признаки преступления, а значит, квалификации могут быть подвергнуты самые разные типы противоправного поведения, признаки которого совпадают с признаками составов,

³⁹⁴ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016–2023 гг. // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

³⁹⁵ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016–2022 гг.; Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь–декабрь 2023 года).

³⁹⁶ Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁹⁷ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь–декабрь 2023 года).

содержащихся в данных нормах. Выявить случаи квалификации по ним антиконкурентных нарушений среди всей массы зафиксированных преступлений можно лишь при изучении содержания всех или существенной части состоявшихся по таким статьям УК РФ приговоров.

Особенно такая ситуация выражена в отношении недобросовестной конкуренции. Противодействие недобросовестной конкуренции осуществляется в первую очередь антимонопольным органом, которым выявлено в 2006 г. – 399, 2007 г. – 423, 2008 г. – 395, 2009 г. – 687, 2010 г. – 927, 2011 г. – 1 065, 2012 г. – 1 132, 2013 г. – 1 175, 2014 г. – 1 136, 2015 г. – 1 113, 2016 г. – 453, 2017 г. – 409, 2018 г. – 517, 2019 г. – 427, 2020 г. – 320, 2021 г. – 271, 2022 г. – 253, 2023 г. – 255 фактов недобросовестной конкуренции³⁹⁸.

Среди деяний, образующих недобросовестную конкуренцию, выявляемых антимонопольным органом, фиксируется следующее распространение ее форм³⁹⁹ (таблица 9).

Таблица 9 – Количество случаев недобросовестной конкуренции, выявленных антимонопольным органом, по которым выданы решения о признании нарушения или предупреждения

<i>Категория нарушения</i>	<i>2023</i>	<i>2022</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2019</i>	<i>2018</i>
Дискредитация (ст. 14.1)	53	51	57	54	72	78
Введение в заблуждение (14.2)	262	193	214	237	215	263
Некорректное сравнение (14.3)	81	171	122	153	85	74
Приобретение и использование исключительного права на средства индивидуализации (14.4)	32	29	19	30	20	38
Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности (14.5)	3	4	13	10	3	13
Смещение (14.6)	73	86	77	98	120	174
Незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей	0	0	0	5	2	0

³⁹⁸ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007–2023 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

³⁹⁹ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018–2023 годы // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

До 2018 г. в докладах ФАС о состоянии конкуренции формы недобросовестной конкуренции не отражались.

коммерческую, служебную, иную, охраняемую законом тайну (14.7)						
Прочие нарушения (14.8)	132	137	183	205	261	563

Однако статистика количества зарегистрированных преступлений, уголовных дел (таблица 10)⁴⁰⁰ и осужденных по статьям УК РФ, содержащим признаки недобросовестной конкуренции (таблица 11)⁴⁰¹, не может подтвердить эти данные из-за отсутствия прежде всего официального учета преступлений рассматриваемой группы как антиконкурентных и взаимодействия между антимонопольным и правоохранительными органами в данной сфере.

Таблица 10 – Количество зарегистрированных в 2023 г. преступлений, предусмотренных ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ, и лиц их совершивших

	<i>Ст. 128¹</i>	<i>Ст. 146</i>	<i>Ст. 147</i>	<i>Ст. 180</i>	<i>Ст. 183</i>	<i>Ст. 185³</i>	<i>Ст. 185⁶</i>
Количество зарегистрированных преступлений в 2023 г.	769	145	5	681	342	3	0
Количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением в 2023 г.	86	118	0	274	234	1	0
Количество выявленных в 2023 г. лиц, совершивших преступление	124	157	0	418	119	3	0

⁴⁰⁰ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь-декабрь 2023 года).

⁴⁰¹ Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.12.2023).

Таблица 11 - Количество осужденных за преступления, предусмотренные ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ, и приговоров в отношении преступлений, в которых были установлены признаки недобросовестной конкуренции

	<i>Ст. 128¹</i>	<i>Ст. 146</i>	<i>Ст. 147</i>	<i>Ст. 180</i>	<i>Ст. 183</i>	<i>Ст. 185³</i>	<i>Ст. 185⁶</i>
Всего осужденных за период 2009–2023 гг.	1 590	12 549	21	2352	690	4	2
Изучено приговоров за период 2009–2022 гг.	570	350	5	450	360	1	0
Выявлено деяний, содержащих признаки антиконкурентных действий	5	44	5	37	32	1	0

Анализ распространенности нарушений, проявляющихся в манипулировании рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации, необходимо основывать на статистических данных Центрального банка, который осуществляет контроль за недобросовестными практиками при проведении организованных торгов. Такая статистика показывает в целом небольшое количество нарушений, в отношении которых Центральный банк применял меры административного воздействия и лишь в единичных случаях, за исключением 2013 г., материалы передавал в правоохранительные органы⁴⁰² (таблица 12).

Таблица 12 – Количество нарушений в виде манипулирования рынком и использования инсайдерской информации

<i>Нарушения</i>	<i>2023</i>	<i>2022</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2019</i>	<i>2018</i>	<i>2017</i>	<i>2016</i>	<i>2015</i>	<i>2014</i>	<i>2013</i>	<i>2012</i>	<i>2011</i>	<i>2010</i>
Манипулирование рынком	18	10	12	10	14	14	10	12	12	6	8	2	13	7

⁴⁰² Выявленные случаи неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/ (дата обращения: 15.02.2024).

Неправомерное использование инсайдерской информации	0	1	0	0	1	2	1	0	0	1	1	0	0	0
Передано материалов в правоохранительные органы	1	0	3	0	5	2	1	0	1	0	3	2	13	0

Как было отмечено ранее, лишь по одному приговору состоялось по ст. 185³ и 185⁶ УК РФ за совершение описанных в них преступлений. Одновременно с этим необходимо обратить внимание на то, что отсутствуют сведения о фиксировании антимонопольным органом в категории данных нарушений фактов посягательств на добросовестную конкуренцию - меры ответственности принимаются исключительно Центральным банком.

Приведенная статистика свидетельствует о весьма неоднородной распространенности видов антиконкурентных деяний. Причины тому разные. Отсутствие уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, объясняется как несовершенством ее конструкции, так и уголовно-процессуальными, оперативно-розыскными и криминологическими проблемами. Количество осужденных по статьям УК РФ, содержащим признаки недобросовестной конкуренции, нельзя назвать соответствующим фактам выявленных антимонопольным органом нарушений, что свидетельствует об отсутствии эффективного взаимодействия с правоохранительными органами, а также взаимного учета актов противоправной деятельности.

Большое количество осужденных по ст. 128¹ УК РФ объясняется исследователями уголовно-правового института клеветы социальными, культурными, бытовыми и правовыми проблемами жизни граждан⁴⁰³. Безусловно, в большей мере данные причины не связаны с недобросовестной конкуренцией в

⁴⁰³ Шахманаев К. А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.

виде дискредитации хозяйствующего субъекта – индивидуального предпринимателя. В своих исследованиях авторы указанной проблемы ссылаются на отечественную практику гражданско-правовой защиты деловой репутации как основного механизма ее защиты и для хозяйствующих субъектов⁴⁰⁴. Согласно данным судебной статистики, количество дел по искам о защите чести, достоинства и репутации, рассматриваемых ежегодно как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является стабильным и составляет в среднем 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах в год⁴⁰⁵. Сопоставление данных статистики свидетельствует о том, что гражданско-правовой механизм защиты нарушенных прав при клевете и дискредитации является более востребованным, чем уголовно-правовой, который может быть применен к защите прав индивидуальных предпринимателей. Но последние редко его используют: лишь пять приговоров (причем оправдательных), в которых отражены попытки индивидуальных предпринимателей защитить свою репутацию от недобросовестных или предполагаемых таковыми действий конкурентов, было выявлено при исследовании данного вопроса.

В результате изучения содержания приговоров по делам, возбужденным по ст. 146 УК РФ, установлено, что распространенность предусмотренных ею преступлений в основном связана с копированием из сети Интернет контрафактных компьютерных программ, пользующихся популярностью в обычной жизни граждан и профессиональной сфере. Причина их совершения заключается в доступности для копирования указанных контрафактных объектов интеллектуальной собственности и их востребованности в связи с низкой ценой, а продажа контрафактного компьютерного обеспечения является источником дохода как для работающих, так и для неработающих граждан. Недобросовестная

⁴⁰⁴ Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 127; Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2016. С. 127.

⁴⁰⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г. // СПС «Гарант».

конкуренция в числе деяний, предусматривающих признаки ст. 146 УК РФ, составляет небольшой процент – 12,57 % из всего количества изученных приговоров. Необходимо обратить внимание на распространенность деяний, квалифицированных по частям рассматриваемой статьи: в ходе нашего исследования были выявлены преступления, предусмотренные только ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, и лишь один приговор, состоявшийся в 2016 г., судебная статистика зафиксировала по признакам ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Анализ применения ст. 146 УК РФ вызывает сомнения в необходимости криминализации такого типа отклоняющегося поведения, который составляет суть современных преступлений в виде нарушения авторских и смежных прав, так как подавляющее их число – использование контрафактных экземпляров произведений, программ для ЭВМ с корыстной целью в виде единичных преступлений и вне связи с предпринимательской деятельностью. Крупный или особо крупный ущерб при нарушении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности зачастую будет иметь место даже при продаже одного нелегального экземпляра, поскольку его размер определяется стоимостью лицензионного продукта или исключительных прав на объект интеллектуальной собственности, которая может являться довольно высокой.

Другое дело, когда нарушение чужих исключительных прав осуществляется в предпринимательской деятельности с целью увеличения прибыли. Статья 61 разд. 5 «Уголовные процедуры» соглашения ТРИПС, заключенного в рамках ВТО, которая и определила направления внутригосударственной политики противодействия таким нарушениям в сфере предпринимательства, предоставив свободу в установлении оснований уголовной ответственности, в то же время концентрирует внимание законодателей стран-участниц ВТО на необходимости противодействия обороту контрафактных объектов интеллектуальной собственности уголовно-правовыми средствами в случаях их умышленного использования и в коммерческих масштабах⁴⁰⁶.

⁴⁰⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wto.ru> (дата обращения: 06.07.2019).

Последний тезис имеет также отношение к распространенности преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, и можно сказать, что здесь он нашел отражение. Рассматриваемый вид деяния характеризуется массовостью, территория сбыта продукции с нарушением прав на товарный знак нередко охватывает территорию нескольких субъектов Российской Федерации. Анализ правоприменительной практики показывает, что сфера совершения данного преступления – незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции, рынок табачных изделий, непродовольственных товаров личного (одежда, обувь, кожаная галантерея, часы и т.д.) и иного пользования (вентиляторное оборудование, строительные материалы, запчасти для автомобилей, бытовая химия и т.п.).

Распространение незаконного использования товарного знака связывают с некомпетентностью либо безразличным отношением покупателей к правомерности использования товарного знака, недостаточной активностью правообладателей по защите своих законных интересов, недостаточной компетентностью сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на противодействии незаконному использованию товарного знака⁴⁰⁷.

При этом необходимо отметить, что далеко не каждое выявленное нарушение товарного знака признается недобросовестной конкуренцией в соответствии с российским законом: в практике статус субъектов преступления является разным – встречаются как лица, не обладающие статусом индивидуального предпринимателя, так и являющиеся индивидуальными предпринимателями или руководителями организации.

В качестве проблем применения на практике ст. 185³ и 185⁶ УК РФ называют отсутствие в законе понятия манипулирования рынком и невозможность отделить правомерное поведение от нарушения закона⁴⁰⁸, сложность в установлении

⁴⁰⁷ Жайворонок А. В. Незаконное использование товарного знака : криминологическое и уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

⁴⁰⁸ Бобков О. В. Манипулирование рынком: проблемы эффективности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 208.

субъекта преступления, группы лиц, его совершивших⁴⁰⁹, отсутствие взаимодействия Центрального банка с оперативными подразделениями органов внутренних дел по вопросам противодействия манипулированию рынком и неправомерному использованию инсайдерской информации и несовершенство всего процессуального механизма взаимодействия при выявлении признаков этих преступлений⁴¹⁰. Таким образом, большинство проблем, связанных с выявлением преступлений и расследованием уголовных дел по ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, являются аналогичными вопросам, возникающим при расследовании картелей.

Антиконкурентная деятельность органов власти в течение многих лет характеризовалась большим количеством выявляемых нарушений. Так, фактов издания актов и совершения действий, включая соглашения и согласованные действия, осуществленных федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, направленных на недопущение, ограничение, устранение конкуренции (ст. 15–21 ФЗ «О защите конкуренции»), было выявлено в 2006 г. – 2 460, 2007 г. – 2 970, 2008 г. – 4 304, 2009 г. – 5 820; 2010 г. – 6 982, 2011 г. – 6 384, 2012 г. – 5 386, 2013 г. – 5 364, 2014 г. – 4 515, 2015 г. – 4 005, 2016 г. – 1 340, 2017 г. – 1 260, 2018 г. – 1 092, 2019 г. – 1 017, 2020 г. – 725; 2021 г. – 611; 2022 г. – 584; 2023 г. – 483⁴¹¹. Спад количества рассматриваемой группы нарушений обусловлен изменениями ФЗ «О защите конкуренции», показавшими здесь свою эффективность. Сравнительно небольшое количество осужденных по должностным преступлениям, содержащим признаки антиконкурентных деяний, фиксируется

⁴⁰⁹ Табакова Н. А. Особенности уголовной ответственности за манипулирование рынком // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 307.

⁴¹⁰ Арестова Е. Н., Борбат А. В. Проблемы возбуждения уголовных дел о манипуляции рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации. С. 386-389; Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации. С. 353.

⁴¹¹ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007–2023 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

и при анализе статистики Верховного Суда РФ⁴¹² в совокупности с состоявшимися приговорами (таблица 13).

Таблица 13 – Количество осужденных по должностным антиконкурентным преступлениям и приговоров, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства

	<i>Ст. 169</i>	<i>Ст. 285</i>	<i>Ст. 286</i>
Всего осужденных за период 2015–2023 гг.	49	4697	8963
Изучено приговоров за период 2015–2022 гг.	14	150	170
Выявлено деяний, содержащих признаки антиконкурентных действий	8	15	27

Цифры в статистике должностных преступлений традиционно свидетельствуют о высоком уровне коррупции в органах власти и местного самоуправления. На фоне этого и большое количество антиконкурентных соглашений с органами власти выявляет антимонопольный орган в своей деятельности: в 2022 г. было возбуждено 130 дел о заключении антиконкурентных соглашений с органами власти; в 2021 г. – 146, в 2020 г. – 197; в 2019 г. – 320, в 2018 г. – 300, в 2017 г. – 204, в 2016 г. – 262⁴¹³. В отсутствие специального состава преступления, который содержал бы описание уголовно наказуемого сговора должностного лица с хозяйствующим субъектом, уголовная ответственность наступает по ст. 285 и 286 УК РФ за конкретные единоличные действия должностного лица, запрещенные ФЗ «О защите конкуренции» и осуществляемые им во исполнение достигнутой договоренности с хозяйствующим субъектом, в то время как факт такого соглашения остается без уголовно-правовой оценки. При этом, как показывает анализ приговоров, далеко не всегда материалы дел передаются антимонопольным органом в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовной ответственности должностных лиц.

⁴¹² Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=> (дата обращения: 08.12.2023).

⁴¹³ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2016–2022 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 19.07.2023).

Распространенность нарушений на торгах в виде различных злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, совершенных работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации (ст. 200⁴ УК РФ), пока отследить невозможно в силу отсутствия статистики таких преступлений. Но ведется учет привлечения антимонопольным органом к административной ответственности по ст. 7.30 КоАП за данные деяния, совершенные должностным лицом. Так, наиболее распространенными нарушениями являются деяния, предусмотренные:

- ч. 2 – отклонение заявки на участие в конкурсе; отказ в допуске к участию в аукционе, признание заявки на участие в закупке товара, работы или услуги не соответствующей требованиям конкурсной документации, документации об аукционе; отстранение участника закупки от участия в конкурсе, аукционе (формулируемые как отказ в допуске к участию в закупке) по основаниям, не предусмотренным законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; признание заявки на участие в конкурсе надлежащей, соответствующей требованиям конкурсной документации, признание заявки на участие в аукционе надлежащей, соответствующей требованиям документации об аукционе, в случае, если участнику, подавшему такую заявку, должно быть отказано в допуске к участию в закупке в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; нарушение порядка вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе, закрытом аукционе и (или) открытия доступа к таким заявкам, поданным в форме электронных документов; нарушение порядка рассмотрения и оценки таких заявок,

окончательных предложений участников закупки, установленного конкурсной документацией;

• ч. 4.2 – утверждение конкурсной документации, документации об аукционе, документации о проведении запроса предложений, определение содержания извещения о проведении запроса котировок с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

За нарушения по ч. 2 ст. 7.30 КоАП ФАС было возбуждено в 2021 г. 5 439 дел, в 2020 г. – 6 695, в 2019 г. – 6 588, в 2018 г. – 7 057; по ч. 4. 2 возбуждено в 2021 г. – 9 015 дел, в 2020 г. – 9 419, 2019 г. – 9 602, в 2018 г. – 10 457⁴¹⁴.

Таким образом, для оценки распространенности криминализированного деяния, а также эффекта от применения ст. 200⁴ УК РФ необходимо время.

Принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовыми средствами на общественно опасное поведение заключается применительно к антиконкурентным преступлениям в таком его потенциально предупредительном и пресекательном воздействии на поведение представителей хозяйствующих субъектов, когда оно уже не может быть скорректировано нормами антимонопольного и административного законодательства. В отдельных случаях, в частности при выявлении одних и тех же лиц, участвующих в картелях, применение уголовно-правовых средств может быть единственным средством пресечения преступной деятельности.

Коррупционная составляющая конкурентных отношений, в частности на торгах при осуществлении закупок, представляет большую и серьезную проблему, так как зачастую закупки связаны с удовлетворением государственных нужд в стратегически важных товарах или работах. Безусловно, имеющийся уголовно-правовой арсенал противодействия таким деяниям, в первую очередь в виде ст. 285 и 286 УК РФ, применим к антиконкурентным деяниям должностных лиц. Однако

⁴¹⁴ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018–2022 г. // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 19.07.2023). ФАС не отразила статистику привлечения к административной ответственности по ст. 7.30 КоАП в Докладе о состоянии конкуренции за 2022 г.

ежегодно фиксируемое ФАС большое количество антиконкурентных соглашений должностных лиц с хозяйствующими субъектами приводит к предположению как о возможности, так и о необходимости расширить перечень уголовно-правовых средств за счет введения уголовной ответственности должностного лица за участие в таком сговоре. Необходимость обусловлена отсутствием эффекта от применения указанных статей УК РФ к случаям антиконкурентного противоправного поведения должностных лиц, в то время как возможность воздействия уголовно-правовыми средствами узконаправленного характера предполагает ожидание позитивных последствий в виде снижения количества сговоров на торгах с участием должностных лиц.

Относительно недобросовестной конкуренции позитивное воздействие уголовного права еще предстоит оценить, ибо в науке ее общественной опасности пока не дана надлежащая оценка, а в актах стратегического характера только появляются единичные, общие положения о необходимости противодействия недобросовестной конкуренции наряду с картелями. Отсутствием специальных составов, несовершенством существующих формулировок, способных быть применимыми к формам недобросовестной конкуренции, УК РФ также подтверждает недооцененность опасности недобросовестной конкуренции.

Принцип преобладания позитивных последствий криминализации связан с предыдущим принципом и отражает адекватность и эффективность уголовно-правового запрета деяния. Данный принцип весьма важен при криминализации антиконкурентных деяний. В сущности, и картели, и недобросовестная конкуренция являются неискоренимыми нарушениями экономического правопорядка, так как конкурентная борьба, сопровождаемая нарушением прав других хозяйствующих субъектов, как и исключительно добросовестная конкуренция, есть неотъемлемые атрибуты экономической деятельности, которые обоюдно могут вызвать неблагоприятные последствия для конкурентов. По статистике, в период экономического кризиса количество картелей увеличивается, поскольку хозяйствующие субъекты объединяются и договариваются о совместной деятельности в целях минимизировать свои потери в непривычных экономических

условиях, что объясняется и психологическими факторами⁴¹⁵. Такое поведение оценивается субъектами экономической деятельности как рациональное и необходимое. Однако при этом картель несет угрозу экономической безопасности страны. Налицо конфликт частных и публичных интересов.

Задача государства заключается в формулировании таких правил охраны экономического правопорядка, которые были бы восприняты хозяйствующими субъектами как необходимые и эффективные. Поэтому уголовно-правовые средства борьбы с их нарушениями должны иметь четко обозначенные основания и пределы, а законодатель при их установлении должен учитывать все следствия суровых санкций для экономики. Например, уплата административного «оборотного» штрафа, налагаемого на хозяйствующий субъект за участие в картеле, может привести к банкротству, а значит, к потере рабочих мест и иным неблагоприятным последствиям как экономического, так и социального характера. Поэтому законодательство предусматривает возможность снижения такого штрафа. Длительное лишение свободы генерального директора коммерческой организации, осужденного за заключение картеля, может привести к проблемам в деятельности такой организации, прекратить или затормозить осуществление инвестиционных проектов и другое участие хозяйствующего субъекта в общественной жизни.

С другой стороны, такого рода санкции в отношении физических лиц, по отдельным оценкам⁴¹⁶, могут оказаться более эффективными, чем штрафы в отношении организаций, так как сдерживают противоправное поведение самого управляющего организацией физического лица, от действий или бездействия которого напрямую зависит, появится ли картель, то есть будет ли совершено преступление. Освещение в средствах массовой информации фактов привлечения к уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства,

⁴¹⁵ Даниловская А. В. Межотраслевой подход к исследованию понятия «конкуренция» // Российское конкурентное право и экономика. 2019. №4. С. 32-33.

⁴¹⁶ Global Forum on Competition «Sanctions in antitrust cases». Background Paper by the Secretariat. Session IV, 1–2 December, 2016 // URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2016\)14/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2016)14/en/pdf) (дата обращения: 07.08.2019).

состоявшихся приговоров по таким делам, во-первых, несет отрицательную общественную оценку совершенных антиконкурентных деяний, во-вторых, информирует общество, включая предпринимательство, о действии антимонопольного и уголовного законодательства, следовательно, имеет превентивное значение.

Таким образом, рассматриваемый принцип криминализации применительно к антиконкурентным преступлениям отражает баланс интересов государства и частных интересов хозяйствующих субъектов, который является краеугольным камнем уголовно-правовой политики в целом и в сфере охраны конкуренции в частности.

Принцип экономии репрессии в большинстве исследованных авторских позиций не рассматривается в качестве принципа криминализации. По мнению В.М. Степашина, сущность принципа экономии репрессии как принципа уголовного права заключается в обеспечении эффективности уголовно-правового воздействия наиболее экономными мерами при их достаточности, но не в минимизации репрессии как таковой⁴¹⁷. Автор, скептически восприняв идею рассматривать экономию репрессии как принцип криминализации, отмечает, что ошибочное отнесение того или иного деяния к числу преступных свидетельствует о нарушении прежде всего принципа социальной, научной (криминологической) обоснованности нормативных предписаний и принципа законности: преступным признается деяние, объективно не обладающее общественной опасностью⁴¹⁸.

В контексте рассматриваемой системы принципов криминализации, предложенной в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, содержание принципа экономии репрессии, который следует рассматривать, скорее, как принцип уголовно-правовой политики, корреспондирует факторам *принципа избыточности уголовного-правового запрета*, выраженным в

⁴¹⁷ Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 9.

⁴¹⁸ Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 28.

соответствии с объемом уголовно-правового запрета, прежде всего пределов наказания, которое может быть назначено за преступное деяние, характером и степенью общественно опасного проявления, и исключением возможного дублирования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за конкретное общественно опасное поведение⁴¹⁹.

Следует согласиться с Н.А. Лопашенко в том, что только накопленный опыт применения уголовно-правовой нормы может помочь установить оптимальное содержание уголовно-правового запрета, в начале которого неизбежны ошибки, проявляющиеся в его избыточности⁴²⁰. Внимание законодателя на данном этапе ориентировано на определение видов и пределов наказания относительно характера и степени общественно опасного деяния, формы которого как потенциально преступные также следует выявить, включая их признаки. Именно такая ситуация сложилась в отношении преступлений, предусмотренных ст. 185³, 185⁶ и 200⁴ УК РФ, которые пока не имеют практики применения или же она представлена единичными случаями.

Неизбежные ошибки могут быть связаны как с избыточностью криминализированных форм деяний, описания их признаков, так и с превышением мер ответственности за их совершение. Так, в истории криминализации антиконкурентного поведения был период, когда уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 178 УК РФ, содержала признаки всех возможных монополистических действий и иных действий, связанных с ограничением конкуренции. Уголовная ответственность за эти деяния была предусмотрена уголовным законом в период 1993–2015 гг., в течение которого, однако, не было возбуждено ни одного уголовного дела за действительную монополистическую деятельность, как она понимается в буквальном соответствии с действовавшим и действующим антимонопольным законодательством. Позже, в результате проведенных реформ часть запрещенных антиконкурентных действий была

⁴¹⁹ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности : теоретический и прикладной анализ. С. 261.

⁴²⁰ Там же.

декриминализована, а также выведена из-под жесткой реакции государства на них в виде безотлагательного привлечения к административной ответственности, хотя, безусловно, таковая осталась, но теперь ей предшествуют предупредительные меры. Практика показала неэффективность уголовно-правового запрета трех форм монополистической деятельности, а принятые в последующем меры, включая уточняющие нормативно-правовые дефиниции, и их правоприменительный эффект продемонстрировали возможность в отношении злоупотребления доминирующим положением и согласованных действий ограничиться административно-правовыми методами воздействия на поведение хозяйствующих субъектов.

В то же время с криминализацией актов недобросовестной конкуренции имеет место следующая ситуация. Лишь некоторые формы недобросовестной конкуренции как таковые определены в ФЗ «О защите конкуренции». При этом административная ответственность наступает за любые проявления недобросовестной конкуренции. Согласно постановлению Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», при анализе вопроса о том, является ли конкретное, совершенное лицом действие актом недобросовестной конкуренции, подлежат учету не только указанные законоположения, но и положения ст. 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, в силу которых актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах⁴²¹.

Для криминализации такое понимание недобросовестной конкуренции является недопустимо широким, поэтому результаты криминализации имеют вполне определенные основания и пределы. В то же время уголовно наказуемые проявления недобросовестной конкуренции отражены в некоторых общих составах

⁴²¹ О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : пост. Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 г. № 11 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

преступлений без указания на их конкретные признаки как антиконкурентных деяний, необоснованно уравнивая характер и степень общественной опасности различных деяний, что в целом нивелирует уголовно-правовой эффект их криминализации.

Одновременно с этим следует отметить, что увеличение перечня запретов деяний, относимых к недобросовестной конкуренции, не поддерживается экономистами как ограничительного инструмента, приводящего к слабой конкуренции и жесткой направленности системы регулирования на силовые методы и ограничения⁴²².

Вопрос о достаточности уголовно-правового запрета поставлен и относительно антиконкурентной деятельности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. На практике такое поведение квалифицируется по ст. 169, 285 и 286 УК РФ. Если есть сговор с хозяйствующим субъектом, то обычно должностное лицо совершает в его интересах такие действия, которые имеют признаки злоупотребления должностными полномочиями или их превышения (например, передача государственного имущества в аренду без проведения торгов⁴²³, создание условий для победы на торгах определенного хозяйствующего субъекта путем введения в заблуждение его конкурента⁴²⁴, внесение не соответствующих действительности сведений в конкурсную документацию в целях обеспечения победы определенного хозяйствующего субъекта⁴²⁵). Являясь противоправными, в силу пп. 2, 3 п. 1, а также п. 2 и 3 ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции», что находит отражение в уголовно-правовой квалификации деяний по ст. 169, 285, 286 УК РФ, указанные действия могут быть маркерами антиконкурентного соглашения, включая картели. Однако сам факт сговора остается без уголовно-правовой оценки, в то время как антимонопольный

⁴²² Симанченко М. Г. Институциональный механизм локализации слабой конкуренции на отраслевых рынках России : дисс. ... канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 166.

⁴²³ Приговор Вологодского городского суда Вологодской области № 1-15/2012 от 13.02.2012 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/I7qVqUr6qjlt/> (дата обращения: 08.08.2020).

⁴²⁴ Приговор Центрального районного суда г. Омска № 1-480/2013 1-47/2014 от 15.01.2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gzSaTmz8zEZw/> (дата обращения: 08.08.2020).

⁴²⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара № 1-42/2019 1-459/2018 от 28.06.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0IJBYha5jjNN/> (дата обращения: 08.08.2020).

закон содержит запрет на соглашения должностных лиц с хозяйствующими субъектами (в силу ст. 16 и пп.1 п. 1 ст. 17 Закона).

Таким образом, принцип избыточности уголовно-правового запрета, характеризующийся оптимальным содержанием и достаточностью, имеет разное воплощение в уголовно-правовой политике в сфере охраны конкуренции. Наиболее ярко он проявился в связи с декриминализацией злоупотребления доминирующим положением и согласованных действий. В то же время при квалификации антиконкурентных действий должностных лиц органов власти, совершенных в связи с заключением запрещенного соглашения с хозяйствующими субъектами, констатируется, скорее, дефицит уголовно-правового запрета, связанный с невозможностью дать объективную уголовно-правовую оценку такому соглашению.

Принцип своевременности криминализации, означает необходимость проведения криминализации тогда, когда появилось ее основание, – общественная опасность⁴²⁶, а она проявилась относительно антиконкурентных деяний при первоначальной криминализации с переходом страны к рыночной экономике и становлению института конкуренции в целях защиты основ нового экономического устройства. В целом можно констатировать факт относительной своевременности реагирования государства на необходимость как криминализации новых деяний против конкуренции, включая криминализацию форм недобросовестной конкуренции, связанных с манипулированием рынком и незаконным использованием инсайдерской информации (ст. 185³ и 185⁶ УК РФ), так и изменения ФЗ «О защите конкуренции», от эффективности которого напрямую зависит вопрос о криминализации новых или декриминализации уже существующих в УК деяний.

В то же время следует отметить, что составы преступлений, содержащих косвенные признаки недобросовестной конкуренции, связанные с неправомерным использованием объектов интеллектуальной собственности, с момента принятия

⁴²⁶ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. С. 262.

УК РФ практически не изменились. В ст. 147 УК РФ отсутствует размер причиненного ущерба, являясь неуточненным криминообразующим признаком, в ст. 146 и 147 УК РФ нарушены правила дифференциации ответственности – не учтена разная степень общественной опасности квалифицирующих признаков в виде совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, которым дана одинаковая оценка (оба признака содержатся в ч. 2 ст. 146 и 147 УК РФ). Хотя перечисленные недостатки, скорее, имеют отношение к юридической технике, в данном случае усматривается запаздывание государства в оценке общественной опасности таких деяний, что прослеживается также по актам политико-стратегического характера.

С учетом все возрастающей роли инноваций в российской экономике отсутствие полноценной защиты прав хозяйствующих субъектов на принадлежащие им объекты интеллектуальной собственности указывает на недооцененность как общественной опасности недобросовестной конкуренции с неправомерным использованием таких объектов, так и возможностей уголовно-правовых средств защиты от нее.

Особо следует отметить своевременность криминализации деяния, признаки которого предусмотрены ст. 200⁴ УК РФ. В результате исследования установлено, что в течение длительного периода при выявлении сговоров на торгах также устанавливались нарушения ряда принципов, в частности, открытости, прозрачности информации о торгах. Данные нарушения самым непосредственным образом связаны с антиконкурентным соглашением на торгах, являются его маркером, так как, например, умышленное нарушение сроков размещения информации, недостаточность такой информации, допуск к закрытой информации заинтересованного в победе хозяйствующего субъекта свидетельствуют о действиях уполномоченного лица в интересах конкретного участника торгов. Криминализация этих нарушений станет еще одним способом борьбы с опасными антиконкурентными соглашениями. Но, как показывает анализ практики антимонопольного органа, криминализация таких действий была востребована уже давно.

Таким образом, принципы криминализации по-разному нашли отражение в отношении группы антиконкурентных преступлений. Наиважнейшим среди всех принципов криминализации следует признать принцип достаточной общественной опасности деяния⁴²⁷. Использование экономического подхода к оценке общественной опасности видов антиконкурентных преступлений, включая формы недобросовестной конкуренции и все виды антиконкурентных соглашений, заключаемых на торгах, позволяет с уверенностью заявлять, во-первых, о потенциально одинаковой опасности таких деяний для экономики, во-вторых, об обоснованности их криминализации. Запаздывание реакции государства на криминализацию тех или иных деяний лишь подтверждает факт необходимости таковой, особенно явно проявляющейся в свете поставленных Стратегией национальной безопасности РФ и Стратегий экономической безопасности РФ задач.

§ 2 Современное состояние криминализации антиконкурентных деяний и проблемы конструирования составов преступлений против добросовестной конкуренции

Криминализация и декриминализация отражают состояние уголовно-правовой политики на том или ином этапе развития общества. Следовательно, уголовно-правовая политика – изменчивая категория, характеризующаяся критическим отношением государства к различным актам поведения в обществе, которое выражается в усилении или ослаблении уголовно-правовой реакции на них в зависимости от требований соблюдения интересов национальной безопасности.

Между тем в действующем законодательстве отмечается пока не в полной мере объективная уголовно-правовая оценка антиконкурентных деяний, на которые государство в своих стратегических директивах акцентировало внимание в целях обеспечения национальной, в том числе экономической безопасности. В

⁴²⁷ Даниловская А. В. Криминализация как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Право и политика. 2023. № 12. С. 67-85.

первую очередь это отслеживается на примере того, какие деяния были криминализованы и каково состояние их криминализации в свете принятия Стратегии национальной безопасности РФ и Стратегии экономической безопасности РФ.

В этой связи были рассмотрены признаки, присущие современным составам преступлений, которые в данной работе рассматриваются как антиконкурентные, отслежена их связь с соответствующими положениями ФЗ «О защите конкуренции», содержащими запреты указанных в нем нарушений, а также с отражением их в правоприменении. Результаты этого исследования позволяют сделать следующие выводы.

I. Непосредственные объекты составов рассматриваемой группы преступлений в той или иной степени связаны с добросовестной конкуренцией, но только преступления, предусмотренные ст. 178, 185³ и 185⁶ УК РФ, прямо посягают на добросовестные конкурентные правоотношения.

В рамках данного исследования, под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, предлагается понимать общественные отношения, возникающие при добросовестном соблюдении конкурирующих между собой хозяйствующих субъектов установленного государством правового режима конкуренции в предпринимательской деятельности⁴²⁸. Под непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, следует понимать добросовестные конкурентные отношения, сложившиеся в результате действия правового режима информационной безопасности на товарном рынке, призванного обеспечить его стабильность и прозрачность⁴²⁹.

⁴²⁸ Даниловская А. В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности // Юридические исследования. 2024. № 1. С. 36.

⁴²⁹ Даниловская А. В. Непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, как антиконкурентных преступлений // XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от Русской Правды до наших дней : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 17 декабря 2022 г. / Дальневосточный федеральный университет ; научный редактор А.И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. С. 51-53.

Другие преступления рассматриваемой группы добросовестную конкуренцию, как элемент непосредственного объекта, могут затрагивать наряду с иным охраняемым непосредственным объектом, хотя в науке существуют мнения о непосредственном воздействии преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180, 183 УК РФ, на добросовестную конкуренцию⁴³⁰.

Исследование непосредственных объектов преступлений, рассматриваемых в качестве форм недобросовестной конкуренции, показало наличие в каждом из них некоего уникального объекта (прав на объекты интеллектуальной собственности, позитивная деловая репутация, инсайдерская информация и т.д.), которым обладает хозяйствующий субъект, дающий ему преимущества в добросовестной конкуренции с другими хозяйствующими субъектами, посягательство на который нивелирует это преимущество как таковое, что и составляет суть недобросовестной конкуренции. При этом следует отметить, что распространение или использование не соответствующей действительности информации, охраняемой законом информации или информации, способной ввести в заблуждение, является традиционным способом недобросовестной конкуренции. Лицо преследует цель изменить рыночную ситуацию, которая сложилась в силу конкуренции на данном рынке, негативно повлияв на его конкурентные условия. Такая деятельность искажает различные параметры рынка, влечет изменение цен, падение спроса или предложения и наоборот. Все это подрывает стабильность как в экономике, так и в

⁴³⁰ Напр., Следь Ю. Г. Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 140; Устинова С. В. Преступления, посягающие на свободу экономической деятельности (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 118; Головизина И. А. Незаконное использование товарного знака : проблемы квалификации и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16; Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции. С. 18; Жигалов А. Ф. Коммерческая и банковская тайна в российском уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 15; Артемов В. В. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9; Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений : генезис, система, уголовно-правовая характеристика. С. 183; Гладких В. И. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2022. С. 232, 239; Адиньяев С. И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 23–25.

обществе, в то время как именно конкуренция несет стабилизирующую функцию. Таким образом, обеспечение информационной безопасности является одним из элементов механизма действия конкуренции, именно поэтому сделан вывод о том, что преступления, предусмотренные ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, прямо посягают на добросовестную конкуренцию.

Объективная сторона преступлений представлена различными деяниями в основном в форме действий, которые в той или иной степени соответствуют запретам, установленным ФЗ «О защите конкуренции». Следовательно, в таких случаях следует признать наличие *де факто* криминализации отдельных антимонопольных запретов.

Исследование объективной стороны рассматриваемой группы преступлений, привело к следующим выводам:

1. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, характеризуется тем, что:

1) ее признаки свидетельствуют об ответственности только за групповое, т.е. совершенное в соучастии, нарушение в виде заключения ограничивающего конкуренцию соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами (картеля), запрет на которое предусмотрен ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции»; само по себе такое соучастие не требует дополнительной квалификации и не влечет усиления ответственности, в том числе в виде обстоятельства, отягчающего наказание в соответствии со ст. 63 УК РФ. Данный вывод целесообразно отразить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (п. 2 Приложения 7);

2) волеизъявление на участие в преступлении является одним из ключевых вопросов для уяснения момента формирования вины, ее формы и вида, а также степени и формы участия субъекта в преступлении, его роли и, следовательно, имеет значение не только для заключения соглашения, но и для реализации его условий, без чего невозможно наступление вредных последствий в

виде ущерба и получения дохода, которые являются обязательными признаками объективной стороны преступления⁴³¹, а также каких-либо иных неблагоприятных последствий;

3) ограничивающее конкуренцию соглашение на торгах выделяется среди других антиконкурентных соглашений способом совершения преступления, который выражается в обмане организатора (заказчика) торгов или собственника имущества, что повышает уровень его общественной опасности⁴³². Вследствие этого сговор на торгах следует выделять как самостоятельный вид антиконкурентного соглашения, имеющий свой непосредственный объект, который можно определить как общественные отношения, возникающие в силу установленного законом принципа обеспечения конкуренции на торгах в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Непосредственным дополнительным объектом следует признать имущественные интересы заказчика закупок, организатора закупок, хозяйствующих субъектов-конкурентов, интересы государственной или муниципальной службы⁴³³.

2. Объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ, составляющих формы недобросовестной конкуренции, свойственны следующие моменты:

1) деяния связаны с посягательством на элемент чужого конкурентного преимущества или с противоправным использованием своего конкурентного преимущества, в частности, с использованием чужих прав на охраняемые объекты интеллектуальной собственности, использованием предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, с

⁴³¹ Денисова А. В. Уголовно-правовая защита конкуренции // Российская юстиция. 2012. №11. С. 24.

⁴³² Даниловская А. В. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах / А. В. Даниловская, А. П. Тенишев // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 119–131.

⁴³³ Даниловская А. В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности. С. 38.

распространением заведомо ложных сведений, вводящей в заблуждение информации или с разглашением сведений, составляющих охраняемую законом информацию, что нарушает запреты, предусмотренные ст. 14.1-14.7 ФЗ «О защите конкуренции»;

2) присвоение авторства как элемент объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, имеет неоднозначную оценку. В первом случае, как показал анализ правоприменения, привлечение к уголовной ответственности за плагиат не востребовано в практике (лишь 1 приговор состоялся по ч. 1 ст. 146 УК РФ), во втором - присвоение авторства может явиться следствием ошибки Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента), допущенной при проверке объекта патентных прав такому критерию патентоспособности как новизна, установить который порой весьма проблематично. В силу отмеченных обстоятельств представляется, что криминализация присвоения авторства может быть целесообразна при умышленном совершении деяния в сфере предпринимательской деятельности, когда вопрос о принадлежности авторства может быть связан с возможностью получать доход от использования объектов интеллектуальной собственности;

3) признаки объективной стороны клеветы объективно не могут отразить посягательство на деловую репутацию юридического лица, хотя ст. 128¹ УК РФ и может быть применима для защиты деловой репутации индивидуального предпринимателя, причем как с образованием юридического лица, так и без такового, в том числе если сведения распространяются на учрежденную или возглавляемую им организацию (приведенный довод представляется целесообразным закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» (см. п. 1 Приложения 7)). Следовательно, имеет место пробел в уголовно-правовой защите деловой репутации юридического лица как участника экономической деятельности.

3. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 169, 285 и 286 УК РФ, несмотря на универсальность признаков каждого состава, отражает запреты, содержащиеся в ст. 15, 16, 17 и 19 ФЗ «О защите конкуренции».

Предусмотренная ч. 2 ст. 13 указанного закона допустимость заключения соглашений, запрещенных ст. 16, случаи которой определяются Правительством РФ, является поводом для внимания при квалификации деяния по ст. 285 или ст. 286 УК РФ, ибо превышение должностных полномочий, согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16.10.2009 г. № 19⁴³⁴ (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19), может выражаться в совершении должностным лицом активных действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать⁴³⁵.

Также следует отметить наличие конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 169, 285 и 286 УК РФ. Она выражена в двух формах: 1) конкуренция ст. 169 УК РФ и ст. 285 УК РФ, 2) ст. 169 УК РФ и ст. 286 УК РФ. В доктрине преступление, предусмотренное ст. 169 УК РФ, зачастую рассматривают как частный случай деяния, предусмотренного ст. 285 УК РФ⁴³⁶ или ст. 286 УК РФ⁴³⁷. В правоприменении встречаются ситуации перекалфикации с одной статьи на другую, в частности, с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 169 УК РФ⁴³⁸. Такие ситуации приводят к неустойчивой судебной практике, дают основания для злоупотреблений при принятии решения о назначении наказания за совершение указанных деяний: ведь санкция ст. 169 УК РФ предусматривает наказание гораздо более мягкое, чем санкции ст. 285 и 286 УК РФ. В этой связи представляется целесообразным исключить ст. 169 из УК РФ.

⁴³⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 // www.vsrfr.ru/documents/own/28635/ (дата обращения: 15.06.2020).

⁴³⁵ Даниловская А. В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности. С. 41.

⁴³⁶ Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. С. 15; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности : понятие система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 9.

⁴³⁷ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях : основные тенденции развития. С. 464.

⁴³⁸ См., напр.: приговор Спасского районного суда Пензенской области № 1-23/2017 от 08.08.2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jT90ET6UAGJX> (дата обращения: 20.05.2020).

4. Нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, предусмотренное ст. 200⁴ УК РФ, может быть выражено через нарушение указанными лицами предусмотренных Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) принципов открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок и обеспечения конкуренции, в том числе в результате заключения ими антиконкурентного соглашения с хозяйствующими субъектами⁴³⁹.

II. Субъект антиконкурентных преступлений, являясь зачастую индивидуальным предпринимателем или руководителем (представителем) организации, – это лицо, от чьих действий (бездействия) в сфере производства, распределения, обмена и потребления напрямую зависит экономическое благосостояние других лиц. Поэтому антиконкурентный сговор субъектов экономической деятельности усугубляет экономическую ситуацию, приводя к более тяжелым для рынка последствиям. Участие в антиконкурентном соглашении представителей власти обостряет ситуацию причинением вреда не только экономическим отношениям, но и отношениям в сфере управления.

1) Субъект антиконкурентных преступлений – разный: он характеризуется как общими, так и специальными признаками. При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ⁴⁴⁰, следует исходить из того, что соглашение, ограничивающее конкуренцию (картель), может быть заключено только хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке (ст. 11 ФЗ «О защите

⁴³⁹ Даниловская А. В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности. С. 42.

⁴⁴⁰ Денисова А. В. Недопущение, ограничение, устранение конкуренции : субъект преступления // Уголовное право. 2015. № 1. С. 44–47.

конкуренции»). Исходя из понятия хозяйствующего субъекта, приведенного в п. 5 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», субъектом ответственности следует признавать: 1) индивидуального предпринимателя; 2) непосредственного руководителя (единоличный исполнительный орган), иного представителя юридического лица (например, члена коллегиального органа управления, управляющего, участника юридического лица), имеющего правовые основания (в силу договора, закона, доверенности, иного правового акта) осуществлять юридически значимые действия от его имени (либо от своего имени) и в его интересах; 3) физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (например, аудитор, арбитражный управляющий). В связи с тем, что вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является сложным, приведенное описание субъекта необходимо изложить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (п. 2 Приложения 7).

Субъектом преступлений в форме недобросовестной конкуренции являются перечисленные выше лица, если потерпевшее от их деяний лицо - конкурент виновного. Данный вывод сделан на основе ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», в которой приведено понятие не только хозяйствующего субъекта, но и недобросовестной конкуренции, в ее связи со ст. 14.1-14.8. Вместе с тем, субъект преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180, 183, – общий, кроме случаев, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 146, ч. 2 ст. 183 УК РФ.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 185³ УК РФ, характеризуется как общими, так и специальными признаками. Так, в случае распространения заведомо ложных сведений – субъект общий, но совершить операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные

умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в силу ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴⁴¹ (далее - Закон о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком), могут только участники организованных торгов, которыми согласно ст. 16 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»⁴⁴² могут быть индивидуальные предприниматели и юридические лица, в том числе имеющие статус дилера, брокера, управляющего и иной статус, указанный в данной статье.

При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ, необходимо учитывать, что обладать инсайдерской информацией, использовать и распространять ее может любое лицо, как являющееся правомерным владельцем (инсайдером) в силу ст. 4 Закона о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, так и лицо, таковым не являющееся, но получившее сведения, составляющие инсайдерскую информацию, неправомерно. То есть субъект данного преступления обладает признаками как общего субъекта, так и специального (инсайдеры, к которым согласно ст. 4 указанного закона отнесены различные категории лиц, имеющих доступ к инсайдерской информации). В любом случае субъектом данного преступления является лицо, которое заинтересовано в наступлении последствий совершения запрещенных действий в целях извлечения для себя каких-либо преимуществ.

В этой связи необходимо разграничивать уголовную ответственность представителей хозяйствующих субъектов и лиц, не относящихся к данной

⁴⁴¹ О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.

⁴⁴² Об организованных торгах : федер. закон от 21.11.2011 г. № 325-ФЗ // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2020).

категории, которые хотя и оказывают влияние на конкуренцию на том или ином товарном рынке, но не являются участниками недобросовестной конкуренции в смысле ФЗ «О защите конкуренции».

Субъект преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, специальный, он указан в диспозиции правовой нормы. В частности, им является работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, статус которых определен Законом о контрактной системе. Соответственно, субъектом злоупотреблений в сфере закупок может быть только служащий, полномочия которого не связаны с принятием юридически важных решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, не относятся к управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, а также не являющееся лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а равно лицом, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, реализует свою деятельность на конечном этапе закупки, когда конкурентные процедуры завершены определением победителя торгов, поэтому оно не может быть признано субъектом антиконкурентного деяния: ограничение конкуренции на данном этапе закупок уже маловероятно.

Иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которое не является должностным лицом или лицом,

выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, – это, по сути, общий субъект, имеющий полномочия в сфере закупок, базирующиеся на каком-либо специальном правовом основании, например, представительские гражданско-правовые договоры (поручение, агентирование, комиссия)⁴⁴³.

III. Субъективную сторону преступлений, согласно имеющейся в уголовном праве традиционной позиции, составляют вина как обязательный ее признак, мотив и цель, которые могут выступать в роли как обязательных, так и дополнительных признаков. Общая характеристика субъективной стороны рассматриваемой группы преступлений, вне связи с посягательством на конкуренцию, позволяет сделать вывод об исключительно умышленной форме их вины. В то же время, как показал анализ приговоров и иных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³, 185⁶, 169, 200⁴, 285, 286 УК РФ, важным аспектом их субъективной стороны как составов антиконкурентных преступлений является направленность всех ее элементов на конкуренцию как нежелательное явление, не позволяющее субъектам достичь своих целей в предпринимательской деятельности правомерными действиями⁴⁴⁴. Заинтересованность в ограничении конкуренции характеризует направленность умысла на совершение антиконкурентных действий, что проявляется в волевом и интеллектуальном моментах умысла.

Проведенное исследование признаков современных криминализованных деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, позволяет сделать вывод о методике построения состава антиконкурентного преступления, основанной на специфических признаках, характеризующихся антиконкурентной направленностью, которая может быть взята за основу при конструировании составов антиконкурентных преступлений: 1) объект преступления -

⁴⁴³ Даниловская. А. В. Преступление, предусмотренное ст. 200⁴ УК РФ, как преступление, посягающее на добросовестную конкуренцию // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XX Международной научно-практической конференции. М., Издательство: Проспект, 2023. №2. С. 219-220.

⁴⁴⁴ Даниловская А. В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности. С. 33-60.

добросовестные конкурентные отношения; 2) предмет преступления в форме недобросовестной конкуренции – конкурентное преимущество в виде прав на объекты интеллектуальной собственности, охраняемой информации, инсайдерской информации, деловой репутации, добросовестное обладание которыми используется в конкуренции; 3) объективная сторона выражена в нарушениях запретов ФЗ «О защите конкуренции» в виде монополистической деятельности хозяйствующих субъектов (картель); недобросовестной конкуренции в форме использования чужих прав на объекты интеллектуальной собственности, распространения ложных, неточных или искаженных сведений, введения в заблуждение, незаконного использования, в том числе разглашения информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну; антиконкурентной деятельности должностных лиц органов власти и местного самоуправления в виде их индивидуальных действий и ограничивающих конкуренцию соглашений с хозяйствующими субъектами; антиконкурентных преступлений, совершаемых на торгах работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок на торгах, включая соглашения, ограничивающих конкуренцию на торгах, а также соглашений на торгах, заключаемых хозяйствующими субъектами между собой и с должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления; 4) специальный субъект преступления, характеристика которого связана с понятием хозяйствующего субъекта в соответствии с ФЗ «О защите конкуренции», а также определена Законом о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, ФЗ «Об организованных торгах», Законом о контрактной системе; 5) вина в форме прямого или косвенного умысла, волевой и интеллектуальный моменты которого направлены на ограничение конкуренции.

Между тем эффективность уголовно-правовой политики в значительной степени зависит от того, насколько четко и понятно для правоприменителя сформулированы уголовно-правовые нормы, в которые законодатель включил конструкцию того или иного состава преступления, а также от наличия или

отсутствия влияния состава преступления на полноту уголовного закона. Обеспечить такое качество, исключая неопределенность толкования и применения уголовно-правовых норм, призваны средства и приемы, а также правила законодательной техники как важнейшего элемента правотворчества.

Несмотря на то, что учение о законодательной технике оформилось в самостоятельную отрасль знаний⁴⁴⁵, в литературе отсутствует ее общепринятое понимание. Не вдаваясь в перечисление и анализ существующих на этот счет позиций, следует отметить, что их основной чертой является определение законодательной техники как элемента юридической техники в виде системы (совокупности) средств, приемов, методов, операций и правил обеспечения качества (совершенства) результатов законотворческой деятельности⁴⁴⁶.

Учение о законодательной технике, активно развиваясь, в то же время объективно, в связи с эволюционированием теории права и отраслей права, не может предоставить субъекту правотворчества четко обозначенный перечень средств, приемов и правил конструирования правовых норм. Обобщенный анализ существующих воззрений дает основания для вывода о том, что в науке выделяются преимущественно следующие элементы законодательной техники:

1. Средства: а) юридические конструкции; б) термины; в) презумпции; г) юридические фикции; д) символы; е) аксиомы⁴⁴⁷.
2. Приемы: а) в зависимости от степени обобщения – абстрактный, казуистический, оценочный и формальный приемы; б) в зависимости от способа

⁴⁴⁵ Иванчин А. В. Конструирование состава преступления : теория и практика : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Л. Л. Кругликова. М. : Проспект, 2014. С. 21.

⁴⁴⁶ См., напр.: Мусаев Ф. А. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности (ст. 171, 172–174.1 УК РФ) : вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности; Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 22; Семенов Я. И. Законодательная техника в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 47; Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 181–191; Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 41.

⁴⁴⁷ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 195.

изложения элементов правовой нормы – прямой, отсылочный и бланкетный приемы⁴⁴⁸.

3. Правила: а) правила построения уголовного закона; б) правила построения диспозиций и санкций; в) правила языка, стиля и терминологии⁴⁴⁹. Они характеризуются сочетанием лаконичности с необходимой полнотой, конкретностью с требуемой абстрактностью выражения соответствующих правовых предписаний; взаимосвязью, согласованностью и внутренним единством правового материала; ясностью и четкостью, простотой и доступностью языка правовых актов; отсутствием внутренних и отраслевых противоречий, пробелов, коллизий и др.⁴⁵⁰

Юридическая конструкция является основным средством законодательной техники, представляющим собой модель урегулированных правом общественных отношений⁴⁵¹. Её вид – уголовно-правовая конструкция – рассматривается как структурная модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией⁴⁵². Цель создания конструкций заключается в поиске лучшего способа понимания и отражения в норме права чрезвычайно сложной правовой реальности⁴⁵³, особенности уголовно-правового характера которой проявляются в конструктивных признаках видов составов преступлений, санкций за их совершение, оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Так, среди антиконкурентных преступлений можно выделить как формальные (ст. 169, 183 УК РФ) и материальные (ч. 1 ст. 146, 147), так и формально-материальные

⁴⁴⁸ Горохова С. С. Юридическая техника : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. С. 36–37.

⁴⁴⁹ Семенов Я. И. Законодательная техника в уголовном праве. С. 68–83.

⁴⁵⁰ Букалорова Л. А., Полукаров А. В. Компоненты законодательной техники, используемые при построении норм об экономических преступлениях // Административное право и практика администрирования. 2015. № 5. С. 53–60. [Электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18067 (дата обращения: 15.12.2020).

⁴⁵¹ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 195.

⁴⁵² Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6–7.

⁴⁵³ Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика). С. 27.

(ст. 178, 180, 185³, ст. 185⁶ УК РФ) составы, каждый из которых имеет свою конструкцию.

При сопоставлении признаков составов рассматриваемой группы преступлений с запретами антимонопольного законодательства следует, что, исходя из тесной связи с конкретными формами антиконкурентного поведения, они относятся к специальным составам как имеющим признаки разных проявлений антиконкурентной преступной деятельности. По признаку множественности объекта все составы антиконкурентных преступлений относятся к сложным составам, так как, кроме добросовестных конкурентных отношений, в качестве непосредственных объектов посягают и на иные охраняемые отношения – в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, государственного управления. Сложными также являются некоторые составы из рассматриваемой группы преступлений в зависимости от наличия нескольких альтернативных действий (ч. 2 ст. 146, ст. 147, 183 УК РФ), характера последствий (ч. 4 ст. 183 УК РФ, ч. 1 ст. 185³ и ст. 185⁶ УК РФ).

Анализ составов антиконкурентных преступлений указывает на весьма разнообразный набор признаков, в частности противоправных форм недобросовестной конкуренции. При экономически одинаковой природе и общественной опасности таких действий, суть которых заключается в противоправном использовании конкурентных преимуществ во вред другим хозяйствующим субъектам, характеризующие их признаки не могут существенно различаться. Поэтому представляется, что большинство составов преступлений, имеющих отношение к недобросовестной конкуренции, должны иметь равнозначные, идентифицирующие их как формы недобросовестной конкуренции признаки.

Содержащийся в конструкции каждого состава преступления против добросовестной конкуренции набор признаков отражает многие проблемы наполнения их содержания – присутствуют отмеченные А.В. Иванчиным как

«недоборы», так и «переборы» признаков⁴⁵⁴. Так, к первым можно отнести отсутствие размера ущерба как признака состава преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ; отсутствие такого признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, как реализация ограничивающего конкуренцию соглашения, и др. «Перебор» признаков связан с выбором законодателем казуистического способа описания состава преступления, зачастую обоснованным бланкетностью уголовно-правовых норм, что, в свою очередь, предопределяет использование правовых категорий иных отраслей российской системы права⁴⁵⁵. Ярким примером является состав, предусмотренный ст. 185³ УК РФ.

Примечание определяется К.К. Панько как средство законодательной техники, закрепляющее установленные государством дополнительные правила (информацию) к общим предписаниям, регулирующим общественные отношения⁴⁵⁶. Примечания содержатся в ряде статей, предусматривающих ответственность за антиконкурентные деяния. Согласно классификации, предложенной К.К. Панько⁴⁵⁷, среди указанных примечаний особо выделяются следующие их категории:

1. Примечания-размеры, устанавливающие суммы ущерба (дохода) как криминообразующего признака – примечание к ст. 146, 169, 178, 180, 185³, 185⁶ УК РФ.
2. Примечания-разъяснения терминологии – ч. 2 и 3 примечания к ст. 185³ УК РФ, примечание к ст. 285 УК РФ.
3. Примечания-исключения из общих правил: примечание-освобождение от ответственности – ч. 3 примечания к ст. 178 УК РФ.

Термины, выражая то или иное понятие, должны отвечать ряду требований, среди которых стоит выделить простоту и доступность их понимания;

⁴⁵⁴ Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства. С. 17.

⁴⁵⁵ Букалерева Л. А., Полукаров А. В. Компоненты законодательной техники, используемые при построении норм об экономических преступлениях.

⁴⁵⁶ Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика). С. 32.

⁴⁵⁷ Там же. С. 32–33.

корректность юридической терминологии; однозначность и постоянство содержания используемых терминов; точность, четкость и однозначность, выражаемые в содержательной устойчивости используемых понятий; терминология должна быть единой, что гарантируется объединением понятий со схожим содержанием; терминология должна быть краткой⁴⁵⁸. Следует также отметить необходимость соответствия используемых в уголовном законе специальных терминов их отраслевому содержанию. Так, отмечается проблема несоответствия уголовно-правового термина «картель», содержащегося в ст. 178 УК РФ, термину «картель», приведенному в ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции».

Но и терминология специального законодательства должна отвечать тем же требованиям, иначе это так же затрудняет применение уголовно-правовой нормы или делает такое применение невозможным. Так, например, понятие инсайдерской информации и ее перечень в Законе о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком не отражает всю действительность влияния различного рода такой информации на финансовые рынки⁴⁵⁹.

Презумпция представляет собой вывод, вытекающий из высокой степени вероятности презюмируемого факта, а не в силу очевидности⁴⁶⁰, то есть являющийся оспоримым. Возможно ли учитывать отраслевую презумпцию в уголовном праве? Ответ видится положительным, ибо презумпции так же, как и аксиомы, отражают уже установленные знания и потому могут использоваться в качестве отправной точки для создания новых, толкования уже существующих норм⁴⁶¹, в том числе уголовно-правовых.

В этой связи нельзя не обратить внимание на отмечаемую в научной литературе необходимость учитывать отраслевую специфику приемов

⁴⁵⁸ Карагодина Н. П. Пути преодоления проблемы использования оценочных понятий при конструировании норм о компенсации морального вреда // *Налоги*. 2010. № 24. С. 21.

⁴⁵⁹ Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. С. 519–520.

⁴⁶⁰ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 2.

⁴⁶¹ Пухтий Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних (вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности) : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль. 2004. С. 77.

законодательной техники, обусловленную отличными друг от друга предметом и методом правового регулирования, существующими наряду с общими правилами законодательной техники, что позволяет выделять особую группу отраслевых правил, уточняющих содержание и адаптирующих применение общих правил законодательной техники в отношении отдельной отрасли российской системы права. Исследования в данной области подтверждают сделанный вывод⁴⁶². Представляется целесообразным учитывать указанное направление развития законодательной техники в отношении тех уголовно-правовых норм, конструирование которых сопровождается применением бланкетного способа изложения.

Вместе с тем, несмотря на наличие бланкетных признаков в рассматриваемой группе антиконкурентных преступлений, следует признать, что их использование в правовых нормах на сегодняшний день создаёт определённые сложности в процессе квалификации. В этой связи важно исследовать проблемные вопросы применения бланкетных диспозиций, которые позволили бы прийти к выводу, что в теории уголовного права они имеют самостоятельное значение и достоинства, позволяющие не подвергать изменению уголовно-правовые нормы в случае изменения специальных правил, а делают уголовно-правовую норму не только гибкой, но и стабильной⁴⁶³.

Необходимо подчеркнуть, что вся сфера совершения преступлений (экономическая деятельность, экология, общественная безопасность и т.д.) имеет весьма важное значение для правильного применения законодательной техники в целях эффективного противодействия преступности⁴⁶⁴. Отсутствие учета такой

⁴⁶² Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12.

⁴⁶³ Мандрыко А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 15.

⁴⁶⁴ См., напр.: Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 537 с.; Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 258 с.; Гешелин М. И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по

специфики приводит к ряду ошибок в квалификации деяний, что в конечном итоге может повлечь неприменение уголовно-правовой нормы. Например, при конструировании уголовно-правовых норм, направленных на противодействие экономической преступности, выделяют такие недостатки как несоблюдение языково-стилистических требований законодательной техники, что влечет нарушение системных межотраслевых связей; отсутствие какой-либо системы, позволяющей четко закреплять стоимостные критерии при конструировании уголовно-правовых норм, нарушающих не только приемы законотворческой техники, но и правила правовой логики; наличие специфических терминов, определений, понятий, которые широко применяются другими отраслями права и являются характерными только для них; нарушение правила «одна статья – одно преступление» и др.⁴⁶⁵

Некоторые из приведенных недостатков объединяет проблема оценочных понятий, точно не определяемых в нормативных правовых актах. При описании признаков составов антиконкурентных преступлений такая проблема, в частности, имеет (может иметь) место в связи с наличием следующих оценочных понятий:

1. неоднократность (ст. 180 УК РФ);
2. иной незаконный способ (ч. 1 ст. 183 УК РФ);
3. корыстная заинтересованность (ч. 3 ст. 183, ч. 1 ст. 200⁴ УК РФ);
4. тяжкие последствия (ч. 4 ст. 183, ч.3 ст. 285, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Помимо перечисленных недостатков имеются и другие. Так, дискуссионность выбора юридической конструкции в зависимости от вида состава преступления (материальный, формальный, формально-материальный) предполагает, что базовым криминообразующим признаком должен выступать реально причинённый ущерб от совершения противоправных ненасильственных действий в области экономической деятельности⁴⁶⁶. Однако сторонники данного критерия не всегда учитывают высоколатентные преступления, к которым, например, относятся

уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2015. 212 с.

⁴⁶⁵ Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 81–150.

⁴⁶⁶ Букалерева Л. А., Полукаров А. В. Компоненты законодательной техники, используемые при построении норм об экономических преступлениях.

антиконкурентные соглашения, в первую очередь картели и сговоры хозяйствующих субъектов с должностными лицами органов власти или местного самоуправления. Для описания таких преступлений в науке предлагается не использовать количественные признаки (криминообразующие пороги)⁴⁶⁷.

Другой проблемой является несоблюдение на практике правила оптимального сочетания абстрактного и казуистического приемов построения диспозиций уголовно-правовых норм, что приводит к их чрезмерной громоздкости. В действительности применение казуистического приема, широкое использование которого подвергается критике⁴⁶⁸, порой оправдано рядом обстоятельств. Так, отмечается в науке, если общественные отношения характеризуются стабильностью, применение казуальной методологии изложения нормативно-правовых актов является естественным⁴⁶⁹. Необходимость казуистического способа обусловлена тем, что он позволяет конкретизировать обстоятельства возникновения прав и обязанностей в виде соответствующих алгоритмов, что существенно облегчает правоприменение, чего нельзя сказать об излишнем абстрагировании⁴⁷⁰.

Проблемой отсутствия учета положений отраслевого законодательства является непонимание (незнание) особенностей отраслевых презумпций. Например, презумпция абсолютного запрета картелей фактически состоит из аксиомы ограничения картелем конкуренции и собственно презумпции причиняемого картелем вреда охраняемым интересам, который, как следует из отечественного и зарубежного правоприменения, возникает не всегда или является не столь значительным на фоне иных, в том числе нейтральных или даже положительных результатов картеля, которые можно установить (или

⁴⁶⁷ Гешелин М. И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование). С. 184.

⁴⁶⁸ См., напр.: Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник ЯрГУ. 2021. № 1. Т. 15. С. 77. (Гуманитарные науки).

⁴⁶⁹ Болдырев С. Н. Юридическая техника : теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 21.

⁴⁷⁰ Там же. С. 133.

опровергнуть) только опытным путем в каждом конкретном случае. Совокупность аксиомы и презумпции ослабляет в некоторой степени весь общий запрет картелей как таковой, но не может опровергнуть факта безусловного ограничения конкуренции. Отсутствие внимания (знания) к действующим в антимонопольном законодательстве правилам о запрете картеля, как наиболее опасного вида антиконкурентного соглашения, всегда ограничивающего конкуренцию, на практике приводит к случаям требования доказывания ограничения конкуренции вне связи с его криминообразующими признаками, или вследствие неверного изложения последних в правовой норме, либо их понимания.

Таким образом, из приведенного анализа элементов законодательной техники следует, что первостепенное значение для понимания и эффективности уголовно-правовой политики в целом, а также для успешности действия уголовно-правовой нормы в частности, имеет юридическая конструкция, на основе которой строится состав преступления.

А.В. Иванчин в своей фундаментальной научной работе, посвященной концептуальным основам конструирования состава преступления, предложил общие правила построения составов преступлений. Автор делит их на пять блоков: 1) межотраслевые системные правила; 2) внутриотраслевые системные правила; 3) криминолого-композиционные правила; 4) логические правила; 5) языковые правила⁴⁷¹. Предложение А.В. Иванчина о применении приведенных правил, бесспорно, представляет интерес, так как содержит научно обоснованную систему непротиворечивых критериев формулирования в уголовно-правовых нормах состава преступления. В связи с этим, при исследовании конструирования составов антиконкурентных преступлений, выявлении их недостатков данные правила были взяты за основу, что привело к важным выводам, выразившимся в следующем.

По идее автора межотраслевые системные правила основываются на концепции соответствия состава преступления законодательству Российской Федерации, в первую очередь Конституции РФ, а также обязательным для страны

⁴⁷¹ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 149–170.

международным правилам⁴⁷². В настоящей работе уже указывалось на то, что в основе уголовно-правовой охраны конкуренции в целом и выбора признаков составов преступлений, рассматриваемых как антиконкурентные деяния, в частности лежит конституционный запрет на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, детализированный в ФЗ «О защите конкуренции». Конституция РФ в равной мере запрещает монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию. Однако в связи с нарушением связей между основами уголовной ответственности, административной ответственности и антимонопольным законодательством уголовно-правовой запрет в УК РФ не выглядит явным, особенно в отношении недобросовестной конкуренции, а стало быть, понятным для правоприменения. Соответственно рассматриваемое правило не всегда соблюдается при формировании признаков состава преступления, в частности являющегося недобросовестной конкуренцией.

Согласно следующему межотраслевому системному правилу, конструируемый состав должен соответствовать нормам иных отраслей права. В первую очередь речь идет о соответствии уголовно-правовых норм запретам, сформулированным в источнике конкурентного права – ФЗ «О защите конкуренции», на основе выдвигаемой в данной работе идеи построения составов преступлений в соответствии с запретами специального закона. Безусловно, нет веских оснований к тому, чтобы каждый антимонопольный запрет был отражен в УК РФ: законодательство предусматривает широкий спектр разноотраслевых мер противодействия посягательствам на конкуренцию. Однако в отдельных случаях следует констатировать пробелы уголовно-правовых норм. Так, сговор должностных лиц органов власти – организаторов (заказчиков) торгов с участниками торгов – представителями хозяйствующих субъектов об ограничении конкуренции на торгах не имеет самостоятельной уголовно-правовой оценки в УК РФ, а расследуемые факты квалифицируются по ст. 169, 285 или 286 УК РФ как соответствующее индивидуальное поведение должностного лица. Следствием этого является сложившаяся практика привлечения представителей

⁴⁷² Там же. С. 149-156.

хозяйствующих субъектов к ответственности по ст. 178 УК РФ, должностных лиц по указанным статьям УК РФ, а сам факт сговора между ними остается без уголовно-правовой оценки.

Аналогичная ситуация сложилась и в связи с включением в УК РФ ст. 200⁴, которая предусматривает описание нарушения законодательства в сфере контрактной системы работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок и позволяет хозяйствующему субъекту избежать уголовной ответственности за сговор с указанным специальным субъектом, равно как и сговор последнего с хозяйствующим субъектом остается без внимания.

Одновременно с этим необходимо отметить, что в ч. 3 ст. 286 УК РФ предусмотрены основания ответственности за групповое совершение преступления, однако в практике они не встречаются и в целом такой механизм привлечения к ответственности за антиконкурентное соглашение вызывает сомнение из-за необходимости совместить разные правовые конструкции. В контексте рассматриваемого принципа и в целях, определенных Стратегией национальной безопасности РФ, было бы правильным выделять антиконкурентные соглашения в качестве самостоятельного состава преступления, а не использовать уголовно-правовые приемы конструирования основных и квалифицированных (особо квалифицированных) составов преступлений, в признаках которых «растворяется» описание антиконкурентных действий, вследствие чего их уголовно-правовое преследование либо является неочевидным, либо вообще отсутствует.

Отсутствие уголовной ответственности за дискредитацию как формы недобросовестной конкуренции, которая охватывала бы посягательства как на деловую репутацию индивидуального предпринимателя, так и юридического лица, правовая охрана которой пока выпадает из сферы уголовно-правовой защиты, порождает естественный вывод о пробеле в УК РФ. При решении данной проблемы представляется правильным ориентироваться на запрет ФЗ «О защите конкуренции», согласно ст. 14.1 которого понятие дискредитации связано с

распространением ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации, в том числе в отношении различных качественных и количественных характеристик товара, и условий его продажи.

Главная особенность дискредитации в том, что такие сведения способны причинить вред деловой репутации, в то время как деловая репутация для любого хозяйствующего субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность, – это конкурентное преимущество, имеющее важное значение для эффективности его деятельности. У отдельных лиц она будет представлять настолько весомое преимущество перед другими, что ее подрыв самым негативным образом может сказаться на всей экономической судьбе такой организации. В практике арбитражных судов отмечается, что деловая репутация организации включает в себя профессиональную репутацию как самой организации, так и ее руководителей⁴⁷³. Следовательно, дискредитирующие сведения могут быть самыми разными, но относящимися напрямую к хозяйствующему субъекту, против интересов которого осуществляется распространение сведений, способных вызвать убытки и (или) причинить ущерб его деловой репутации.

Таким образом, объективную сторону дискредитации следует выразить с помощью таких признаков, как: 1) умышленное активное действие путем распространения определенного рода негативных (ложных, неточных или искаженных) сведений о хозяйствующем субъекте – индивидуальном предпринимателе или организации либо об их деятельности, 2) в целях недобросовестной конкуренции, то есть в целях получения конкурентных преимуществ, 3) вредное последствие в виде причинения ущерба деловой репутации. Указания на форму вины и цель распространения представляются весьма важными признаками субъективной стороны данного преступления, необходимость которых обусловлена разнообразием ситуаций, при которых может быть причинен вред деловой репутации лица. Например, в связи с деятельностью

⁴⁷³ Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2015 г. по делу № А56-17708/2014 // СПС «Гарант».

контролирующих органов, по неосторожности, без намерения причинить вред деловой репутации, а также в случаях, когда ни виновное, ни потерпевшее лицо не являются хозяйствующими субъектами согласно ФЗ «О защите конкуренции».

Состав преступления «Дискредитация» может быть в следующей редакции: «Умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, в целях недобросовестной конкуренции, которые причинили ущерб их деловой репутации, - наказывается...» (п. 6 Приложения 2).

Не учитываются в уголовном законе в полной мере отраслевые презумпции антимонопольного законодательства. Так, если презумпция запрета картеля нашла свое отражение в составе преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, то такой же абсолютный запрет недобросовестной конкуренции пока не имеет своего четкого воплощения в уголовно-правовых нормах. В итоге это сказывается в целом на всей политике противодействия недобросовестной конкуренции, ведет к тому, что формируется некая необязательность правовой охраны от таких посягательств на добросовестную конкуренцию.

При анализе соответствия составов преступлений рассматриваемой группы административным правонарушениям не в каждом случае усматривается их должная соразмерность. Так, в УК РФ не содержатся самостоятельные основания уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию несмотря на то, что ст. 14.33 КоАП предусматривает ответственность за недобросовестную конкуренцию с оговоркой: если действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Более подробно проблемы межотраслевого соответствия рассмотрены в параграфе «Межотраслевая дифференциация уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию».

Другим межотраслевым системным правилом при конструировании состава преступления является учет проблем доказывания этого преступления. Как отмечает А.В. Иванчин, проблемы доказывания преступления могут, а порой и должны, служить основанием для корректировки конструируемого или

реконструируемого состава преступления⁴⁷⁴. В группе антиконкурентных преступлений проблемы доказывания тех или иных признаков составов весьма выражены, что является одной из причин неприменения в первую очередь ст. 178 УК РФ к классическим картелям.

Признаком объективной стороны данного преступления служит причинение крупного (особо крупного) ущерба и извлечение дохода в крупном (особо крупном) размере (ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ). При квалификации деяний по указанной статье правоприменитель каждый раз сталкивается с проблемами доказывания этих признаков объективной стороны, которые могут иметь весьма различную природу и порой являются неразрешимыми⁴⁷⁵, о чем и свидетельствует почти полное отсутствие статистики осуждения виновных по ст. 178 УК РФ.

Во-первых, имеется неопределенность в отношении состава ущерба, причиненного преступлением: должна ли учитываться упущенная выгода, то есть не полученные в связи с нарушением доходы? Во-вторых, понятие «доход» не имеет законодательного закрепления, в связи с чем возникает вопрос о его толковании. Вследствие этого доход от рассматриваемого преступления на практике определяется по правилам, изложенным в отношении дохода от незаконной предпринимательской деятельности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» от 18 ноября 2004 г. № 23⁴⁷⁶ (далее – постановление пленума Верховного Суда РФ № 23). Согласно п. 12 указанного постановления, под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности. Применение данного правила в

⁴⁷⁴ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 165.

⁴⁷⁵ Денисова А. В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. 2016. № 13. С. 26–32.

⁴⁷⁶ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23.12.2010 г. № 31 и от 7.07.2015 г. № 32) : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8243/?ysclid=ltanu8eje9621235660> (дата обращения: 3.11.2021).

целях установления суммы полученного дохода отмечается в практике правоохранительных органов при расследовании уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ⁴⁷⁷.

Критикуя имеющийся в науке подход определять доход согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 23, А.Е. Шаститко и К.В. Дозмаров предлагают в данном вопросе ориентироваться на правило, зафиксированное в примечании к ст. 185³ УК РФ «Манипулирование рынком», отмечая схожесть экономической подоплеки ст. 178 и ст. 185³ УК РФ⁴⁷⁸, согласно которому доход от преступления определяется как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий.

Иное мнение сформировал Верховный Суд РФ в Обзоре по вопросам судебной практики, возникающих при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, но применительно к административному процессу, разъяснив, что под доходом, подлежащим взысканию в федеральный бюджет с лица, чьи действия (бездействие) признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, следует понимать доход, полученный от таких противоправных действий (бездействия)⁴⁷⁹.

Между тем правильность определения состава дохода как криминообразующего признака, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23, подтверждена постановлением

⁴⁷⁷ Напр., обвинительное заключение по обвинению Багдасаряна А.Г. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174.1, ч. 1 ст. 178 УК РФ; Цатряна Р.Р. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 178 УК РФ и Макиняна А.Ю. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ // Архив СУ УМВД России по гор. Краснодару, 2021 г.

⁴⁷⁸ Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте : хорошее место для встречи // Закон. 2020. № 9. С. 147–149.

⁴⁷⁹ Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г. // http://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=10734 (дата обращения: 3.03.2019).

Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2023 г.⁴⁸⁰

В-третьих, проблема установления конкретной суммы ущерба или дохода от заключения картеля напрямую связана с разнообразием форм картельного поведения. Антимонопольным органом условно выявляются два типа картеля: 1) заключенные на торгах и реализуемые при их проведении соглашения об ограничении конкуренции ради победы одного хозяйствующего субъекта; 2) классические, заключенные на основе различного рода соглашений о совместной предпринимательской деятельности. Установить размер ущерба или дохода от сговора на торгах, как правило, не представляет большой сложности, ибо этот размер напрямую зависит от цены контракта, на что обратил внимание Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 апреля 2023 г., отметив, что доходом является цена контракта, заключаемого по результатам таких торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов, в том числе произведенных или необходимых (планируемых) в связи с исполнением этого контракта, включая расходы по уплате обязательных публично-правовых платежей.

Трудноразрешимую задачу представляет собой установление как ущерба, так и дохода от реализации картеля, заключенного в форме соглашения о совместной предпринимательской деятельности⁴⁸¹ и существующего, как правило, длительное время, в течение которого происходят события разного рода, способные повлиять на данное соглашение, а многие доказательства нарушения, зачастую, утрачиваются в силу давности.

Наличие большого количества участников антиконкурентного соглашения осложняет установление признаков преступления. Для получения объективной

⁴⁸⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 г. № 19-П по делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило // URL <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision675687.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

⁴⁸¹ Например, так называемый «минтаевый» картель (решение по делу 1 11/98-12 от 20.12.2012 г. URL: <https://fas.gov.ru/documents/417738> (дата обращения: 26.07.2019) ; картель на рынке хлора (решение по делу № 1 11/2-11 от 12.04.2011 г. URL: <https://fas.gov.ru/documents/569849> (дата обращения: 26.07.2019), картель на рынке каустической соды (решение по делу № 1 11/139-11 от 27.12.2011 г. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 26.07.2019).

оценки дохода необходимо проверить все экономические и правовые аспекты деятельности каждого хозяйствующего субъекта в течение всего периода существования картеля. Однако даже если и будет проведена соответствующая экспертиза, объективность выводов экспертов окажется под большим вопросом, так как существует множество экономических и других факторов, способных оказать существенное влияние на них.

Особо значима проблема с установлением ущерба государству. При выявлении и расследовании классического картеля (не сговора на торгах) ущерб будет выражаться в неблагоприятных для конкуренции, следовательно, и для экономики последствиях в виде ограничения конкуренции и, как следствие, спаде производства, дефиците товаров, снижении покупательской способности и т.п. Выявить конкретный размер материального ущерба всех этих последствий невозможно, поскольку, например, на спад производства или покупательскую способность могут одновременно повлиять самые разные условия экономического, политического и даже международного характера. В таких случаях можно говорить лишь о весьма приблизительном размере ущерба.

Деятельность картеля напрямую сказывается на конечных потребителях, среди которых наибольшую часть составляют обычные граждане. Ущерб, причиненный гражданам, также обозначен в качестве последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Судебная практика по поводу возмещения гражданам ущерба, причиненного антимонопольными правонарушениями, отсутствует. Анализ имевших место уголовных дел, приговоров по ст. 178 УК РФ свидетельствует о том, что ущерб, причиненный гражданам-потребителям, никогда не устанавливался. Эта же ситуация складывается и в отношении индивидуальных предпринимателей и организаций – потребителей продукции членов картеля.

В-четвертых, существующие методики оценки ущерба не дают однозначных выводов об их объективности и эффективности. Так, в основе наиболее подходящей для рассматриваемого случая Временной методики определения

размера ущерба (убытков), причиненного нарушением хозяйственных договоров⁴⁸², лежат критерии приблизительной определенности.

В-пятых, выявление картелей, а также установленный законом порядок расследования антимонопольным органом дел по этим фактам, как правило, предшествующий решению органами следствия вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 178 УК РФ, могут занять довольно продолжительный период - большинство решений антимонопольного органа обжалуется хозяйствующими субъектами в арбитражных судах всех инстанций, процессы по которым могут занять годы. К моменту решения вопроса об уголовной ответственности уже может быть мало возможностей для установления размера ущерба или дохода, если это не удалось сделать при проведении административных процедур.

Таким образом, для установления размера ущерба или дохода по уголовным делам о расследовании обычных картелей (не сговоров на торгах) требуется проведение сложной экономической экспертизы. Как показало проведенное исследование ряда материалов проверки, ни по одному из них такая экспертиза (иное экономическое исследование) не проводилась.

Из вышеизложенного следует, что в данном случае сложность доказывания признака преступления (важного критерия его криминализации) является одним из факторов для корректировки содержания уголовно-правового запрета путем исключения сложно доказываемого признака преступления.

Среди внутриотраслевых системных правил конструирования состава преступления привлекает внимание правило о согласованности конструируемого состава преступления с иными предписаниями уголовного закона, в том числе с признаками иных составов⁴⁸³. Конструирование однородных (смежных) составов в данном контексте имеет особое значение. Представляется, что такие составы

⁴⁸² Временная методика определения размера ущерба (убытков), причиненного нарушением хозяйственных договоров (приложение к Письму Госарбитража СССР от 28.12.1990 г. № С-12/НА-225) : одобрена Государственной комиссией Совета Министров СССР по экономической реформе 21.12.1990 г. СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸³ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 170–171.

должны иметь общие (или несущественно различающиеся), криминализирующие деяния признаки, в частности при экономически одинаковой природе и общественной опасности таких действий, суть которых заключается в противоправном использовании конкурентных преимуществ во вред другим хозяйствующим субъектам.

В данном контексте следует обратить внимание на конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 200⁴ УК РФ и ст. 286 УК РФ. На первый взгляд составы нельзя назвать однородными или смежными, если не обратить внимания на практику применения ст. 286 УК РФ в связи с нарушением ФЗ «О защите конкуренции», в том числе при проведении торгов. Нарушения при осуществлении закупок на этапе проведения торгов могут рассматриваться и как признаки преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, и как признаки преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, что и указывает на одинаковость механизма противодействия, но с различием в субъекте преступления. Однако состав преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, предусматривает признаки совершения деяния из корыстной заинтересованности и с причинением крупного ущерба, в то время как признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, является существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Представляется, что именно последний признак выглядит более объективным мерилom относительно общественной опасности нарушений при осуществлении закупок. Включение в состав преступления, которое посягает на систему закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в качестве криминообразующего признака причинение ущерба является принципиально неверным решением, поскольку речь идет не только об интересах участвующих в закупках хозяйствующих субъектов, но и о публичных – государственных, общественных. Учитывая подверженность такого признака периодическим изменениям, а значит декриминализации деяния в прежней редакции, предусматривающей размер ущерба в меньшем размере, каждое такое изменение фактически влечет «допущение» причинения ущерба

бюджету все в большем и большем размере. В этой связи есть основания утверждать о необходимости исключения из ст. 200⁴ УК РФ рассматриваемого признака.

Аналогичной видится ситуация и с признаком корыстной заинтересованности. Вопрос заключается в справедливости ответственности должностного лица, допустившего нарушение законодательства при осуществлении закупок, и работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в сфере закупок, допустившего такое же нарушение. Указанные субъекты обладают разным статусом и наделены различными полномочиями, однако при закупках их действия должны осуществляться в интересах заказчика, так как закупки производятся для удовлетворения публичных потребностей. Представляется, что и в этом случае речь должна идти о равных началах ответственности, признак корыстной заинтересованности деяния следует исключить из основного состава преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ.

В силу изложенного, представляется целесообразным заменить предложенные к исключению признаки совершения деяния из корыстной заинтересованности и причинение крупного ущерба на «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» аналогично ст. 286 УК РФ. Одновременно с этим следует признать, что признак корыстной или иной личной заинтересованности вполне может сопровождать нарушения в сфере закупок и иметь то же значение, что и при превышении должностных полномочий. В этой связи представляется целесообразным предусмотреть данный признак в качестве квалифицирующего в ч. 2 ст. 200⁴ УК РФ. Следует отметить, что отсутствие практики применения данной статьи является доводом к тому, что предложение о таком квалифицирующей признаке может не иметь под собой веских оснований и вытекает лишь из

вероятности таковой ситуации, как свойственной рассматриваемому преступлению.

Рассмотренное правило корреспондирует другому постулату – стремлению к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений⁴⁸⁴. Примерами несоответствия названному правилу являются составы преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180 и ст. 183 УК РФ (ст. 183 УК РФ - в части незаконного получения и использования сведений, составляющих коммерческую тайну), посягающие на экономически равноценные объекты интеллектуальной собственности. Так, несмотря на равнозначные предметы посягательств – объекты интеллектуальной собственности, описание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, более подробное, чем описание признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ; квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и ст. 180 УК РФ, не совпадают в полной мере; признаки размеров ущерба преступлений, предусмотренных ст. 146 и ст. 147 УК РФ, законодательно не определены (в ст. 180 составляет 400 тыс. руб., крупный размер в ст. 146 УК РФ установлен в размере свыше 100 тыс. рублей). Помимо этого, альтернативой ущербу в ст. 180 УК РФ названа неоднократность. Состав, предусмотренный ст. 183 УК РФ, является формальным.

Сложной видится ситуация в сравнении размеров ущерба в перечисленных составах и составах преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ (а оно представляется допустимым, потому что, как было отмечено в данном исследовании, общественная опасность картеля и недобросовестной конкуренции может быть сравнительно одинаковой, о чем свидетельствуют экономические исследования). В ч. 1 ст. 178 УК РФ размер ущерба составляет свыше 16 млн руб., в ч. 1 ст. 185³ УК РФ – 3 млн 750 тыс. руб., в ст. 185⁶ УК РФ – 5 млн 500 тыс. руб. Причем в последнем случае инсайдерская информация может иметь режим коммерческой тайны, следовательно, ее передача (ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ) по правовым последствиям может быть сопоставимой с противоправным разглашением

⁴⁸⁴ Там же. С. 202.

сведений, составляющих коммерческую тайну, которое квалифицируется по ч. 2 ст. 183 УК РФ, предусматривающей формальный состав преступления.

Данная ситуация также противоречит другому правилу – недопустимости конструирования избыточных составов преступлений, под которыми понимаются в целом излишние составы⁴⁸⁵. Так, представляются излишними составы, предусматривающие описание незаконного оборота отдельных объектов интеллектуальной собственности (ст. 146, 147, 180 УК РФ) в качестве самостоятельных составов преступлений. Если не принимать во внимание их многочисленные различные конститутивные признаки, а посмотреть на суть нарушения, то становится понятно, что запрет направлен на пресечение незаконного оборота объектов интеллектуальной собственности в виде противоправного использования исключительных прав на них, имеющего экономическую направленность, которая подтверждена как теоретически, так и практически. Вероятно, есть смысл пересмотреть подход к указанным смежным составам, объединив их признаки в одном составе и проведя, таким образом, декриминализацию тех деяний, критерии общественной опасности которых вызывают сомнение и не подтверждены практически, а также унификацию их признаков и дифференциацию ответственности, исключив то, что можно перевести в правовое поле административного или гражданского права.

В этой связи полагаем, что состав преступления, предусмотренный ст. 180 УК РФ, как единственный из рассматриваемых отнесенный к преступлениям в сфере экономической деятельности, мог бы включить признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ.

Существуют также основания задуматься о целесообразности самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за недобросовестную конкуренцию в соответствии с запретами ФЗ «О защите конкуренции», и последующей декриминализации деяний, в частности, предусмотренных ст. 180 УК РФ. В науке уголовного права встречаются

⁴⁸⁵ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 172.

исследования такого рода⁴⁸⁶. Однако любая попытка описать недобросовестную конкуренцию в уголовном законе приведет ее инициатора к проблеме перечисления форм запрещенного деяния. Применение бланкетного способа формулирования запрета не видится решением проблемы, ибо способы недобросовестной конкуренции обладают разной общественной опасностью, за совершение отдельных из них уголовная ответственность не представляется целесообразной.

Таким образом, конструирование единого специального состава недобросовестной конкуренции - задача весьма непростая и требующая внимания к ее решению.

Отмечаемая конкуренция составов преступлений, предусмотренных ст. 169, ст. 285 и 286 УК РФ, свойственная противодействию антиконкурентной деятельности органов власти, также отражает несоответствие рассматриваемому правилу конструирования составов. На практике нередки случаи квалификации одних и тех же деяний должностных лиц по ст. 169 и ст. 285 или по ст. 285 УК РФ с последующей переквалификацией на другие статьи этой же группы. С одной стороны, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности является классическим примером нарушения должностным лицом органа власти требований ст. 15 и, при наличии сговора с другим хозяйствующим субъектом, ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции». К тому же размещение ст. 169 УК РФ в гл. 22 указывает на то, что объект посягательства – это в первую очередь охраняемые отношения, основанные на свободе экономической деятельности, что объективно отражает суть данного преступления. Квалификация же по ст. 285 УК РФ в таком случае упускает из вида указанный объект посягательства либо делает его второстепенным. При этом за сговор с хозяйствующим субъектом, следствием которого явилось воспрепятствование законной предпринимательской деятельности его конкурента, а также за действия в виде злоупотребления должностными полномочиями в рамках сговора при проведении закупок должностное

⁴⁸⁶ См., напр.: Следь Ю. Г. Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции. С. 9-10.

лицо может быть привлечено к ответственности и по ст. 169 УК РФ, и по ст. 285 УК РФ. В этой связи отметим уже высказанное в рамках данной работы предложение об исключении ст. 169 из УК РФ, с одновременным установлением основания уголовной ответственности за ограничивающее конкуренцию соглашение представителя хозяйствующего субъекта с должностным лицом.

Анализируя соответствие признаков составов преступлений группе криминолого-композиционных правил, следует выделить правило, согласно которому признаки, вводимые в состав преступления, должны отражать общественную опасность запрещаемого деяния либо существенно измененный ее уровень⁴⁸⁷. Здесь вновь актуален вопрос об ущербе и доходе как криминообразующих признаках: действительно ли эти признаки отражают общественную опасность или в качестве таковых должно быть учтено что-то иное?

Так, позиция законодателя об установленных в ст. 178 УК РФ материальных последствиях картеля не находит единодушной поддержки в доктрине. Например, А.А. Чугунов полагает, что установление уголовной ответственности за совершение действий, ограничивающих конкуренцию, должно быть вне зависимости от наступления каких-либо конкретных последствий⁴⁸⁸. И.А. Клепицкий, предлагая новую редакцию ст. 178 УК РФ, формулирует признаки формального состава преступления⁴⁸⁹.

На фоне признания картелей угрозой экономической и национальной безопасности страны рассмотрение вопроса о преступных последствиях картеля, которые, с одной стороны, представляют собой презюмируемые общие негативные результаты такой антиконкурентной деятельности хозяйствующих субъектов на товарном рынке в связи с ограничением конкуренции, с другой – являются подлежащими обязательному установлению криминообразующими признаками, неизбежно поднимает проблему соотношения этих двух явлений, их

⁴⁸⁷ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 188.

⁴⁸⁸ Чугунов А. А. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности. С. 148.

⁴⁸⁹ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях : основные тенденции развития. С. 268.

объективности и достаточности для привлечения виновных к уголовной ответственности.

Российские экономисты, критикуя отсутствие в отечественной практике взвешенного подхода к анализу состояния товарного рынка, на котором выявлен картель, на основе изучения европейского и американского опыта отмечают, что не всегда картель действительно влечет для конкуренции какие-либо вредные последствия⁴⁹⁰, хотя суть монополистической деятельности заключается именно в ограничении конкуренции, что и признается негативным фактором картеля.

Представляется, что для решения вопроса об уголовной ответственности за картель принципиально важной видится оценка конкурентной среды, всех последствий такого соглашения для товарного рынка и экономики⁴⁹¹. Данный вывод находит подтверждение в анализе антимонопольной и арбитражной практике за период 2009–2019 гг. Так, при изучении 250 решений ФАС, вынесенных в связи с выявлением картелей, установлено, что антимонопольный орган проводит экономический анализ состояния товарного рынка, не исследуя его на предмет ограничения конкуренции или каких-либо вредных последствий для нее, констатируя лишь факт наличия или отсутствия конкурентных отношений между участниками картеля. Такой порядок определен специальными правилами, предусмотренными приказом ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»⁴⁹². Однако именно отсутствие подробной оценки ситуации на товарном рынке является частым основанием для отмены решений антимонопольного органа и проигрыша его позиции в судах⁴⁹³.

⁴⁹⁰ Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте : хорошее место для встречи. С. 144–146; Авдашева С. Б., Макаров А. В. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 51–71.

⁴⁹¹ Денисова А. В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции». С. 26–32.

⁴⁹² Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ ФАС от 28.04.2010 г. № 220 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

⁴⁹³ Авдашева С. Б., Макаров А. В. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений : решения арбитражных судов. С. 61.

В этом случае установленные антимонопольным органом последствия ограничения конкуренции на товарном рынке могли бы стать тем индикатором, на который и нужно ориентироваться при решении вопроса об ответственности за картель. Однако признаки ограничения конкуренции лишь частично раскрываются в законе и в полной мере неспособны отразить все вредные последствия для конкуренции и экономики. По данному поводу следует отметить позицию И.В. Бацина, который, критически восприняв исключение из описания преступления недопущение и устранение конкуренции, указал на разный характер ограничения и устранения конкуренции, в частности на то, что итогом устранения конкуренции может быть абсолютная монополия одного хозяйствующего субъекта⁴⁹⁴. И.А. Клепицкий также в своем исследовании при формулировании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, отмечает признаки ограничения конкуренции, но в качестве цели совершения преступления⁴⁹⁵.

Из вышеизложенного следует, что усматривается необходимость пересмотра подхода к противоправности и криминализации картеля. При этом возврат конструкции «недопущение, ограничение или устранение конкуренции» не представляется решением проблемы⁴⁹⁶.

В этой связи интерес вызывает исследование А.Н. Варламовой, которая предложила новый для действующего законодательства термин «вред конкуренции», под которым автор предлагает понимать любые неблагоприятные изменения конкурентной среды, в частности уменьшение количества конкурентов, ограничение самостоятельности их действий, ухудшение качественных характеристик конкурентной борьбы (отсутствие необходимости понижать цены, улучшать качество продукции), невозможность или затруднительность использования надлежащих (законных) методов конкурентной борьбы, отсутствие преимуществ у субъектов, использующих надлежащие методы конкурентной

⁴⁹⁴ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны : теоретико-прикладное исследование. С. 105, 115.

⁴⁹⁵ Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях : основные тенденции развития. С. 268.

⁴⁹⁶ Широков В. А., Денисова А. В. Спорные вопросы новой редакции ст. 178 УК РФ // Уголовное право. 2010. № 1. С. 60–61.

борьбы⁴⁹⁷. Вредом конкуренции от картелей следует признать банкротство организаций, отсутствие или дефицит товаров в стратегически важных для государства сферах, рост цен на товары потребительского назначения. Вред конкуренции, как таковой, должен определяться исключительно антимонопольным органом с учетом подробного экономического анализа состояния рынка.

Таким образом, в свете признания картелей одной из основных угроз экономике страны, ее национальной безопасности представляется верным установить уголовную ответственность за картели безотносительно к конкретным вредным последствиям. В то же время выявление и расследование антимонопольным органом картелей должно сопровождаться оценкой того вреда, который картель нанес экономике страны в целом или отдельному товарному рынку. Последний тезис – актуальная тенденция, прослеживаемая как в мировой практике, так и отечественном правоприменении, должна найти отражение и в отечественном законодательстве в целях, с одной стороны, справедливости привлечения к ответственности, с другой – нивелирования резонанса, который возникает в бизнес-сообществе в связи с теми или иными реформами антимонопольного законодательства и, как следствие, правовой политики в сфере охраны конкуренции.

Из вышеизложенного следует, что только установленный антимонопольным органом вред конкуренции можно признать в качестве основания правовой ответственности виновных в заключении и реализации антиконкурентного соглашения. На этом принципе должен быть основан подход к любому виду ответственности за картель. Обоснование приведенного тезиса изложено также в разделе «Средства дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию».

Показательны также рассуждения о криминообразующих критериях сговора на торгах, который, согласно законодательству, является видом картеля, но обладает рядом признаков, характеризующих его как самостоятельное нарушение.

⁴⁹⁷ Варламова А. Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках. С. 15.

Во-первых, торги проводятся в связи с необходимостью осуществления закупки для удовлетворения государственных или муниципальных нужд в порядке, определенном Законом о контрактной системе. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 93 названного закона, осуществление закупки товара, работы или услуги на сумму, не превышающую 600 тыс. руб., возможно у единственного поставщика, то есть без проведения торгов, а значит, и без рисков вступления в сговор их участниками. Следовательно, добровольность в решении вопроса о проведении или непроведении торгов лишает смысла конкурировать на них, ибо заказчик может договориться с любым лицом, чье предложение ему покажется интересным. Значит, можно говорить об уголовной ответственности на торгах лишь в случае их обязательного проведения⁴⁹⁸.

Во-вторых, как известно, важной чертой торгов является заключение по результатам их проведения договоров, целью которых служит удовлетворение государственных или муниципальных нужд на крупные денежные суммы. Соответственно при выявлении сговора на торгах, как правило, всегда имеют место крупный ущерб или извлечение дохода в крупном размере. Но размер ущерба и дохода как криминообразующий признак деяния подвержен периодическим изменениям, вследствие чего деяние, предусмотренное ст. 178 УК РФ, также периодически декриминализуется. Отсюда неясно, какова достаточность для криминализации такого размера в конечном счете и является ли вопрос о ней уместным, так как речь всегда идет о бюджетных средствах.

В-третьих, сговоры на торгах – именно тот опасный тип антиконкурентного соглашения, который признан угрозой экономической безопасности и характеризуется, помимо огромного ущерба бюджету, высокой латентностью. Сговоры на торгах – это своеобразная форма мошенничества, связанная с обманом собственника имущества. То есть характер сговора на торгах сам по себе представляет достаточную для криминализации высокую степень общественной

⁴⁹⁸ Именно такой вариант криминализации сговора на торгах предложен в законопроекте № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 20.10.2021).

опасности, отражающую криминальный тип поведения. Зачастую сговоры между хозяйствующими субъектами носят долгосрочный характер, будучи направленными на несколько торгов, как правило, в одной сфере экономики. Хозяйствующие субъекты разрабатывают и реализуют стратегию поведения по системной и постоянной деятельности на торгах⁴⁹⁹. Таким образом, общественная опасность сговора на торгах выражается в криминальном типе поведения, связанном с обманом заказчика (собственника имущества) или организатора торгов, что и должно выходить на первый план.

В-четвертых, необходимо учитывать, что рынок обращения товаров, являющихся предметом торгов, в основном имеет стратегическое значение для государства, напрямую затрагивая сферы обороны, безопасности, медицины, фармацевтики, ЖКХ и т.д., что, безусловно, повышает уровень общественной опасности сговора на торгах, проводимого в целях приобретения таких товаров в интересах государства.

Представляется, что признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, не отражают уровня общественной опасности картелей, особенно сговоров на торгах. К слову, многие иностранные законы, не устанавливая уголовную ответственность за классические картели, предусматривают ее именно за сговоры на торгах безотносительно к последствиям.

Не отражают общественную опасность и признаки объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и 180 УК РФ, в частности, тот же признак причинения крупного ущерба или совершение преступления в крупном размере, точнее, указанные в законе способы их определения. Наличие данных признаков в описании преступлений, совершаемых в сфере оборота интеллектуальной собственности, видимо, должно предполагать соответствие уголовно-правовых критериев защиты объектов интеллектуальной собственности

⁴⁹⁹ Франскевич О. П. Сговоры на торгах как форма монополистической деятельности // Картели и иные антиконкурентные соглашения : проблемы предупреждения, пресечения и ответственности : сб. науч. статей и тезисов / под общ. ред. И. Ю. Артемьева, А. Г. Лисицына-Светланова. М. : Научный Совет РАН по проблемам защиты конкуренции; Федеральная антимонопольная служба, 2017. С. 69.

международным соглашениям, участницей которых является Российская Федерация. На первый взгляд, это так и выглядит. Согласно ст. 61 разд. 5 «Уголовные процедуры» Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, заключенного в рамках ВТО, страны-участницы названного Соглашения «предусматривают уголовные процедуры и штрафы, которые применяются, по крайней мере, в случаях умышленного неправомерного использования товарных знаков или нарушения авторского права, совершенных в коммерческих масштабах... Члены могут предусмотреть уголовные процедуры и наказания с целью применения в других случаях нарушений прав интеллектуальной собственности, в частности, когда они совершены умышленно и в коммерческих масштабах».

Однако если учесть, что представляет собой крупный ущерб, крупный размер, согласно примечанию к ст. 146 УК РФ, проанализировать на этот счет правоприменение, то неизбежно следует вывод о том, что рассматривать их как соотносящиеся с коммерческим масштабом явления нельзя. Показательна в этом смысле практика по ст. 146 УК РФ: в большинстве случаев возбуждение уголовных дел было обосновано наличием признака совершения деяния в крупном и особо крупном размере, суть которого определялась через причиненный правообладателю ущерб. При этом типичными нарушениями признавались бытовые случаи приобретения или продажи контрафактных экземпляров лицами, не являющимися хозяйствующими субъектами, а сам ущерб объяснялся высокой стоимостью исключительного права на объект авторских прав, которая и лежала в основе определения крупного размера, согласно примечанию к статье и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ в постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» № 14 от 26 апреля 2007 г.⁵⁰⁰ (далее – постановление Пленума

⁵⁰⁰ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 // Российская газета. 2007, № 4358.

Верховного Суда РФ № 14). Так, обвиняемый по одному из эпизодов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ, Г. приобрел в целях сбыта путем копирования из сети Интернет на свой компьютер контрафактный экземпляр произведения – нелицензионное программное обеспечение, авторские права на которое принадлежат ООО «А-С», программный продукт с конфигурациями «машиностроение, строительство, приборостроение» – и в целях сбыта записал данное контрафактное программное обеспечение на оптический диск формата DVD+R, а затем сбыв (после размещения соответствующего объявления в сети Интернет) вышеуказанный контрафактный экземпляр произведения, реализовав оптический диск с записанной на него контрафактной программой К., получив от него в качестве вознаграждения 300 рублей. Стоимость лицензионной программы составляет 608 300 рублей. Суд указал в приговоре, что таким образом Г. нарушил авторские права правообладателя на сумму 608 300 руб., что превышает 100 000 руб. и является крупным размером⁵⁰¹.

Подобные деяния являются типичными и самыми распространенными основаниями возбуждения уголовных дел по ст. 146 УК РФ. В этой связи невозможно согласиться в полной мере с мнением В.Л. Кудрявцева, который полагает, что о коммерческом масштабе можно говорить, начиная с причинения «крупного ущерба» и далее – «крупного размера» и «особо крупного размера», указание на которые содержатся в основных составах преступлений⁵⁰².

Установленный в примечании к ст. 146 УК РФ порядок определения крупного размера представляет собой другую проблему рассматриваемого правила – его нельзя назвать корректным, так как розничная стоимость оригинального (лицензионного) экземпляра произведения или фонограммы и стоимость права на него – это разные и несопоставимые явления, что и демонстрирует

⁵⁰¹ Приговор Сортавальского городского суда Республики Карелия 1-108/2015 от 30.12.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xHGWzcsrC9bG/> (дата обращения: 10.04.2019).

⁵⁰² Кудрявцев В. Л. Преступления против интеллектуальной собственности : некоторые проблемы объединения и совершенствования // Преступления против интеллектуальной собственности : материалы Международ. науч.-практич. конф. (19–20 мая 2011 г.). Н. Новгород : Нижегородский филиал НИУ – Высшей школы экономики, 2011 [Электронный ресурс] // <https://www.iuaj.net/node/735> (дата обращения: 28.09.2020). Похожее мнение высказано и Т. Г. Лепиной (см.: Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности. С. 23).

вышеприведенный пример, который весьма показательно характеризует сложившуюся практику.

Таким образом, анализ приговоров, состоявшихся по ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ, не позволяет говорить о крупном и особо крупном размере как о признаках коммерческого масштаба незаконного использования объектов авторских и смежных прав.

Особо рассматриваемая проблема выглядит при незаконном использовании объектов авторских и смежных прав в сети Интернет. Так, в доктрине отмечается, что размещенные в сети Интернет произведения нельзя пересчитать на экземпляры, определить их стоимость довольно сложно⁵⁰³.

При анализе практики вынесения приговоров по ст. 146 и 147 УК РФ возникает еще один вопрос: действительно ли ущерб от незаконного использования объектов авторских, смежных и патентных прав или крупный (особо крупный) размер преступления должен быть связан только с нарушением исключительных прав конкретного лица, если речь идет о недобросовестной конкуренции? Например, судьи в приговорах по делам, возбужденным по признакам ст. 146 УК РФ, отмечают следующие вредные последствия недобросовестной конкуренции: подрыв рынка; потеря потребительского спроса, введение потребителя в заблуждение относительно реального качества продукции, установление нарушителем демпинговых цен, влекущих выход из-под контроля ценовой политики правообладателей и недополучение денежных средств, на которые правообладатель мог рассчитывать при нормальном обороте законной продукции⁵⁰⁴, уменьшение рынка сбыта легальной продукции, вред деловой репутации правообладателей⁵⁰⁵. Налицо констатация судебным актом факта

⁵⁰³ Корнева Л. А. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия нарушениям имущественных авторских и смежных прав в Интернете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁵⁰⁴ Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области № 1-880/2015 от 27.11.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/AQnGfiOnbpdo/> (дата обращения: 14.06.2020).

⁵⁰⁵ Приговор Первомайского районного суда г. Омска № 1-332/2018 от 17.07.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Yox2flhHsNJh/> (дата обращения: 14.06.2020).

вредных последствий как для товарного рынка и конкуренции на нем в целом, так и для иных охраняемых интересов правообладателя в частности⁵⁰⁶.

Для установления размера крупного ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 147 УК РФ, в его отсутствие в правовой норме, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 14 рекомендовал исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации). Таким образом, в каждом случае имеет место субъективная оценка правоприменителем крупного размера причиненного ущерба. Как показывает анализ приговоров, состоявшихся по ст. 147 УК РФ, каждый раз суд может применять разный подход к оценке причиненного ущерба и не всегда его размер удастся установить в судебном заседании, что является основанием для прекращения дела в связи с отсутствием состава преступления и постановления оправдательного приговора⁵⁰⁷.

Отсутствие четких правил определения размера ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 147 УК РФ, приводит к противоречивым судебным решениям по уголовным делам. Так, в одном из дел суд признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, а значит, установленным факт причинения крупного ущерба, но гражданские иски потерпевших о возмещении причиненного преступлением ущерба оставил без рассмотрения, мотивировав тем, что не представлены подлинные документы, не в полном объеме представлены доказательства причиненного ущерба, в связи с чем необходимо провести дополнительные расчеты, подтверждающие сумму ущерба⁵⁰⁸.

⁵⁰⁶ Даниловская А. В.

⁵⁰⁷ См., напр.: приговор Заводского районного суда г. Кемерово № 1-33/2018 1-6/2019 1-789/2017 от 09.04.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vteheejrSn60> (дата обращения: 28.04.2020).

⁵⁰⁸ См.: приговор Морозовского районного суда Ростовской области № 1-215/2012 1-22\2013 1-22/2013(1-215/2012;) 1-22/2013 от 18.12.2013 г. URL: <https://stgkrf.ru/prigovor-1-2152012-ot-18-12-2013-morozovskogo-rajonno-go-suda-rostovskaya-oblast> (дата обращения: 16.06.2020).

Исследования в области применения ст. 146 и 147 УК РФ указывают и на иные проблемы, связанные с рассматриваемым признаком, в частности, из-за сложности определения момента окончания преступлений, предлагая в одних случаях сделать составы формальными⁵⁰⁹, в других – уточнить понятие крупного ущерба либо предусмотреть крупный⁵¹⁰ или особо крупный размер, уточнив их параметры и порядок определения⁵¹¹.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, связана с признаком неоднократности и причинением крупного ущерба. В этих же признаках заключается и одна из проблем объективной оценки ее уровня из-за сложности понимания неоднократности и причиненного преступлением ущерба.

Несмотря на то, что признак неоднократности определяется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 14, исследователи и правоприменители понимают его весьма разнообразно. Так, неоднократностью считается: два или более факта незаконного использования товарного знака или других средств индивидуализации товаров и услуг⁵¹²; совокупность эпизодов, каждый из которых, если деяние не причинило крупный ущерб, может являться как гражданским, так и административным правонарушением⁵¹³; привлечения лица ранее к административной ответственности за незаконное использование чужого товарного знака⁵¹⁴. Как отмечает В.А. Сизов, формулировка неоднократности,

⁵⁰⁹ Скребец Д. Д. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 11; Молчанов Д. В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2009. С. 9.

⁵¹⁰ Притулин Р. В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : проблемы теории и практики. С. 10.

⁵¹¹ Кузьмина И. К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9.

⁵¹² Никитина Л. К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 18.

⁵¹³ Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2014. С. 24–25.

⁵¹⁴ Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края № 1-99/2016 от 01.06.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JkRRkW2y4nHW/> (дата обращения: 24.10.2019); приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области № 10-9/2013 10-9/2014 от 03.03.2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7Wx3tgEzV4WW/> (дата обращения: 25.10.2019).

предложенная Пленумом, не позволяет отличить административное правонарушение от уголовно наказуемого деяния⁵¹⁵.

Из вышеизложенного следует, что признак неоднократности порождает неустойчивую практику и несправедливый подход к уголовной ответственности, которой предшествует, по сути, административная преюдиция.

Ситуация с установлением крупного ущерба незаконного использования чужого товарного знака, размер которого определен в примечании к ст. 180 УК РФ и составляет 400 тыс. руб. (до 06.04.2024 г. – 250 тыс. руб.), на практике также приводит к сомнительным ситуациям. Правоприменители применяют разные подходы, которые можно разделить на следующие виды, когда за основу взяты: 1) стоимость контрафактного изделия; 2) стоимость оригинального экземпляра; 3) стоимость исключительного права на товарный знак. Все три подхода дают различные размеры ущерба. При этом непонятно, как можно приравнять затраты виновного лица на производство контрафактного товара к ущербу, причиненному правообладателю, а также учитывать для определения размера ущерба стоимость исключительного права и оригинального экземпляра товара, что уже было отмечено применительно к ст. 146 УК РФ.

При анализе приговоров по преступлениям, предусмотренным ст. 180 УК РФ, было установлено, что в отдельных случаях сумму ущерба правообладателю составила сумма реального ущерба и определенный им размер ущерба деловой репутации в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. Так, И., управляющий магазином, и М., продавец магазина, осуществляя деятельность по розничной торговле одежды и обуви, незаконно использовали чужой товарный знак путем реализации контрафактной продукции под видом оригинальной продукции компании «Найк Интернешнл Лтд», которой был причинен ущерб на сумму 55 440 руб., включая ущерб деловой репутации данной

⁵¹⁵ Сизов В. А. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2017. № 1 (41). С. 44.

компаний⁵¹⁶. То есть сумма ущерба деловой репутации была включена в сумму основного ущерба от использования товарного знака как криминообразующего признака.

Таким образом, в одних случаях размер ущерба был связан с оценкой как реального ущерба, так и упущенной выгоды, в других – только реального ущерба, что вновь свидетельствует об отсутствии единого подхода к оценке возникшего вреда, а также о том, что возможны ситуации избежания виновными уголовной ответственности в связи с тем, что определенная потерпевшим сумма ущерба «не уложилась» в признак преступления из-за невключения в этот расчет вреда деловой репутации.

Решение проблем видится в замене признаков крупного ущерба, особо крупного ущерба, особо крупного размера, а также неоднократности в описании преступлений с использованием объектов интеллектуальной собственности на иной криминообразующий признак, объективно отражающий общественную опасность этих деяний.

При разрешении такой весьма спорной и противоречивой ситуации следует учитывать, что незаконный оборот объектов интеллектуальной собственности может быть как в сфере предпринимательской деятельности, так и осуществляться лицами, не имеющими статуса субъекта предпринимательской деятельности. И первое, и второе – опасные явления для экономики. Поэтому нужны разные подходы к криминализации таких деяний. Представляется, что в обоих случаях следует ориентироваться на масштабность деятельности как определяющей массовость производства, количество произведенных или проданных контрафактных экземпляров, возможно, территориальную распространенность деятельности. Так, в одном из приговоров по делам, возбужденным по ст. 180 УК РФ, судьей при описании незаконного производства контрафактных табачных изделий был использован термин «промышленный масштаб»⁵¹⁷.

⁵¹⁶ Приговор Волоколамского городского суда Московской области № 1-26/2014 от 17.02.2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mh8689Ygi3Hn/> (дата обращения: 12.05.2019).

⁵¹⁷ Приговор Солнечногорского городского суда Московской области № 1-224/2016 от 25.07.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/p0ZwocQKZtJq/> (дата обращения: 13.04.2019).

Представляется, что таким мог бы стать схожий признак, отмеченный в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, заключенного в рамках ВТО, а именно – «в коммерческих масштабах». Обоснование данного предложения, с точки зрения возможности использовать его в качестве признака объективной стороны преступления, акцентирующего внимание на масштабности противоправного поведения, видится в следующем. Для понимания того, какие критерии нужно использовать для описания преступления, совершаемого с использованием объектов интеллектуальной собственности, следует ориентироваться исключительно на характер деятельности, т.е. производство и реализацию контрафактной продукции. Во-первых, это дает возможность не определять размер причиненного правообладателю ущерба, используя сомнительные методики, каждый раз «привязываясь» к его размерам в виде конкретных цифр и иных экономических показателей, подверженных инфляции. Надо учитывать и то, что не во всех случаях незаконного использования объектов интеллектуальной собственности правообладателям причиняется ущерб. Поэтому, во-вторых, уголовно-правовой запрет должен акцентироваться на запрете оборота контрафактной продукции безотносительно к ущербу правообладателю, чем будет дана категоричная отрицательная оценка незаконному использованию чужих объектов интеллектуальной собственности. В-третьих, следует дифференцировать ответственность за единичные деяния, не обладающие высоким уровнем общественной опасности по признаку субъекта преступления и того потенциального вреда, который он может причинить, совершая такие действия систематически, на постоянной основе или в большом количестве. Следовательно, значение имеют возможности субъекта, связанные с его деятельностью, включая профессиональную, в том числе предпринимательскую и иную, приносящую ему доход.

«Коммерческий масштаб», как термин, предполагает количественную и качественную характеристики. Количественные характеристики означают объективные физические признаки, например, массовость, распространенность;

качественные связаны с практическими свойствами явления, которое в данном случае обусловлено термином «коммерческий», то есть «направленный на извлечение прибыли» в силу востребованности. Коммерческий масштаб может быть сравним с крупным размером, но в отличие от последнего более точно характеризует качественные признаки явления.

Применительно к задачам уголовного права критериями коммерческого масштаба незаконного оборота объектов интеллектуальной собственности могут быть: а) производство контрафактной продукции, основанное на механизации и автоматизации процесса и ориентированное на массовое изготовление контрафактных товаров и реализацию таких товаров; б) реализация товаров, изготовленных таким путем, направленная на систематическое получение прибыли. При этом под массовым изготовлением, массовой реализацией предлагается понимать изготовление или реализацию товара для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

Учет данного предложения приведет к декриминализации абсолютно бытовых случаев нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности, которые являются преобладающими в практике, и сконцентрирует внимание правоохранительных органов на выявлении действительно опасных нарушений. Признак совершения деяния в коммерческом масштабе был бы уместен при квалификации незаконного использования объектов интеллектуальной собственности лицами, не являющимися субъектами предпринимательской деятельности, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 146 и 180 УК РФ. Именно такие преступления чаще всего выявляются в практике правоохранительных органов.

В то же время преступления с незаконным оборотом объектов интеллектуальной собственности, совершенные в предпринимательской деятельности, всегда имеют антиконкурентную направленность, так как таким образом появляются конкурентные преимущества, позволяющие извлекать прибыль. Повышение уровня общественной опасности таких противоправных деяний может быть отражено через признак цели недобросовестной конкуренции,

которая заключается в обозначенном получении преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности посредством незаконного использования чужих объектов интеллектуальной собственности в коммерческом масштабе. Использование признака «коммерческий масштаб» при описании уголовно наказуемой недобросовестной конкуренции необходимо в целях дифференциации ответственности, ибо КоАП содержит состав административного правонарушения «Недобросовестная конкуренция».

Таким образом, признак коммерческого масштаба целесообразно предусмотреть в качестве признака основного состава преступления, а признак «в целях недобросовестной конкуренции» - признака специального состава.

Признак «в целях недобросовестной конкуренции» необходимым и для уголовно-правовой характеристики манипулирования рынком и противоправного использования инсайдерской информации как антиконкурентных деяний, отличных от совершаемых лицами, не являющимися субъектами недобросовестной конкуренции и относящихся к категории общего субъекта. Недобросовестная деятельность граждан также представляет опасность для конкуренции на товарном рынке и наравне с осуществляемой противоправно профессиональной деятельностью запрещена Законом о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, но именно деятельность последних запрещена также и ФЗ «О защите конкуренции»⁵¹⁸.

Криминообразующим признаком незаконного использования (в том числе распространения) объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет следует признать, помимо самого незаконного использования, факт их распространения в сети Интернет с целью незаконного получения дохода, ибо такое распространение предопределено популярностью, а значит, массовостью потребления предлагаемых в сети Интернет товаров и услуг, доступностью объектов, размещенных в цифровом пространстве, наличием широких технических возможностей их получения

⁵¹⁸ Даниловская А. В. Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение // Юридические исследования. 2024. № 4. С. 23-48 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70454 (дата обращения: 16.04.2024).

(потребления), что охватывается умыслом виновного лица. В этой связи следует констатировать, что незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет повышает уровень общественной опасности деяния именно из-за простоты их потребления посредством виртуального, а не реального взаимодействия субъектов, и возможности распространить контрафактный товар быстро и в неограниченном количестве. Следовательно, признак незаконного использования объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет мог бы стать сам по себе квалифицирующим признаком, в частности, в отношении незаконного распространения объектов интеллектуальной собственности⁵¹⁹.

Из вышеизложенного нетрудно заметить, что основные несовершенства составов преступлений связаны с необходимостью определить признаки, отражающие характер и степень общественной опасности деяний, в большей мере – с формулированием материальных составов преступлений. Вредные последствия, в частности, в виде причиненного ущерба (крупного, особо крупного ущерба), либо извлечения преступного дохода (в крупном, особо крупном) размере в определенных законодателем денежных суммах, установленные в качестве признаков объективной стороны преступления, должны указывать на повышенную опасность деяния в целях обоснования его криминализации. Но цель эта не всегда достижима, о чем свидетельствует анализ правоприменения.

Недостатки существующего в уголовном законе подхода заключаются, во-первых, в весьма разных суммах и размерах, характеризующих эти признаки, порой несопоставимых с аналогичными признаками других преступлений одной группы, одного вида или рода, например, размеры крупного и особо крупного ущерба (дохода) преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, в 27 раз превышают минимальные значения, установленные гл. 22 УК РФ для иных преступлений в

⁵¹⁹ Даниловская А. В. Совершение антиконкурентных преступлений в сети Интернет: вопросы квалификации // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. VII Тихоокеанский юридический форум, 13–15 октября 2023 г. : материалы / сост. В.В. Гаврилов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. С. 248-251.

сфере экономической деятельности⁵²⁰. Во-вторых, в официальном описании или толковании того, как следует исчислять тот или иной размер, что уже было отмечено в рамках настоящего исследования.

К данному вопросу непосредственно примыкает дискуссия об оценочных критериях материальных последствий преступлений в сфере экономической деятельности, которая имеет давнюю историю⁵²¹, но каждое предложение понимания крупного (особо крупного) ущерба, имеющее привязку к конкретным цифрам, минимальному размеру оплаты труда, прожиточному минимуму, подверженным влиянию инфляции, обречена на продолжение этой дискуссии. Отсутствие должного внимания со стороны государства к соответствию установленных ранее размеров ущербов, доходов уровню инфляции приводит к их несвоевременному изменению и, как следствие, к вопросу об объективности реализации принципа справедливости в правоприменении. Так, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым в очередной раз предлагается повысить размер крупного и особо крупного ущерба и дохода по отдельным преступлениям в сфере экономической деятельности, отмечено, что индексация сумм по статьям 178 и 180 УК РФ проводилась в 2015 г. и на 2022 г. составила 62%, что значительно понизило степень общественной опасности этих преступлений в сравнении с более ранними годами⁵²².

⁵²⁰ Жабагинов Р. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции : автореф дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10.

⁵²¹ Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности. С. 328–360; Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. С. 16; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности : понятие, система, проблемы квалификации и наказания. С. 22–23; Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности : проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 222–253; Яковлев А. М. Библия свободной экономики // Закон. 2000. № 4. С. 122; Демьяненко Е. В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 9.

⁵²² Законопроект № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8#bh_note (дата обращения: 01.08.2023).

Таким образом, общественная опасность антиконкурентных деяний бесспорна, но конституирующие признаки, отражающие этот факт, должны быть иными. В этой связи следует сделать следующие выводы как о необходимости формализации составов антиконкурентных преступлений, так и о предложении иных криминообразующих признаков:

1) антиконкурентные соглашения являются опасными в силу существенного негативного влияния на экономику и общественное благосостояние, подрывающего национальную и экономическую безопасность страны. Вредные последствия такого влияния плохо поддаются исчислению, а порой и невозможны, но вероятно выявление более абстрактного вреда, возникающего в экономике в целом или на конкретном товарном рынке. Отдельные виды антиконкурентных соглашений посягают на несколько охраняемых объектов, следовательно, их общественная опасность еще выше;

2) сговоры на торгах представляют собой самостоятельный вид антиконкурентного соглашения, который характеризуется способом в виде обмана заказчика (организатора торгов) и (или) собственника имущества, следовательно, повышенная общественная опасность в таком сговоре, во-первых, характеризуется способом совершения преступления, аналогичного мошенничеству, во-вторых, заключается в посягательстве на государственные, включая общественные, интересы, связанные с удовлетворением посредством торгов публичных нужд, в том числе в стратегически важных сферах;

3) недобросовестная конкуренция с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности причиняет вред добросовестной конкуренции и посягает на установленный законом оборот охраняемых объектов, составляющие конкурентное преимущество лица в предпринимательской деятельности, в силу чего обладает повышенной общественной опасностью из-за многообъектности посягательства, поэтому уголовная ответственность должна наступать безотносительно к конкретным вредным материальным последствиям, которые наступили у хозяйствующих субъектов;

4) критерием, обосновывающим криминализацию деяний, составляющих недобросовестную конкуренцию, может быть признак «деяние, совершенное в целях недобросовестной конкуренции». Признак «в коммерческом масштабе» для криминализации недобросовестной конкуренции с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности необходим в целях отграничения от административной ответственности.

Показателен здесь и результат опроса сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов. На вопрос «Полагаете ли Вы, что к уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства следует привлекать лишь в случаях причинения антиконкурентными действиями ущерба другим лицам или извлечения дохода от такой деятельности?» большинство ответили отрицательно - 54,6 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 38,2 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов (31,8 % высказались положительно). При этом сотрудники правоохранительных органов дали и иные ответы: 6,4 % - признак ущерба или извлечения дохода должен быть криминообразующим только в отношении картелей; 13,6 % - только за картель уголовная ответственность должна наступать безотносительно к последствиям; 24,5 % - ущерб должен быть криминообразующим признаком в отношении недобросовестной конкуренции; 18,2 % - уголовная ответственность за все нарушения антимонопольного закона должна наступать не за причиненный ущерб или извлеченный доход, а за ограничение конкуренции на рынке определенного товара (Приложение 8).

Возникающую при формализации составов преступлений рассматриваемой группы конкуренцию с составами административных правонарушений следует преодолевать за счет субъекта ответственности – субъектом административной ответственности являться будет только организация, субъектом уголовной – физическое лицо, обладающее признаками специального субъекта.

Еще одни правила, важность которых при построении составов преступлений не вызывает сомнений, а их значимость для понимания общего смысла уголовно-правового запрета и правоприменения невозможно переоценить, - правила логики.

Правила логики необходимо учитывать при формулировании всех признаков основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, их связей между собой, санкций, примечаний и т.д. Нарушение правил логики при построении составов антиконкурентных преступлений обнаруживается нередко. Некоторые из них уже были отмечены в данной работе, например, абсолютно нелогичное предложение законодателя определять совершение деяний в крупных и особо крупных размерах на основе совершенно разных по своей природе и стоимости исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности и экземпляров произведений или фонограмм (примечание к ст. 146 УК РФ).

Примером несоответствия правилам логики, в частности требованию непротиворечивости, является существующий в диспозициях ст. 185³ и 185⁶ УК РФ признак «избежание убытков». Официальное понимание избежания убытков приведено в примечании к ст. 185³ УК РФ, согласно которому ими признаются убытки, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком. Основное противоречие в том, что вообще-то избежание убытков – нормальное желание, стремление любого лица, тем более в сфере экономической деятельности. Привлекать к уголовной ответственности лицо лишь за то, что оно избежало убытки путем совершения хоть и незаконных действий, но без каких-либо вредных последствий, возникших параллельно у иных лиц, указанных в уголовном законе в качестве криминообразующих признаков, вызывает сомнение не только в целесообразности, но и адекватности такой меры, а также восприятия ее как критерия криминализации. Представляется, что в такой ситуации может идти речь о действиях в состоянии крайней необходимости, что исключает уголовную ответственность⁵²³.

⁵²³ Даниловская А. В. Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение // Юридические исследования. 2024. № 4. С. 23-48 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70454 (дата обращения: 16.04.2024).

Существенно усложняют правоприменение нарушения языковых правил. Среди таких правил особого внимания требуют правила употребления терминологии, сочетания казуистического и абстрактного приемов, формального и оценочного приемов, точности и ясности уголовного закона⁵²⁴.

Правило употребления терминологии применительно к рассматриваемой группе преступлений в первую очередь связано с использованием в уголовно-правовых нормах специальных терминов, описание которых дано в ФЗ «О защите конкуренции», Гражданском кодексе РФ (ч. 4 в особенности), Законе о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, ФЗ «О коммерческой тайне» и др.

Достичь соблюдения правил использования специальной терминологии в УК РФ достаточно проблематично, ибо при этом законодатель может столкнуться с другой проблемой: изложить признак преступления, включающий специальный термин, недостаточно точно. Именно такая ситуация возникла с описанием картеля в 178 УК РФ. В данном случае имело место еще и несоблюдение принципа единства при использовании термина. В итоге термин описан иначе, чем в ФЗ «О защите конкуренции», при этом приобщение к нему других терминов из названного Закона – «ограничение конкуренции», «ограничивающее конкуренцию соглашение» – усугубило ситуацию и привело к затруднениям в применении данной статьи на практике, обусловленным вопросом: нужно ли устанавливать конкретные признаки ограничения конкуренции или ограничение конкуренции – это название преступления? Между тем ограничение конкуренции не является криминообразующим признаком, в силу презумпции запрета картеля не подлежит установлению ни в рамках административного производства, ни в уголовном процессе, так как достаточно лишь установления факта антиконкурентного соглашения, то есть соглашения, отвечающего признакам картеля в ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции».

Существует вопрос о единообразном понимании термина «злоупотребление» в случаях, предусмотренных ст. 200⁴ УК РФ и ст. 285 УК РФ. Данный термин

⁵²⁴ Иванчин А. В. Указ. соч. С. 331–353.

трактуются в указанных статьях абсолютно по-разному – в ст. 200⁴ УК РФ злоупотребление представлено в виде нарушения законодательства, в ст. 285 УК РФ – как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, не предполагающим нарушения закона. Очевидно, что природа злоупотребления, квалифицируемого по ст. 200⁴ УК РФ, совсем иная и соответствует скорее превышению должностных полномочий. В этой связи, в целях избежания возникшего противоречия, представляется правильным заменить в названии преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, слово «злоупотребление» на «нарушение».

Отдельными исследователями проблем конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, отмечаются недостатки формулирования и использования в ней тех или иных терминов. Так, В.В. Артемов предлагает в названии ст. 183 УК РФ термин «получение» заменить на «собираение», поскольку они имеют разное трактование, из которых более точным в целях уголовного права является «собираение» как процесс поиска, приобретения чего-либо. Термин «разглашение» автор полагает рациональным заменить на «использование», так как разглашение является одним из способов использования⁵²⁵.

Достижению точности описания признаков преступления могут способствовать такие приемы законодательной техники, как абстрактный, казуистичный, формальный, оценочный, а также бланкетный. Несоблюдение правила сочетания абстрактного и казуистичного приемов приводит к тому, что в норме права изложено сложное описание признаков объективной стороны, а затем дана ссылка на специальный закон, к которому правоприменитель должен обратиться за уяснением остального смысла уголовно-правового запрета.

В частности, именно такой эффект получился при описании манипулирования рынком в ст. 185³ УК РФ: законодатель указал некоторые запрещенные действия, относящиеся в соответствии с законом к манипулированию рынком, вызываемые

⁵²⁵ Артемов В. В. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России. С. 20.

этими действиями последствия, а затем сделал ссылку на закон, назвав «и иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком». Вследствие этого возникает вопрос о целесообразности подробного перечисления неисчерпывающего перечня запрещенных деяний в уголовно-правовой норме при наличии отсылки к закону, их предусматривающему. Одновременно с этим возникает вопрос об указанном в статье способе распространения: только ли через средства массовой информации, в том числе в сети Интернет, распространение является общественно-опасным, если и при ином распространении возникли последствия, предусмотренные в качестве признаков объективной стороны преступления? Представляется, что есть смысл отказаться от указанного признака преступления как не имеющего значения для понимания изначального уровня общественной опасности деяния, ведь запрет на манипулирование в Законе о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком (в ст. 5) в равной степени распространяется на любой способ распространения.

В то же время, как было отмечено ранее, распространение информации в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет, само по себе является более опасным нарушением. Следовательно, такой способ совершения преступления, предусмотренного ст. 185³ УК РФ, согласно доводу изложенному выше, мог бы иметь значение квалифицирующего признака.

Несмотря на критику бланкетных норм, следует признать, что их наличие в УК РФ делает стабильными уголовно-правовые нормы, ибо само опасное явление может являться менее изменчивой категорией, чем отдельные его проявления, которые подвергаются как криминализации, так и декриминализации.

Представляется, что манипулирование рынком могло бы быть изложено в более упрощенном виде, с учетом определения этого термина в специальном законе: «умышленные действия, определенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в результате которых цена, спрос,

предложение или объем торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без таких действий...».

Таким образом, использование специальных терминов при описании признаков объективной стороны преступления в совокупности с бланкетным приемом может облегчить задачу формулирования признаков преступного деяния. В этой связи аналогичным видится решение при описании признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ. Законом о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком предусмотрен термин «неправомерное использование инсайдерской информации», раскрытый в документе путем описания запрещенных форм использования инсайдерской информации в ст. 6, что нашло свое отражение в уголовно-правовой норме в виде их перечисления. Применение бланкетного приема позволит избежать такого перечисления, а также позволит увидеть правоприменителю исключения из запрета. Соответственно, деяние, предусмотренное ст. 185⁶ УК РФ, может выглядеть следующим образом: «Использование инсайдерской информации, запрещенное законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, ...».

Другой пример – описание признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 146 УК РФ, связанных с незаконным использованием поименованных в ней объектов авторских и смежных прав. В частности, возникает вопрос о необходимости уточнения того, какие именно действия признаются в данной статье незаконным использованием объектов авторских или смежных прав, к которым также отнесены приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, суть которых заключается в «участии» указанных объектов в обороте. Аналогичная ситуация с ч. 1 ст. 147 УК РФ. Представляется, что допустимо ограничиться в таком описании указанием на основное противоправное деяние – незаконное использование соответствующих

объектов интеллектуальной собственности. В этом смысле более удачное описание признаков преступления с использованием средств индивидуализации имеет место в ст. 180 УК РФ, в которой законодатель избежал пространного перечисления способов незаконного использования средств индивидуализации. При этом целесообразным было бы понимать под неправомерным использованием объектов авторских, смежных и патентных прав не только нарушение исключительных прав, но и прав авторства.

Аналогичным выглядит подход и к перечислению видов незаконного способа собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну в ч. 1 ст. 183 УК РФ. Объективная сторона данного преступления смотрелась бы более лаконично, если бы ее описание заключалось в собирании сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну любым незаконным способом.

Противоположная ситуация – недостаточность описания признаков объективной стороны преступления – отмечается при анализе ч. 1 ст. 178 УК РФ, в которой уголовная ответственность установлена за заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). На первый взгляд, уголовная ответственность наступает за сам факт заключения соглашения. Однако такие признаки объективной стороны преступления, как причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере, указывают на реализацию соглашения. Само по себе заключение запрещенного соглашения не может повлечь наступление не только указанных в статье последствий, но и причинить какой-либо вред конкуренции.

Таким образом, признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, изложены явно недостаточно полно для объективной уголовно-правовой оценки картеля. Редакцию ч. 1 ст. 178 УК РФ следует дополнить запретом на реализацию ограничивающего конкуренцию соглашения, ибо существующее изложение нормы не позволяет толковать ее однозначно, что в итоге может привести к нарушению принципа законности.

Применение формального приема, состоящего в употреблении точных критериев, терминов, имеющих одно значение, и оценочного, отсылочного приемов, суть которого заключается в использовании понятий, подлежащих количественной или качественной оценке, призвано уравновесить возможности законодателя при описании тех или иных признаков преступления ограничиться четкими и понятными категориями или задействовать иные средства, направленные на описание их характеристик.

Оценочных категорий в описании антиконкурентных преступлений немало, и все они характеризуются проблемами, им свойственными, с которыми сталкиваются правоприменители, что уже было отмечено ранее. При конструировании новых составов антиконкурентных преступлений или корректировании существующих редакций представляется целесообразным исходить, во-первых, из высокой степени общественной опасности таких деяний, что приводит к уже обозначенному выводу о необходимости формализации составов, во-вторых, из их антиконкурентных проявлений, признаки которых следует указать в качестве криминообразующих. Например, таким признаком может быть уже отмеченная цель в виде недобросовестной конкуренции, которая характеризовала бы незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности.

С помощью отмеченных способов представляется возможным избежать недостатков оценочного приема описания признаков преступления.

В связи с тем, что для конструирования состава преступления значение имеют не только перечисленные общие правила законодательной техники, но и правила построения нормативного акта, следует остановиться на вопросах о правильности расположения ст. 146 и 147 УК РФ в гл. 19 УК РФ. Во-первых, в ходе многолетнего применения данных статей УК РФ установлена экономическая направленность преступлений, описание которых в них содержится. Во-вторых, признаки объективной стороны составов, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, имеют общую природу с признаками состава, предусмотренного ст. 180 УК РФ, – эти деяния посягают на охраняемые объекты интеллектуальной собственности, затрагивая исключительные

права на них, обладание которыми представляют конкурентные преимущества для их правообладателей в сфере предпринимательской деятельности. В-третьих, учитывая описанную ранее сложившуюся практику применения ст. 146 УК РФ, возникают сомнения в необходимости привлечения к уголовной ответственности за предусмотренные ею деяния (за исключением случаев их совершения в сфере предпринимательства или при осуществлении иной деятельности, приносящей систематический доход), так как в подавляющем большинстве это бытовое приобретение контрафактных произведений, фонограмм, совершаемое гражданами в единичных случаях в целях дальнейшей их перепродажи или личного использования. Представляется, что в таких ситуациях уместнее была бы административная ответственность. Уголовная ответственность за аналогичные деяния, совершаемые с целью извлечения прибыли в сфере предпринимательской или иной деятельности, должна быть предусмотрена статьей, включенной в гл. 22 УК РФ наряду с иными преступлениями, посягающими на добросовестную конкуренцию, как имеющими один и тот же групповой объект посягательства.

Из вышеизложенного могут быть сделаны следующие выводы. Особенностью законодательной техники при построении составов антиконкурентных преступлений являются бланкетные нормы, которые позволяют применять в уголовно-правовых нормах не только термины специального законодательства, но и учитывать отраслевую специфику регулирования тех или иных охраняемых отношений. К таковым, в частности, относятся отраслевая презумпция абсолютного запрета картеля и недобросовестной конкуренции, что определяет уровень общественной опасности данных видов нарушений.

С учетом сформулированных предложений по совершенствованию элементов конструкции составов антиконкурентных преступлений, новые общие и специальные составы (а также действующие нормы) могли бы выглядеть следующим образом:

I. Статья 178. Ограничивающее конкуренцию соглашение

1. Заключение картеля, запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, - наказывается ...

2. Заключение должностным лицом ограничивающего конкуренцию соглашения, запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, - наказывается...

II. Статья 178¹. Ограничивающее конкуренцию соглашение, заключенное на торгах

1. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения участниками торгов, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, если это повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, - наказывается ...

2. Заключение соглашения, предусмотренного ч. 1 настоящей статьи, повлекшего те же последствия, должностным лицом либо работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно участие в его реализации, - наказывается ...

III. Статья 180. Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности

1. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а равно незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, совершенное в коммерческом масштабе, - наказывается...

2. Деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, - наказываются ...

Примечание 1. Деяние считается совершенным в коммерческом масштабе, если производство контрафактной продукции основано на механизации и

автоматизации процесса, ориентированного на массовое изготовление контрафактных товаров и реализацию таких товаров, а равно реализация товаров, изготовленных таким путем, направленные на систематическое получение прибыли.

2. Массовое изготовление, массовая реализация – изготовление, реализация для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

3. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 180, ч. 1 ст. 180¹, п. «б» ч. 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ, считается совершенным в целях недобросовестной конкуренции, если оно совершено в целях получения преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности посредством незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, распространения ложных, неточных или искаженных сведений о лице или его деятельности либо умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, и любого умышленного использования инсайдерской информации.

IV. Статья 180¹. Дискредитация

1. Умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, в целях недобросовестной конкуренции, которые причинили ущерб их деловой репутации, - наказывается ...

V. Статья 183. Незаконные собирание и использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну

1. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, незаконным способом - наказывается ...

2. Незаконное использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, совершенное:

а) без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе;

б) в целях недобросовестной конкуренции, - наказывается ...

VI. Статья 185³. Манипулирование рынком

1. Умышленные действия, определенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в результате которых цена, спрос, предложение или объем торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без таких действий, - наказываются...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, - наказываются ...

VII. Статья 185⁶. Неправомерное использование инсайдерской информации

1. Использование инсайдерской информации, запрещенное законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, наказывается

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях недобросовестной конкуренции, - наказывается ...

VIII. Статья 200⁴. Нарушение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

1. Нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов

граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, - наказывается... .

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) из корыстной или иной личной заинтересованности, - наказывается ...

(Приложение 2).

ГЛАВА 5 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

§ 1 Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции

Дифференциация уголовной ответственности представляет собой весьма дискуссионный институт уголовного права⁵²⁶ в силу многозначности данного явления. Как уголовно-правовая категория дифференциация уголовной ответственности называется исследователями: 1) изменением предусмотренного уголовным законом видов, размера и характера меры ответственности, в зависимости от изменения общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а также с учетом принципа гуманизма и других важных обстоятельств⁵²⁷; 2) разделением мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой

⁵²⁶ См., напр.: С. 14 ; Василевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 4; Мусаев Ф. А. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности (ст. 171, 171–174.1 УК РФ) : вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. С. 39; Гешелин М. И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии (сравнительно-правовое исследование). С. 143; Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве : понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. № 11-1. Т. 9. С. 207; Семенова Д. М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности условиях множественности преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. С. 10; Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности : проблемы теории и практики. С. 188.

⁵²⁷ Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права. С. 4.

общественной опасности⁵²⁸; 3) разделением уголовной ответственности на отдельные составляющие, структурные части единого целого⁵²⁹; 4) разделением мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления и мягкостью за преступления небольшой и средней тяжести⁵³⁰.

Как категория уголовно-правовой политики дифференциация уголовной ответственности также понимается неоднозначно: ее называют принципом уголовно-правовой политики⁵³¹, методом уголовно-правовой политики⁵³², принципиальным⁵³³, генеральным⁵³⁴ направлением уголовно-правовой политики. В то же время стоит отметить замечание Т.А. Лесниевски-Костаревой о том, что дифференциация уголовной ответственности происходит в процессе осуществления уголовно-правовой политики законодателем: именно уголовно-правовая политика акцентирует внимание на динамичности законодательства, его направленности на определенные цели и выделяет приоритеты в законодательном процессе⁵³⁵.

Между тем в уголовно-правовой политике каждое из приведенных значений дифференциации уголовной ответственности имеет место. Дифференциация как принцип может рассматриваться как некий идеальный элемент, основополагающее начало уголовно-правовой политики, на котором выстраивается весь механизм привлечения к уголовной ответственности. Будучи включенным в метод уголовно-

⁵²⁸ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 20

⁵²⁹ Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности : проблемы теории и практики. С. 104.

⁵³⁰ Рогова Е. В. Учение о дифференциации. С. 161.

⁵³¹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 42–43.

⁵³² Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. С. 279.

⁵³³ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 14, 22–42.

⁵³⁴ Кругликов Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. 2014. № 3. Т. LXXXVIII. С. 305.

⁵³⁵ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 27.

правовой политики и представляя собой его прием, дифференциация позволяет разграничить изначально на законодательном уровне неправомерные и правомерные деяния, их признаки, в том числе влияющие на степень и характер общественной опасности, определить виды наказания, основания освобождения от ответственности и наказания в целях индивидуального подхода к каждому случаю совершения преступления. Как направление уголовно-правовой политики дифференциация уголовной ответственности характеризует путь развития, одну из основных линий реализации уголовно-правовой политики.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности может выступать в разных смыслах, ни один из которых не принижает ценность другого для достижения целей в стратегической деятельности государства по противодействию преступности.

Не определяя целью анализа проблематику дифференциации уголовной ответственности как уголовно-правовой категории, предмет исследования в рамках данной главы ориентирован на задачу комплексного изучения дифференциации уголовной ответственности за преступления против добросовестной конкуренции. При этом изначально предполагалось, что дифференциация уголовной ответственности за совершение преступлений исследуемой группы связана с проблемами бланкетности ряда их признаков и положениями отраслевого (антимонопольного) законодательства. Однако в процессе изучения обозначенного предмета, включая его межотраслевые характеристики, выявились многочисленные внутренние уголовно-правовые противоречия, которые отражают необходимость совершенствования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции.

Вследствие этого представляется целесообразным осуществить постановку данной задачи с позиции имеющегося в науке уголовного права учения о дифференциации, в частности на основе ее целей, задач, принципов, критериев, видов и средств, актуальность которых относительно группы антиконкурентных преступлений не вызывает сомнений.

Ретроспективный анализ указывает на то, что в истории российского уголовного права дифференциация ответственности существовала, по крайней мере, с принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в том числе в отношении посягательств на конкуренцию. Так, необходимо отметить дифференциацию по признакам объективной стороны: разграничивались стачки и сговоры на торгах; стачка, которая привела к возникновению действительного недостатка в товарах первой необходимости и нарушению общественного спокойствия, образовывала квалифицированный состав преступления; сговор на торгах разделялся на сговор с целью склонения других участников отказаться от участия в торгах и сговор с участием должностных лиц. С целью отграничения преступного деяния от непроступного проводилось разделение по количественному и качественному составу субъектов: лица, не являющиеся ни торговцами, ни промышленниками, не могли быть субъектами уголовной ответственности за сговор или стачку. Более жесткие меры наказаний применялись к зачинщикам сговора, иные участники, присоединившиеся к сговору, наказывались иначе – меры наказания были мягче. Дифференцировались и недобросовестные действия с использованием чужих клейм и знаков, а также в форме распространения на бирже вредных для хода коммерции, заведомо ложных известий.

Уложением 1903 г. уголовная ответственность устанавливалась только за соглашения хозяйствующих субъектов об увеличении цен на предметы первой необходимости. Противоправные проявления недобросовестной конкуренции также содержали специальные элементы объективной стороны в виде сферы деятельности (промышленность, торговля, хозяйственная деятельность), ее цели, субъектного состава (торговцы, промышленники), позволяющие отграничить эти преступления от иных деяний.

Надо отметить, что разработанные русскими учеными и законодателем в XIX в. уголовно-правовые запреты в виде группы преступлений, которые в современном смысле понимаются как антиконкурентные, имеют важное значение для современного процесса дифференциации уголовной ответственности за их

совершение. Анализ указывает на исторический опыт попытки противодействовать этим преступлениям, выделяя их характерные признаки, который следует учитывать современным субъектам законоотворчества. Расположение в уголовных законах, особенно в Уложении 1903 г., и содержание самих норм можно охарактеризовать как взвешенное: в них можно увидеть отражение и современных принципов дифференциации уголовной ответственности – системности, целесообразности, универсальности, стабильности, оптимальности и экономии уголовной репрессии, предложенных в качестве таковых исследователями XXI в.⁵³⁶

Дифференциация уголовной ответственности за антиконкурентные преступления проводится в международных актах, согласно которым общепризнанным фактом является в первую очередь различная природа антиконкурентных соглашений («жестких картелей», сговоров на торгах, сговоров об отказе от осуществления закупок или поставок и др.), а также актов недобросовестной конкуренции.

Весьма определенно прослеживается дифференциация уголовной ответственности за антиконкурентные преступления в иностранном праве, что также было отмечено ранее.

Цель дифференциации уголовной ответственности представляется А.И. Коробеевым как наличие на стадии законоотворчества такой классификации преступлений, которая давала бы практике ориентиры в применении различных мер уголовно-правового воздействия к различным категориям преступников, в зависимости от характера совершенного деяния⁵³⁷.

Достижение этой цели связано, во-первых, с самим явлением – наличием классификации преступлений по групповому объекту посягательства, во-вторых, с основным требованием к классификации преступлений – быть непротиворечивой и характеризующей деяния общностью групповых признаков, что позволило бы их отграничить от иных преступлений.

⁵³⁶ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 31.

⁵³⁷ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 42.

В этой связи следует отметить, что проблемы классификации преступлений однозначно выявляют и проблемы дифференциации уголовной ответственности за их совершение, а следовательно, и всей уголовно-правовой политики: отсутствие четких ориентиров относительно характера и степени общественной опасности группы деяний, имеющих один объект посягательства, нивелирует все попытки государства успешно противодействовать посягательствам на охраняемый объект, не позволяя расставить акценты, согласно требованиям безопасности общества и государства. Сказанное имеет прямое отношение к проблеме классификации антиконкурентных преступлений, которая в современном уголовном законе представлена рассогласованной совокупностью таких деяний, характеризующуюся противоречивыми или спорными признаками и выпадающими элементами.

Принцип построения системы антиконкурентных преступлений с учетом запретов отраслевого, антимонопольного законодательства позволит в полной мере отразить конституционный запрет на монополизацию и недобросовестную конкуренцию с учетом особенностей таких деяний и их видов, а также распространенных фактов антиконкурентной деятельности со стороны органов власти и местного самоуправления.

Так, антиконкурентные сговоры представляют собой целую систему различных соглашений с разными участниками, но УК РФ не содержит дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке видов соглашений. Антиконкурентная деятельность должностных лиц органов власти и местного самоуправления, реализованная через сговор с хозяйствующими субъектами, представляет собой самостоятельный вид коррупционной деятельности, совершаемой в сфере экономической деятельности и имеющей направленность на ограничение конкуренции, а потому должна выделяться отдельным составом преступлений, входящих в одну группу антиконкурентных деяний.

Одновременно с этим требуется ликвидация пробелов в уголовно-правовой защите отдельных благ, посягательства на которые хотя и образуют противоправное поведение согласно антимонопольному закону, но по непонятным причинам не нашли воплощения в уголовно-правовом запрете при одинаковой

степени ценности с однородными объектами, поставленными под такую защиту. Речь идет, в частности, о защите деловой репутации юридического лица, прав на фирменное наименование, коммерческое обозначение, топологию интегральных микросхем, селекционное достижение, которые также могут составлять конкурентное преимущество хозяйствующих субъектов. Отсутствие уголовно-правовой охраны отмеченных объектов интеллектуальной собственности, права на которые представляют экономическую ценность для хозяйствующего субъекта в связи с конкуренцией на рынке, есть явное следствие их неверной оценки⁵³⁸.

Одной из задач дифференциации уголовной ответственности является построение системы мер уголовно-правового характера с учетом тяжести воздействия каждой отдельной меры и конкретизации оснований для ее применения. В этой связи актуальны вопросы категоризации преступлений. Называемая в науке основой дифференциации⁵³⁹, категоризация должна быть внутренне согласованной: характер и степень общественной опасности деяния должны соответствовать мере наказания. Несоответствие описания признаков преступления мере наказания, соответственно и категории преступления, а также меры наказания – общественной опасности деяния – подрывают сами основы уголовно-правовой политики в сфере охраны соответствующих отношений. Данный тезис в полной мере присущ некоторым преступлениям из исследуемой группы. В частности, заключение картеля, признанного угрозой экономической и национальной безопасности страны, являющееся групповым преступлением, относится к категории преступлений небольшой тяжести, в то время как манипулирование рынком (ст. 185³ УК РФ) и неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185⁶ УК РФ), представляющие собой акты недобросовестной конкуренции, – к преступлениям средней тяжести.

⁵³⁸ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Вопросы безопасности. 2024. № 1. С. 20-39. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

⁵³⁹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 60; Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 197.

Другая не менее важная задача, которая связана с первой и вытекает из нее, заключается в установлении пределов судейского усмотрения и его оптимизации⁵⁴⁰. Конкретизация оснований дифференциации и установление пределов судейского усмотрения перекликаются с задачей уголовно-правовой политики – гармонизировать соотношение сфер и пределов дифференциации уголовной ответственности в законе и индивидуализации ее правоприменителем⁵⁴¹.

В данном ключе актуальна проблема согласования видов и размеров наказаний (что было отмечено в данной работе), а также иных мер уголовно-правового характера, в первую очередь конфискации, со степенью и характером общественной опасности деяний. Множественность видов наказаний, в частности установленных законодателем за антиконкурентные преступления, с одной стороны, дает возможность судье выбор мер с учетом многих обстоятельств как совершенного преступления, так и личности виновного, но, с другой стороны, расширяет рамки судейского усмотрения, что критически воспринимается в науке⁵⁴². В то же время проведенное исследование практики назначения наказаний за антиконкурентные преступления показало использование неширокого круга наказаний: традиционными их видами являются лишение свободы, штраф в твердой денежной сумме и обязательные работы, еще реже – исправительные работы. Более того, в результате анализа приговоров по самой многочисленной группе преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, за период 2015–2022 гг. установлено, что диапазон количества лет лишения свободы даже по ч. 3 (санкция статьи предусматривает до 6 лет лишения свободы) составляет границы от 6 месяцев до 2 лет, крайне редко судьи назначают 3 года лишения свободы (как правило, в отношении индивидуальных предпринимателей). Представляется, что такая ситуация в правоприменении свидетельствует об истинном характере и

⁵⁴⁰ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 162–163.

⁵⁴¹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 13.

⁵⁴² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. С. 265; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. С. 150–152; Павлинов А. В. Назначение уголовного наказания : проблемы теории и практики // в кн. : Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М. : Проспект, 2019. С. 402.

степени общественной опасности данного преступления, что и находит отражение в приговорах судов.

Иные меры уголовно-правового характера, применение которых также дифференцирует уголовную ответственность, в отношении рассматриваемой группы преступлений оказались недостаточно отраженными в УК РФ. Так, вызывает сомнение в объективности уголовно-правовой реакции на картель (ст. 178 УК РФ) отсутствие данного преступления в перечне деяний, на которые распространяются положения п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ о конфискации, в то время как экономическая сущность картеля и заключается в получении сверхприбыли⁵⁴³.

Анализ правоприменительной деятельности также показал, что институт конфискации недостаточно используется при реализации уголовной ответственности за антиконкурентные преступления. Так, в практике судов нечасто встречаются решения о конфискации денежных средств, полученных виновными за реализацию контрафактных товаров по уголовным делам, возбужденным по ст. 180 УК РФ. При этом судьба контрафактных товаров в основном определяется путем их уничтожения⁵⁴⁴, но встречаются и случаи, когда контрафактные товары по приговору суда подлежали передаче «законным владельцам по принадлежности»⁵⁴⁵, есть и приговоры, в которых дальнейшее местоположение таких товаров остается неопределенным⁵⁴⁶.

В случаях преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, суды назначают конфискацию в основном в отношении используемого для производства контрафактных товаров оборудования⁵⁴⁷.

⁵⁴³ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

⁵⁴⁴ Напр., приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя № 1-145/2018 от 25.09.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/zMZVVqLhnwbG> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵⁴⁵ Напр., приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края № 1-683/2016 от 16.08.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZyJeWTGO44YX> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵⁴⁶ Напр., приговор Солнечногорского городского суда Московской области № 1-224/2016 от 25.07.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/p0ZwocQKZtJq> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵⁴⁷ Напр., приговор Северодвинского городского суда Архангельской области № 1-400/2015 от 23.11.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yAIk3rKnXULw> (дата обращения: 3.05.2019);

В контексте безусловно поддерживаемого предложения Е.В. Роговой распространять на дифференциацию уголовной ответственности принципы уголовного закона⁵⁴⁸ отметим еще одну из проблем – проблему реализации принципов справедливости и равенства всех перед законом (в их совокупности с другими принципами уголовного права) и корреспондирующего им предложенного в науке принципа оптимальности. Так, если говорить исключительно о сфере предпринимательства, то индивидуальный предприниматель имеет возможность уголовно-правовой защиты в случае посягательств на его деловую репутацию посредством распространения заведомо ложных сведений в рамках ст. 128¹ УК РФ. У юридического лица этой возможности нет, хотя оно может признаваться потерпевшим, согласно ст. 42 УПК РФ, именно в случае причинения преступлением вреда его деловой репутации. Такой ситуацией, во-первых, в неравное положение поставлены потерпевшие от распространения не соответствующей действительности информации лица, и это неравенство предопределено их статусом. Во-вторых, это противоречит принципу равенства граждан перед законом и принципу вины: лицо, распространившее ложные сведения о деятельности юридического лица, не подлежит уголовной ответственности, в то время как аналогичные действия в отношении физического лица ее влекут. В-третьих, необъяснимым выглядит придание разной степени общественной опасности деяний, направленных против имеющей одинаковое для всех хозяйствующих субъектов значение деловой репутации как одного из элементов своего конкурентного преимущества и успешности экономической деятельности⁵⁴⁹, когда за одно из них установлены меры уголовного наказания, а за другое нет.

В этой связи установление уголовной ответственности за дискредитацию означает не столько расширение и углубление сферы уголовной ответственности

приговор Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области № 1-244/2019 1-4/2020 от 26.02.2020 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3NsM1AJEaAdK> (дата обращения: 2.02.2022).

⁵⁴⁸ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 164–165.

⁵⁴⁹ Даниловская А. В. Применение ст. 128¹ УК РФ «Клевета» в сфере защиты добросовестной конкуренции // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Международ. науч.-практич. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 550.

(принцип оптимальности), сколько справедливое ее установление в интересах каждого потерпевшего.

Последний тезис имеет равное отношение и к охране объектов интеллектуальной собственности, в частности объектов авторского и смежных прав, с одной стороны, и объектов патентных прав – с другой. Так, наказание за плагиат в отношении объектов авторских и смежных прав не предусматривает лишения свободы, в то время как аналогичное нарушение прав в отношении объектов патентного права при наличии идентичного признака в виде причинения такими действиями крупного ущерба наказывается лишением свободы до двух лет. Отмеченное ранее «выпадение» из поля уголовно-правовой охраны иных объектов интеллектуальной собственности также является примером рассматриваемой ситуации.

Противоречие указанным принципам усматривается и в отсутствии уголовной ответственности за сговор между должностным лицом и представителями хозяйствующих субъектов. Предусматривая уголовную ответственность за картель как антиконкурентный сговор между представителями хозяйствующих субъектов, законодатель игнорирует антиконкурентный сговор с должностным лицом. Даже если основываться на принципе экономии уголовной репрессии и квалифицировать такие действия должностного лица по ст. 169, 285, 286 УК РФ, то возникает вопрос о том, есть ли основания полагать возможным не придавать уголовно-правовое значение факту договоренности об устранении конкуренции, достигнутой с рядом хозяйствующих субъектов, при наличии таковой без участия должностного лица (ответственность за которую предусмотрена ст. 178 УК РФ)? Ведь таким образом ответственности избегают и представители хозяйствующих субъектов. Думается, что в данном случае речь идет о явном пробеле уголовного законодательства⁵⁵⁰.

Бесспорно, проявление в дифференциации уголовной ответственности за антиконкурентные преступления принципов уголовного права следует признать

⁵⁵⁰ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

идеальным ее состоянием, но на этом также должно быть сконцентрировано внимание законодателя, ибо, отдавая приоритет уголовно-правовой защите одних благ перед другими, оставляя без уголовно-правовой оценки коллективное совершение преступления с участием должностного лица, в то время как смежное деяние без участия должностного лица влечет уголовную ответственность, есть риск нарушить не только принципы уголовного права, общий баланс интересов, но и породить вопрос о справедливости – краеугольном вопросе права, а также о достаточности уголовно-правовой защиты равнозначных интересов. Данное суждение в равной мере касается и таких принципов, предложенных в науке, как целесообразность, универсальность, стабильность⁵⁵¹.

Весьма важным для целей дифференциации уголовной ответственности, в частности за картель, является возможность воплощения принципа экономии уголовной репрессии в совершенствовании программы смягчения уголовной ответственности, предусмотренной в примечании к ст. 178 УК РФ, до уровня ее оптимального применения. Данный вопрос не является простым, и дело даже не в законодательной технике, конструировании правовых норм таким образом, чтобы в первую очередь возможность освобождения от уголовной ответственности не была фикцией, а в необходимости установления максимального баланса публичных и частных интересов. Пример тому США – первая страна, где программа применяется с 90-х гг. XX в. Несмотря на долгий период действия программы, ее положения периодически меняются в связи с уточнением условий ее применения, выражающихся в основном в корректировке необходимых действий со стороны виновного лица. Желательно более адекватное реагирование отечественного законодателя на ситуацию невозможности применения разработанного им примечания к ст. 178 УК РФ, в котором перечислены невыполнимые условия освобождения от уголовной ответственности за картель.

Также представляется целесообразным рассмотреть сложный вопрос о смягчении наказания или об освобождении от уголовной ответственности за картель в случаях участия в нем в связи с особыми обстоятельствами.

⁵⁵¹ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 165–167.

Противоречивость картелей, их жесткий запрет явились поводом для проведения отдельного исследования возможности применения тех положений УК РФ, которые предусматривают основания смягчения ответственности, освобождения от нее или даже ее исключения к лицам, в действиях которых усматриваются признаки данного преступления, но чей картель был заключен при определенных, исключительных обстоятельствах. Результат такого исследования позволяет сделать вывод о наличии разных факторов, детерминирующих появление картелей, которые могут стать основаниями как для смягчения ответственности или наказания, так и для освобождения от нее или исключения ее вовсе при наличии необходимых правовых условий⁵⁵², о чем будет сказано далее.

В учении о дифференциации уголовной ответственности выделяют основания⁵⁵³ или критерии⁵⁵⁴, в соответствии с которыми происходит разделение мер уголовно-правового характера. Основываясь на позиции, согласно которой в качестве таковых определяются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и форма вины, отметим, что их анализ в антиконкурентных преступлениях весьма определенно указывает на необходимость проведения дифференциации уголовной ответственности за их совершение⁵⁵⁵.

Так, способ ограничения конкуренции на торгах представляется более опасным, чем способ ограничения конкуренции в рамках классического картеля. Основное отличие сговора на торгах от классических картелей на товарных рынках проводится по тому, как достигается желаемый результат, что и влияет на общественную опасность всего преступления. Если участники классических картелей на товарных рынках используют исключительно экономические

⁵⁵² Даниловская А. В. Основания смягчения и исключения уголовной ответственности за картели на товарных рынках // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2019. № 4. С. 140–152.

⁵⁵³ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 69.

⁵⁵⁴ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 168–176.

⁵⁵⁵ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

механизмы воздействия на рынок – прямое повышение, снижение цен, договоренность о разделе рынка по различным критериям и т.д., то способ выигрыша на торгах, во-первых, является обманом организатора торгов (заказчика), совершенным путем реализации различных схем «обхода» правовых запретов. С помощью договоренностей с другими хозяйствующими субъектами о неучастии в торгах или особом их поведении ничего не подозревающий организатор торгов (заказчик) вводится в заблуждение относительно правомерности поведения представителей хозяйствующих субъектов – участников торгов, не догадываясь об отсутствии (или ограничении), в силу сговора, конкуренции; в итоге заключается договор с «выигравшим» торги лицом фактически на его условиях. Таким образом, рассмотренный способ совершения преступления заключается в получении имущества (денежных средств) собственника путем ограничения или устранения конкуренции на торгах и в «обход» правил, определённых законом.

Второй способ достижения желаемого результата на торгах – сговор с организатором торгов (заказчиком), который и принимает меры по устранению (ограничению) конкуренции на этапе подготовки документов для проведения торгов, включая в них «удобные» для участников сговора условия. Учитывая то, что указанные лица, как правило, являются должностными лицами органов власти и управления различного уровня, есть все основания утверждать, что сговоры на торгах содержат существенную коррупционную составляющую, что значительно повышает степень общественной опасности таких деяний. Данный аспект также требует своего уголовно-правового осмысления на предмет квалификации таких деяний и их самостоятельной криминализации. Кроме того, необходимо учитывать, что данный вид преступлений совершается при особых конкурсных или аукционных процедурах, проведение которых направлено на повышение эффективности расходования бюджетных средств, а также реализуемых в целях удовлетворения потребностей государства или муниципального образования в наиболее важных товарах, работах и услугах, предназначенных для населения и государства в самых разных сферах жизни и деятельности. Общественная

опасность усугубляется совершением должностными лицами иных должностных преступлений – получением взятки, служебным подлогом и т.д., что обостряет коррупционную ситуацию.

Таким образом, степень и характер общественной опасности как сговора на торгах между хозяйствующими субъектами, так и сговора между хозяйствующими субъектами и организатором (заказчиком) торгов представляются гораздо существеннее в сравнении с классическим картелем или другими антиконкурентными деяниями, так как создается угроза сразу нескольким охраняемым объектам, что подрывает основы безопасности общества и государства.

Характер общественной опасности деяний, образующих недобросовестную конкуренцию, определяется в первую очередь через объект посягательства – здесь он шире, чем если бы преступления совершались вне связи с конкуренцией. Посягая на чужие интеллектуальные права, виновное лицо подрывает и способность хозяйствующего субъекта конкурировать. Так, есть мнение, что действия по незаконному использованию средств индивидуализации без цели недобросовестной конкуренции не обладают общественной опасностью⁵⁵⁶. Следовательно, основной объект недобросовестной конкуренции – конкуренция как публичный экономический институт, составляющий одну из основ рыночной экономики.

Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от изменения характера и степени общественной опасности, признаки которого фиксируются в квалифицированных составах преступления, отражает состояние категоризации антиконкурентных преступлений. Исследуемая группа преступлений относится к разным категориям: 12 составов – преступления небольшой тяжести, 8 – преступления средней тяжести, 9 – тяжкие преступления, 2 – преступления особой тяжести (таблица 14).

⁵⁵⁶ Головизина И. А. Незаконное использование товарного знака : проблемы квалификации и правоприменения. С. 11.

Таблица 14 – Категоризация антиконкурентных преступлений

<i>Категория преступления</i>	<i>Ст. 128¹</i>	<i>Ст. 146</i>	<i>Ст. 147</i>	<i>Ст. 169</i>	<i>Ст. 178</i>	<i>Ст. 180</i>	<i>Ст. 183</i>	<i>Ст. 185³</i>	<i>Ст. 185⁶</i>	<i>Ст. 200⁴</i>	<i>Ст. 285, 286</i>
Небольшая тяжесть	ч. 1, ч. 2 ч. 3	ч. 1 ч. 2	ч. 1	ч. 1 ч. 2	ч. 1	ч. 1	ч. 1			ч. 1	
Средняя тяжесть		ч. 3	ч. 2			ч. 2	ч. 2 ч. 3	ч. 1	ч.1		ч. 1
Тяжкое					ч. 2 ч. 3	ч. 3	ч. 4	ч. 2	ч. 2	ч. 2	ч. 2 ч. 3
Особо тяжкое											ч. 4 ч. 5

При анализе данных таблицы внимание привлекает диспропорция между основным и квалифицированным составами преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, заключающаяся в явной ошибке законодателя, искусственно снизившего оценку степени и характера общественной опасности картеля, признанного угрозой экономической и национальной безопасности страны, отнеся его к преступлениям небольшой тяжести.

Объединение двух и более частей в рамках одной категории приводит к разным выводам. Когда преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 одной статьи, относятся к категории небольшой тяжести, есть основания полагать, что, во-первых, одно из деяний является малозначительным с позиции степени и характера общественной опасности и скорее всего охрана соответствующего объекта не нуждается в уголовно-правовых средствах, на что может указывать и санкция за такое преступление, не предусматривающая наказание в виде лишения свободы и являющаяся более мягкой, чем санкция за второе преступление этой же категории. Так, в литературе можно встретить суждение о необходимости декриминализации клеветы, присвоения авторства (плагиата) (ч. 1. ст. 146 УК РФ), воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Во-вторых, речь может идти об ошибках при построении санкций – неверном определении их видов и размеров. Например, есть очевидное несоответствие квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, перечисленных в ч. 2 и 3 ст. 178 УК РФ, степени и характеру их общественной опасности при несущественно различающихся санкциях за их совершение: разница в сроках

лишения свободы составляет лишь 1 год при наличии одинаковых видов и размеров дополнительных наказаний.

При анализе основных и квалифицирующих признаков диссонанс усматривается в соотношении квалифицирующих признаков преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на разные объекты интеллектуальной собственности, права на которые имеют одинаковое значение в качестве конкурентного преимущества. Так, в ст. 147 и 180 УК РФ не предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления в особо крупном размере, а также лицом с использованием своего служебного положения, которые перечислены в ч. 3 ст. 146 УК РФ, в то время как анализ приговоров⁵⁵⁷ свидетельствует о существовании в практике деяний с такими же или подобными признаками⁵⁵⁸. И хотя в данном исследовании подвергается сомнению правильность подхода к определению в правовой норме признаков крупного или особо крупного ущерба и т.п., сам факт существенных различий в их закреплении в однородных составах вызывает обоснованную критику.

Использование служебного положения как другой признак встречается в приговорах при описании преступлений, предусмотренных ст. 147 и 180 УК РФ. В первом случае речь идет о большинстве ситуаций, когда незаконное использование объектов патентных прав происходит в связи с занимаемой должностью руководителя хозяйственного общества. Аналогичный статус виновных лиц весьма часто встречается при анализе приговоров по ст. 180 УК РФ.

Личность виновного в совершении преступления лица, безусловно, может повлиять на степень и характер общественной опасности, когда в качестве основных или квалифицирующих в законе называются признаки, имеющие отношение к субъекту преступления. В данном случае следует говорить о типовых характеристиках лиц, совершающих преступные деяния, влияние которых на

⁵⁵⁷ См., напр.: приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-225/2014 от 11.07.2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/APefj5rLd44> (дата обращения: 15.04.2019).

⁵⁵⁸ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

ответственность определено в законе⁵⁵⁹. Стоит отметить, что субъект ограничения конкуренции, в силу бланкетности признаков объективной стороны, определяется специальным законом, который через понятие хозяйствующего субъекта, применимого к административной ответственности, позволяет выделить характерные признаки субъекта преступления, а значит, дает возможность характеризовать личность виновного как лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя, как должностное лицо хозяйствующего субъекта или как иного представителя хозяйствующего субъекта.

В то же время отдельные качества характера личности могут свидетельствовать об иных ее сторонах, таких как особые организаторские, деловые качества, коммуникабельность, свойственные лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, критическое отношение к законодательству или низкий уровень правовых знаний, что может определять его роль в совершении преступления и поведение после его выявления. Так, в одном иностранном исследовании дана следующая характеристика участникам картеля: это рациональные субъекты, поведение которых в первую очередь определяется стимулами к получению прибыли; они могут находить закон о конкуренции сложным или могут не поддерживать моральную противоправность картельного поведения; низкая правовая осведомленность о законах о конкуренции приводит к расчетливому взаимодействию с органами следствия при решении вопроса о применении программы смягчения ответственности⁵⁶⁰. Данное суждение в полной мере соответствует и личности участника картеля в РФ, а также, вероятно, и личности субъектов недобросовестной конкуренции, цель которой – все та же прибыль, но за счет противоправного использования конкурентного преимущества.

⁵⁵⁹ Соловьев О. Г., Смирнов Р. Ю. Определение оснований дифференциации уголовной ответственности в современной правовой доктрине // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 64.

⁵⁶⁰ Jaspers J. D. Leniency in exchange for cartel confessions // European Journal of Criminology 2020, Vol. 17(1) 106–124.

Низкий уровень правовой осведомленности о запретах антимонопольного закона является большой проблемой для многих стран. Однако даже знание об уголовной ответственности за картель не всегда останавливает лицо от участия в нем в связи с мотивацией, основанной на получении прибыли от предпринимательской деятельности. Так, согласно опросу хозяйствующих субъектов и их представителей, проведенному в рамках научно-исследовательской работы о антиконкурентных соглашениях в Российской Федерации⁵⁶¹, были получены следующие результаты. На вопрос: «Считаете допустимым договариваться о цене товара, работы или услуги?», – были даны такие ответы: ни при каких обстоятельствах – 38,6 %, в некоторых случаях – 31,4 %, всегда, когда это нужно для бизнеса, – 21,5 %. То есть больше половины опрошенных – 52,9 % – готовы стать участниками картеля. На вопрос об удерживающих факторах ответы разделились следующим образом: высокий риск административной ответственности – 46,5 %, высокий риск привлечения к уголовной ответственности – 54,4 %, репутационные риски – 29,4 %, только совесть – 9,1 %, ничего – 10,3 %. На вопрос: «При какой потенциальной прибыли предприниматель готов заключить картельное соглашение при существующих рисках?», – представители хозяйствующих субъектов ответили следующим образом: при прибыли не менее 50 % – 28,4 %, при прибыли не менее 30 % – 12,7 %, при прибыли не менее 10 % – 5,6 %, даже при отсутствии прибыли, чтобы просто не получить убыток – 15,7 %, ни при каких условиях – 37,6 %. Таким образом, 62,4 % предпринимателей готовы заключить картель, несмотря на риски быть привлеченными к ответственности.

Полученные при опросе ответы свидетельствуют о соответствии их вышеприведенному описанию личности участника картеля. Отсюда характеристика личности потенциального виновного в заключении и реализации картеля говорит о многих факторах, в том числе о криминологически

⁵⁶¹ Отчет «О научно-исследовательской работе «Комплексное (экономическое и криминологическое) исследование картелей и иных антиконкурентных соглашений в Российской Федерации, в том числе уровня их латентности, доходов картелей и иных антиконкурентных соглашений и оценки причиняемого ущерба». Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2018.

обоснованном существовании картелей, их латентности и свойственности этого явления всем странам с рыночной экономикой.

Рассмотренные качества личности виновного лица не влияют прямо на дифференциацию его ответственности, но могут свидетельствовать о его особой роли в преступлении (организатор, исполнитель), умышленной форме вины и ее виде и т.д., корыстной мотивации. Рассматривать такой мотив, как корыстный, относительно преступления, совершаемого в сфере предпринимательской деятельности, имеет смысл лишь для характеристики личности виновного, но не для определения характера общественной опасности деяния, ибо редкое поведение в обозначенной сфере экономики не преследует цель получения прибыли. Последний тезис не касается противоправного поведения в сфере экономики должностных лиц органов власти – корыстный мотив отмечен в качестве признака преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, что позволяет отделить его от иных должностных правонарушений.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что дифференциация уголовной ответственности за антиконкурентные преступления должна отражать принципы уголовного закона, а также предложенные в науке уголовно-правовые принципы системности, оптимальности, целесообразности, универсальности, стабильности и экономии уголовной репрессии. Четкая и понятная система таких преступлений, построенная с учетом запретов отраслевого, антимонопольного законодательства, не допускающая пробелов в защите всех сопутствующих добросовестной конкуренции интересов и предусматривающая соответствующую степени и характеру опасности этих деяний, в том числе с учетом квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, систему наказаний и иные меры уголовно-правового характера является целью дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемую группу преступлений.

§ 2 Межотраслевая дифференциация ответственности за совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию

Важное значение для уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции в рамках исследования дифференциации уголовной ответственности за антиконкурентные преступления имеют вопросы ее межотраслевого характера, которые указывают на связи и их нарушения в комплексном изучении содержания всех аспектов рассматриваемого вида уголовно-правовой политики, что позволил установить проведенный анализ норм гражданского, административного и уголовного законодательства⁵⁶².

Межотраслевая дифференциация, являющаяся объемной и содержательной правовой категорией, которая включает в себя не только особенности межотраслевого разграничения ответственности, но и отраслевую дифференциацию, разграничение ответственности в рамках одной группы норм, регламентирующих ответственность за преступления, посягающие на одnogрупповой объект, а также отдельно взятой правовой нормы, предусматривающей наказание за конкретное преступление, требует самостоятельного анализа.

Межотраслевая дифференциация понимается как дифференциация норм различных отраслей права, представляющая собой распределение правового регулирования и правовой ответственности между различными отраслями права с учетом предмета и метода (методов) правового регулирования конкретной отрасли права⁵⁶³.

Согласно действующему законодательству, отклоняющееся от правового режима добросовестной конкуренции поведение влечет ответственность, которая

⁵⁶² Даниловская А. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Право и практика. 2023. №4. С. 198-203; Даниловская А. В. Межотраслевая дифференциация ответственности за совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию // Право и политика. 2024. № 3. С. 69-78 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70301 (дата обращения: 04.04.2024).

⁵⁶³ Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 358.

традиционно делится на гражданско-правовую, административную и уголовную. В такой дифференциации ответственности заключен принцип сочетания публичных и частных интересов, защищает которые законодательство как с помощью отраслей публичного – административного и уголовного права, так и частного – гражданского права. Соответственно набор средств защиты у каждой отрасли свой.

Самым мягким видом ответственности из перечисленных является гражданско-правовая, как не предусматривающая репрессивных мер и имеющая восстановительный характер. Однако представляется неточным замечание В.Ф. Лапшина о том, что виды правонарушений, предусмотренные нормами гражданского законодательства РФ, обладают наименьшей общественной опасностью в сравнении с иными видами правонарушений⁵⁶⁴. Многие нарушения гражданского законодательства могут содержать признаки составов как административных правонарушений, так и преступлений.

Некорректность данного суждения весьма показательна применительно к антимонопольным нарушениям. Так, заключение картеля влечет уголовную ответственность, однако вред, причиненный его реализацией хозяйствующими субъектами, являющийся в том числе признаком состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, может быть возмещен в гражданско-правовом порядке в рамках применения гражданского-правового способа защиты о возмещении причиненного ущерба. Такая же ситуация имеет место и при недобросовестной конкуренции, и антиконкурентной деятельности органов власти. В частности, возмещение вреда в перечисленных случаях может быть осуществлено по правилам гл. 59, 69–72, 75 и 76 Гражданского кодекса РФ. О соотношении гражданского права с запретами ФЗ «О защите конкуренции», а значит, и с вопросами административной или уголовной ответственности говорит и анализ института злоупотребления правом, который может иметь место при

⁵⁶⁴ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 289.

ограничении конкуренции, следовательно, и при заключении картеля, а также недобросовестной конкуренции⁵⁶⁵.

В этой связи следует согласиться с суждением Н.А. Лопашенко о том, что «почти любое правонарушение или преступление, в принципе, может причинить материальный или иной вред, который может быть возмещен в порядке и с использованием механизмов гражданско-правового регулирования; ... ответственность за отклоняющееся поведение налагается в рамках административного или уголовного права, а обязательства вследствие причинения вреда возникают и регулируются в рамках гражданского права...»⁵⁶⁶.

Таким образом, основания ответственности за совершение антиконкурентных деяний составляют суть нарушения запретов ФЗ «О защите конкуренции», в то время как дифференциация ответственности осуществляется по отраслевым признакам – признакам гражданско-правовых деликтов, административных правонарушений, содержащихся в описании статей Особенной части КоАП, признакам преступления, согласно УК РФ, которые можно назвать как общими (деликты), так и специальными (административные правонарушения и преступления).

Применением гражданско-правовых средств защиты может сопровождаться и дело об административном правонарушении, и уголовное дело. Согласно п. 3 ст. 37 ФЗ «О защите конкуренции», лица, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, вправе обратиться в установленном порядке в суд, арбитражный суд с исками, в том числе с исками о восстановлении нарушенных прав, возмещении убытков, включая упущенную выгоду, возмещении вреда, причиненного имуществу. Таким образом, в законе определено право на судебную защиту в случае причинения вреда

⁵⁶⁵ Паращук С. А. Недобросовестная конкуренция : содержание и правовые средства ее пресечения. С. 92; Денисова А. В. К вопросу о злоупотреблении доминирующим положением и ограничении конкуренции как о формах злоупотребления правом // Новый университет. 2016. № 9-1 (67). С. 8–10. (Экономика и право).

⁵⁶⁶ Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. С. 359.

антимонопольным правонарушением, включая картелем, недобросовестной конкуренцией, антиконкурентной деятельностью органов власти.

Следует отметить, что институт частных исков только начинает становление в России⁵⁶⁷ после многих лет невозможности такой защиты, одной из причин которой назывались затруднения с установлением размера ущерба⁵⁶⁸.

Гражданский кодекс РФ предусматривает различные способы защиты прав, содержащиеся в его ст. 12, однако ст. 37 ФЗ «О защите конкуренции» ограничивает перечень способов защиты. В отношении имущественных убытков, как сложилось исторически, применяются нормы об их возмещении. При этом, согласно п. 3 ст. 393 Гражданского кодекса РФ, размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности.

Не вдаваясь в анализ отличия понятий «убытки» и «ущерб» и рассматривая их как относительно тождественные явления, отметим, что и в гражданском, и в уголовном праве особенно остро стоит проблема возмещения ущерба, причиненного картелем. Несмотря на то, что существуют отдельные методики определения размера причиненного ущерба, в ходе проведенного исследования не было выявлено случаев удовлетворения исков о возмещении ущерба, причиненного картелем. Здесь имеет место один существенный факт, установленный при анализе арбитражной практики: какую бы методику расчета ущерба пострадавшее от антиконкурентного соглашения лицо ни выбрало, нужно доказать причинно-следственную связь между ущербом и соглашением. Из-за сложности ее установления отказ суда удовлетворить иск о взыскании ущерба является частым явлением.

Не вызывает трудностей определение убытков, как правило, в виде упущенной выгоды, возникшей из-за препятствий, чинимых конкурентами, и невозможностью в связи с этим участвовать в торгах, так как цена вопроса известна заранее из

⁵⁶⁷ Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства // *Lex Russica*. 2017. № 5 (126). С. 97, 103.

⁵⁶⁸ Рудомино В., Нумерова А. Частноправовые иски в антимонопольном праве : теория и практика применения в России // *Корпоративный юрист*. 2010. № 5. С. 47–51; Пантюхина Н. К вопросу о частных исках... // *Конкуренция и право*. 2013. № 5. С. 25–30.

условий проведения торгов. В случае классического картеля установить точный размер убытков (ущерба) не представляется возможным в силу длительности существования соглашения и (или) иных факторов, порой даже не связанных с существованием картеля на том или ином товарном рынке⁵⁶⁹. Таким образом, при дифференциации ответственности за картель гражданско-правовая и уголовная имеют общие проблемы их реализации, связанные со сложностью установления размера причиненного ущерба и его доказывания.

Правовая конструкция недобросовестной конкуренции, закрепленная в ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», соответствует общим нормам гражданского права о деликте, предусмотренном ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, о том, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Следует отметить, что противоправность действия хозяйствующего субъекта при недобросовестной конкуренции определяется не только их противоречием закону, но и обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, которые законодательного определения не имеют. Данная характеристика недобросовестной конкуренции в цивилистике признается основной⁵⁷⁰.

По своей природе право на защиту от недобросовестной конкуренции означает субъективное право лица. При причинении вреда потерпевшему от недобросовестной конкуренции возникает деликтное обязательство, его объект – это возмещение, которое причинитель вреда обязан предоставить потерпевшему. Такое возмещение, как правило, выступает в форме возмещения убытков, компенсации морального вреда⁵⁷¹, а также компенсации убытков, в том числе

⁵⁶⁹ Даниловская А. В. Выплата компенсации как способ защиты прав, нарушенных деятельностью картеля // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство : актуальные вопросы теории и практики : материалы 2-й Всероссийской науч.-практич. конф. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та. 2017. С. 12–16.

⁵⁷⁰ Парашук С. А. Недобросовестная конкуренция : содержание и правовые средства ее пресечения. С. 111.

⁵⁷¹ Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом : дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 150–167.

нематериальных, причиненных умалением деловой репутации юридического лица, или нематериального вреда, имеющего собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения⁵⁷². Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» право требовать возмещения убытков, причиненных распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, в равной мере признается и за гражданами, и за юридическими лицами. Таким образом, способом защиты от недобросовестной конкуренции, связанной с посягательством на деловую репутацию хозяйствующего субъекта, также может быть возмещение убытков.

Правила ст. 37 ФЗ «О защите конкуренции» не содержат каких-либо исключений в отношении ответственности органов власти и их должностных лиц. Следовательно, институт гражданско-правовой ответственности, содержащий вышеперечисленные средства защиты, может быть в установленных данной статьей пределах применен и к органам власти или местного самоуправления, и их должностным лицам в целях восстановления нарушенных прав, возмещения убытков, возмещения вреда, причиненного имуществу.

Как было отмечено, гражданско-правовая ответственность тесно связана как с административной, так и уголовной ответственностью. Во-первых, нарушение антимонопольного законодательства, как содержащего признаки административного правонарушения, так и признаки преступлений, может быть опосредовано гражданским правоотношением, «вытекать» из него. Во-вторых, защита гражданских прав, пострадавших от антиконкурентных деяний, может быть реализована непосредственно в рамках административного или уголовного производства, в частности:

⁵⁷² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 г. № 508-О // СПС «КонсультантПлюс».

1) при добровольном возмещении лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного ущерба или добровольном устранении причиненного вреда, согласно п. 6 ст. 4.2 КоАП;

2) путем возмещения причиненного ущерба или иным образом заглаживания причиненного вреда при реализации условий освобождения от уголовной ответственности, согласно п. 3 примечания к ст. 178 УК РФ, либо путем возмещения ущерба, причиненного гражданину, юридическому лицу или государству, в порядке ч. 2 ст. 76¹ УК РФ при освобождении от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и п. «в» ч.2 ст. 178, ч. 1 ст. 185³, ст. 185⁶, а также ч. 1 и 2 ст. 180 УК РФ;

3) применением института конфискации, значение которого может быть разным:

а) в отношении преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 183 УК РФ, при изъятии имущества, согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, учитываются имущественные интересы потерпевшего и решается вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу, в том числе за счет имущества, подлежащего конфискации⁵⁷³;

б) в отношении всей группы антиконкурентных преступлений при изъятии, согласно п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, осуществляется окончательное пресечение противоправной деятельности, в частности, при производстве и введении в оборот контрафактных товаров, имеющее превентивное значение;

в) применение конфискации контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного

⁵⁷³ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

правонарушения, а также предметов, содержащих незаконное воспроизведение средства индивидуализации, материалов и оборудования, используемых для их производства, и иных орудий совершения административного правонарушения в качестве административного наказания за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП, чем пресекается нарушение исключительных прав на охраняемые объекты интеллектуальной собственности;

4) при изъятии и уничтожении в порядке п. 6 и 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ контрафактных товаров, нарушающих права на объекты интеллектуальной собственности, являющихся вещественными доказательствами по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146, 147, 180 УК РФ, чем окончательно решается вопрос о прекращении нарушения исключительных прав на указанные объекты в соответствии с п. 4 и 5 ст. 1252 Гражданского кодекса РФ.

Перечисленные во втором случае аспекты пересечения гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности при защите прав потерпевших от антиконкурентных деяний характеризуют противоположное дифференциации явление – унификацию ответственности, которую относительно приведенных примеров можно назвать межотраслевой унификацией ответственности. Как отмечено Л.Л. Кругликовым, унификация предполагает обеспечение единообразия в подходе к сходным ситуациям⁵⁷⁴. Представляется, что данный тезис нашел отражение в гражданско-правовом институте возмещения причиненного ущерба, имеющем общеправовой характер, но разные способы возмещения, в частности в административном и уголовном законодательстве, а также в институте защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности путем пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, и изъятия материального носителя, признанного контрафактным.

Административная и уголовная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства относятся к штрафной, карательной ответственности. Выделяется в науке и такой вид ответственности, как

⁵⁷⁴ Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности : соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 11–12.

антимонопольная, под которой предлагается понимать юридическую ответственность, применяемую к хозяйствующим субъектам и органам власти, ограничивающим, устраняющим, не допускающим конкуренцию в порядке, определенном ФЗ «О защите конкуренции». Ее мерами называются: 1) перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного хозяйствующим субъектом в результате нарушения антимонопольного законодательства; 2) разделение, выделение хозяйствующих субъектов в порядке ст. 38 ФЗ «О защите конкуренции»; 3) исполнение предписания антимонопольного органа⁵⁷⁵. Данные меры ответственности реализуются в деятельности антимонопольного органа в рамках административного производства по делу о нарушении запретов ФЗ «О защите конкуренции».

В науке отмечается общая проблема административной и уголовной ответственности: нормы, содержащие описание административных правонарушений, совершаемых против добросовестной конкуренции, сформулированы как бланкетные, что вызывает сложности их применения⁵⁷⁶, аналогичным в уголовном праве.

Между тем основанием межотраслевой дифференциации выступает характер вредоносности соответствующего вида поведения, определяемый по таким правилам, как преемственность, четкость⁵⁷⁷. Под преемственностью В.Ф. Лапшин понимает установление различных видов юридической ответственности за совершение однородных правонарушений, отличающихся друг от друга общественной опасностью⁵⁷⁸. Таким образом, гражданско-правовая ответственность за антиконкурентные деяния не может всегда включаться в

⁵⁷⁵ Башлаков-Николаев И. В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции : монография. М. : Статут, 2014. С. 33–34.

⁵⁷⁶ Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции : проблемы и пути совершенствования. С. 214.

⁵⁷⁷ Кругликов Л. Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники // Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции «Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики» / Отв. за выпуск Л. Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 7.

⁵⁷⁸ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 305.

межотраслевую дифференциацию ответственности из-за отсутствия ее преемственности, когда данный вид ответственности существует одновременно с административной и уголовной. Этот вывод не распространяется на случаи, при которых отсутствие признаков административного правонарушения или преступления может повлечь только гражданско-правовую ответственность. В некоторой степени данное суждение имеет отношение и к административной, и к уголовной ответственности. В частности, преемственность уголовной ответственности исключена, если субъектом ответственности может быть только юридическое лицо.

Определяя чёткость осуществления межотраслевой дифференциации ответственности, В.Ф. Лапшин отмечает, что соответствующие составы, например административного правонарушения и преступления, являются смежными, а их разграничение производится только на основании криминообразующего признака⁵⁷⁹. Здесь полагаем уместным уточнить, что составы, скорее, должны совпадать в основном, быть почти идентичными, посягая в первую очередь на один и тот же объект, отличаясь лишь криминообразующими признаками. Таким образом, четкость межотраслевой дифференциации – это совпадение административного правонарушения и преступления по отдельным признакам их составов. Но, по всей видимости, имеют место и смежные, и идентичные составы, что следует из анализа межотраслевой дифференциации за антиконкурентные деяния. Так, составы деяний могут иметь одинаковый объект посягательства, но различаться в основных признаках объективной стороны – способах его совершения. Также противоправные деяния могут посягать на равнозначные, но разные объекты, например, объекты авторских прав и объекты патентных прав, при этом признаки их объективной стороны совпадают в основном.

Преемственность в той или иной степени можно обнаружить в большинстве случаев ответственности за антиконкурентные деяния.

Основному составу антиконкурентного преступления «Ограничение конкуренции» соответствует состав административного правонарушения,

⁵⁷⁹ Лапшин В. Ф. Указ. соч. С. 306.

предусмотренного ч. 1 ст. 14.32 КоАП «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности». Признаки административно наказуемого картеля сформулированы иначе. В частности, деяние определено в ч. 1 как заключение хозяйствующим субъектом соглашения, признаваемого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации картелем, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 14.32, либо участие в нем. Представляется, что картель как административное правонарушение сформулировано удачнее, ибо в нем отсутствуют такие признаки объективной стороны, как «ограничение конкуренции» и «ограничивающее конкуренцию соглашение», вызывающие критику в научном сообществе и проблемы в правоприменении, а также содержится указание на субъект правонарушения, которым могут быть должностные лица и юридические лица. Однако, исходя из анализа арбитражной практики, о чем было сказано ранее, отсутствие перечисленных признаков не влияет на позицию суда о необходимости устанавливать ограничение конкуренции или иные вредные последствия на товарном рынке при выявлении на нем картеля.

Между тем следует отметить дифференциацию в рамках одной статьи КоАП: ст. 14.32 КоАП устанавливает ответственность за все виды антиконкурентных соглашений, согласованные действия и экономическую координацию, предусмотрев признаки деяний в разных частях статьи (ч. 1–7). Особо выделяется отдельное описание двух видов антиконкурентного соглашения в ч. 2 ст. 14.32: а) картеля, реальными или вероятными последствиями которого названы повышение, снижение или поддержание цен на торгах; б) сговора на торгах, объективными признаками которого является соглашение между организаторами торгов и (или) заказчиками с участниками этих торгов, если такое соглашение имеет своей целью либо приводит или может привести к ограничению конкуренции и (или) созданию преимущественных условий для каких-либо участников, либо участие в них.

Выделение двух указанных видов антиконкурентных соглашений объясняется правильным подходом к необходимости дифференциации этих соглашений и

предопределено их разной природой, в частности сговором на торгах как самостоятельным типом соглашений. В контексте выдвинутой в рамках данного исследования идеи о необходимости отдельной криминализации сговоров на торгах дифференциация административно и уголовно наказуемых сговоров на торгах должна осуществляться по субъекту ответственности. В частности, административной ответственности должны подлежать юридические лица, уголовной – физические лица, виновные в заключении и исполнении антиконкурентного соглашения на торгах.

При введении уголовной ответственности должностных лиц за заключение антиконкурентных соглашений в авторской редакции, положения КоАП об административной ответственности должностных лиц следует скорректировать, оставив ее лишь за согласованные действия, или исключить.

КоАП содержит самостоятельный состав недобросовестной конкуренции, предусмотренный ст. 14.33, в которой есть оговорка об уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию: статья применяется к актам недобросовестной конкуренции, если действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Административно наказуемая недобросовестная конкуренция не имеет четких признаков объективной стороны, кроме предусмотренных ч. 2, в которой речь идет о недобросовестной конкуренции с незаконным введением в оборот объектов интеллектуальной собственности. Следовательно, остальные формы недобросовестной конкуренции, предусмотренные ФЗ «О защите конкуренции», не связанные с оборотом объектов интеллектуальной собственности, подпадают под ч. 1 ст. 14.33 КоАП. Субъектами административной ответственности выступают должностные лица и юридические лица. В целом, как отмечает А.Ю. Кинев, размытость границ недобросовестной конкуренции, проявляющаяся в отсутствии закрытого перечня ее форм, приводит к неправильной квалификации действий хозяйствующих субъектов, нарушающих нормы антимонопольного

законодательства⁵⁸⁰, что не создает устойчивости практике применения этой статьи в противодействии недобросовестной в конкуренции.

Таким образом, УК РФ не является в этой части преемственным актом, поскольку не содержит специального состава преступления, признаки которого описывали бы недобросовестную конкуренцию как самостоятельный от нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности, предусмотренных ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ, состав преступления.

В свою очередь отдельные нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности наказываются, согласно КоАП, независимо от недобросовестной конкуренции и предусмотрены ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП. Сопоставление признаков составов этих административных правонарушений с корреспондирующими им составами преступлений, совершаемых в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, представляет интерес для анализа современного состояния их признаков и перспектив изменения в целях уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции. В равной мере такой анализ имеет отношение и к административному составу клеветы, манипулированию рынком, нарушению требований законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации.

Признаки нарушения авторских и смежных прав, изобретательских и патентных помещены в КоАП в одну статью – 7.12 гл. «Административные правонарушения в области охраны собственности». КоАП предусматривает ответственность за плагиат только в отношении объектов патентного права и содержит существенно отличимые от состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, признаки объективной стороны нарушения авторских и смежных прав. В частности, ч. 1 ст. 7.12 предусматривает ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными либо на экземплярах произведений или

⁵⁸⁰ Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции : проблемы и пути совершенствования. С. 141.

фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода.

Таким образом, акцент в дифференциации ответственности в рассматриваемом случае сделан, во-первых, на средства совершения правонарушения, в качестве которого выступают являющиеся контрафактными экземпляры произведений или фонограмм, то есть материальные объекты, а не сами объекты авторских или смежных прав; во-вторых, на специально перечисленные способы незаконного использования; в-третьих – на цель незаконного использования, под которой, в отличие от ст. 146 УК РФ, понимается извлечение дохода.

Состав нарушения патентных и изобретательских прав полностью идентичен составу преступления, предусмотренному ст. 147 УК РФ, кроме признака крупного ущерба, являющегося криминообразующим. Таким образом, в данном случае отражена преемственность уголовной ответственности.

Субъектами административной ответственности в перечисленных случаях нарушения авторских, смежных, изобретательских и патентных прав являются граждане, должностные лица и юридические лица.

Ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров дифференцируется не только по ч. 1 ст. 180 УК РФ и ст. 14.10 КоАП, где в основе разграничения лежат криминообразующие признаки в виде неоднократности и крупного ущерба, но и в рамках одной ст. 14.10 по признакам объективной стороны. Так, производство в целях сбыта либо реализация товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров (ч. 2), наказывается жестче, чем иное незаконное использование обозначенных средств индивидуализации (ч. 1).

Субъектом ответственности названы граждане, должностные лица и юридические лица.

Отсюда вывод: преемственность дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации сохранена, однако КоАП содержит детализацию способов незаконного использования, устанавливая отдельно административную ответственность за производство в целях сбыта либо реализацию товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров.

Между тем в контексте изложенной ранее идеи о новом криминообразующем признаке незаконного использования средств индивидуализации, совершенном в коммерческом масштабе, есть основания для межотраслевой дифференциации, ибо производство в целях сбыта входит в понятие коммерческого масштаба в связи с механизацией, автоматизацией и массовостью производства контрафактного товара. Представляется, что дифференциация должна осуществляться в таком случае по признаку субъекта нарушения - субъектом административной ответственности по ч. 2 ст. 14.10 КоАП должно являться только юридическое лицо, субъектом уголовной ответственности – виновное физическое лицо, как обладающее статусом индивидуального предпринимателя, так и без такового, а также лицо, осуществляющее управленческие функции в организации.

Существует преемственность и в отношении клеветы. Так, полностью идентичный части 1 ст. 128¹ УК РФ состав клеветы в ст. 5.61.1 КоАП влечет ответственность только юридических лиц. Содержится указанная статья КоАП в гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», следовательно, как и при уголовной ответственности потерпевшим от клеветы может быть только физическое лицо. Соответственно разграничение между административной и уголовной ответственностью за клевету осуществляется по ее субъекту.

Оба кодекса содержат составы, называемые «Манипулирование рынком». В КоАП это ст. 15.30 гл. 15 «Административные правонарушения в области

финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней», которая, по сути, не содержит какого-либо описания деяния. В ней лишь говорится о «манипулировании рынком, если это деяние не содержит уголовно-наказуемого деяния». В настоящем исследовании манипулирование рынком рассматривается как форма недобросовестной конкуренции. Однако помещение данной статьи в гл. 15 КоАП свидетельствует о ее направленности на защиту финансовых интересов, интересов инвесторов. Субъект ответственности – граждане, должностные лица, юридические лица.

Неправомерное использование инсайдерской информации также имеет свои основания ответственности в КоАП и УК РФ. Каждый кодекс предусматривает самостоятельный состав, связанный с разными проявлениями оборота инсайдерской информации. Так, в КоАП в ст. 15.35 диспозиция правовой нормы содержит описание неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по раскрытию инсайдерской информации (ч. 1), ведению списка инсайдеров и уведомлению лиц, включенных в список инсайдеров (ч. 2), обязанности уведомлять Банк России о некоторых видах сделок (ч. 3), по принятию мер, направленных на предотвращение, выявление или пресечение злоупотреблений на финансовых и товарных рынках (ч. 4). Субъект ответственности – должностные лица и юридические лица. Соответственно составы, содержащие признаки административного правонарушения и преступления, являются смежными, содержащими разные признаки объективной стороны, не имеющими прямой преемственности. В то же время существует прямая преемственность видов ответственности за исключительно неправомерное использование инсайдерской информации, которая предопределена ст. 15.21 КоАП «Неправомерное использование инсайдерской информации», предусматривающей административную ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния.

Нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, помимо ст. 200⁴ УК РФ, влекут ответственность согласно ст. 7.30 КоАП РФ. Статья весьма объемна по содержанию и предусматривает детально различные виды нарушений в обозначенной сфере. В основном, субъектом административных правонарушений, предусмотренных данной статьей, являются должностные лица (ч. 1 п. 1.1-1.4, ч. 15), в то же время должностное лицо обозначено в санкциях статьи, как субъект наказания в виде штрафа (ч. 1 п.1.5-1.7, ч. 2-9, ч. 11-14). В ч. 10 указан иной субъект правонарушения - оператор электронной площадки, допустивший нарушение порядка проведения аукциона в электронной форме, а также порядка аккредитации участника такого аукциона, установленного законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Уголовно-правовой запрет распространяется на лиц, не являющихся должностными, таким образом, разграничение административной и уголовной ответственности осуществляется по виду субъекта и по признакам объективной стороны.

При сопоставлении административной и уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства органами власти или местного самоуправления, их должностными лицами наблюдается некоторое совпадение их признаков, которое обнаруживается как при анализе правовых норм, так и в результате исследования практики их применения. Так, предусмотренному ст. 14.9 КоАП деянию «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления» по внешним признакам корреспондирует преступление, предусмотренное ст. 169 УК РФ, но только в случае прямого нарушения антимонопольного законодательства. Состав административного правонарушения включает в себя следующие признаки:

- ч. 1 – действия (бездействие) должностных лиц органов власти и местного самоуправления, государственных внебюджетных фондов, а также организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению,

ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности;

•ч. 2 – деяния, предусмотренные ч. 1, если такие должностные лица были ранее подвергнуты административному наказанию за аналогичное административное правонарушение.

Таким образом, объективная сторона правонарушения построена на основе запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции», то есть суть правонарушения четко определена как индивидуальное антиконкурентное поведение должностных лиц органов власти и управления. В сравнении с этими признаками состав преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, выглядит более широким, поскольку описанные в его объективной стороне деяния могут и не иметь антиконкурентной направленности. При этом оба состава являются формальными и не предусматривают признаков, которые бы разграничили правонарушение и преступление в случае воспрепятствования должностным лицом законной предпринимательской деятельности с целью ограничения конкуренции. В результате, нарушение запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции» может быть квалифицировано и по статье КоАП, и по статье УК РФ, что требует вмешательства законодателя и приведения нормативных актов в непротиворечивое состояние, исключаящее конкуренцию разноотраслевых правовых норм.

В то же время сговор органа власти с хозяйствующими субъектами квалифицируется по ч. 7 уже названной ст. 14.32 КоАП, в частности как заключение федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов, органом или организацией либо государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством РФ соглашения либо осуществление указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством согласованных действий. Прямой преемственности в УК РФ данному основанию ответственности нет. Деяния, образующие сговор должностных лиц органов власти с хозяйствующими

субъектами, напрямую не криминализованы. Конкретные противоправные действия должностных лиц, без оценки сговора как такового, квалифицируются на практике по ст. 169, 285 или 286 УК РФ. В данном случае нет оснований говорить о прямой преемственности ответственности.

Итак, отмечается конкуренция правовых норм, предусмотренных ч. 1 ст. 14.9 КоАП и ч. 1 ст. 169 УК РФ, при квалификации действий должностного лица, содержащего нарушение запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции», и ч. 7 ст. 14.32 КоАП и ч. 1 ст. 169, ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ при квалификации сговора должностного лица и хозяйствующего субъекта. Следует отметить, что такая конкуренция правовых норм уже отмечалась ранее в науке⁵⁸¹.

КоАП содержит ряд составов административных правонарушений в сфере конкуренции, которые не получили преемственности в УК РФ:

- ст. 14.31 «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке» (деяние декриминализовано);

- ст. 14.40 «Нарушение антимонопольных правил, установленных федеральным законом, при осуществлении торговой деятельности», предусматривающая ответственность, в частности, за создание хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, или хозяйствующим субъектом, осуществляющим поставки продовольственных товаров в торговые сети, дискриминационных условий, определяемых в соответствии с ФЗ «О защите конкуренции».

Имеется также противоположная ситуация, когда УК РФ предусматривает уголовную ответственность, например, за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в отношении которых отсутствуют смежные составы в КоАП. В то же время перечисленные деяния, рассматриваемые как формы недобросовестной конкуренции, могут быть квалифицированы, согласно ст. 14.33 КоАП, в отсутствие

⁵⁸¹ Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. С. 15.

признаков преступлений, предусмотренных УК РФ, так как, во-первых, согласно ФЗ «О защите конкуренции», перечень форм недобросовестной конкуренции не является исчерпывающим, во-вторых, субъектом административной ответственности выступает юридическое лицо. В последнем случае деяние может быть квалифицировано по указанной статье КоАП и при наличии признаков преступления. Соответственно, если неправомерное распространение охраняемой законом тайны использовано в качестве конкурентного преимущества, антимонопольный орган может привлечь виновное лицо к административной ответственности за недобросовестную конкуренцию. Так, в антимонопольный орган с заявлением обратилась АНО ДПО «Лингвистический холдинг «Брайт». По результатам его рассмотрения Ульяновское УФАС выявило в действиях культурно-образовательного центра АНО ДО «РКОЦ «Смарт» признаки нарушения ст. 14.7 ФЗ «О защите конкуренции», которые выразились в незаконном получении и использовании бывшими работниками заявителя, перешедшими работать в АНО ДО «РКОЦ «Смарт», коммерческой информации конкурента (базу персональных данных клиентов), составляющих его коммерческую тайну. Организации было выдано предупреждение о прекращении использования информации, которое было исполнено⁵⁸².

Таким образом, признаки основных административных составов клеветы, нарушения изобретательских и патентных прав, нарушения прав на средства индивидуализации, манипулирования рынком, в меньшей степени – нарушения авторских и смежных прав, заключения и реализация картеля, нарушения требования законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления корреспондируют соответствующим признакам составов преступлений. Почти все составы, кроме нарушения изобретательских и патентных прав, клеветы, нарушения прав на средства индивидуализации, неправомерного использования

⁵⁸² Постановление арбитражного суда Поволжского округа Ф06-69251/2020 от 21.01.2021 г. по делу № А72-18468/2019 // URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 16.07.2022).

инсайдерской информации не отвечают правилам четкости межотраслевой дифференциации ответственности. КоАП содержит четыре статьи, предусматривающие административную ответственность за прямое нарушение запретов ФЗ «О защите конкуренции», – ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33; при этом в ст. 14.32 содержится 7 самостоятельных оснований административной ответственности за нарушение антимонопольных запретов; в УК РФ – только ст. 178. Следовательно, прямой преемственности нет в отношении большинства составов административных правонарушений в сфере добросовестной конкуренции.

Анализ межотраслевой дифференциации ответственности за совершение административных правонарушений и преступлений, имеющих признаки антиконкурентных деяний, свидетельствует о некоторой преемственности в санкциях (таблица 15).

Таблица 15 – Основные виды наказаний физических лиц за совершение административных правонарушений и преступлений, имеющих признаки антиконкурентных деяний

Вид деяния	Административные наказания	Уголовные наказания
Картель (ч. 1 ст. 14.32 КоАП и ч. 1 ст. 178 УК РФ)	Штраф на должностных лиц от 40 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация от 1 года до 3 лет	Штраф от 300 тыс. до 500 тыс. руб., либо лишение свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 1 года либо без такового
Незаконный оборот объектов авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 7.12 КоАП и ч. 2 ст. 146 УК РФ)	Штраф на граждан – 1500 до 2000 руб. с конфискацией; на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб. с конфискацией	Штраф до 200 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет
Незаконный оборот объектов патентных прав (ч. 2 ст. 7.12 КоАП и ст. 147 УК РФ)	Штраф на граждан – 1500 до 2000 руб.; на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб.	Штраф до 200 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет
Незаконное использование средств	Штраф на граждан - от 5000 до 10 тыс. руб.	Штраф от 100 тыс. до 300 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до

индивидуализации (ч. 1 ст. 14.10 КоАП и ч. 1 ст. 180 УК РФ)	с конфискацией; на должностных лиц – от 10 тыс. до 50 тыс. руб. с конфискацией	480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб.
Манипулирование рынком (ст. 15.30 КоАП и ст. 185 ³ УК РФ)	Штраф на граждан от 3000 до 5000 руб.; на должностных лиц – от 30 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация на срок от 1 года до 2 лет	Штраф от 300 тыс. до 500 тыс. руб. принудительные работы на срок до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового, лишение свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 50 тыс. руб. либо без такового с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.
Неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 15.21 КоАП и ст. 185 ⁶ УК РФ)	Штраф на граждан от 3000 до 5000 руб.; на должностных лиц – от 30 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация на срок от 1 года до 2 лет	Штраф от 300 тыс. до 500 тыс. руб. принудительные работы на срок до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового, лишение свободы на срок от 2 до 4 лет со штрафом в размере до 50 тыс. руб. либо без такового с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.
Ограничение конкуренции органами власти и местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП и ч. 1 ст. 169 и ч. 1 ст. 286 УК РФ)	Штраф на должностных лиц в размере от 15 тыс. до 50 тыс. руб.	Ст. 169: штраф от 200 тыс. до 500 тыс. руб., лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб.; обязательные работы на срок до 360 часов Ст. 286: штраф до 80 тыс. руб., либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, либо лишение свободы на срок до 4 лет.

Анализ санкций иных видов правонарушений и преступлений не проводился в силу отсутствия прямой преемственности между ними.

Из приведенной в таблице информации можно сделать вывод о том, что административные наказания не выглядят достаточными для достижения целей

административной ответственности. Совпадающими мерами наказания по отдельным видам противоправных деяний являются штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что равнозначно административному наказанию дисквалификации. Размеры штрафов за административные наказания и преступления имеют существенные перепады, что значительно снижает уровень административной ответственности. Отдельные виды административных правонарушений имеют только основное наказание в виде штрафа. При этом вызывает сомнение эффективность административного наказания за ограничение конкуренции должностными лицами органов власти и местного самоуправления в связи с отсутствием такого наказания, как дисквалификация должностного лица.

Таким образом, административные санкции явно нуждаются в их пересмотре. В частности, необходимо увеличение размеров штрафов, включение дополнительных административных наказаний. В то же время вызывают вопросы и некоторые уголовные наказания в их соотношении с административными. Так, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания за картель назначается на срок меньше, чем дисквалификация за административный картель.

КоАП содержит также основание административной ответственности за невыполнение в установленный срок законного решения, предписания федерального антимонопольного органа, его территориального органа о прекращении нарушений антимонопольного законодательства, в частности ограничивающих конкуренцию соглашений (ч. 2.1 ст. 19.5), недобросовестной конкуренции (ч. 2.5 ст. 19.5). Предусмотрена административная ответственность и за такое противодействие антимонопольному органу, как непредставление ходатайств, уведомлений (заявлений), сведений (информации) в федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы, которые должны предоставляться в соответствии с антимонопольным законодательством, представление заведомо недостоверных сведений (ч. 3–8 ст. 19.8). Ответственность за эти нарушения не является преемственной в УК РФ, несмотря на международные

рекомендации (Типовой закон о конкуренции ООН) устанавливать уголовную ответственность за подобные противодействия антимонопольному органу и предусматривать для физических лиц, виновных в таких нарушениях, санкции в виде лишения свободы. Проблема ответственности за эти виды нарушений рассматривалась в науке давно⁵⁸³, однако в законодательстве не происходит соответствующих изменений.

Осуществляется межотраслевая дифференциация ответственности и при решении вопроса о применении программы освобождения от ответственности за картель, условия которого предусмотрены как в УК РФ, так и в КоАП и образуют в целом программу смягчения ответственности за картель, призванную способствовать повышению эффективности выявления картелей и их расследования. Согласно примечанию к ст. 14.32 КоАП, освобождению подлежит как физическое, так и юридическое лицо, первым выполнившее ряд условий, в частности:

- на момент обращения лица с заявлением антимонопольный орган не располагал соответствующими сведениями и документами о совершенном административном правонарушении;
- лицо отказалось от участия или дальнейшего участия в соглашении либо от осуществления или дальнейшего осуществления согласованных действий;
- представленные сведения и документы являются достаточными для установления события административного правонарушения.

Помимо этого, только в отношении юридических лиц применяются специальные правила смягчения и ужесточения наказания, назначения минимального размера «оборотного» штрафа за антиконкурентные соглашения. Примечание не применяется в отношении юридического лица, являющегося организатором недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения, а также допустившего принуждение иных лиц к

⁵⁸³ Денисова А. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом. С. 142–147.

совершению административного правонарушения либо к продолжению участия в ограничивающих конкуренцию соглашениях.

Примечание к ст. 178 УК РФ предусматривает несколько иные основания освобождения от уголовной ответственности за картель, отражающие особенности уголовной ответственности: 1) лицо первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении; 2) активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию; 3) возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред; 4) в его действиях не содержится иной состав преступления.

Таким образом, межотраслевая дифференциация освобождения от ответственности осуществляется, во-первых, по субъекту ответственности, во-вторых, по аспектам взаимодействия с органами государства, в-третьих, по наличию в действиях лица иного противоправного поведения (для освобождения от административной ответственности требуется не продолжать монополистическую деятельность), в-четвертых, возмещению вредных последствий, которое необходимо только для уголовной ответственности.

Важно, что обеими программами при привлечении и к административной, и к уголовной ответственности могут воспользоваться физические лица. В этой связи в применении правил освобождения от ответственности за картель в административном и уголовном праве имеется ряд взаимосвязанных проблем. Так, сложности применения института освобождения от уголовной ответственности за картель вызывает отсутствие юридической связи между административно-правовым и уголовно-правовым институтами, в результате чего: 1) физическое (должностное) лицо, освобожденное от административной ответственности по ст. 14.32 КоАП, может быть привлечено к уголовной ответственности за те же действия; 2) полученные при проведении административного производства доказательства соглашения не могут быть применимы в уголовном деле⁵⁸⁴. Освобождение от уголовной ответственности физического лица при этом не

⁵⁸⁴ Алешин К. Н., Максимов С. В. Добровольное сообщение о заключении картеля : назревшие реформы // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4. С. 32.

означает автоматическое освобождение от административной ответственности юридических лиц–участников картеля по ст. 14.32 КоАП и наоборот, так как набор уголовно-правовых и административно-правовых условий освобождения существенно различается.

Что касается первых двух случаев, то данная проблема, как представляется, должна быть решена в рамках изменения государственного подхода к взаимодействию антимонопольного и правоохранительных органов. Только закрепленные законодательно основы такого взаимодействия, в частности взаимное оперативное извещение органов власти о выявлении картеля, могут устранить такие ситуации. В третьем случае следует разграничивать ответственность юридических лиц и ответственность физических лиц: если признаки правонарушения установлены, то виновное лицо должно привлекаться к ответственности даже при наличии оснований освобождения от нее иных субъектов этого же правонарушения.

В практике правоохранительных органов нет случаев применения примечания к ст. 178 УК РФ в противоположность опыту антимонопольного органа, в деятельности которого такая программа применяется. Так, антимонопольным органом правила освобождения от административной ответственности были применены в 2015 г. – 46 раз, в 2016 г. – 91, в 2017 г. – 118, в 2018 г. – 89, в 2019 г. – 67, в 2020 г. – 146 раз⁵⁸⁵.

Проведенный анализ межотраслевой дифференциации позволяет сделать следующие выводы. Межотраслевая дифференциация ответственности осуществляется по отраслевым признакам – признакам гражданско-правовых деликтов, административных правонарушений, содержащихся в описании статей Особенной части КоАП, признакам преступления, согласно УК РФ, которые можно назвать как общими (деликты), так и специальными (административные правонарушения и преступления). При анализе положений КоАП и их сопоставлении с соответствующими положениями УК РФ установлен факт того,

⁵⁸⁵ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007–2020 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 11.06.2021).

что прямой преемственности в УК РФ нет в отношении большинства составов административных правонарушений против добросовестной конкуренции. В то же время имеющаяся дифференциация ответственности осуществлена по субъекту ответственности, способам нарушения. Анализ санкций за антиконкурентные правонарушения приводит к выводу о необходимости усиления административных наказаний. Существует межотраслевая дифференциация освобождения от ответственности. Однако правила освобождения от административной ответственности являются более гибкими, что позволяет эффективно их применять.

§ 3 Средства дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию

Единых подходов к пониманию и классификации средств дифференциации в науке пока не выработано. Не вдаваясь в суть дискуссии, приведем одно, как представляется, из оптимальных определений средств дифференциации уголовной ответственности: это обстоятельства, сила влияния которых на ответственность определена в уголовном законе⁵⁸⁶.

К средствам дифференциации уголовной ответственности в учении о дифференциации относят: 1) привилегирующие признаки; 2) квалифицирующие признаки; 3) санкции статей; 4) специальные основания освобождения от уголовной ответственности⁵⁸⁷.

Привилегирующие признаки

Они содержатся лишь в одном составе преступления, предусмотренном ч. 2 ст. 180 УК РФ, которой установлена ответственность за незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения

⁵⁸⁶ Грибов А. С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 16.

⁵⁸⁷ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. С. 206; Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 187–192.

товара. Конститутивными признаками являются неоднократность или причинение крупного ущерба.

Как было отмечено, не зарегистрированный товарный знак, не зарегистрированное наименование места происхождения товара не являются охраняемыми средствами индивидуализации, а предупредительная маркировка не является средством индивидуализации по сути. В то же время основы их правовой охраны заложены в п. 5 ст. 1515 Гражданского кодекса РФ, согласно которой лицо, производящее предупредительную маркировку по отношению к не зарегистрированному в Российской Федерации товарному знаку, несет ответственность в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

В практике данное преступление встречается нечасто. Деяние является преступлением небольшой тяжести, альтернативная санкция предусматривает наказание в виде штрафа, исправительных или обязательных работ.

Данный состав преступления может иметь место при недобросовестной конкуренции и подпадает под признаки ч. 1 ст. 14.4 ФЗ «О защите конкуренции». Как было отмечено ранее, такое нарушение может представлять собой грубое недобросовестное поведение, связанное с обманом, введением в заблуждение относительно неправомерно используемой предупредительной маркировки средства индивидуализации, и влечь неблагоприятные последствия на товарном рынке. По сути, это прямое посягательство на добросовестную конкуренцию в случае совершения деяния хозяйствующим субъектом. В защите от такого нарушения нуждаются как частные, так и публичные интересы. Следовательно, выглядит сомнительной позиция законодателя об отнесении данного вида преступного деяния к категории преступлений небольшой тяжести.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава преступления как средство дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию

Квалифицирующие (привилегирующие) признаки определяются в науке как указанные в законе характерные для части преступлений соответствующего вида

существенные обстоятельства, отражающие типовую, значительно измененную в сравнении с основным составом преступления степень общественной опасности содеянного и личности виновного и влияющие на законодательную оценку (квалификацию) содеянного и меру ответственности⁵⁸⁸.

Квалифицирующие признаки признаются традиционным⁵⁸⁹ и самым распространенным⁵⁹⁰ средством дифференциации уголовной ответственности в рамках уголовно-правовой нормы. Квалифицирующий признак должен отражать существенный перепад в уровне общественной опасности по сравнению с основным составом, быть типичным для вида преступления и нехарактерным для большинства деяний, описанных в основном составе, влияние признака должно быть безусловным и строго направленным⁵⁹¹.

Между тем, анализируя теорию и практику противодействия антиконкурентным преступлениям, включая вопросы дифференциации ответственности, следует согласиться с М.Г. Жилкиным в том, что законодатель явно непоследователен при использовании квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений в сфере предпринимательской деятельности⁵⁹² и не только в ней.

В составах антиконкурентных преступлений квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками являются:

1. соучастие в преступлении:

а) группа лиц (п. «б» ч. 3 ст. 146, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 180, ч. 2. ст. 200⁴, п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ),

б) организованная группа (п. «б» ч. 2 ст. 146, ч. 2 ст. 147, ч. 3 ст. 180, ч. 2 ст. 185³, п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ);

⁵⁸⁸ Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 244.

⁵⁸⁹ Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 243.

⁵⁹⁰ Кругликов Л. Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 120.

⁵⁹¹ Каплин М. Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 114.

⁵⁹² Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности : проблемы теории и практики. С. 190.

2. использование служебного положения (ч. 3 ст. 128¹, п. «г» ч. 2 ст. 146, п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ);
3. причинение крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере (ч. 2 ст. 169, ч. 3 ст. 183 УК РФ);
4. нарушение вступившего в законную силу судебного акта (ч. 2 ст. 169 УК РФ);
5. причинение особо крупного ущерба или извлечение дохода в особо крупном размере (п. «в» ч. 2 ст. 178, ч. 2 ст. 185³, ч. 3 ст. 200⁴ УК РФ);
6. совершение деяния в крупном размере (п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РФ);
7. сопряжение с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ);
8. применение насилия или угроза его применения (ч. 3 ст. 178, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ);
9. тяжкие последствия (ч. 4 ст. 183, ч. 3 ст. 285, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ);
10. корыстная (иная личная) заинтересованность (ч. 3 ст. 183, п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ);
11. клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ).

Как видно, квалифицирующие признаки являются весьма разнородными по своей природе. Из анализа научных источников и правоприменения следует, что наибольшую озабоченность вызывают квалифицирующие признаки ограничения конкуренции, а также материальные последствия в виде крупного ущерба, особо крупного размера преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180 УК РФ.

Основной состав преступления «Ограничение конкуренции» не содержит признаков соучастия в качестве квалифицирующих, однако предложение о включении признака «совершение преступления организованной группой»

содержится в законопроекте о внесении изменений в ст. 178 УК РФ. Как было отмечено ранее, картель – это всегда коллективная форма преступления, совершенная группой лиц по предварительному сговору, в связи с чем обсуждение данного признака как квалифицирующего не имеет смысла.

В то же время отметим существующее в науке неоднозначное мнение о возможности соотношения уголовно-правового института соучастия, в частности в форме группы лиц по предварительному сговору, с картелем как экономическим соглашением. Так, С.В. Максимов считает, что уголовно-правовое понятие «сговор» не может быть применимо к юридическим лицам⁵⁹³. И.А. Клепицкий полагает, что «группу лиц» в антимонопольном законодательстве ни в коем случае нельзя смешивать ни с «группой лиц» в смысле уголовного закона, ни с картелем (монополистическими соглашениями), это вполне самостоятельная правовая категория. Данную позицию поддержал и П.Н. Репин⁵⁹⁴. Ситуация получила разрешение, когда в 2009 г. из ст. 178 УК РФ, в которой квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» фигурировал в ч. 2 данной нормы, был из нее исключен так же, как и признак «организованная группа». Однако в редакции статьи 2015 г. уже появились прямые указания признания законодателем картеля коллективной формой совершения преступления, отмеченные в примечании, в котором установлено специальное основание освобождения от уголовной ответственности лица, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении.

Между тем выявление в практике картелей, имеющих признаки организованной группы, не является редкостью. Применительно к картелю признаки организованной группы – устойчивость, объединенность ее членов,

⁵⁹³ Максимов С. В. Конкуренция в России : проблемы уголовно-правовой охраны // Российское конкурентное право и экономика : науч.-практич. электронный журнал. 2011. Вып. 1 [Электронный ресурс] // www.fas.gov.ru (дата обращения: 22.02.2021).

⁵⁹⁴ Репин П. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции : уголовно-правовая характеристика (по материалам г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области). С. 89.

заблаговременность объединения, цель объединения (совершение одного или нескольких преступлений)⁵⁹⁵ – выглядят следующим образом.

Картелю предшествует то, что будущие его участники в лице представителей хозяйствующих субъектов договариваются о совместных встречах, на которых обсуждают различные проблемы их деятельности и принимают решение объединиться для их устранения. В рамках картеля может не совершаться более никаких преступлений, кроме тех действий, которые составили его условия – установление или поддержание одинаковых цен, раздел рынка и т.д., которые сами по себе никакого преступления не образуют. То есть, заключив соглашение, хозяйствующие субъекты начинают его исполнять. Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, проявляется в реальности в момент заключения картеля и продолжается в результате принимаемых его членами мер по ограничению конкуренции. Следовательно, то, что предшествует картелю, можно обозначить только как предварительный сговор. Предварительный сговор группы лиц как институт соучастия может и оставаться уголовно-правовой характеристикой картеля, но преступная деятельность обычно не заканчивается одним лишь ограничением конкуренции, так как зачастую для достижения целей картеля необходимо совершение и иных преступлений, в том числе должностных и т.п.

Второй признак – объединенность членов группы – означает, что ее участники не просто договорились о совместном совершении преступления, но достигли субъективной и объективной общности в целях совместного совершения одного, чаще нескольких преступлений, нередко разнородных⁵⁹⁶. Этот признак подходит картелю тогда, когда, договариваясь о совместных действиях по ограничению конкуренции, участники картеля принимают решение совершать противоправные действия, которые облегчат достижение целей картеля.

⁵⁹⁵ Досюкова Т. В. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Государство и право. 2005. № 8. С. 35.

⁵⁹⁶ Прокументов Л. М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 338. С. 134.

Такой признак, как устойчивость группы, в некоторых картелях проявляется четко за счет наличия в ней организатора (руководителя), который координирует действия членов картеля. Практика также определяет этот признак через стабильность состава, тесную взаимосвязь между членами, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования группы⁵⁹⁷, распределение ролей⁵⁹⁸.

Антимонопольное законодательство применительно к антиконкурентным соглашениям предусматривает ситуацию координации экономической деятельности (ст. 4, п. 5 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции»), которая может осуществляться как физическими лицами, так и коммерческими и некоммерческими организациями. При этом анализ антимонопольной практики показывает разностороннюю роль ассоциаций и модели их антиконкурентного поведения, имеющие различную степень и характер общественной опасности⁵⁹⁹.

С позиции уголовного права статус лица, координирующего экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, подпадает под признаки организатора преступления. При этом ситуация может быть разной – организатор картеля может быть его участником, а может им не являться. В первом случае действия организатора картеля должны квалифицироваться как исполнительство с учетом особо активной роли, а во втором – речь идет о сложном соучастии, при котором имеет место распределение ролей⁶⁰⁰. Действия координатора, безусловно, придают устойчивость картелю, так как им контролируются все процессы,

⁵⁹⁷ О практике применения законодательства об ответственности за бандитизм : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.

⁵⁹⁸ О судебной практике по делам об убийстве : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1997 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3; О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁵⁹⁹ Тенишев А. П., Великанов А. П. Роль ассоциаций в антиконкурентных соглашениях : анализ практик антиконкурентного поведения и особенностей их пресечения // Конкурентное право. 2016. № 2. С. 33-37.

⁶⁰⁰ Даниловская А. В. Картель как преступление, совершенное в соучастии // Право и экономика : междисциплинарные подходы в науке и образовании : IV Московский юридический форум : XII Международ. науч.-практич. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. М. : РГ-Пресс, 2017. Ч. 3. С. 141–142.

связанные с реализацией условий картеля. В картеле нередко устанавливаются штрафы за нарушение его условий, которые участниками выплачиваются добровольно. Координатор контролирует также и выплату этих штрафов.

Картели существуют порой весьма длительное время, хотя данный аспект не может в полной мере отразить то, что весь период существования картель имел и остальные признаки организованной группы.

Такой признак организованной группы, как цель ее создания, – совершение одного или нескольких преступлений – весьма показателен для картелей. В рамках картеля могут совершаться разные преступления, основные среди которых – сговоры на торгах, являющиеся, согласно действующему законодательству, видом картеля, дача взятки, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп, легализация денежных средств и др.

Несмотря на малое количество в практике приговоров по ст. 178 УК РФ, которые не могут дать целостного представления о таком квалифицирующем признаке, как организованная группа, доказательства тому можно найти в решениях антимонопольного органа и иных материалах дел, возбужденных по признакам ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции».

Например, признаки организованной группы усматриваются при анализе материалов дела о «минтаевом» картеле, где, в частности, хорошо видна роль координатора в обеспечении устойчивости картеля. Как следует из материалов дела, после подписания основных соглашений, на основе которых и появился картель, была создана Ассоциация добытчиков минтая (далее – АДМ). АДМ в лице руководителей была стороной соглашений об обязательствах о распределении объемов вылова минтая по сезонам между участниками картеля. Не являясь конкурентом хозяйствующих субъектов, которые непосредственно осуществляли добычу минтая, АДМ заключала с ними указанные соглашения, подтверждая тем самым волеизъявления хозяйствующих субъектов подчиняться установленным в АДМ общим правилам добычи минтая. Таким образом, АДМ выступила своего рода посредником в согласовании волеизъявлений хозяйствующих субъектов между собой, создавала для этого условия (путем

проведения общих собраний членов АДМ), планировала и координировала деятельность по разработке соглашений, которые впоследствии стали доказательством существования картеля, готовила текст этих соглашений для подписания, контролировала их исполнение, осуществляла мониторинг цен, создавала условия для обсуждения вопросов согласованной ценовой политики⁶⁰¹.

Вышеприведенная ситуация может вызвать скептическую реакцию на предмет оценки деятельности участников ассоциации как членов организованной группы, ибо здесь имеет место некоммерческая организация (ассоциация, союз), которая в соответствии со ст. 123.8 Гражданского кодекса РФ создается в целях координации предпринимательской деятельности объединившихся в ней лиц. Однако гражданское право регулирует такую деятельность, если она не связана с противоречащими закону целями. В противном случае нормы Гражданского кодекса РФ перестают действовать и возникает вопрос о том, как квалифицировать поведение физических лиц, нарушивших закон, в частности, договорившихся организованно ограничивать конкуренцию на товарном рынке вопреки запрету ФЗ «О защите конкуренции», используя для этого правомерно созданную ассоциацию, даже если значительная часть деятельности как самой ассоциации, так и ее членов находится в рамках правового поля. Представляется вполне логичным использовать в таких ситуациях те правовые механизмы, которые позволят в полной мере дать правовую оценку всем действиям, совершенным в нарушение установленного законом запрета и имеющим признаки состава преступления, включая квалифицирующие, под которые подпадают соответствующие акты поведения. То есть в подобных ситуациях следует понимать границы действия регулятивного закона, которые заканчиваются тогда, когда акт поведения невозможно «уложить» в его правовую норму и он «переносится» в сферу влияния другого закона.

Членство в коммерческой или некоммерческой организации, послужившее основой заключения картеля, руководство такой организацией и координация ее

⁶⁰¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы № А40-14219/13 от 30.10.2013 г. // Архив УФАС Приморского края.

деятельности, в том числе в связи с заключением картеля, являются теми факторами, которые обуславливают в данном случае устойчивость и объединенность ее членов как участников организованной группы, возникшей из членства в такой организации.

Данная проблема квалификации организованной группы непосредственным образом связана с аналогичной оценкой действий учредителей, руководителей и работников организации как участников преступного сообщества, возникшего в связи с участием в коммерческой или некоммерческой организации. Статья 210 УК РФ была дополнена примечанием, содержащим исключение возможности привлечения указанных лиц к ответственности по данной статье УК РФ только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эта организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Таким образом, совершение преступлений в составе организованной группы или преступного сообщества, возникших в связи с членством (участием) в коммерческой или некоммерческой организации, может являться распространенным явлением. Однако решение вопроса об уголовной ответственности так, как это предусмотрено в примечании к ст. 210 УК РФ, вызывает заслуженную критику в доктрине, ибо, во-первых, законодательство и без того предусматривает необходимость доказывать намерение виновных лиц создать преступное сообщество на основе коммерческой или некоммерческой организации, во-вторых, такая новелла может способствовать разрастанию организованной преступной деятельности, усилению коррупции среди работников

правоохранительных органов и судов, размыванию основополагающих правовых принципов разумности, справедливости и равенства граждан перед законом⁶⁰².

В практике при фиксировании признаков организованной группы нередко возникает вопрос о квалификации действий лиц, не обладающих признаками специального субъекта. Аналогичная ситуация иногда встречается и при выявлении картелей - кроме представителей хозяйствующих субъектов активное участие как в заключении, так и реализации картеля принимают лица, не обладающие признаками специального субъекта картеля. В свое время на эту ситуацию обратил внимание Б.В. Волженкин, который отметил, что эти лица, в частности, могут совершать действия в виде насилия, угроз, уничтожения и повреждения имущества⁶⁰³.

Данная проблема должна разрешаться аналогично рекомендациям Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 16 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁶⁰⁴.

В отсутствие в действующей редакции ст. 178 УК РФ квалифицирующего признака совершения преступления организованной группой, дифференциация уголовной ответственности лиц, участвовавших в картеле и не обладающих признаками специального субъекта, должна отражаться при назначении наказания согласно ст. 63 УК РФ.

Таким образом, картелю при наличии перечисленных признаков свойственны все проявления организованной группы. Следовательно, такой квалифицирующий признак необходим в целях дифференциации уголовной ответственности за него как повышающий общественную опасность деяния.

⁶⁰² Напр., Скобликов П. А. Исключение ответственности по ст. 210 УК РФ для учредителей, руководителей и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица: обновление законодательства, его основания и последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 66, 71.

⁶⁰³ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 1999. С. 94.

⁶⁰⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

Встречается в науке точка зрения о совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, преступным сообществом, хотя такой квалифицирующий признак и не предусмотрен статьей⁶⁰⁵. В ходе исследования практики антимонопольного органа было установлено, что признаки преступного сообщества нередко фиксируются при выявлении картелей. В практике правоохранительных органов также имеет место выявление случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, преступным сообществом. Уголовные дела по таким преступлениям чаще возбуждались в период действия ст. 178 УК РФ в редакциях, содержащих признаки различных посягательств на конкуренцию в виде монополистической деятельности и антиконкурентной деятельности должностных лиц органов власти. Так, в 1999 г. З.Ю.Г, З. и лицо, материалы в отношении которого выделены в отдельное производство, создали преступное сообщество для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, которыми в период с 1999 по 2006 гг. были совершены ограничение конкуренции, вымогательство, дача взятки, собирание сведений, составляющих коммерческую тайну, незаконные действия с огнестрельным оружием, убийство и покушение на убийство. В частности, действия З.Ю.Г., замещавшего должность исполняющего обязанности начальника Самарского управления Госгортехнадзора России, а впоследствии – руководителя Управления по технологическому и экологическому надзору Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по Самарской области, включали в себя сплочение лиц, вошедших в преступное сообщество, между собой, вовлечение в ряды преступного сообщества иных лиц криминальной направленности, создание ряда коммерческих структур для извлечения прибыли от преступной деятельности, а также злоупотребление должностными полномочиями для оказания давления на предприятия с целью изменения поведения последних в интересах преступной группы, отказа предприятий от сотрудничества с конкурентами и вступления в договорные отношения с подконтрольными

⁶⁰⁵ Бабаева Ю. Г. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции с использованием служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 397.

преступной группе хозяйствующими субъектами, создание неблагоприятных условий для работы предприятий и непосредственно для их сотрудников, не подчинившихся незаконным требованиям преступной группы; злоупотребление должностными полномочиями в целях создания для конкурентов неблагоприятных условий для работы, волокиты с утверждением ими заключений экспертиз промышленной безопасности, возвращение их на доработку по формальным основаниям, а также распространение ложных сведений о некомпетентности конкурентов.

Гражданин, материалы в отношении которого выделены в отдельное производство, будучи приближенным к З.Ю.Г., осуществляя вместе с последним руководство преступной группой, исполнял данные ему поручения, в частности, планировал предстоящие преступления, преимущественно экономической направленности, с целью незаконной монополизации рынка экспертизы промышленной безопасности, распределял роли между участниками преступной группы, координировал их действия; создавал подконтрольные преступному сообществу хозяйствующие субъекты, обеспечивал их всем необходимым для работы, разрабатывал схемы получения максимальной монопольной прибыли от деятельности вышеуказанных хозяйствующих субъектов; организовывал поглощение и корпоративный захват предприятий с целью установления над ними полного контроля вопреки интересам и воле собственника; учреждал фиктивные фирмы для создания иллюзии добросовестной конкуренции, осуществлял подбор кандидатов на роль фиктивных учредителей и т.п.

Реализация перечисленных действия была подтверждена в ходе предварительного следствия и установлена приговором суда. Действия З.Ю.Г. были квалифицированы по ряду статей УК РФ, в то числе по ч. 3 ст. 210 УК РФ и ч. 3 ст. 178 УК РФ (в редакции закона от 8 декабря 2003 г.)⁶⁰⁶.

Следует отметить, что вопрос о квалификации действий лиц, не обладающих признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, возникающий при выявлении организованной группы, свойственен и

⁶⁰⁶ Приговор Самарского областного суда от 30.07.2009 г. // Архив Самарского областного суда.

ситуации с преступным сообществом. Так, в приведенном примере участники преступного сообщества К., С., Т. и Г. также были привлечены к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 178 УК РФ. Между тем в приговоре нет данных о том, что эти лица являлись хозяйствующими субъектами или их представителями. При этом указанные лица выполняли разные поручения криминальной направленности, исходящие от З.Ю.Г., включая убийство, покушение на убийство. Например, З.Ю.Г. пытался не допустить конкуренцию созданному им юридическому лицу со стороны других хозяйствующих субъектов путем физической расправы с руководителем одного из таких хозяйствующих субъектов. Для этого З.Ю.Г. привлек К., С., Т. и Г., которые совершили его убийство. Одним из доказательств достижения З.Ю.Г. своей цели является заключение УФАС России, в котором сказано о неразвитости конкуренции на рынке экспертизы промышленной безопасности в данном субъекте Российской Федерации и о наличии здесь доминирующего положения созданного З.Ю.Г. юридического лица, состоящего в группе с другим хозяйствующим субъектом, руководитель которого находился в сговоре с З.Ю.Г.

Другой квалифицирующий признак картеля – совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения – давно вызывает заслуженную критику⁶⁰⁷. В частности, Т.Д. Устинова⁶⁰⁸, П.С. Яни⁶⁰⁹, О.Е. Деревягина⁶¹⁰ отмечают конкуренцию ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ из-за того, что субъектом картеля зачастую является должностное лицо организации, в связи с чем квалификация его действий должна осуществляться по ч. 2 ст. 178 УК РФ, которая усиливает ответственность при наличии такого признака, в то время как действия

⁶⁰⁷ См., напр.: Клепичкий И. А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России : почему закон не работает? // Законодательство. 2005. № 10. С. 63; Куликов А. Е. Служебное положение при недопущении, ограничении или устранении конкуренции // Законы России : опыт, анализ, практика. 2009. № 4. С. 116; Хутов К. М. Преступный монополизм : уголовно-политическое и криминологическое исследование. С. 114–115.

⁶⁰⁸ Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 115.

⁶⁰⁹ Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 26.

⁶¹⁰ Деревягина О. Е. Преступное ограничение конкуренции : теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2021. С. 172–173.

индивидуального предпринимателя – участника картеля – будут квалифицированы по ч. 1 той же статьи.

Одновременно с этим на практике возникают затруднения при квалификации деяний служащих организаций, которые не занимают должности, связанные с выполнением управленческих функций. В данном случае признак «с использованием своего служебного положения» несправедливо уравнивает в ответственности и руководителей, от которых зависит принятие решения о заключении антиконкурентного соглашения, и обычных служащих, исполняющих распоряжения.

Законопроект о внесении изменений в ст. 178 УК РФ данный признак не предусматривает, но содержит сходный с ним по значению признак совершения преступления лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа в коммерческой или иной организации (далее – высшее должностное лицо организации), а также лицом, распоряжающимся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства)⁶¹¹.

Включение данного признака в ч. 2 ст. 178 УК РФ скорее всего можно объяснить следующим: во-первых, особой ролью в организации высшего должностного лица организации, которое принимает юридически значимые решения, или лица, которое имеет возможность оказать решающее влияние на принятие таковых; во-вторых, более значимой ролью коммерческих организаций на товарном рынке, чем индивидуальных предпринимателей, которые зачастую являются субъектами малого и среднего бизнеса, а значит, такие организации способны вызвать и более серьезные негативные изменения рынка в случае ограничения конкуренции.

⁶¹¹ Законопроект № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 20.10.2022).

Таким образом, несмотря на замечание Верховного Суда РФ⁶¹² по поводу введения рассматриваемого признака, он действительно разграничивает ответственность индивидуального предпринимателя и высшего должностного лица организации как лиц, вносящих потенциально разный вклад в экономику, следовательно, способных своими противоправными действиями вызвать несопоставимые по масштабам последствия.

Представляется, что помимо изложенных доводов, в этом новом квалифицирующем признаке заключено предупреждение данным лицам об особом внимании государства в виде повышенной уголовной ответственности именно за их действия по заключению и реализации картеля: рассматриваемый признак переводит преступление в категорию тяжких, что обосновано официальным признанием картелей угрозой экономической и национальной безопасности.

В связи с вышеизложенным, а также с учетом сложившейся в уголовном праве традицией дифференцировать уголовную ответственность лиц, выполняющих управленческие функции в организации, и иных служащих организации, и имеющейся проблемы на практике, связанной с квалификацией деяний последних, представляется целесообразным указать в ч. 2 ст. 178 УК РФ в качестве специального субъекта этого преступления лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Трактовать данное понятие следует согласно уже имеющемуся в уголовном законе термину, закрепленному в примечании к ст. 201 УК РФ.

Следует отметить, что лицо, распоряжающееся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства), не входит в перечень лиц, которые согласно примечанию к ст. 201 УК РФ могут быть признаны лицами, выполняющими управленческие функции

⁶¹² Официальный отзыв на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 12.11.2022).

в коммерческой или иной организации, если только они не действуют по специальному полномочию. Однако указанное лицо может оказать ключевое влияние на принятие решения органом управления организации. Следовательно, в описании квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ следует указать и лицо, выполняющее управленческие функции в организации, и лицо, распоряжающееся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства)⁶¹³.

Следующий квалифицирующий и особо квалифицирующий признак картеля – причинение особо крупного ущерба или извлечение дохода в особо крупном размере – уже был предметом рассмотрения в данной работе наряду с признаком крупного ущерба.

Особо квалифицирующий признак картеля в виде применения насилия или угрозы его применения поддерживается далеко не всеми исследователями⁶¹⁴ уголовной ответственности за картель. Принимая во внимание, что специальным субъектом преступления выступает индивидуальный предприниматель или должностное лицо организации, применение с их стороны насилия или угрозы его применения при заключении или реализации картеля является маловероятным обстоятельством. Следует согласиться с тем, что для ограничения конкуренции виновными лицами используются иные меры – меры экономического воздействия. Однако представляется, что полностью исключать такую вероятность все же нельзя. Думается, что ключевым в положительном решении вопроса о таком квалифицирующем признаке должен являться факт насилия или угрозы его применения исключительно в связи с осуществлением предпринимательской

⁶¹³ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

⁶¹⁴ Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 26; Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 116; Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за картели // Юрист. 2017. № 1. С. 12.

деятельности лица, состоящего в конкурентных отношениях с виновным. Одновременно с этим следует иметь в виду, что такие деяния, как правило, совершаются не представителями хозяйствующих субъектов, а иными лицами, не имеющими статуса специального субъекта, но действующими по поручению первых в целях ограничения конкуренции.

По мнению И.В. Бацина, насилие может выражаться в побоях или истязаниях, причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью, но причинение тяжкого вреда здоровью требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ⁶¹⁵. Как справедливо отмечает К.М. Хутов, в этом случае осуществляется преступное посягательство не только на общественные отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности, но и на жизнь и здоровье человека⁶¹⁶. Угроза насилия как средство принуждения выражается в запугивании потерпевшего высказыванием намерения лишить его свободы, нанести ему побои, причинить вред жизни или здоровью (любой тяжести)⁶¹⁷.

Поддерживая данную позицию, подчеркнем, что рассматриваемое насилие охватывает все его формы, кроме тех, в проявлениях которых усматриваются признаки более опасных деяний, включая убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и т.п., которые являются более тяжкими преступлениями, чем основной состав преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Имеются в науке и предложения об изменении рассматриваемых признаков. Так, М.Х. Хакулов полагает, что эффективность использования ст. 178 УК могла бы быть существенно выше, если бы законодатель не ограничил перечень угроз только насилием и уничтожением или повреждением имущества. В ходе проведенного автором опроса предпринимателей было установлено, что респонденты получали угрозы иного рода – угрозу распространения порочащих

⁶¹⁵ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны : теоретико-прикладное исследование. С.110.

⁶¹⁶ Хутов К. М. Преступный монополизм : уголовно-политическое и криминологическое исследование. С. 115.

⁶¹⁷ Бацин И. В. Указ. Соч. С. 110–111.

сведений, угрозу дискредитации продукции посредством реализации ее недоброкачественных подделок, угрозу экономической блокады, угрозу неконкретизированными неприятностями. Помимо этого, автор видит целесообразным разделение насилия на опасное для жизни или здоровья, и не опасное, предлагая первое оставить в ч. 3 ст. 178 УК РФ, а второе перенести в ч. 2 ст. 178 УК РФ⁶¹⁸.

При изучении приговоров в рамках настоящего исследования также был установлен факт угроз разного характера. Так, В., являясь заместителем начальника государственного учреждения – государственного заказчика, предложил нескольким руководителям коммерческих организаций заключить ограничивающее конкуренцию соглашение (картель), высказав в их адрес требование отказаться от участия в аукционе, подкрепленное угрозами о том, что в случае игнорирования его предложения и невыполнения его требований будут осуществлены препятствия в приёмке выполненных ими работ⁶¹⁹.

Таким образом, включение в перечень квалифицирующих признаков угрозы препятствования в осуществлении экономической деятельности лица представляется рациональным предложением, так как в действительности угрозы лицам, отказавшимся вступить в картель, могут быть различными и нередко связанными именно с осуществлением предпринимательской деятельности⁶²⁰.

В рамках данного предложения стоит уточнить адресатов насилия или угрозы его применения. Правильной представляется позиция Б.В. Волженкина, по мнению которого при совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, с применением насилия, потерпевшими от насильственных действий могут быть как хозяйствующие субъекты – индивидуальные предприниматели, руководители

⁶¹⁸ Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности. С. 112–114.

⁶¹⁹ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области № 1-347/2014 от 22.04.2014 г. // Архив ФАС РФ.

⁶²⁰ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

организаций, так и члены их семей и любые близкие им лица⁶²¹. Угрозы воспрепятствования хозяйственной деятельности могут быть адресованы не только представителю конкурирующего хозяйствующего субъекта, но и, например, руководителю подконтрольной ему организации, организации компаньона, нормальная деятельность которых имеет какое-либо значение для первого лица.

При анализе преступлений с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности также отмечается непоследовательность в установлении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

Так, разные по степени и характеру общественной опасности формы соучастия – группа лиц по предварительному сговору и организованная группа – отнесены к одному квалифицирующему признаку преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ. Таким образом, несмотря на их явное различие, уголовная ответственность за эти формы соучастия не дифференцируется. Отсутствие признака «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения» в качестве квалифицирующего преступления, предусмотренное ст. 147 УК РФ, порождает соответствующее предложение о его включении в данную статью⁶²².

В ходе изучения приговоров, состоявшихся по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, выявлено, что совершение преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, группой лиц – явление редкое, в основном данное преступление совершается одним лицом; в то же время среди небольшого количества приговоров, состоявшихся по ст. 147 УК РФ, 100 % совершены лицами с использованием служебного положения, а именно лицами, занимающими высшие управленческие должности в организации.

Конечно, столь малое количество дел не может быть положено в основу однозначных выводов, но все же стоит отметить, что из-за специфики

⁶²¹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). С. 95.

⁶²² Кузьмина И. К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав. С. 9; Толченова Ю. В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

использования патентных прав, их основной ценности (суть которой – экономическая), а следовательно, и нарушений, преступления, предусмотренные ст. 147 УК РФ, имеют характер деяний, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности индивидуальными предпринимателями и должностными лицами организаций. Как было отмечено выше при описании квалифицирующих признаков картеля, в отличие от индивидуальных предпринимателей именно организации в результате противоправной деятельности приносят больше разрушительных последствий. Исходя из этого вывода, есть основания признать необходимым предусмотреть признак совершения преступления лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего), заменив им признак совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения.

Обоснование данного предложения заключается в том, что на руководителе организации лежит обязанность обеспечить всем необходимым все ее структурные подразделения для осуществления правомерной экономической деятельности. Это в равной степени распространяется на контроль руководителя организации за своевременным заключением или продлением лицензионных и иных договоров на использование чужих исключительных прав на любые объекты интеллектуальной собственности. В силу специфичности права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского законодательства, далеко не всякий служащий организации владеет знаниями о нем. Соответственно, элементарная низкая правовая культура в данной сфере может стать причиной совершения преступления. И именно руководитель как лицо, осуществляющее управление всеми процессами, в первую очередь во внутренних служебных правоотношениях, функционально уполномочен на недопущение такой ситуации.

Изложенный подход к рассмотренному признаку в полной мере следует распространить и на преступление, предусмотренное ст. 146 УК РФ. Анализ правоприменения подтверждает факты выявления таких преступлений, совершенных руководителями организаций.

В целях унификации уголовной ответственности за преступления, имеющие признаки недобросовестной конкуренции, представляется правильным ввести квалифицирующий признак совершения деяния лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, также в составы преступлений, предусмотренных ст. 180 и 183 УК РФ.

Использование в деятельности организации средств индивидуализации определяется ее руководителем. И именно от руководителя зависит, в правовых рамках или незаконно будет осуществлено такое использование. В науке имеется суждение об ином признаке состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, – совершении деяния лицом с использованием своего служебного положения⁶²³. Однако все же значение роли лица, осуществляющего управленческие функции, является преобладающим в силу названных причин.

Что касается преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то ряд исследователей склоняется к необходимости введения квалифицирующего признака совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения относительно одного из способов – собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну⁶²⁴. Следует отметить рациональность данного предложения, ибо такие действия встречаются в практике, в частности при собирании сведений, составляющих банковскую (коммерческую тайну), работниками кредитных организаций с использованием служебного положения в целях дальнейшего хищения денежных средств⁶²⁵. Однако представляется, что собирание или использование сведений, составляющих коммерческую тайну, лицом, осуществляющим управленческие функции в

⁶²³ См., напр.: Трейгер С. М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

⁶²⁴ См., напр.: Крянин С. М. Уголовно-правовая охрана секрета производства (ноу-хау) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 10; Зайцев В. Н. Уголовно-правовая охрана промышленной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 10.

⁶²⁵ См., напр., приговор Братского городского суда Иркутской области № 1-371/2020 от 10.07.2020 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TTim4Lg2SjUq/> (дата обращения: 11.11.2021); приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска № 1-270/2020 от 2.07.2020 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ae4sEDsEAaWg/> (дата обращения: 11.11.2021).

организации, является более опасным, ибо такое лицо действует от имени организации, осуществляет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции и в силу этого может влиять на иных лиц, в том числе склоняя их к собиранию сведений, составляющих коммерческую тайну конкурента.

Исследование квалифицирующего признака группового совершения преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, в науке и в практике не вызывает особых разногласий. Так, Л.К. Никитина делает вывод о том, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору, как минимум два субъекта преступления осуществляют согласованные действия по введению в гражданский оборот или обращению в гражданском обороте продукции, оснащенной товарными знаками либо сходными обозначениями без надлежаще оформленного согласия правообладателя (соответственно в отношении иных средств индивидуализации)⁶²⁶.

Е.С. Демьяненко характеризует организованную группу применительно к исследуемому преступлению наличием руководящего ядра, то есть организатора, руководителя группы; устойчивым характером группы, который проявляется в постоянном составе группы и в постоянной и продолжительной преступной деятельности; планированием преступной деятельности, включающим в себя также и изучение потребительского рынка с целью выявления спроса на тот или иной товар известной фирмы или зарекомендовавшего наименования места происхождения товара, обусловленного природными факторами; распределением ролей между участниками группы; иерархией в группе; прикрытием преступной деятельности, в том числе и с помощью подкупа сотрудников правоохранительных органов⁶²⁷.

В то же время М.Х. Хакулов обоснованность этих квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, подвергает сомнению,

⁶²⁶ Никитина Л. К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. С. 20.

⁶²⁷ Демьяненко Е. В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака. С. 9.

которое автор связывает, во-первых, с тем, что в коллективной хозяйственной деятельности возможно незаконное использование чужих товарных знаков, причем работники при этом обычно понимают, что работают не на ту фирму, знак которой используют, поэтому предварительный сговор является почти неизбежным для совершения этого преступления. Во-вторых, как пишет автор, любой трудовой коллектив представляет собой более или менее устойчивое объединение людей. При этом люди объединяются для осуществления хозяйственной деятельности, а вовсе не для использования чужих товарных знаков. Однако организованная группа возможна в редких случаях, когда устойчивая группа лиц занимается исключительно тем, что размещает чужие товарные знаки на продукции, которая производится и реализуется другими людьми⁶²⁸.

Данное рассуждение автора опровергается анализом приговоров, состоявшихся по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 180 УК РФ. Большинство изученных приговоров было вынесено по преступлениям, предусмотренным ч. 3 и ч. 4 ст. 180 УК РФ (в редакции до 06.04.2024 г.). Однако в случаях, описываемых М.Х. Хакуловым, когда лицо привлекло работников к производству товаров с незаконным использованием чужих товарных знаков, ни группы лиц по предварительному сговору, ни организованной группы с участием работников суды не устанавливали. Таким типичным приговором является решение Ивантеевского городского суда Московской области от 18 июня 2013 г., согласно которому члены организованной группы в составе четырех человек осуществили подбор работников из числа граждан Республики Вьетнам в количестве 258 человек, не осведомленных об их преступном умысле, распределили между ними производственные обязанности, предоставили места для проживания в специально оборудованных под общежитие комнатах, расположенных в арендованных нежилых помещениях, снабдили работников производства необходимой фурнитурой, тканью, лекалами, картами раскроя, термобумагой и трафаретами для пошива футболок, схожих по внешнему виду с

⁶²⁸ Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности. С. 151.

оригинальной продукцией «Chanel», «D&G;» и «SOCHI 2014». Впоследствии гражданами Республики Вьетнам, привлеченными для пошива одежды, в нежилых помещениях, принадлежащих ОАО «Ивантеевская тонкосуконная фабрика», не осведомленными о преступном умысле членов организованной группы, действовавшими по их указанию, с помощью названного выше швейного оборудования, лекал, карт раскроя, термобумаги и трафаретов неоднократно изготавливались футболки, наносились на них изображения чужих товарных знаков «Chanel», «D&G;» и «SOCHI 2014»⁶²⁹.

Таким образом, квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц и особо квалифицирующий признак совершения деяния организованной группой являются распространенными характеристиками деяний, о чем свидетельствует анализ практики, однако совершение преступления с привлечением большого количества наемных работников не дает основания лишь в силу данного факта квалифицировать его как совершенное организованной группой.

При анализе квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, обращает внимание признак «корыстная заинтересованность». Анализ приговоров, состоявшихся по ст. 183 УК РФ, свидетельствует о том, что подавляющее количество деяний было совершено из корыстных побуждений – либо с целью хищения средств с банковских счетов граждан, либо в целях передачи сведений третьим лицам за вознаграждение. Из двух установленных в ходе данного исследования случаев разглашения сведений, составляющих налоговую тайну, один также имел корыстный мотив, но действия виновного были квалифицированы дополнительно по ст. 290 УК РФ. И лишь в единичных случаях не был установлен корыстный мотив⁶³⁰. В связи с тем, что корысть как таковая свойственна

⁶²⁹ Приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 18.06.2013 г. № 1-69/13. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rr6BaDVXxHbJ/> (дата обращения: 15.10.2019); аналогичные приговоры: приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 29.12.2015 г. № 1-139/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4ifkH6fWErY1/>; приговор Ногинского городского суда Московской области № 1-295/2015 от 24.06.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2Y0o5eIpT05r/> (дата обращения: 10.10.2019).

⁶³⁰ Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан № 1-118/2019 от 24.05.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oWpq1nzBD9xW/> (дата обращения: 20.10.2019); приговор Пушкинского

преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, не представляется уместным выделять ее в качестве признака, усугубляющего наказание.

Большая часть исследованных случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, связана с хищением. Представляется, что в такой ситуации речь идет о собирании сведений, составляющих, в частности, банковскую тайну, как о способе хищения, как это было отражено в одном из приговоров⁶³¹.

Особо квалифицирующий признак составов преступлений, указанных в ч. 2 и 3 ст. 183 УК, – наступление тяжких последствий – является оценочным, следовательно, есть место субъективного усмотрения правоприменителя признать или не признать то или иное обстоятельство в качестве тяжкого последствия. В научных источниках отмечается, что тяжкие последствия незаконного разглашения или незаконного использования сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, понимаются более широко, чем причинение материальных убытков, хотя и особо крупные убытки могут быть квалифицированы как тяжкое последствие. Это может быть банкротство и ликвидация организации, банкротство индивидуального предпринимателя, причинение серьезного вреда здоровью людей, самоубийство потерпевшего и др., если эти последствия находятся в причинной связи с незаконным разглашением или использованием соответствующих сведений⁶³².

Аналогичный признак предусмотрен и для особой квалификации деяний по ст. 285 и 286 УК РФ. Его толкование приведено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19, согласно которому тяжкие последствия могут быть в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинения значительного материального ущерба, причинения смерти по неосторожности, самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего и т.п. Приведенные в постановлении примеры тяжких

районного суда г. Санкт-Петербург № 1-181/2017 от 31.08.2017 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GJyv211y68/> (дата обращения: 31.10.2018).

⁶³¹ Приговор Прохоровского районного суда Белгородской области № 1-1/2019 1/42/2018 от 21.03.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GG3fCn4vHJIR/> (дата обращения: 14.03.2020).

⁶³² Хакулов М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности. С. 232.

последствий могут иметь место и при нарушениях должностными лицами антимонопольного законодательства, в частности при проведении торгов. Например, ограничение конкуренции на торгах, как следствие сговора между должностным лицом органа власти и хозяйствующим субъектом, приводит к тому, что государственный заказчик заключает контракт на условиях, исключающих эффективное использование бюджетных средств, в результате чего государству причиняется значительный материальный ущерб.

Вызывает вопросы анализ квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 185³ УК РФ: статья предусматривает повышенную ответственность только за совершение преступления организованной группой, не устанавливая ее за предварительный сговор, хотя в практике Центрального банка весьма часто фиксируются факты манипулирования рынком группой лиц⁶³³ на фоне единичных случаев привлечения виновных к уголовной ответственности.

Одновременно с этим обращает внимание отсутствие признака группового совершения преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ. В практике Центрального банка выявление случаев неправомерного использования инсайдерской информации в составе группы лиц – редкий факт, однако анализ правоприменения в этой области подтверждает их наличие⁶³⁴.

Представляется, что в свете унификации групповых признаков, как свойственных преступлениям с проявлением форм недобросовестной конкуренции, следует установить квалифицирующий признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору для преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, в связи с имеющими место в практике многочисленных фактов группового нарушения законодательства. В связи с тем, что признаки организованной группы с той или иной степенью вероятности могут быть установлены при расследовании случаев группового совершения преступления,

⁶³³ Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/table/ (дата обращения: 15.12.2023).

⁶³⁴ Напр., Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком в 2018 году // URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/table/?year=2018 (дата обращения: 15.12.2023).

ибо признак организованной группы законодатель уже включил в описание преступления, предусмотренного ст. 185³ УК РФ, следует данный признак предусмотреть и для преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ, как посягающего на один и тот же охраняемый объект.

Рассмотрение законодателем в качестве квалифицирующего признака совершение преступлений, предусмотренных ст. 185³ и ст. 185⁶ УК РФ, лицом, выполняющим управленческие функции, является вопросом времени, ибо существующая практика, как административная, так и уголовная, не позволяет пока заявлять о данном факте как о типичном, свойственном таким преступлениям, хотя, безусловно, само по себе совершение указанных преступлений именно данным лицом не исключается. В свою очередь совершение перечисленных преступлений лицом, с использованием своего служебного положения, - распространенное явление, отражающее суть противоправных деяний, а потому является не типичным, а сущностным признаком преступлений, характеризующим саму их природу.

В качестве иных непоименованных квалифицирующих признаков, отражающих новые тенденции совершения преступлений против добросовестной конкуренции, повышающих общественную опасность деяний, следует отметить уже названный ранее признак совершения преступления, связанный с незаконным оборотом объектов интеллектуальной собственности и значимой информации в сети Интернет и в средствах массовой информации. Деяния, совершенные в сети Интернет, признаются особо опасными в некоторых зарубежных странах, которые установили в связи с этим повышенную ответственность⁶³⁵.

Совершение деяния в сети Интернет в качестве квалифицирующего признака в отдельных случаях может совпадать с таким признаком основного состава, как совершение деяния в коммерческом масштабе (в авторской редакции ст. 180 УК РФ). Представляется, что деяние следует считать совершенным в коммерческом масштабе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, если

⁶³⁵ Даниловская А. В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в ЕС, ФРГ, Великобритании и Франции // Юридические исследования. 2020. № 6. С. 30.

размещение объектов интеллектуальной собственности, например, на сайте ориентировано на неопределенный (неограниченный) круг лиц и направлено на систематическое получение прибыли. Таким образом, следует дифференцировать ответственность, исключив случаи привлечения к уголовной ответственности граждан, например, разместивших неправомерно объекты интеллектуальной собственности на странице (сайте) социальных сетей, доступ к которой ограничен определенным кругом лиц, когда использование объекта интеллектуальной собственности не предполагает оплату лицу, разместившему такой объект, и не преследует цели привлечения внимания к своей странице (сайту) и извлечения прибыли, в том числе получения дохода от размещения рекламы на своей странице (сайте).

Следует отметить, что в науке общественная опасность деяний, совершенных в сети Интернет, не остается без внимания исследователей⁶³⁶. Так, А.А. Шутова высказывает аналогичное суждение о необходимости признания квалифицирующим признаком, усиливающим общественную опасность использования информационно-телекоммуникационных сетей для реализации преступных намерений, а также предлагает дополнить ст. 63 УК РФ таким отягчающим обстоятельством, как «использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей»⁶³⁷.

Вышеизложенные предложения следует в равной мере распространить и на незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в средствах массовой информации, что является актуальным, например, при совершении таких деяний при распространении ненадлежащей рекламы на телевидении и радио.

Понимание распространения любых сведений в сети Интернет и в средствах массовой информации требует некоторого уточнения. Средство массовой информации определяется в ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации»

⁶³⁶ Напр., Толстая Е. В. Посягательства на авторские и смежные права в российском сегменте сети Интернет : уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.; Шутова А. А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты : диссертация ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2017. 264 с.

⁶³⁷ Шутова А. А. Указ. соч. С. 13.

как периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)⁶³⁸. Сетевое издание – это и есть сайт в сети Интернет, но, в соответствии с этой же статьей, зарегистрированный в качестве средства массовой информации. Между тем, как следует из закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ⁶³⁹, сайт в сети Интернет может быть не зарегистрирован, вследствие чего он не признается средством массовой информации. Таким образом, в качестве квалифицирующего признака распространения сведений необходимо признать распространение их в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которая включает в себя как зарегистрированные, так и не зарегистрированные сайты.

В связи с предложенным в рамках данного исследования в порядке *de lege ferenda* новым составом преступления «Дискредитация» необходимо рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности за его совершение, определив предположительно квалифицирующие признаки, которые с наибольшей степенью вероятности могут ему сопутствовать.

Дискредитация, как умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, которые причинили ущерб их деловой репутации, может быть совершена, как и иное преступление в форме недобросовестной конкуренции, лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также в средствах массовой информации. Указанные признаки встречаются в практике

⁶³⁸ О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (дата обращения: 17.11.2020).

⁶³⁹ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 // Российская газета от 17.06.2010 г.

арбитражных судов⁶⁴⁰. Признак распространения заведомо ложных сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет свойственен существующему составу клеветы как квалифицирующий. В силу однородности составов нарушений имеет смысл предусмотреть и для дискредитации такой же квалифицирующий критерий.

Также нельзя исключать дискредитации, осуществленной группой лиц по предварительному сговору, при условии, что исполнители, как и потерпевшее лицо, являются индивидуальными предпринимателями или представителями организаций – хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на одном товарном рынке.

В качестве особо квалифицирующего дискредитацию признака есть смысл признать тяжкие последствия, которые могут быть такими же, как в иных преступлениях, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ⁶⁴¹. Например, в результате распространения ложных, неточных или искаженных сведений может наступить смерть, в том числе в результате самоубийства физического лица, банкротство и ликвидация организации, банкротство индивидуального предпринимателя, причинение значительного материального ущерба и т.д.

Из вышеизложенного следует, что средства дифференциации уголовной ответственности за антиконкурентные преступления в виде квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков изложены непоследовательно и противоречиво, требуют уточнения и дальнейшего совершенствования. При формулировании предложений о совершенствовании законодательства необходимо учитывать требования унификации квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, характерных для группы антиконкурентных

⁶⁴⁰ См., напр.: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2016 г. № 17АП-13315/2016-ГК по делу № А60-3915/2016 // СПС «Гарант».

⁶⁴¹ См., напр.: О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // www.vsrfr.ru/documents/own/28635/ (дата обращения: 20.11.2020).

преступлений или ее отдельных подгрупп. В частности, к таким признакам необходимо причислить:

1) в отношении ограничивающих конкуренцию соглашений (картелей, сговоров на торгах):

а) совершение деяния лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

б) совершение деяния лицом, распоряжающимся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства);

в) совершение деяния организованной группой;

г) совершение деяния с воспрепятствованием экономической деятельности либо с угрозами воспрепятствования экономической деятельности;

д) тяжкие последствия;

2) в отношении недобросовестной конкуренции:

а) совершение деяния в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

б) совершение деяния лицом с использованием служебного положения;

в) совершение деяния лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

3) в отношении нарушений на торгах - отмеченный ранее признак корыстной или иной личной заинтересованности.

Санкции как средство дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию.

Санкция как средство дифференциации уголовной ответственности имеет непосредственную связь с пенализацией, которая является показателем состояния уголовно-правовой политики, характеризующим в правотворчестве и правоприменении дифференциацию наказуемости деяний.

В науке существует множество представлений о пенализации. Так, П.С. Дагель и Т.А. Бушуева определяли пенализацию как установление в законе и

реализацию на практике видов и размеров наказаний, применяемых за эти преступления⁶⁴². А.И. Коробеев называет пенализацию процессом определения характера и степени наказуемости криминализируемых деяний, ужесточения в законе их наказуемости, а также процессом назначения наказания в судебной практике⁶⁴³. По мнению Н.А. Лопашенко, пенализация состоит в установлении принципов и критериев применения наиболее строгого государственного принуждения за деяния, признаваемые преступными; в формулировании целей уголовного наказания; в определении его видов и размеров; в предложении иных мер уголовно-правового характера⁶⁴⁴. Т.Р. Сабитов предлагает под пенализацией понимать процесс определения характера наказуемости деяний,⁶⁴⁵. По мнению В.А. Уткина, сущность пенализации состоит в установлении в уголовном законе лишь тех или иных видов наказаний за конкретные преступные деяния⁶⁴⁶.

Способы пенализации определяются в науке следующим образом:

- 1) повышение строгости (размера и качества) уже имеющихся в уголовном законе санкций – увеличение продолжительности или размера наказания в Общей части или в санкциях Особенной части (интенсивный характер пенализации); увеличение количества наказаний в системе Общей части, расширение круга лиц, к которым наказание может быть применено (экстенсивный характер пенализации)⁶⁴⁷;
- 2) ужесточение видов и размеров наказания вообще и за конкретные преступления в частности⁶⁴⁸;

⁶⁴² Бушуева Т. А., Дагель П. С. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду // Правоведение. 1981. № 6. С. 49.

⁶⁴³ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 138.

⁶⁴⁴ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. С. 323.

⁶⁴⁵ Сабитов Т. Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестник НГУ. 2011. Т. 7. Вып. 1. С. 135–136. (Право).

⁶⁴⁶ Уткин В. А. Факторы пенализации и международное уголовное право // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 2 (16). С. 128. (Право).

⁶⁴⁷ Валеев М. Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 12.

⁶⁴⁸ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. С. 324.

3) весь спектр способов пенализации от изменения санкций статей Особенной части до внесения корректив в отдельные положения норм Общей части уголовного законодательства⁶⁴⁹.

Сущность пенализации можно свести к: 1) установлению наказаний за совершенные преступления; 2) определению их размеров; 3) изменению размеров наказаний в процессе криминализации деяний.

Таким образом, санкция является элементом, характеризующим криминологическую систему, то есть взаимосвязанную совокупность системы санкций Особенной части уголовного закона и уголовно-правовых институтов наказания, иных мер уголовно-правового характера, освобождения от уголовной ответственности и от наказания; ее введение или изменение будет иметь влияние на всю систему в целом⁶⁵⁰.

В санкции, содержащей наказание, которое согласно ст. 6 УК РФ должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, определяется законодательная оценка общественной опасности деяния. То есть санкция является некоторой мерой общественной опасности деяния, выражение которой составляет вид и размер наказания. В силу официального закрепления их в уголовно-правовой норме статьи закона санкции презюмируются справедливыми.

Современные санкции всех уголовно-правовых норм, содержащих описание антиконкурентных преступлений, являются альтернативными, относительно определенными (за исключением санкции ст. 185⁶ УК РФ, в которой отдельные виды штрафов, а также лишение свободы предусматривают низший и максимальный пределы), а также во многих случаях – кумулятивными.

Наказания за совершение изучаемой группы преступлений представлены штрафом, исправительными работами, обязательными работами,

⁶⁴⁹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 139.

⁶⁵⁰ Карабанова Е. Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 272.

принудительными работами, лишением свободы, арестом и лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. В большинстве случаев установлено обязательное применение как основного, так и дополнительного наказания. Наиболее суровые санкции установлены за особо квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 286 УК РФ: лишение свободы на срок до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет.

Учитывая виды, размеры и сроки наказаний, содержащиеся в санкциях рассматриваемой группы преступлений, следует отметить, что деяниями с бóльшими степенью и характером общественной опасностью законодатель признал преступления, описание которых содержится в ст. 185³, 185⁶, 285 и 286 УК РФ и за которые максимальное наказание по ч. 1 установлено в виде лишения свободы на срок до 4 лет. Преступлением с меньшей степенью общественной опасности признано нарушение авторских и смежных прав, признаки которого зафиксированы в ч. 1 ст. 146 УК РФ: санкция данной нормы не предусматривает лишения свободы, а размер штрафа как основного наказания составляет до 200 тыс. рублей. Таким образом, несмотря на то, что уровень общественной опасности всех антиконкурентных преступлений может быть оценен как относительно одинаковый, лишь часть деяний отнесена законодателем к категории преступлений средней тяжести, в то время как преступления, предусмотренные ч. 1-3 ст. 128¹, ч. 1 и 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ст. 169, ч. 1 ст. 178, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 183 УК РФ, признаны преступлениями небольшой тяжести.

Анализ изменений законодательства в отношении санкций за совершение преступлений рассматриваемой группы, начиная с 1996 г., позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, санкции преступлений, предусмотренных ст. 128¹ (129), 147, 169, 178, 180 УК РФ, усилены увеличением количества часов верхнего предела обязательных работ (ст. 128¹ (129), 147, 169, 180), а также увеличением количества лет лишения свободы (ст. 178 УК РФ). Во-вторых, произошло смягчение наказания за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146 УК РФ, – ранее в санкции фигурировало альтернативное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет,

действующая редакция санкции содержит наказания в виде исправительных работ и ареста; обязательные работы и лишение свободы из санкции были исключены.

Другие уголовно-правовые нормы рассматриваемой группы преступлений дополнились наказанием в виде принудительных работ, которые в силу ст. 53¹ УК РФ являются альтернативой лишению свободы. Введение данного вида наказания в УК РФ вызвало полемику в научном сообществе, в кругу которого оказались как его сторонники⁶⁵¹, так и противники⁶⁵². Такое «новшество», уже известное отечественному уголовному и уголовно-исполнительному праву, вероятно, необходимо рассматривать как очередную попытку законодателя гуманизировать процесс наказания. Однако очевидно, что принудительные работы должны стать альтернативой далеко не каждому лишению свободы. Анализ всех изученных приговоров не выявил случаи назначения принудительных работ в качестве наказания.

Особенностью современного состояния санкций за совершение антиконкурентных преступлений является большой перечень наказаний, включенных в одну санкцию. Так, пять альтернативных видов наказаний предусматривают санкции ч. 2–3 ст. 128¹, ч. 2 ст. 146, ч. 2 ст. 169, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ; четыре вида наказания содержатся в санкциях ч. 1–2 ст. 147, ч. 1–2 ст. 183 УК РФ. Такая ситуация, усложняющая работу суда по выбору вида наказания и содержащая коррупционный потенциал, вызывает обоснованную критику в научном сообществе.

При этом анализ выборочно назначенных наказаний по наиболее многочисленным преступлениям, предусмотренным ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, показал, что судьи в большинстве случаев (77 %) останавливают свой выбор при назначении наказания на лишении свободы (условно), из них в 5,5 % случаев

⁶⁵¹ Тасаков С. В. Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 210–213; Бодрых С. Е., Южанин В. Е. Принудительные работы : первый опыт назначения и исполнения наказания // в сб. : Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, 2017. – Вып. 5 – Часть 1. С. 32–34.

⁶⁵² Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 326–327; Сидоренко Л. П. Принудительные работы как элемент прогрессивной системы исполнения наказаний // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 1–2 (53–54). С. 199–204.

лишение свободы было назначено вместе со штрафом; основное наказание в виде штрафа составило 12 %, обязательные работы и исправительные работы – 6 % и 5 % изученных приговоров соответственно. В случаях совершения данного преступления в сфере предпринимательской деятельности, то есть при наличии потенциальных признаков недобросовестной конкуренции, в основном наказания назначались в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 3 лет условно, в отдельных случаях со штрафом, либо только в виде штрафа.

По ч. 1–2 ст. 183 УК РФ 46 % наказаний было назначено в виде лишения свободы, из них 39 % – условно, 44 % – штраф, 10 % – исправительные работы. По ч. 1–4 ст. 180 УК РФ лишение свободы составило – 16 %, из них 13 % условно, штраф был наложен в 57 % случаев, исправительные работы – в 4 %, обязательные работы – в 17 %, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью – в 4 % случаев. Отсюда видно, что преобладающими видами наказаний, помимо уже отмеченных лишения свободы и штрафа, являются обязательные работы, которые назначаются чаще, чем исправительные.

За совершение должностных преступлений (ст. 169, 285, 286 УК РФ) в основном виновные наказывались штрафом в размере 200 тыс. руб. (в отдельных случаях за преступление, предусмотренное ст. 286 УК РФ, штрафы составляли от 80 тыс. до 300 тыс. руб.) с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью сроком на 1 год, реже назначались обязательные и исправительные работы.

Большое количество альтернативных наказаний в российском уголовном праве вызывает многочисленные споры, в том числе о необходимости их применения⁶⁵³. Невостребованность некоторых из них доказана практикой, что показало исследование приговоров (арест не рассматривается как неприменяемая

⁶⁵³ См., напр.: Долотов Р. О. Проблемы пенализации : штраф и лишение свободы в альтернативных санкциях // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2013. № 5 (94). С. 209–215; Кокунов А. И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе : постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35) С. 81–85; Липинский Д. А. К вопросу о конструкторах альтернативных санкций в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 87–94.

мера наказания в целом), и приводит к выводу о необходимости пересмотра системы наказаний, существующей в УК РФ. В отношении таких наказаний представляется верным исключение их из системы наказаний⁶⁵⁴.

В ходе настоящего исследования, в целях изучения мнения специалистов об эффективности наказаний за антиконкурентные преступления, был проведен опрос сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов, которым был задан вопрос о том, какое наказание в качестве основного должно быть предусмотрено за картель и недобросовестную конкуренцию (таблица 16).

Таблица 16 – Основное наказание за картель и недобросовестную конкуренцию

	Лишение свободы	Штраф	Принудительные работы	Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Арест
Сотрудники антимонопольного органа	<i>Картель</i>				
	29,5	70,5	13,6	59,1	6,8
	<i>Недобросовестная конкуренция</i>				
	2,3	90,9	13,6	38,6	0
Сотрудники правоохранительных органов	<i>Картель</i>				
	24,3	48,7	12,2	56,5	4,3
	<i>Недобросовестная конкуренция</i>				
	15,7	60	8,3	44,3	4,3

Таким образом, большинство опрошенных сотрудников антимонопольного органа высказались за штраф в виде основного наказания и за картель, и за недобросовестную конкуренцию, но сотрудники правоохранительных органов склоняются к тому, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью должно быть основным наказанием за картель.

⁶⁵⁴ Мелюханова Е. Е. Система наказаний : статическая и динамическая характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 12.

Проведенное исследование отечественного и иностранного опыта, международных рекомендаций, а также результаты опроса сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов позволяют выделить в качестве основных видов наказания за преступления рассматриваемой группы лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и штраф.

Лишение свободы как наиболее суровый вид наказания установлен далеко не для каждого основного состава преступлений рассматриваемой группы. Так, не предусмотрен такой вид наказания в отношении основных составов преступлений, закрепленных в ч. 1 ст. 128¹, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 169 УК РФ. Для других преступлений срок лишения свободы варьируется в рамках от 2 лет (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 183 УК РФ) до 4 лет (ч. 1 ст. 185³ УК РФ, ч. 1 ст. 185⁶, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ). Из этого следует, что либо деяния не обладают действительно значительным уровнем общественной опасности, либо законодатель явно недооценил уровень общественной опасности многих деяний и, в частности, картеля, за который лишение свободы установлено на срок до 3 лет.

Предел штрафа за совершение антиконкурентных преступлений, содержащих признаки основного состава, составляет 500 тыс. рублей. Такой максимальный размер штрафа установлен за разные по набору признаков в основных составах преступления, в частности, за клевету, воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности, картель, незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, манипулирование рынком и незаконное использование инсайдерской информации. Минимальный размер штрафа установлен в размере 80 тыс. руб. и предусмотрен за должностные преступления (ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ). При этом в большинстве статей санкции не предусматривают нижнего предела штрафа, например, в ч. 1 ст. 128¹, 146, 147, 183, 200⁴, 285, 286 УК РФ, а значит, суд, согласно ст. 46 УК РФ, может назначить штраф по своему усмотрению, что повышает риск назначения чрезмерно мягкого наказания. Низший предел штрафа имеют санкции преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 169, 178, 180, 185³ и 185⁶ УК РФ.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью установлено в качестве дополнительного наказания, назначаемого по усмотрению суда за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 178, 185³, 185⁶, 200⁴, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 285 УК РФ. Причем за заключение картеля, квалифицируемого по ч. 1 ст. 178 УК РФ, максимальный срок этого наказания составляет лишь 1 год. В обязательном порядке лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительное наказание назначается лишь в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 169, ч. 3 ст. 178, ч. 2 и 3 ст. 183, ч. 3 ст. 285 УК РФ. И только при наличии признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 169, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью указано в качестве основного наказания (альтернативного). Не установлен данный вид наказания за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, лицом с использованием своего служебного положения, что следует признать явным пробелом.

Тем временем, отмечаемая в науке проблематика построения санкций⁶⁵⁵, в полной мере свойственна и санкциям в нормах о преступлениях против добросовестной конкуренции. Известно, что построение санкций должно основываться на требовании согласованности и соизмеримости суровости содержащихся в ней наказаний с тяжестью преступления. При этом строится система санкций с учетом иерархической значимости общественных отношений – объектов посягательства⁶⁵⁶. Соответственно преступления одной группы должны иметь непротиворечивую внутреннюю систему наказаний. Так, преступления, чья

⁶⁵⁵ Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. С. 32–33; Густова Э. В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации : теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. 204 с.; Уткин В. А. Уголовные наказания в России : пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 117–121; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 263–293; Коробеев А. И. Уголовная политика современной России : состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 247–249; Мелюханова Е. Е. Система наказаний : статическая и динамическая характеристики. 219 с.

⁶⁵⁶ Густова Э. В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации. С. 143.

объективная сторона выражается в незаконном использовании экономически равноценных по стоимости исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, должны быть наказуемы одинаковыми видами наказания и их размерами. Это не исключает того, что на размер наказания могут и должны влиять признаки состава преступления, нашедшие отражение в деяниях виновного лица, в частности такие, как способ совершения преступления, ущерб, причиненный преступлением, форма вины, мотив, цель и др. Но при наличии схожей природы общественной опасности этих признаков преступлений санкции не должны различаться. В то же время существующие санкции преступлений, рассматриваемых как формы недобросовестной конкуренции, демонстрируют иную картину (таблица 17).

Таблица 17 – Признаки преступления и виды наказаний в составах, образующих недобросовестную конкуренцию с использованием объектов интеллектуальной собственности

<i>Статья УК РФ</i>	<i>Ч. 2 ст. 146 УК РФ</i>	<i>Ч. 1 ст. 147 УК РФ</i>	<i>Ч. 1 ст. 180 УК РФ</i>	<i>Ч. 3 ст. 183 УК РФ</i>
Объективная сторона деяния	Незаконное использование объектов авторских или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере (100 тыс. руб.)	Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили	Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб (400 тыс. руб.)	Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе

		крупный ущерб (размер не указан)		
Штраф	До 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев	До 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев	От 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет	До 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет
Исправительные работы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет
Обязательные работы	До 480 часов	До 480 часов	До 480 часов	
Лишение свободы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев	До 3 лет
Принудительные работы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет	До 5 лет

Из приведенных в сравнительной таблице данных следует, что равнозначными по степени и характеру общественной опасности перечисленные деяния, несмотря на почти совпадающие санкции (кроме санкции ст. 183 УК РФ), назвать нельзя: объективная сторона каждого преступления, хотя и содержит описание незаконного использования прав на объекты интеллектуальной собственности, характеризуется разными признаками, имеет разные правовые последствия с разными характеристиками (различаются размеры ущерба; для деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 146 и ст. 147 УК РФ, размер ущерба не определен; альтернативный признак состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, в виде неоднократности или причинения крупного ущерба; состав, предусмотренный ст. 183 УК РФ, является формальным). При этом, если виды и размеры санкций за преступления, предусмотренные ст. 146 и 147 УК РФ, являются совпадающими, то в сравнении с ними санкция ст. 180 представлена некоторым

усилением штрафа и лишением свободы, которое применяется в совокупности со штрафом. Санкция ст. 183 УК РФ говорит о признании законодателем более высокой степени общественной опасности незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайну, чем посягательства на объекты интеллектуальной собственности, хотя коммерческая тайна как секрет производства – тот же объект интеллектуальной собственности, включающий в себя другие объекты интеллектуальной собственности, а сам состав не предусматривает вредных последствий (кроме случаев, описанных в ч. 3 и 4).

Вызывают вопросы санкции за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: ч. 3 ст. 146 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 6 лет, ч. 2 ст. 147 – на срок до 5 лет. Отсутствие квалифицирующего признака совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения в ст. 147 УК РФ приводит к ненаказуемости такого деяния, в то время как аналогичное деяние, признаки которого описаны в смежном составе, предусмотренном п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, наказуемо лишением свободы сроком до 6 лет.

Другим примером несопоставимости отдельных наказаний являются санкции должностных преступлений, предусмотренных ст. 169, 285 и 286 УК РФ. Санкции, содержащиеся в ч. 1 ст. 285 и 286 УК РФ, идентичны по каждому виду и размеру наказания при сравнимых признаках обоих составов преступлений. В то же время, если рассматривать преступления, предусмотренные ст. 169, 285 и 286 УК РФ, как смежные деяния, субъектами которых являются должностные лица органов власти или местного самоуправления, посягающие на равнозначные охраняемые объекты, то их санкции никак нельзя назвать схожими. Так, санкция ч. 1 ст. 169 УК РФ, в отличие от санкций ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ, не предусматривает наказания в виде лишения свободы, а по ч. 2 лишение свободы на год меньше санкции по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ. Размеры штрафов также несопоставимы: размер штрафа, предусмотренный санкцией ч. 1 ст. 169 УК РФ,

значительно превышает размеры штрафов, содержащихся в санкциях ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Наличие признака корыстной заинтересованности имеет разное значение для квалификации и наказания по ст. 285 и 286 УК РФ. Так, корыстная заинтересованность в ст. 285 УК РФ характеризует основной состав преступления, наиболее суровое наказание за совершение которого предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 4 лет. Этот же признак по ч. 3 ст. 286 УК РФ имеет особо квалифицирующее значение, наличие которого в превышении должностными полномочиями наказуемо лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. Вероятно, при назначении наказания по ч. 3 ст. 286 УК РФ суду следует ориентироваться на аналогичное наказание, содержащееся в ч. 1 ст. 285 УК РФ, имея в виду предел лишения свободы, установленный за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной заинтересованности.

Особого внимания заслуживают санкции ст. 178 УК РФ. Во-первых, все три санкции относятся к категории кумулятивных, которым в науке дается неоднозначная оценка в отношении их эффективности. Во-вторых, санкция ч. 1 не отражает степень и характер общественной опасности деяния, так как относит его к преступлениям небольшой тяжести, что свидетельствует об отсутствии надлежащей уголовно-правовой оценки уровня общественной опасности картелей, признанных угрозой экономической безопасности. В-третьих, при установлении сроков лишения свободы, а значит, при определении степени и характера общественной опасности преступления в соотношении между ч. 1 и 2, выясняется, что законодатель «перешагнул» одну категорию преступления. Так, преступление, предусмотренное ч. 1, относится к категории преступлений небольшой тяжести, в то время как деяние, зафиксированное в ч. 2 той же статьи, - к категории тяжких.

Ситуация с «перешагиванием» категорий имеет место и в санкциях ч. 1, 2 и 3 ст. 146 УК РФ: согласно ч. 1 и ч. 2 названной статьи категория преступлений определяется как небольшая, ч. 3 – тяжкая; в ч. 1 ст. 200⁴ УК РФ описано преступление небольшой тяжести, в ч. 2 – тяжкое.

Другая проблема, усматриваемая при построении санкций и заключающаяся в отсутствии точных пределов верхних и нижних границ наказаний и их соотношения с санкциями в основных и квалифицированных составах, также присутствует в санкциях антиконкурентных преступлений.

Так, санкции, предусмотренные ч. 1, 2 и 3 ст. 178 УК РФ, содержат наказание в виде лишения свободы, сроки которого составляют до 3, до 6 и до 7 лет соответственно. Отсутствие нижнего предела наказания по ч. 2 и ч. 3 повышает риски судебного усмотрения и вынесения не соответствующего характеру и степени опасности деяния наказания. При этом различие в сроках лишения свободы по ч. 2 и ч. 3 несущественно, что не дает объективной оценки разнице общественной опасности деяний, предусмотренных в разных составах с отягчающими и особо отягчающими признаками. Лишение свободы назначается вместе с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, сроки которого составляют до 1 года по ч. 1, до 3 лет – по ч. 2 и ч. 3. Как видно, санкции ч. 2 и 3 являются почти равнозначными, с той лишь разницей, что лишение права по ч. 3 характеризуется как основное дополнительное наказание, а по ч. 2 – назначается по усмотрению суда.

Аналогичная ситуация возникла с наказанием в виде принудительных работ – здесь практически нет различий в сроках наказания за квалифицированный и особо квалифицированный составы преступлений: и в ч. 2, и в ч. 3 принудительные работы установлены на срок до 5 лет.

В целом, анализируя санкции за совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, констатируется факт необоснованного снижения размеров всех основных наказаний за картель. В частности, размер штрафа таков, что позволяет делать вывод о выгоде совершения преступления⁶⁵⁷. К слову, следует отметить, что экономически хозяйствующие субъекты готовы к санкциям, о чем свидетельствует не только российская практика, но и зарубежные

⁶⁵⁷ Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны : теоретико-прикладное исследование. С. 109.

исследования⁶⁵⁸. Следовательно, налицо проблема адекватности санкции противоправному поведению виновных лиц и вредным последствиям картеля. При этом срок лишения свободы представляет собой среднее значение в сравнении с аналогичным наказанием за рубежом, но размер штрафа, выраженный в твердой денежной сумме, необоснованно низкий и значительно меньше, чем в законах экономически более развитых стран. Кроме этого, возникает парадоксальная ситуация – субъекты законодательной инициативы, мотивируя необходимостью соизмерять размеры крупного (особо) крупного ущерба или дохода, установленные в качестве признаков объективной стороны преступлений, с уровнем инфляции, предлагают такие размеры повысить в целях соответствия принципу соразмерности и справедливости уголовного наказания⁶⁵⁹, оставляя при этом размеры штрафов на прежнем уровне. Таким образом, в контексте применения санкции в виде штрафа вопрос о принципе соразмерности и справедливости наказания остается открытым.

Подводя итоги анализу санкций ст. 178 УК РФ, следует признать необходимым повысить категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, отнеся его к преступлением средней тяжести и установив основное наказание за его совершение в виде лишения свободы на срок до 4 лет, предусмотренное ч. 2 и ч. 3, – тяжким, установив наказание в виде лишения свободы по ч. 2 – от 4 до 7 лет, по ч. 3 – от 5 до 10 лет.

Проведенный анализ состояния санкций за совершение антиконкурентных преступлений демонстрирует набор различных возможностей дифференциации уголовной ответственности за эти преступления, не лишенных определенных недостатков.

Основным среди них следует признать несоответствие санкций уровню общественной опасности преступлений - установленные максимальные пределы

⁶⁵⁸ Jaspers J. D. Leniency in exchange for cartel confessions // *European Journal of Criminology* 2020, Vol. 17(1) 106–124.

⁶⁵⁹ Заключение на проект федерального закона № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы А.Г. Нечаевым, В.А. Даванковым, А.В. Деминим (первое чтение) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8#bh_note (дата обращения: 3.08.2023).

лишения свободы указывают на то, что преступления рассматриваемой группы отнесены, в основном, к категории преступлений небольшой тяжести, что нельзя признать обоснованным.

Учитывая отмеченный ранее факт относительной равнозначности уровня общественной опасности антиконкурентных преступлений, представляется правильным установить за совершение деяний, имеющих признаки основных составов, наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет как верхний предел, уже установленный законодателем за совершение преступлений, предусмотренных ст. 185³, 185⁶, 285 и 286 УК РФ. Исключение следует сделать за заключение и реализацию сговоров на торгах, которые ранее предлагалось выделить в самостоятельный состав преступления. Уголовная ответственность за этот вид противоправного поведения должна отличаться в силу признания картелей угрозой экономической безопасности именно из-за опасности сговоров на торгах, а значит и ее реализация должна быть воплощена в назначении более строгих мер наказания. Предложение о более жестких мерах наказания необходимо распространить и на сговоры на торгах, заключаемые должностными лицами органов власти или местного самоуправления, а также с участием работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок.

Как было отмечено ранее, сговоры на торгах имеют элементы мошенничества - в их основе лежит обман (злоупотребление доверием) заказчика (организатора) торгов. Вследствие этого при определении вида и размера санкции за сговор на торгах логично было бы ориентироваться на анализ санкций, установленных за квалифицированное мошенничество, совершенное в соучастии, а также лицом с использованием служебного положения. Так, мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, а с использованием служебного положения – на срок до 6 лет. Поскольку сговор на торгах – это всегда деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, постольку наказание в виде лишения свободы не может не составлять до 5 лет лишения свободы, аналогично наказанию за квалифицированное мошенничество.

Сговор на торгах с участием лиц, выступающих от лица организатора торгов или заказчика торгов, занимающих должности в органах власти или местного самоуправления, а также сговор с участием работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, можно приравнять к мошенничеству, совершенному лицом с использованием служебного положения. В то же время для определения вида и размера наказания за эту разновидность сговора следует принимать во внимание содержащийся в ч. 2 ст. 200⁴ УК РФ квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и наказание за нарушение Закона о контрактной системе, совершенное в такой форме соучастия. Данный признак, хотя и предполагает совершение преступления двумя и более соисполнителями, обладающими признаками специального субъекта, описанного в ч. 1 ст. 200⁴ УК РФ, может служить ориентиром в том, какое наказание законодатель считает справедливым за совершение преступления, посягающего на добросовестную конкуренцию, в сговоре с лицами, имеющими особые служебные обязанности. За его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Таким образом, в сравнении с картелем, который представляет собой сговор хозяйствующих субъектов об ограничении конкуренции, наказуемый лишением свободы на срок до 4 лет, нарушение Закона о контрактной системе, в том числе в виде посягательства на предусмотренный им принцип обеспечения конкуренции при осуществлении закупок, совершенное в соучастии, наказывается гораздо жестче. Следовательно, такой тенденцией невозможно пренебречь при определении наказания за сговор на торгах должностных лиц с хозяйствующими субъектами, работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок с хозяйствующими субъектами об ограничении конкуренции – оно должно составлять до 7 лет лишения свободы.

Второе исключение целесообразно распространить на деяния, совершаемые с использованием объектов интеллектуальной собственности, а также на предусмотренное ч. 1 ст. 183 УК РФ деяние без признаков недобросовестной конкуренции, как не имеющие столь же высокой опасности в сравнении с теми же

деяниями, совершаемыми в целях недобросовестной конкуренции. Лишение свободы в таких случаях допустимо оставить на прежнем уровне – до 2 лет лишения свободы. Этот срок является оптимальным и с позиции правоприменения.

Размеры штрафов также представляют собой тему для исследования относительно восприятия их как средства дифференциации ответственности. Так, отсутствие низшего предела штрафа в большинстве санкций за антиконкурентные преступления нивелирует возможность дифференциации уголовной и административной ответственности, ибо согласно ст. 46 УК РФ минимальный размер уголовного штрафа составляет 5 тыс. рублей и столько же составляет максимальный размер административного штрафа в соответствии со ст. 3.5 КоАП. Особенно эта проблема актуальна в отношении наказаний за деяния, имеющие квалифицированные виды.

С учетом изложенного предложение о размерах штрафов от 600 тыс. рублей до 5 млн рублей, определенное для картелей, целесообразно распространить на всю группу преступлений. Штраф в размере менее 600 тыс. рублей следует установить в отношении антиконкурентных деяний, совершенных должностным лицом, работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, а также за совершение преступлений лицами, не обладающими статусом специального субъекта, в частности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 146, 147, 180, 185³, 185⁶ УК РФ.

Невозможно не отметить необоснованно редкое назначение в качестве наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение преступлений рассматриваемой группы. В то время как согласно ст. 45 УК РФ данный вид наказания может быть как основным, так и дополнительным, а природа антиконкурентных преступлений предполагает их совершение именно в связи с осуществлением определенной профессиональной, в том числе предпринимательской деятельности, при дифференциации уголовной ответственности лишение права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью играет второстепенную роль. Необходимо исправить существующую ситуацию, расширив возможности назначения данного вида наказания и в качестве основного, и в качестве дополнительного, исключив его назначение судом по своему усмотрению.

Также обращает на себя внимание, что отдельные санкции, содержащие лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусматривают его назначение до 1 года (такое наказание установлено за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ). Между тем, согласно ст. 47 УК РФ, данный вид наказания может быть назначен в качестве основного на срок от 1 года до 5 лет, а в качестве дополнительного – от 6 месяцев до 3 лет по общим правилам, до 20 лет – в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. Соответственно, усматривается необоснованно низкий порог назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Представляется справедливым повысить его согласно правилам ст. 47 УК РФ до 5 и 3 лет соответственно, а при отдельных особо квалифицирующих признаках – свыше 5 лет, но в пределах действующих санкций за смежные составы преступлений. Так, свыше 5 лет лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью указано в качестве дополнительного наказания за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ.

В целях дифференциации наказаний в сравнении с менее тяжким преступлением представляется важным определить низший предел всех видов наказания за совершение преступлений, имеющих признаки квалифицированного (особо квалифицированного) состава преступления.

В рамках данной главы целесообразно рассмотреть применение к рассматриваемой группе преступлений института конфискации имущества. Несмотря на то, что конфискация имущества в современной редакции УК РФ не является видом наказания, не предоставляет возможности для дифференциации ответственности, тем не менее данная мера репрессивного характера ужесточает

ответственность за преступления, воздействуя на состояние виновного лица наряду с наказаниями. Перечень в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ не содержит всех составов антиконкурентных преступлений, что вызывает сомнение в правильности такого подхода, так как зачастую преступления данной группы совершаются из корыстной заинтересованности, преследуют цель противозаконного получения дохода при осуществлении предпринимательской деятельности. Заключение картельного соглашения – пример такого деяния, поэтому конфискация имущества должна распространяться на полученный виновным лицом доход от монополистической деятельности организации.

Проведенный опрос сотрудников антимонопольного и правоохранительных органов свидетельствует о поддержке большинством опрошенных введения конфискации имущества за картель (ст. 178 УК РФ): положительно высказались 52,3 % опрошенных сотрудников антимонопольного органа и 77,4 % – правоохранительных органов (Приложение 8).

В отношении недобросовестной конкуренции, связанной с нарушением авторских и смежных прав, патентных прав и прав на средства индивидуализации, УК РФ отразил правила соглашения ТРИПС, установив как основания уголовной ответственности, так и возможность применения конфискации по преступлениям, предусмотренным ст. 146, 147, 183 УК РФ, которые названы в числе деяний, перечисленных в ст. 104¹ УК РФ. Однако преступления, предусмотренные ст. 180 УК РФ, объективная сторона которых связана с незаконным использованием средств индивидуализации, осталась за рамками ст. 104¹ УК РФ, как и преступления, предусмотренные ст. 185³ и 185⁶ УК РФ.

Институт конфискации как мера уголовно-правового характера появился в УК РФ в соответствии с подписанной Российской Федерацией Конвенцией Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» (СЕТС N 198) (Варшава, 16 мая 2005 г.). Согласно этому документу, одним из эффективных и современных методов борьбы против опасных форм преступности является лишение преступников доходов от преступной деятельности, под которыми

понимается любая экономическая выгода, полученная или извлеченная прямо или косвенно в результате совершения преступлений. В перечне преступлений, в отношении которых конфискация должна быть введена участниками Конвенции, названы производство контрафактной и пиратской продукции, торговля инсайдерской информацией и манипулирование рынком. Таким образом, в перечень преступлений, за совершение которых суд должен назначать конфискацию имущества согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, должны быть включены деяния, предусмотренные ст. 178, 180, 185³ и 185⁶ УК РФ.

Проведенный анализ санкций за совершение антиконкурентных преступлений указывает на то, что основные виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера в отношении антиконкурентных преступлений, предусмотренные российским уголовным правом и назначаемые судами, в целом способствуют дифференциации уголовной ответственности, хотя и имеют отдельные недостатки.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать проблемы установленных законодателем наказаний за совершение антиконкурентных преступлений, заключающиеся в чрезмерной альтернативности, несоответствии отдельных санкций уровню общественной опасности деяний, в том числе отраженной в квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках, а также в смежных составах преступлений. Институт конфискации также нуждается в совершенствовании, так как не в полной мере задействован не столько в целях дифференциации, сколько унификации уголовной ответственности за антиконкурентные деяния, которые имеют корыстную направленность, но не включены в ст. 104¹ УК РФ.

Основания освобождения от ответственности как средство дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на конкуренцию

Весьма важным средством дифференциации уголовной ответственности являются общие и специальные основания освобождения от ответственности, включая освобождение от наказания. Освобождение лица от уголовной ответственности означает депенализацию деяния, создание законодателем

предпосылки для неприменения ответственности и наказания в определенных типичных случаях⁶⁶⁰. В науке представлены разные взгляды на депенализацию⁶⁶¹ и ее способы⁶⁶², согласно которым освобождение от уголовной ответственности, являясь средством дифференциации ответственности, представляет собой лишь один из элементов депенализации.

В отношении антиконкурентных преступлений институт освобождения от уголовной ответственности имеет особое значение. Во-первых, он может быть применен к рассматриваемой группе преступлений по нескольким общим основаниям, предусмотренным: 1) ст. 75 УК РФ в связи с деятельным раскаянием; 2) ст. 76 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим; 3) ст. 76¹ УК РФ в связи с возмещением ущерба лицом, впервые совершившим преступление, предусмотренное ч. 1, ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 178, ч. 1–3 ст. 180, ч. 1 ст. 185³, ст. 185⁶ УК РФ; 4) ст. 76² УК РФ в связи с назначением судебного штрафа. Расширение возможностей применения правил освобождения от уголовной ответственности по ст. 76¹ УК РФ следует признать положительным изменением законодательства в силу рассматриваемой в данном исследовании общности деяний, составляющих группу антиконкурентных деяний, а следовательно, и необходимости универсального подхода к реализации уголовной ответственности за их совершение и освобождения от нее.

Во-вторых, примечание к ст. 178 УК РФ содержит специальное основание освобождения от ответственности лица, которое первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

⁶⁶⁰ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. С. 195.

⁶⁶¹ Бушуева Т. А., Дагель П. С. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду. С. 49; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 141; Сабитов Т. Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестник НГУ. 2011. Т. 7. Вып. 1. С. 135–136. (Право).

⁶⁶² Чаадаев С. Г. Уголовная политика и преступность : проблемы, пути решения. М., 1991., С. 50–51; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. С. 328; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. С. 144.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, деятельным раскаянием и наложением судебного штрафа встречается в судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 128¹, 146, 180, 183, 285 и 286 УК РФ, что отражено в таблице 18.

Таблица 18 – Статистика применения института освобождения от уголовной ответственности по общим основаниям

Ст. УК РФ	2017г./2018г./2019г.		
	Примирение с потерпевшим	Деятельное раскаяние	Судебный штраф
128 ¹	240/198/179	5/12/2	5/3/10
146	185/106/61	6/0/2	32/32/56
169	2/3/2	0/0/0	1/2/7
180	4/11/11	7/14/4	21/48/37
183	4/8/5	2/1/1	2/19/31
285	11/3/1	15/11/8	149/294/321
286	3/1/1	12/7/6	128/182/207

Предусмотренное примечанием к ст. 178 УК РФ специальное основание освобождения от уголовной ответственности пока не имеет практики его применения в связи с отсутствием достаточного опыта возбуждения и расследования уголовных дел по ст. 178 УК РФ. Данный институт освобождения от ответственности является частью государственной программы по смягчению ответственности за картель. Он имеет схожие черты с деятельным раскаянием и рассматривается как компромисс между государством и виновным в заключении картеля лицом исключительно с целью выявления и расследования данного преступления на условиях «прощения» первого из соучастников преступления, условием и результатом которого является пресечение деятельности картеля, выявление всех его участников, фиксирование доказательств его существования и деятельности, возмещение причиненного ущерба.

Несмотря на существующие критические позиции как о самом уголовно-правовом институте освобождения от уголовной ответственности за картели⁶⁶³, так

⁶⁶³ См., напр.: Князьков А. А. Конструирование и применение поощрительных норм в сфере уголовно-правового регулирования экономической деятельности : вопросы теории и практики : монография /

и о его отдельных положениях⁶⁶⁴, он соответствует общемировым тенденциям противодействия картелям, хотя, бесспорно, имеет свои недостатки. В частности, не получает снисхождения лицо, обратившееся вторым и т.д. Как пишет О.Е. Деревягина, в таком случае лицо может быть освобождено от ответственности по ст. 76¹ УК РФ⁶⁶⁵. Однако при этом следует учитывать, что виновное физическое лицо, которое может воспользоваться такой программой, должно выполнить ряд альтернативных действий, направленные, в частности, на возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступления, либо дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, и перечисление в федеральный бюджет соответствующего денежного возмещения в установленном законом размере. При этом, учитывая размеры ущерба, выявляемые при реализации картельных соглашений на практике, в особенности при сговорах на торгах, говорить о шансах отдельного физического лица быть освобожденным от уголовной ответственности по этому основанию, вероятнее всего, не приходится.

В контексте данной проблемы видится целесообразным обратить внимание на такой общий аспект ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, как совершение его группой лиц в понимании ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции». В судебной практике сложилось представление о такой группе как о едином субъекте, в связи с чем в правоприменении и научной среде поднимается вопрос о правовых основаниях привлечения к индивидуальной ответственности участников группы⁶⁶⁶ и порядке взыскания в федеральный бюджет дохода,

под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Л. Кругликова. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 176; Мосунова Н. Н. Иммунитет для картелиста // Конкуренция и право. 2018. № 1. С. 19.

⁶⁶⁴ См., напр.: Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны : теоретико-прикладное исследование. С. 116.

⁶⁶⁵ Деревягина О. Е. Преступное ограничение конкуренции : теоретические и прикладные аспекты. С. 195.

⁶⁶⁶ Кобаненко М., Денченкова О. Ответственность участников группы лиц за злоупотребление доминирующим положением // Конкуренция и право. 2011. № 5 [Электронный ресурс] // СПС

полученного в связи с коллективным нарушением антимонопольного законодательства, которое предусмотрено ФЗ «О защите конкуренции» как мера антимонопольной ответственности.

Как указал в своем постановлении Конституционный Суд РФ⁶⁶⁷, индивидуальная ответственность каждого участника группы не исключается, а указанное обременение в виде взыскания в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства группой хозяйствующих субъектов, возлагаемое на каждого из них, должно носить пропорциональный характер. Однако данное разъяснение порождает следующую проблему: каковы справедливые критерии такой пропорциональности?

Перечисленные вопросы перекликаются с проблемой уголовной ответственности за картели. Здесь возникает необходимость определить все аспекты участия каждого физического лица – представителя хозяйствующего субъекта, участника картеля – в преступлении, предусмотренном ст. 178 УК РФ, в частности, для применения программы смягчения ответственности, предусмотренной в примечании к статье, или же согласно общему основанию по ст. 76¹ УК РФ. Указанные правила в качестве одного из обязательных действий содержат требование о возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного преступлением (последний критерий предусмотрен только ст. 178 УК РФ), причем имеется в виду весь ущерб или вред, причиненный всеми членами картелями. Такое требование представляется несправедливым и не соответствующим целям индивидуализации уголовной ответственности за преступление, в том числе и тогда, когда речь идет об освобождении от нее.

На наш взгляд, перечисленные в вышеназванном постановлении Конституционного Суда РФ конституционные принципы справедливости,

«Консультант Плюс»; Мартынова О. В. Группа лиц как самостоятельный субъект злоупотребления доминирующим положением // Современная конкуренция. 2013. № 5 (41). С. 18–23.

⁶⁶⁷ О проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 ст. 12, ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ст. 23, 37 и 51 ФЗ «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим»: пост. Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

юридического равенства, пропорциональности соразмерности устанавливаемой ответственности должны в равной мере распространяться на все ее проявления. В целях применения программы смягчения ответственности за картель следует определять долю участия в картеле каждого хозяйствующего субъекта и в зависимости от этого устанавливать ту часть причиненного ущерба или иного вреда, которая корреспондирует его личному участию в качестве субъекта преступления, что и должно подлежать возмещению физическим лицом.

Однако, если ущерб как таковой возникает в результате деятельности юридического лица хотя и на основании решений, принимаемых конкретными физическими лицами – их представителями, то программа смягчения ответственности именно последнего не может быть связана только с возмещением им причиненного таким образом ущерба. Обратная ситуация противоречит не только вышеуказанным конституционным принципам, но и закреплённому в УК РФ отраслевому принципу справедливости. В этой связи представляется необходимым предусмотреть возможность возмещения причиненного таким образом ущерба самим юридическим лицом – хозяйствующим субъектом – участником картеля, аналогично тому, как может быть возмещен ущерб, причиненный преступлениями, предусмотренными ст. 199 и 199¹ УК РФ, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ о применении примечания к ст. 199⁶⁶⁸. При этом размер ущерба должен быть определен пропорционально относительно иных участников картеля, как причиненный именно этим юридическим лицом.

Что касается проблемы уголовной ответственности второго, третьего лица, в действиях которого были установлены признаки заключения и исполнения картеля, то ее решение видится в дальнейшем совершенствовании этого института, в частности, путем возможности смягчения наказания последовательно, в зависимости от очередности обращения в правоохранительные органы. Такие

⁶⁶⁸ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 (в ред. от 11.06.2020); О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 // Российская газета. 2013, № 145 (6121).

основания уже содержатся в зарубежном законодательстве⁶⁶⁹. Но и действующий УК РФ предусматривает возможность смягчения наказания, в частности, в ст. 64 УК РФ.

Данные выводы могли бы быть полезными для правоприменения и без изменения законодательства, поэтому представляется целесообразным закрепить их в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (см. п. 2 Приложения 7).

Условием реализации указанных положений УК РФ должно быть выполнение лицами других требований примечания к ст. 178 УК РФ, а именно:

- 1) добровольность сообщения;
- 2) активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления;
- 3) возмещение причиненного этим преступлением ущерба или иное заглаживание причиненного вреда;
- 4) отсутствие в действиях иного состава преступления.

Другой недостаток усматривается из сравнения институтов освобождения от уголовной ответственности по ст. 75–76² УК РФ и примечания к ст. 178 УК РФ, подкрепленного практикой применения аналогичного института «смягчения ответственности» в административном праве, и заключается в допущении возможности освобождения от уголовной ответственности за картель неоднократно. По аналогии с другими институтами освобождения условием освобождения от уголовной ответственности за картель должно быть совершение деяния впервые, иначе может возникнуть ситуация рецидивов заключения

⁶⁶⁹ Даниловская А. В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в ЕС, ФРГ, Великобритании и Франции // Юридические исследования. 2020. № 6. С. 21-35; Даниловская А. В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 2. С. 107-124.

картелей, как это имеет место в административном производстве⁶⁷⁰. Лицо, повторно совершившее преступление, не должно иметь возможности быть освобожденным от уголовной ответственности.

Следуя традициям уголовного и административного законодательства, необходимо предусмотреть невозможность применения правил об освобождении ответственности и смягчении наказания в отношении лица, которое явилось организатором преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Кроме этого, по аналогии с примечанием к ст. 14.32 КоАП, следует лишить такой возможности физическое лицо, виновное в совершении преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, и допустившее принуждение иных лиц к совершению этого преступления либо к продолжению участия в ограничивающем конкуренцию соглашении⁶⁷¹.

Между тем внимание следует обратить и на другую сторону освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания за картель, которая не рассматривается не только в науке уголовного права, но и административного и конкурентного права, и связана с особыми условиями (обстоятельствами), детерминирующими появление картеля на товарном рынке. Следует подчеркнуть, что речь идет об ответственности исключительно за классические картели на товарном рынке - сговоры на торгах не рассматриваются в рамках данного параграфа как деяния, на которые распространялись бы специальные основания освобождения их участников от ответственности в силу их повышенной общественной опасности относительно обычных картелей. Суть этих особых обстоятельств состоит в следующем.

Значение картеля определяется целями, ради которых соглашение заключается, и способами их достижения. Несмотря на то, что существует множество видов картелей, общепризнано, что их целью является получение максимальной (дополнительной) прибыли путем ограничения конкуренции.

⁶⁷⁰Алешин К. Н., Максимов С. В. Добровольное сообщение о заключении картеля : назревшие реформы. С. 31.

⁶⁷¹ Даниловская А. В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

Однако представляется, что это не всегда так – спор об этом существовал в науке еще в начале XX в. Некоторые из картелей, как видится из существа отдельных объединений хозяйствующих субъектов, преследуют несколько иные цели, чем просто получение прибыли, и поэтому появляются для решения задач другого рода. Так, среди задач экспортных картелей отмечаются повышение конкурентоспособности продукции на мировых рынках и поддержка деятельности компаний за счет зарубежных заказов. В связи с тем, что такая деятельность хозяйствующих субъектов способствует единой государственной политике на международных рынках, защите национальных интересов государств-экспортеров, повышению доходной части бюджета за счет экспортных пошлин, во многих странах экспортные картели признаны законными и выведены из-под действия законодательных запретов⁶⁷².

Отраслевые ассоциации выполняют такие позитивные функции, как ознакомление членов ассоциации с технологическими и иными достижениями в отрасли, информационное просвещение, совместная подготовка и обучение персонала, повышение квалификации, проведение совместных исследований рынка, спонсорских мероприятий⁶⁷³, стандартизация продукции.

Выделяют также другие картели, деятельность которых может быть признана не только не опасной, но и полезной обществу, например, картели, обладающие небольшой долей рынка, а также картели, созданные для освоения нового рынка⁶⁷⁴,

⁶⁷² Князева И. В. Антимонопольная политика в России. С. 269.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Экономика фирмы : энциклопедия // URL: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/kartel.html> (дата обращения: 23.04.2020).

что нашло отражение в ряде антимонопольных законов (например, в законах Республики Корея⁶⁷⁵, КНР⁶⁷⁶, ФРГ⁶⁷⁷, Великобритании⁶⁷⁸, Франции⁶⁷⁹).

Вышеизложенное можно оценить как позитивные факторы появления картелей, которые определяются перспективными целями деятельности хозяйствующих субъектов, связанными с развитием отрасли и повышением общественного благосостояния.

При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за заключение и реализацию такого рода картелей на товарном рынке следовало бы учитывать положительные явления, возникшие именно в связи с существованием конкретного картеля. Явный позитивный характер значимых для общества экономических последствий картеля на товарном рынке может свидетельствовать об отсутствии общественной опасности деяния как таковой или ее незначительности. Представляется, что вопрос об уголовной ответственности в таких случаях может решаться с позиции анализа общих признаков деяния как преступления, согласно ст. 14 УК РФ. В случае превышения негативных последствий картеля над позитивными, при назначении наказания указанные обстоятельства могли бы учитываться в качестве смягчающих в соответствии со ст. 61 или иных, перечисленных в ст. 64 УК РФ.

Другой вариант решения вопроса об ответственности за заключение картеля на товарном рынке видится в специальном основании освобождения в связи с экономически обоснованной полезностью картеля, подтвержденной (установленной) антимонопольным органом. Данное предложение могло бы быть

⁶⁷⁵ Monopoly regulation and fair trade act (Enforcevent date 29.03.2016: Act № 14137, 29.03.2016) // URL: http://www.ftc.go.kr/solution/skin/doc.html?fn=abe6ebfcffcd366c32a8cb91035bdbee5ad625cdf007b29f88891153490137d1&rs=/fileupload/data/result/BBSMSTR_000000002411/# (дата обращения: 03.11.2019).

⁶⁷⁶ Закон КНР «О противодействии монополиям» : принят на 29 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 30.08.2007 г. // URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=42> (дата обращения: 20.04.2020).

⁶⁷⁷ Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. Juni 2013 // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (дата обращения: 21.06.2020).

⁶⁷⁸ Competition Act 1998 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/contents> (дата обращения: 10.06.2020).

⁶⁷⁹ Code de commerce (version consolidée au 22 septembre 2018) // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/485951> (дата обращения: 24.06.2020).

реализовано путем включения соответствующей правовой нормы в примечание к ст. 178, в котором содержатся основания освобождения от ответственности за картель. Содержание такой правовой нормы может быть следующим: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если антимонопольным органом будет установлено, что положительный экономический эффект от заключения и реализации ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) превышает негативные для товарного рынка последствия, связанные с ограничением конкуренции» (Приложение 2).

Помимо «полезных» картелей следует также обратить внимание на картели структурных кризисов («кризисные» картели), появление которых предопределено негативными факторами экономического характера. Ими называют соглашения, которые должны обеспечить безболезненное свертывание производственных мощностей при устойчивом, не обусловленном конъюнктурой сокращении сбыта. Такого рода картельные соглашения заключаются обычно во время циклических спадов производства, в условиях, когда баланс спроса и предложения на продукцию отрасли резко нарушен (имеются большие запасы непроданной продукции), цены падают ниже среднеотраслевой себестоимости, и значительное число предприятий отрасли вынуждены прекратить производство. В этом случае компании согласовывают между собой масштабы снижения производства и недогрузки мощностей до тех пор, пока избыток продукции не будет продан⁶⁸⁰. Такие картели разрешены, например, в Японии⁶⁸¹. Известно, что в 1950–1970 гг. легальные «кризисные» картели помогли выйти из затяжного кризиса японской черной металлургии, судостроению, химической, нефтеперерабатывающей и

⁶⁸⁰ Корпоративное право : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – 3-е изд. перераб. и доп. / под ред. И. А. Еремичева, Е. А. Павлова. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015. С. 104.

⁶⁸¹ Станковская И. К., Стрелец И. А. Экономическая теория : полный курс МВА. М. : Рид Групп, 2016. С. 240. (Российское бизнес-образование).

угледобывающей отраслям⁶⁸². «Кризисные» картели разрешены в Европе⁶⁸³, КНР, Республике Корея.

В российском законодательстве не существует оснований для каких-либо исключений из общего запрета на картели. Не отрицая необходимости ответственности, в том числе уголовной, за заключение картеля, полагаем важным учитывать обстоятельства, которые привели к его заключению на товарном рынке. В условиях, с одной стороны, экономического кризиса, когда фиксируется спад производства, с другой – острой конкурентной борьбы хозяйствующие субъекты вынуждены объединять свои усилия в целях избежания неблагоприятных последствий. В их числе вынужденное прекращение деятельности, включая банкротство, и сопутствующие этому негативные факторы как экономического, так и социального характера, связанные, например, с неуплатой налогов, иных обязательных выплат, увольнением работников.

Правовые нормы, предусматривающие особенности исключения ответственности лиц за деяния, повлекшие причинение вреда в особых условиях, представляют собой давно устоявшиеся и существующие в разных отраслях законодательства институты. В уголовном праве это институт обстоятельств, исключающих преступность деяний (гл. 8 УК РФ). С правовой позиции, по своему характеру заключение в условиях кризиса картеля представляет собой деяние, близкое, по сути, крайней необходимости. При этом фактически поведение лиц – представителей хозяйствующих субъектов, заключивших картель, может полностью соответствовать признакам, свойственным почти всем обстоятельствам, исключающим преступность деяния, перечисленным в гл. 8 УК РФ: 1) осознание лицом общественной полезности или социальной целесообразности причинения вреда, причиненный вред является вынужденным; 2) поведение лица является осознанным, волевым и целенаправленным; 3) деяние является общественно полезным или социально допустимым; 4) рассматриваемое поведение осуществляется в особой обстановке и при наличии соответствующего основания

⁶⁸² Там же. С. 243.

⁶⁸³ Там же. С. 244.

причинения вреда; 5) поведение соответствует определенным условиям правомерности причинения вреда⁶⁸⁴.

Особо значимым в свете данного исследования выступает такой признак, как общественная полезность и социальная допустимость картеля. Так, сохранение хозяйствующего субъекта как экономического агента, участвующего в процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, налогоплательщика, работодателя, несущего социальную ответственность, обуславливает признание заключенного в условиях кризиса картеля не только социально допустимым, но и общественно полезным.

Факт общественной полезности и социальной допустимости картеля в определенных условиях подтверждается и отдельными современными экономическими исследованиями⁶⁸⁵.

Рассматривая условия крайней необходимости, характеризующие опасность и само деяние, можно сделать вывод о свойственности их критериев экономическим кризисам и соответствующему поведению лиц, направленному на заключение и реализацию картеля. Опасность экономических кризисов не вызывает сомнений – она носит действительный характер и всегда будет угрожать охраняемым интересам, является наличной и реальной, причем, как правило, имеет длительный временной характер. При этом под угрозу попадают правомерные экономические интересы государства, юридических лиц, граждан, гарантии и защита которых предусмотрены Конституцией РФ. К перечисленным лицам относятся и хозяйствующие субъекты, заключившие картель на товарном рынке, которые избрали именно такой способ защиты своих прав.

В свою очередь такие условия правомерности поведения, как направленность деяния на защиту охраняемых интересов, невозможность осуществления защиты иным способом без причинения вреда охраняемым законом интересам, своевременность защиты, причинение вреда третьим лицам, имеют место при

⁶⁸⁴ Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния : учеб. пособ. для магистрантов / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2016. С. 31–33.

⁶⁸⁵ Ключина С. В. Монополия и локальная монополия как ее тип : история вопроса, методология, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. С. 35.

анализе поведения представителей хозяйствующих субъектов в рассматриваемой ситуации. При этом причинение вреда потребителям, организациям, государству обусловлено ограничением участниками картеля конкуренции, которое выступает как способ осуществления защиты экономических прав в условиях неопределенности в целях снижения ее негативного эффекта.

Таким образом, условия, характеризующие опасность при крайней необходимости, и условия, определяющие само деяние, причиняющее вред во избежание этой самой опасности, могут полностью соответствовать нестабильной и опасной ситуации экономического кризиса, спровоцированного им поведением, направленным на заключение картеля, и, как следствие, причинение путем ограничения конкуренции вреда потребителям, другим хозяйствующим субъектам, государству. При анализе таких условий и соответствующего им поведения субъектов возникает вопрос о справедливости распространения жесткого запрета на «кризисные» картели, в то время как такого рода соглашения являются практически естественным способом защиты частных интересов, основанном на объединении усилий для противостояния общей опасности.

Заметим, что вопрос применения института крайней необходимости к преступлениям в сфере экономической деятельности редко поднимается в науке⁶⁸⁶, но не является забытым в правоприменении, в частности, при рассмотрении дел по налоговым преступлениям⁶⁸⁷. Так, Конституционный Суд РФ в определении от 24 июня 2014 г. № 1346 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максименко Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 199² Уголовного кодекса Российской Федерации»⁶⁸⁸ указал на

⁶⁸⁶ Яни П. С. Крайняя необходимость : непреступный вред экономического преступления // Закон. 2000. № 7. С. 43–57.

⁶⁸⁷ Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-670/2019 от 16.04.2019 г. URL: kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15356907&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 7.02.2020); Апелляционное постановление по делу № 22-963 от 18.09.2018 г. URL: https://oblsud-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1276724&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 7.02.2020).

⁶⁸⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максименко Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 199.2 Уголовного кодекса РФ : определение

необходимость при квалификации деяний учитывать возможность причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости.

В свете такой весьма спорной темы интересен правоприменительный опыт в смежных отраслях. Экономический кризис как основание освобождения от ответственности по гражданским и административным делам нередко становится предметом рассмотрения арбитражными судами: в решениях поднимается вопрос о возможности признания экономических кризисов обстоятельством непреодолимой силы. Арбитражная практика по данному вопросу является противоречивой: есть примеры решений, признающих экономические (финансово-экономические) кризисы, колебания курса валюты таковым обстоятельством⁶⁸⁹, есть и противоположные примеры⁶⁹⁰. С 2015 г. последних стало больше в связи с принятием Положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), согласно п. 1.3 которого финансово-экономический кризис не является непреодолимой силой⁶⁹¹, ставшего основой соответствующих выводов судей⁶⁹².

Развитие сферы предпринимательской деятельности, а значит, увеличение количества хозяйствующих субъектов с неизбежностью ведет не только к

Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 г. № 1346 // Правосудие : судебная практика России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravosudie.biz/079278> (дата обращения: 15.06.2018).

⁶⁸⁹ Постановление ФАС Поволжского округа от 16.11.1999 г. по делу № А72-2217/99-з 165 // СПС «Гарант»; Постановление ФАС Московского округа от 3.11.1999 г. по делу № КГ-А40/3612-99 // СПС «Гарант»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2009 г. по делу № А41-13282/09. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/4f3adf13-1fcc-4109-99c1-0be4cb867865/c7070e06-89a5-422c-9922-b35638cafc87/A41-13282-2009_20090904_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 26.03.2019) ; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2009 г. по делу № А56-24425/2009. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/86c1f44d-3ab6-4019-9fcd-0deeeae5024/a2abe7eed792-4608-ac60-63475aaa1dde/A56-24425-2009_20091023_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

⁶⁹⁰ Определение ВАС РФ от 28.04.2012 г. № ВАС-4874/12 по делу № А12-12792/2011 // СПС «Гарант» ; Постановление ФАС Московского округа от 24.06.2011 г. № КГ-А41/5793-11 по делу № А-41-25302/10 // СПС «Гарант».

⁶⁹¹ Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) : приложение к Постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23.12.2015 г. № 173-14 // СПС «Гарант».

⁶⁹² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.05.2016 г. по делу № А40-47328/2016 // СПС «Гарант».

обострению конкурентной борьбы, но и к увеличению рисков быть подвергнутым экономическим кризисам. Как показывает анализ экономической литературы, предотвратить экономические кризисы волевыми усилиями и в рамках моделей, предложенных экономической теорией⁶⁹³, признанных экономистами по итогам последних лет провалами экономической науки и политики многих стран⁶⁹⁴, невозможно. Действующая система управления экономикой оказалась неспособной своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы⁶⁹⁵.

Бесспорно, что в случае потенциальной возможности применения института крайней необходимости к картелям, не приходится говорить о дифференциации уголовной ответственности – скорее, здесь имеет место частичная декриминализация деяния. Тем не менее исследование поставленного вопроса представляет интерес как с позиции перспектив декриминализации картелей по обозначенному критерию совершения преступления в условиях экономического кризиса, так и дифференциации уголовной ответственности, поскольку первое является маловероятным обстоятельством в силу существующей уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции, хотя и перспективным ее направлением. Поэтому на практике более вероятен учет экономически обусловленных обстоятельств заключения картеля, имеющих признаки крайней необходимости, при назначении наказания согласно правилам ст. 64 УК РФ. Например, в административном производстве при назначении административного «оборотного» штрафа такие обстоятельства принимаются во внимание антимонопольным органом и с учетом финансового положения хозяйствующего субъекта назначается минимальный размер штрафа.

Представляется, что полученные результаты могут быть применимы и в отношении иных антиконкурентных преступлений, в частности предусмотренных

⁶⁹³ Куклина Л. Н., Поноварева С. И. Мировой экономической кризис и модели посткризисного развития : макроэкономический анализ // Известия УрГЭУ. 2012. № 1 (39) 2012. С. 11–17; Андреев М. Ю., Полбин А. В. Тенденции развития макроэкономических моделей // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 24–33.

⁶⁹⁴ Мартишин Е. М. Современные экономические парадигмы и развитие экономической теории // Экономическая наука современной России. 2011. № 4 (55). С. 117.

⁶⁹⁵ Френкель А., Тихомиров Б., Сергиенко Я., Рощина Л. Российская экономика в 2015–2017 годах // Экономическая политика. 2016. № 5. Т. 11. С. 198.

ст. 185³ и 185⁶ УК РФ. Так, манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации, сопряженные с избежанием убытков, могут быть совершены в состоянии крайней необходимости в условиях экономического кризиса. Если при этом была угроза, например, банкротства изначально добросовестного участника экономических отношений или иных серьезных неблагоприятных последствий для существования и деятельности хозяйствующего субъекта, в интересах которого действовало виновное лицо, избежать которых удалось благодаря изменению ценообразования на финансовые инструменты, товары, то налицо общественная полезность или социальная целесообразность такого поведения.

В связи с изложенным есть основания заявлять о том, что средства дифференциации уголовной ответственности включают в себя не только освобождение от ответственности, но и обстоятельства, смягчающие ответственность при назначении наказания. Существующие уголовно-правовые средства могут минимизировать или исключить вовсе неблагоприятные последствия привлечения к уголовной ответственности, в частности за картели, появление которых может иметь благоприятные для экономики результаты, что, в свою очередь, также способствует реализации принципа экономии уголовной репрессии.

Из вышеизложенного следуют следующие выводы. Средства дифференциации уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию, характеризуются разнообразной природой, оценка многих из них требует принципиального подхода. В качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков антиконкурентных преступлений следует предусмотреть критерии, которые с одной стороны отражали бы изменение уровня общественной опасности, а с другой – уточняли особенности таких деяний. В частности, это критерии, отмечающие статусные характеристики личности виновного лица, способ совершения преступления. С учетом степени и характера общественной опасности, а также классификации видов антиконкурентных преступлений, санкции за их совершение должны иметь общие виды наказаний и

их размеры. В целях совершенствования института освобождения от ответственности за картель необходимо включить в примечание к ст. 178 УК РФ положения, как облегчающие, так и уточняющие его применение, в частности, следует разрешить возмещение ущерба юридическим лицом – участником картеля, чьим представителем (работником) является обвиняемое в совершении преступления физическое лицо; закрепить правило о возможности быть освобожденным от уголовной ответственности за картель лишь один раз; установить запрет на освобождение от ответственности и смягчение наказания организатора преступления, а также виновного в совершении лица, допустившего принуждение иных лиц к совершению этого преступления либо к продолжению участия в ограничивающем конкуренцию соглашении. Помимо этого, есть смысл дифференцировать уголовную ответственность второго и третьего лица, обратившегося в правоохранительные органы с сообщением о картеле, путем возможности смягчения наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование приводит к выводу об обоснованности уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны добросовестной конкуренции. Его результаты можно обобщить в виде следующих выводов.

Уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестной конкуренции является актуальным, но мало изученным в науке явлением. Несмотря на то, что необходимость охраны конкуренции вообще и с помощью уголовно-правовых мер в частности нередко подвергается сомнению, проведенное исследование показало востребованность данного механизма как в мире, так и в особенности в Российской Федерации, экономика которой лишь недавно встала на рыночный путь развития, в основе которого и находится конкуренция как гарантия стабильности существования самой экономики, общества и государства, являясь одним из условий национальной безопасности страны.

Исторически как таковая уголовно-правовая охрана конкуренции появилась в России раньше, чем где бы то ни было, - в середине XIX века, хотя отдельные аспекты правового регулирования, включая запреты в данной сфере возникли еще в XVII в. Она характеризовалась наличием относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, хотя и не имевших признаков, прямо указывающих на это, предусмотренных Уголовным уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовным уложением 1903 г. Изменение политико-экономической основы страны после событий 1917 г. привело к тому, что законодательство нового государства не содержало правил о защите конкуренции. Становление рыночной экономики в конце XX века, принятие нового законодательства ознаменовали новый этап в уголовно-правовой политике в сфере охраны добросовестной конкуренции, для которой прошлый опыт может оказаться весьма полезным, ибо современная Российская Федерация во многом имеет почти аналогичные концу XIX в. проблемы противодействия преступлениям против добросовестной конкуренции.

Изучение международного опыта указало на то, что вопросы охраны конкуренции, в том числе ее уголовно-правовое направление, широко обсуждаются в рамках различных международных образований - ООН, ВТО, ЕАЭС, БРИКС, СНГ и т.д. Существует ряд международных актов, направленных на защиту конкуренции в виде рекомендательных положений для стран-участниц. В то же время охрана недобросовестной конкуренции представляет собой давно устоявшиеся и признанные государствами правила, включая уголовно-правовые, но антимонопольное (конкурентное) законодательство и проблемы, вытекающие из его применения и влияющие на концепцию уголовно-правовой охраны конкуренции, остаются довольно сложной темой для обсуждения на международном уровне. Причинами являются различные факторы, среди которых можно назвать особенности национального законодательства государств при определении подходов к понятию картеля и их правовому регулированию на национальных товарных рынках, отсутствие учета интересов антимонопольного режима одной страны в отношении другой и т.д. Тем не менее, как показало исследование, решение проблем возможно и оно находится в унифицированном подходе заинтересованных стран к определению внутренних направлений антимонопольной политики, основанном на общности взаимных интересов и принципе вежливости, предполагающем ограничение экстерриториальности действия национального закона.

Во всех странах, законодательство и правоприменение которых было изучено, предусмотрена уголовная ответственность за различные нарушения антимонопольного законодательства, включая нарушения на торгах. В отдельных странах ответственность за ограничивающие конкуренцию соглашения, в частности, за картель, дифференцирована, а уголовная ответственность наступает только за сговоры на торгах. Эффективным средством противодействия картелям в иностранном правоприменении признана программа смягчения ответственности, которая способствует успешному выявлению и расследованию таких деяний. В качестве основных уголовно-правовых наказаний за совершение антиконкурентных преступлений в иностранном праве названы лишение свободы

и штраф.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны добросовестной конкуренции в основном соответствует международным тенденциям уголовно-правовой защиты конкуренции. Российское законодательство предусматривает материальные, процессуальные и организационные средства охраны конкуренции, хотя они и нуждаются в совершенствовании, в частности, в расширении возможностей их применения либо изменении государственного подхода.

Начав свое становление с появлением в стране рыночной экономики, современная уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестных отношений, как направление уголовной политики по противодействию антиконкурентным преступлениям, имеет собственный объект, предмет, методы, принципы, содержание, цели и задачи, и может быть определена как закрепленное в правовых формах стратегическое направление правотворческой и правоприменительной деятельности государства в сфере охраны конкуренции, в рамках которой определяются цели, задачи, принципы, а также средства уголовно-правового воздействия на деяния, посягающие на добросовестные конкурентные отношения. Полученные выводы о самостоятельности уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции позволили сформулировать ее концепцию, которая может стать основой деятельности государства.

В силу установленного важного значения для общественного благосостояния и национальной безопасности страны, конкуренцию следует признать объектом уголовно-правовой охраны и рассматривать в качестве элемента поименованных в ст. 2 УК РФ общих объектов в силу стабилизирующей функции, которую конкуренция выполняет, будучи одной из экономических основ конституционного строя, закрепленных в Конституции РФ экономических прав и свобод.

В ходе исследования, в целях изучения возможности построения системы уголовно-правовых запретов на антиконкурентное поведение на основе запретов, сформулированных в ФЗ «О защите конкуренции», была выделена группа

преступлений, признаки которых в той или иной степени связаны с посягательством на добросовестные конкурентные отношения. Данную группу образовали составы преступлений, предусмотренных ст. 128¹, 146, 147, 169, 178, 180, 183, 185³, 185⁶, 200⁴, 285, 286 УК РФ, имеющие общий групповой объект, который определен как добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанные на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности. Анализ судебной практики показал наличие признаков нарушений антимонопольного законодательства при квалификации деяний по перечисленным выше статьям УК РФ, кроме принятых недавно ст. 185³, 185⁶, 200⁴ УК РФ, практика по которым еще не сформировалась. Таким образом, квалификация антиконкурентного поведения по перечисленным статьям на практике подтверждает объективность существования в уголовно-правовой теории группы преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, хотя и не образующих законодательно подтвержденную систему таких деяний.

Исследование объективных и субъективных признаков преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию, предусмотренных ст. ст. 128¹, 146, 147, 169, 178, 180, 183, 185³, 185⁶, 200⁴, 285, 286 УК РФ, показало наличие в каждом из них отражение запрета ФЗ «О защите конкуренции». Данный результат является еще одним доводом существования в УК РФ составов преступлений, чьи признаки прямо или косвенно могут быть связаны с нарушениями антимонопольного законодательства.

На развитие уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции значительное влияние оказывает конкурентная политика, так как законодательное регулирование конкурентных отношений, ужесточающее запреты или смягчающее государственную реакцию на те или иные антиконкурентные действия, напрямую сказывается на процессах их криминализации и декриминализации. Такое влияние отслеживается в течение всего периода существования конкурентной политики и уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции.

Одновременно с этим на эффективности уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции отражается то, как антимонопольные и правоохранительные органы взаимодействуют между собой. Отсутствие законодательно закрепленных критериев такого взаимодействия не позволяют решать задачи и достигать цели уголовно-правового противодействия посягательствам на конкуренцию, ибо связано с многочисленными неурегулированными вопросами, сказывающимися, например, на своевременности выявления и фиксации признаков преступлений, объективности проведения расследования и других аспектах. Устранение препятствий в обозначенной сфере требует внесения изменений в ФЗ «О защите конкуренции», Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Своевременности реагирования на уровень преступности в сфере добросовестной конкуренции, корректирования направлений не только уголовно-правовой, но уголовной, конкурентной политики мог бы способствовать официальный учет антиконкурентных преступлений, для чего необходимо выделение группы антиконкурентных преступлений в системе статистической отчетности уполномоченных органов государства.

Рассмотрение вопроса о криминализации нарушений антимонопольного законодательства, как одного из элементов уголовно-правовой политики, имеет весьма важное значение для развития концепции уголовно-правового противодействия им. Использование предложенной в науке классификации принципов криминализации, среди которых наиболее важным назван принцип достаточной общественной опасности деяния, исследованный с помощью экономического подхода, позволило не только обосновать необходимость такой криминализации, но и установить относительно равный уровень общественной опасности всех антиконкурентных преступлений, чему ранее не придавалось значения.

Процесс криминализации, связанный с формулированием уголовно-правового запрета, а также применением элементов законодательной техники в описании составов антиконкурентных преступлений, характеризуется применением

бланкетных норм, что делает необходимым точное применение специального законодательства, а также предполагает учет отраслевых характеристик регулирования охраняемых отношений, в том числе основанных на отраслевых презумпциях. В этой связи удачно сформулированные специальные нормы являются залогом более точного описания уголовно-правовых запретов и успешности их применения. Но несмотря на то, что существуют предпосылки для изменения положений антимонопольного законодательства, совершенства требуют и сами уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на добросовестную конкуренцию. Так, усматривается целесообразность в разграничении оснований уголовной ответственности по видам ограничивающих конкуренцию соглашений и в наказании не только за их заключение, но и участие в реализации условий договоренностей, в выделении с помощью дополнительных признаков противоправных форм недобросовестной конкуренции, формализации всех составов антиконкурентных соглашений как создающих угрозу экономической безопасности страны, унификации состава недобросовестной конкуренции с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности.

Исследование вопросов дифференциации ответственности за преступления, посягающие на добросовестные конкурентные отношения, дало возможность оценить их проявление относительно рассматриваемой группы преступлений, а также перспективы развития этого направления уголовно-правовой политики. Анализ соотношения уголовно-правовых запретов с запретами ФЗ «О защите конкуренции» выявил пробелы в уголовно-правовой защите отдельных объектов, лиц и их интересов от недобросовестной конкуренции, что является нарушением как принципов уголовного закона, так и предложенных в науке принципов дифференциации уголовной ответственности.

Другие недостатки дифференциации ответственности за антиконкурентные деяния установлены с помощью проведенного анализа межотраслевой дифференциации, который указал на то, что прямая и четкая преемственность отсутствует в отношении большинства проявлений антиконкурентного поведения,

за совершение которых предусмотрена и административная, и уголовная ответственность, а также привел к выводу о необходимости совершенствования отдельных административных и уголовно-правовых институтов.

Основные несовершенства такого средства дифференциации ответственности как санкции заключаются том, что установленные законом наказания за совершение преступлений исследуемой группы не соответствуют уровню общественной опасности, построены без учета общей (смежной) противоправной направленности, последовательного возрастания степени общественной опасности, отраженной в квалифицированных и особо квалифицированных составах, имеется несоответствие между собой различных видов наказания в рамках одной санкции или одной статьи УК РФ. Институт конфискации как иная мера уголовно-правового характера, применяемая наряду с наказаниями, также нуждается в совершенствовании, в частности, посредством распространения его на преступления, предусмотренные ст. 178, 180, 185³, 185⁶ УК РФ, которые необоснованно не включены в ст. 104¹ УК РФ.

Весьма актуальную тему представляет институт освобождения от уголовной ответственности по общим (ст. 75, 76, 76¹ и 76² УК РФ) и специальному (примечание к ст. 178 УК РФ) основаниям как средство дифференциации уголовной ответственности. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности за картели не встречается в практике из-за некорректно сформулированного уголовно-правового запрета и самого института освобождения от ответственности. Предложенные пути изменения ситуации могут, во-первых, способствовать облегчению и успешности расследования отдельных фактов картелей, во-вторых, дисциплинировать потенциальных участников картеля, ибо на организаторов картелей, лиц, принуждавших вступить в картель, а также повторно совершивших преступление, предлагается не распространять правила освобождения от уголовной ответственности.

Успешности расследованию дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, мог бы также способствовать дифференцированный подход к назначению наказания лицам, совершивших

преступление, предусмотренное частью первой этой статьи, и добровольно заявивших об этом во вторую и третью очередь, а также выполнивших иные требования, предусмотренные правилами освобождения от уголовной ответственности, включенные в примечание к статье, в частности, усматривается целесообразность в смягчении наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ.

В результате исследования природы картелей предложено развитие представления о средствах дифференциации уголовной ответственности в виде учета в качестве оснований смягчения ответственности (наказания), исключения ответственности, такого обстоятельства как заключение картеля, а также манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации в особых экономических условиях (условиях экономического кризиса), когда лицо было вынуждено к этому силой таких условий, при установлении очевидной полезности такого деяния.

Таким образом, современная уголовно-правовая политика России в сфере охраны добросовестной конкуренции не отвечает требованиям национальной безопасности страны. В этой связи отмеченные в исследовании предложения ориентированы на усиление позиции государства по противодействию антиконкурентным преступлениям посредством увеличения количества оснований уголовной ответственности за их совершение, формализации существующих и новых составов преступлений, отнесения антиконкурентных преступлений к категории преступлений средней тяжести, ведения их официального учета и других мер, с одновременным гибким подходом при применении существующих и новых положений законодательства, дифференцирующих и индивидуализирующих ответственность за их совершение, включая правила освобождения от ответственности, ее смягчения, а также исключаящих ответственность.

Полученные в ходе исследования выводы о состоянии уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, о криминализации, декриминализации антиконкурентных посягательств, дифференциации ответственности за их совершение, а также предложенные на их основе идеи о совершенствовании средств противодействия им могут быть рекомендованы для

дальнейшего научного изучения темы исследования и ее отдельных направлений, развития законодательства, официальных разъяснений, ведомственных правовых актов. Все названные предложения и рекомендации содержатся в Приложениях № 1 - 7 к настоящей диссертации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I Нормативные правовые акты и иные официальные документы

Международные правовые акты и иные официальные документы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 года : ред. от 24 марта 2022 года (с изм. и доп., вступ. в силу с 03 апреля 2023 года) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [апрель 2023]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/?ysclid=lt6wp6k1mc830420785 (дата обращения: 28.02.2024), доступ после регистрации.

2. Договор о проведении согласованной антимонопольной политики : принят Советом глав правительств СНГ 25 января 2000 года // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [офиц. сайт]. – [январь 2000]. – URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1000> (дата обращения: 26.02.2024).

3. Международное сотрудничество в соответствии с разделом F Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой: принятие руководящих принципов и процедур: записка секретариата ЮНКТАД // Конференция ООН по торговле и развитию. – 20.07.2020. – Электрон. копия доступна на сайте UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf5d1_ru.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

4. Модельный закон «О конкуренции» : утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 октября 2013 года № 50 // Евразийская экономическая комиссия : [офиц. сайт]. – [октябрь 2013]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/77b/77b6975403791039a645ad8cf7eec944.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

5. О Модельном законе «О защите конкуренции» : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых

государств от 28 ноября 2014 года № 41-11 // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [офиц. сайт]. – [ноябрь 2014]. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5065> (дата обращения: 26.02.2024).

6. О Модельном Уголовном кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года № 7-5 // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [офиц. сайт]. – [февраль 1996]. – URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=563> (дата обращения: 27.02.2024).

7. О рекомендательном Законодательном акте «О защите экономической конкуренции» : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года № 7-9 // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [офиц. сайт]. – [февраль 1996]. – URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=549> (дата обращения: 27.02.2024).

8. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г. // WIPO : The World Intellectual Property Organization : an official website. – URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/paris/trt_paris_001ru.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

9. Совместное заявление руководителей конкурентных ведомств стран БРИКС: неофициальный перевод // Представительство Российской Федерации в БРИКС: [офиц. сайт]. – URL: <http://brics2015.ru/documents/> (дата обращения: 29.02.2024).

10. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. : неофициальный перевод // Администрация Президента Российской Федерации: [офиц. сайт]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

11. Типовой закон о конкуренции 2000 г.: серия документов ЮНКТАД по проблематике законодательства и политики в области конкуренции: проект комментариев к возможным элементам статей типового закона или типовых законов // Конференция ООН по торговле и развитию. – Женева : Организация Объединенных наций, 2000. – 126 с. – Электрон. копия доступна на сайте United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/law_competition.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

12. Трансграничная антиконкурентная практика: проблемы развивающихся стран и стран с переходной экономикой: записка секретариата ЮНКТАД // Конференция ООН по торговле и развитию. – 19.04.2012. – Электрон. копия доступна на сайте UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd16_ru.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

13. Уфимская декларация: подписана в Уфе 9 июля 2015 года // Информационный центр БРИКС: [офиц. сайт]. – URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/150709-ufa-declaration-ru.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

14. Agreement on Trade-Related aspects of intellectual property rights (as amended on 23 January 2017) : the TRIPS Agreement is annex 1C of the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, signed in Marrakesh, Morocco on 15 April 1994. – Электрон. копия доступна на сайте World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm (дата обращения: 26.02.2024).

15. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Pt. Three: Union policies and internal actions. Title VII: common rules on competition, taxation and approximation of laws. Ch. 1: Rules on competition. Section 1: Rules

applying to undertakings. Arti. 101 (ex Article 81 TEC) : document 12008E101 // EUR-Lex : an official website of the European Union. – [09.05.2008]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2008/art_101/oj (дата обращения: 29.02.2024).

16. Council Regulation (EC) № 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Text with EEA relevance) // WIPO: World Intellectual Property Organization. – 04.01.2003. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/385596> (дата обращения: 29.02.2024).

17. Directive 2005/29/EC of the European parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council directive 84/450/EEC, directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European parliament and of the Council and regulation (EC) No 2006/2004 of the European parliament and of the council («Unfair Commercial Practices Directive») : document 32005L0029 // EUR-Lex : an official website of the European Union. – [11.06.2005]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029> (дата обращения: 29.02.2024).

18. Directive 89/552/EEC of the European parliament and of the Council of 3 October 1989 on the coordination of certain provisions laid down by Law, Regulation or Administrative Action in Member States concerning the pursuit of television broadcasting activities : document 32005L0029 // EUR-Lex : an official website of the European Union. – [11.06.2005]. – 31989L0552 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:31989L0552> (дата обращения: 29.02.2024).

19. Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) : document 32014L0057 // EUR-Lex : an official website of the European Union. – [12.06.2014] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0057&qid=1709902026954> (дата обращения: 29.02.2024).

20. ECN model leniency programme (as revised in November 2012) // European Competition Network (ECN) : an official website. – URL: <https://competition->

policy.ec.europa.eu/document/download/2363be16-2eac-478b-acc0-b375390cd661_en?filename=mlp_revised_2012_en.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

21. Global forum on competition: sanctions in antitrust cases: background paper by the secretariat : Session IV : 1-2 December 2016 : DAF/COMP/GF (2016)6. / Directorate for financial and enterprise affairs competition committee // OECD : organisation for economic co-operation and development : an official website. – URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2016\)6/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2016)6/en/pdf) (дата обращения: 29.02.2024).

22. Commission notice on immunity from fines and reduction of fines in cartel cases (text with EEA relevance) : document 52006XC208(04) // EUR-Lex : an official website of the European Union. – [08.12.2006]. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52006XC1208\(04\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52006XC1208(04)) (дата обращения: 20.06.2020).

23. Recommendation of the OECD Council concerning effective action against hard core cartels: as approved by Council on 25 March 1998. – [S. 1.] : OECD, 1998. – 8 p. – Электрон. копия доступна на сайте OECD. URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/2350130.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

24. Recommendation of the Council on fighting bid rigging in public procurement : OECD/LEGAL/0396 : as adopted by the OECD Council on 17 July 2012 on the proposal of the Competition Committee. – [Paris] : OECD, 2021. – 17 p. – Электрон. копия доступна на сайте OECD. URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/RecommendationOnFightingBidRigging2012.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

25. The United Nations set of principles and rules on competition: the set of multilaterally agreed equitable principles and rules for the control of restrictive business practices. – Geneva : United Nations, 2000. – 21 p. – Электрон. копия доступна на сайте UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/Docs/tdrbpconf10r2.en.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

26. Соглашение о согласовании антимонопольной политики от 12 марта 1993 года : документ утратил силу // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [офиц. сайт]. – [март 1993]. – URL:

<http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=203> (дата обращения: 29.02.2024).

Нормативные правовые акты и иные правовые документы Российской Федерации

27. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – [июль 2020]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 29.02.2024).

28. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ (в ред. федер. законов [...] от 10 июля 2023 года № 301-ФЗ) : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [июль 2006]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256> (дата обращения: 29.02.2024).

29. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: Федеральный закон от 1 марта 2020 года № 33-ФЗ : принят Государственной Думой 20 февраля 2020 года : одобрен Советом Федерации 26 февраля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [март 2020]. – URL: // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003010005> (дата обращения: 15.10.2020).

30. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ: принят Государственной Думой 20 марта 2024 года : одобрен Советом Федерации 3 апреля 2024 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [апрель 2024]. – URL: //

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202404060014> (дата обращения: 18.04.2024).

31. О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-I (в ред. федер. законов [...] от 13 июня 2023 года № 227-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [июнь 2023]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (дата обращения: 29.02.2024).

32. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ : (в ред. федер. законов [...] от 04 августа 2023 года № 456-ФЗ ; от 25 декабря 2023 года № 631-ФЗ) : принят Государственной Думой 2 июля 2010 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [декабрь 2023]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140499> (дата обращения: 29.02.2024).

33. Об организованных торгах : Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ (с учетом Федерального закона от 14 июля 2022 года № 292-ФЗ) : принят Государственной Думой 2 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [июль 2022]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152043> (дата обращения: 29.02.2024).

34. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 160-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3597.

35. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

36. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.

37. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции : указ Президента РФ от 21 декабря 2017 года № 618 // Президент России : офиц. сетевые ресурсы Президента России : [офиц. сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56460> (дата обращения: 29.02.2024).

38. Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы: распоряжение Правительства РФ от 17 июня 2019 года № 1314-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/hZAOhv5nyENRglMoTLAc8UoK1k52MzZq.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

39. Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в РФ на 2021 - 2025 гг.: распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2021 года № 2424-р // Правительство Российской Федерации: [офиц. сайт]. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109080001.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

40. Об утверждении Программы развития конкуренции в Российской Федерации (вместе с Планом мероприятий по реализации программы развития конкуренции в Российской Федерации на 2009–2012 годы): распоряжение Правительства РФ от 19 мая 2009 года № 691-р // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – Ст. 2736.

41. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ ФАС России от 28 апреля 2010 года № 220 // Федеральная Антимонопольная Служба : [офиц. сайт]. – 20.08.2010. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/576468?ysclid=lt8pw7evfu889951842> (дата обращения: 29.02.2024).

42. Об утверждении Методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и

расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)») : приказ ФАС России от 08 августа 2019 года № 1073/19 // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [август 2019]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335124/?ysclid=ltcviz4gez419103844 (дата обращения: 29.02.2024), доступ платный после регистрации.

43. О межведомственной рабочей группе ФАС России и МВД России : приказ Федеральной антимонопольной службы и МВД России от 11 июня 2013 года № 397/13/426 // Гарант : информ.-прав. портал. – [июнь 2023]. – URL: <https://base.garant.ru/70405076/?ysclid=lt8pn0helx770277787> (дата обращения: 29.02.2024).

44. О создании межведомственной рабочей группы : приказ Следственного комитета России и Федеральной антимонопольной службы России от 22 января 2014 года № 4/16/14. – Документ не опубликован.

45. Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы : приказ МВД России и ФАС России от 30 декабря 2004 года № 878/215 // Гарант : информ.-прав. портал. – [декабрь 2004]. – URL: <https://base.garant.ru/70186708/?ysclid=lt8os5j4uy976945259> (дата обращения: 29.02.2024).

46. Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 года № 581 // Гарант : информ.-прав. система. – 06.09.2023. – URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407498212/?ysclid=lt8onfjcrz228321491> (дата обращения: 29.02.2024).

47. О порядке передачи в органы прокуратуры материалов о нарушениях антимонопольного законодательства : письмо Генеральной прокуратуры РФ № 3-7/3-38-95 и Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур № НФ/3751 от 28 августа 1995 года //

КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10293/ (дата обращения: 29.02.2024).

48. Методические рекомендации по применению главы 2.1 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Управление ФАС по Удмуртской Республике. – 31 марта 2017. – URL: <https://udmurtia.fas.gov.ru/analytic/18385> (29.02.2024).

49. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. протоколом Президиума ФАС России от 03 июля 2019 года № 6 // Федеральная антимонопольная служба : [официальный сайт]. – [26.09.2019]. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 29.02.2024).

50. Разъяснение Президиума ФАС России от 11 октября 2017 года № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства : утв. протоколом Президиума ФАС России от 11 октября 2017 года № 20 // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [октябрь 2017]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280597/?ysclid=lt8o6u2dmc90098167 (дата обращения: 29.02.2024), доступ платный после регистрации.

51. Временная методика определения размера ущерба (убытков), причиненного нарушением хозяйственных договоров (приложение к Письму Госарбитража СССР от 28 декабря 1990 года № С-12/НА-225) : одобр. Государственной комиссией Совета Министров СССР по экономической реформе 21 декабря 1990 года // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [декабрь 1990]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2637/?ysclid=lt8o088vuo334219008 (дата обращения: 29.02.2024), доступ после регистрации.

52. Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Центральный банк РФ :

[офиц. сайт]. – URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/table/ (дата обращения: 22.02.2024).

53. О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : законопроект № 848246-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : [офиц. сайт]. – [29.11.2019]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 29.02.2024).

54. О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о производстве предварительного следствия межведомственной следственной группой) : законопроект № 734043-6 // Система обеспечения законодательной деятельности : [офиц. сайт]. – [02.03.2015]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/734043-6> (дата обращения: 29.02.2024).

55. О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об усилении ответственности за деяния, связанные с заключением ограничивающего конкуренцию соглашения) : [пояснительная записка] : законопроект № 848246-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : [офиц. сайт]. – [29.11.2019]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 29.02.2024).

56. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» в части установления антимонопольных требований к соглашениям и действиям по предоставлению или распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ или услуг : проект Федерального закона // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – 28.02.2020. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/60867.html?ysclid=lt8mihhiin618892786> (дата обращения: 29.02.2024), доступ платный после регистрации.

57. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : законопроект № 327269-8 // Система обеспечения законодательной деятельности :

[офиц. сайт]. – [03.04.2023]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8#bh_note (дата обращения: 01.08.2023).

58. Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации : [2007–2023 гг.] // Федеральная антимонопольная служба России : [офиц. сайт]. – [2007–2023]. – URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

59. Доклады Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата : [2012–2020] // Российский Союз промышленников и предпринимателей : [офиц. сайт]. – [2012–2020]. – URL: <http://www.rspp.ru/activity/analytics/> (дата обращения: 28.02.2024).

60. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации : [офиц. сайт]. – URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 29.02.2024).

61. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) : приложение к Постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23.12.2015 г. № 173-14 // Гарант.ру : информ.-прав. портал. – [декабрь 1990]. – URL: <https://base.garant.ru/71310610/> (дата обращения: 29.02.2024).

62. Социальная хартия российского бизнеса: принята Съездом Российского Союза промышленников и предпринимателей в 2004 году // Российский Союз промышленников и предпринимателей : [офиц. сайт]. – URL: <https://rspp.ru/simplepage/sotsialnaya-khartiya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 29.02.2024).

63. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР : Закон РСФСР от 15 декабря 1990 года : Закон утратил силу в связи с принятием Конституции РФ от 12 декабря 1993 года // Гарант.ру : информ.-прав. портал. – [декабрь 1990]. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183128/?ysclid=lt5msdeiud913787985> (дата обращения: 29.02.2024).

64. Об утверждении уголовного уложения : Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 416 // Собрание узаконений и распоряжения правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – 1903. – 16 апреля (№38), Отд. I. – Электрон. копия представлена на сайте Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь : [офиц. сайт]. URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

65. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года : документ утратил силу с 1 января 1927 года в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : база правовых и нормативно-технических документов. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 29.02.2024).

66. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года : документ утратил силу с 1 января 1961 года в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1961 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : база правовых и нормативно-технических документов. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 29.02.2024).

67. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.01.1956 г.) : документ утратил силу с 1 января 1961 года в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1961 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : база правовых и нормативно-технических документов. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 29.02.2024).

68. Уголовный кодекс РСФСР : утвержден Законом ВС РСФСР 27 октября 1960 года : отредактирован 30 июля 1996 года : утратил силу 1 января 1997 года // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [январь 1997]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 29.02.2024), доступ платный после регистрации.

Иностраные нормативные правовые акты и иные официальные документы

69. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики 30 декабря 1999 года № 787-IQ // Законодательство стран СНГ : база данных. – [декабрь 1999] – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 24.02.2024).

70. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года №ЗР-528 : принят Национальным Собранием Республики Армения 18 апреля 2003 года // Национальное Собрание Республики Армения : [офиц. сайт]. – [апрель 2003]. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 26.02.2024).

71. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №275-3 : принят Палатой представителей 02 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [офиц. сайт]. – [июнь 1999]. – URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 26.02.2024).

72. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05 июля 2014 года № 235-V // Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции Республики Казахстан : [офиц. сайт]. – [июль 2014]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 26.02.2024).

73. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики : принят 14 марта 1997 года // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации : [офиц. сайт]. – [март 1997]. – URL: <http://ru.china->

embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 29.02.2024).

74. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 : принят Жогорку Кенешем 22 декабря 2016 года : документ утратил силу с 1 декабря 2021 года в соответствии со статьей 6 Закона Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 126 // Министерство юстиции Кыргызской Республики : [офиц. сайт]. – [октябрь 2021]. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 29.02.2024).

75. Уголовный кодекс Республики Казахстан : принят 03 июля 2014 года № 226-V // Учет. Законодательство : нормат.-прав. база Республики Казахстан. – URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 29.02.2024).

76. Уголовный кодекс Республики Молдова : принят 18 апреля 2002 года № 985-XV : вступил в силу 12 июня 2003 года // Законодательство стран СНГ : база данных. – [июнь 2003]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 29.02.2024), доступ после регистрации.

77. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Республики Узбекистан 22 сентября 1994 года № 2012–XII // Законодательная палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан : [офиц. сайт]. – URL: <http://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/83/3521/> (дата обращения: 29.02.2020).

78. Уголовный кодекс Республики Таджикистан : утвержден Законом Республики Таджикистан 21 мая 1998 года № 574 : вступил в силу 1 сентября 1998 года // Законодательство стран СНГ : база данных. – [май 1998]. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения: 29.02.2024), доступ после регистрации.

79. Закон КНР «О недобросовестной конкуренции» : принят на 3-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва 02.09.1993 г. // Комитет по коммерческой работе со странами СНГ Китайско-европейской ассоциации технико-экономического сотрудничества: [офиц. сайт]. – URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=43> (дата обращения: 10.10.2019).

80. Закон КНР «О рекламе» : принят на 10-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва 27.10.1994 г. // Комитет по коммерческой работе со странами СНГ Китайско-европейской ассоциации технико-экономического сотрудничества: [офиц. сайт]. – URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=59> (дата обращения: 10.10.2019).

81. Закон КНР «О торговых марках» : принят на 24-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 23.08.1982 г. // Комитет по коммерческой работе со странами СНГ Китайско-европейской ассоциации технико-экономического сотрудничества: [офиц. сайт]. – URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=55> (дата обращения: 10.10.2019).

82. Закон КНР «О противодействии монополиям»: принят на 29 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 30.08.2007 г. // Комитет по коммерческой работе со странами СНГ Китайско-европейской ассоциации технико-экономического сотрудничества: [офиц. сайт]. – URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=42> (дата обращения: 10.10.2019).

83. О предотвращении недобросовестной конкуренции : закон Японии от 19.05.1993 г. (с изм. от 01.07.2019 г.) № 47 // WIPO : The World Intellectual Property Organization : an official website. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/532884> (дата обращения: 29.02.2024).

84. Act on prohibition of private monopolization and maintenance of fair trade : (Act N 54 of April 14, 1947) // Japan fair trade commission : an official website. – URL: https://www.jftc.go.jp/en/legislation_gls/amended_ama09/index.html (дата обращения: 29.10.2019).

85. Antitrust division manual. Chapter II, III. Statutory provisions and guidelines of the antitrust division // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 20.11.2019).

86. Clayton Antitrust Act, 15 U.S.C. // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 20.11.2019).

87. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 15 novembre 2019) : Loi N 92–597 du 1er juillet 1992 // WIPO : The World Intellectual Property Organization : an official website. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/540561> (дата обращения: 01.03.2024).

88. Code de commerce (version consolidée au 22 septembre 2018) // WIPO : World Intellectual Property Organization : an official website. – [сентябрь 2018]. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/485951> (дата обращения: 01.03.2024).

89. Code pénal : version en vigueur au 02 mars 2024 // Légifrance : [an official website of the French government]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> (дата обращения: 29.02.2024).

90. Competition Act 1998 // legislation.gov.uk : an official database of the statute law of the United Kingdom. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/contents> (дата обращения: 01.03.2024).

91. Corporate leniency policy // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/file/810281/download> (дата обращения: 29.02.2024).

92. Criminal enforcement trends charts // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/criminal-enforcement-fine-and-jail-charts> (дата обращения: 29.02.2024).

93. Enterprise Act 2002 // legislation.gov.uk : an official database of the statute law of the United Kingdom. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/contents> (дата обращения: 29.02.2024).

94. Fair Labeling and Advertising Act (Act № 5814 of February 5, 1999, as amended up to Act № 12096 of August 13, 2013) // WIPO : The World Intellectual Property Organization : an official website. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13725> (дата обращения: 24.02.2014).

95. Federal Trade Commission Act // Federal Trade Commission : an official website of the United States government. – URL: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/statutes/federal-trade-commission-act/ftc_act_incorporatingus_safe_web_act.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

96. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. Juni 2013 // Bundesamt für Justiz : offizielle Website. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (дата обращения: 29.02.2024).

97. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb in der Fassung der Bekanntmachung vom 3. März 2010 // Bundesamt für Justiz : offizielle Website. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/UWG.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

98. ICN Anti-cartel Enforcement Template // Japan fair trade commission : an official website. – URL: https://www.jftc.go.jp/en/policy_enforcement/cartels_bidriggings/anti_cartel.html (дата обращения: 29.02.2024).

99. Individual leniency policy // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/individual-leniency-policy> (дата обращения: 29.02.2024).

100. International antitrust enforcement assistance // The United States House of Representatives : an official website. – URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid%3AUSC-prelim-title15-chapter88&edition=prelim> (дата обращения: 10.02.2020).

101. Monopoly regulation and fair trade act : enforcement date March 29, 2016 № 14137 // The fair trade commission of the Republic of Korea : an official website. – URL: http://www.ftc.go.kr/solution/skin/doc.html?fn=abe6ebfcffcd366c32a8cb91035bdbec5ad625cdf007b29f88891153490137d1&rs=/fileupload/data/result/BBSMSTR_00000002411/# (дата обращения: 03.11.2019).

102. Penal code (act № 45 of 1907) // The Cabinet Secretariat (Japan) : an official website. – URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

103. Per se rule applies // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/division-operations/division-update-spring-2019/per-se-rule-applies> (дата обращения: 27.02.2020).

104. Quick guide to cartels and leniency for individuals, July 2013 // The Office of fair trading of the United Kingdom : an official website. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/284418/OFT1495i.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

105. Sherman Antitrust : act, 15 U.S.C. §§ 1–7 // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/file/761131/download> (дата обращения: 05.06.2020).

106. Statement of enforcement principles regarding «Unfair methods of competition» under section 5 of the FTC Act // Federal trade commission : an official website of the United States government. – URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/735201/150813section5_enforcement.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

107. Trade marks Act 1994 // legislation.gov.uk : an official database of the statute law of the United Kingdom. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/26/section/92> (дата обращения: 29.02.2024).

108. Uniform trade secrets act with 1985 amendments : annual conference meeting in its ninety-fourth year in Minneapolis, Minnesota, 2–9 August, 1985 / National conference of commissioners on uniform state laws. – Maryland, 1986. – 16 p. – Электрон. копия представлена на сайте WIPO : The World Intellectual Property Organization : an official website. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/us/us034en.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

109. United States Code // The United States House of Representatives : an official website. – URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title15/chapter2/subchapter1&edition=prelim> (дата обращения: 22.11.2019).

110. Unfair Competition Prevention and Trade Secret Protection Act (Act № 911 of December 30, 1961, as amended up to Act № 14033 of February 29, 2016): The World Intellectual Property Organization : an official website. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/456204> (дата обращения: 15.01.2020).

111. Workload statistics FY 2009 – 2019 // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/atr/division-operations> (дата обращения: 22.02.2024).

II Научная и учебная литература

Монографии, учебники, пособия, словари

112. Авдашева, С.Б. Анализ структуры товарных рынков: экономическая теория и практика России / С.Б. Авдашева, Н.М. Розанова ; Моск. гос. ун-т. – Москва : ТЕИС, 1998. – 133 с. : ил. – ISBN 5-7218-0152-2.

113. Анализ законодательства и правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС и Евразийского экономического союза по вопросам привлечения к ответственности и освобождения от нее за нарушение антимонопольного законодательства, рассмотрение международного опыта: итоговый отчет п. 2 Календарного плана к договору от 07.09.2018 г. № Н-23/231 / ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»». – Москва, 2019. – 841 с.

114. Бабаев, М.М. Проблемы российской уголовной политики : монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : Проспект, 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-392-30030-3.

115. Башлаков-Николаев, И.В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции : монография / И.В. Башлаков-Николаев. – Москва : Статут, 2014. – 110 с. – ISBN 978-5-8354-1055-2.

116. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н.А. Беляев ; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 175, [1] с.

117. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для ВУЗов. – 6-е изд., перераб. и доп. / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов ; под ред. В.Б. Боровикова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации. – Москва : Юрайт, 2023. – 505 с : ил. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17301-7. – Электрон. копия представлена на сайте образовательной платформы Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/536930> (дата обращения: 28.02.2024), доступ после регистрации.

118. Бычкова, О.В. «Умное регулирование». Как предотвратить появление необоснованных регулирующих правил : учеб. пособие / О.В. Бычкова ; [Европ. ун-т в С.-Петербурге]. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2018. – 391 с. : ил., табл. – (Учебники Европейского университета). – ISBN 978-5-94380-258-4.

119. Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / А.В. Венедиктов, науч. ред. А.А. Иванов ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва : Консультант плюс : Статут, 2004. – Т. 1. – 461, [1] с. – (Классика российской цивилистики / пред. редкол: Е.А. Суханов). – ISBN 5-8354-0197-3 (в пер.).

120. Волженкин, Б.В. Экономические преступления / Б.В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 1999. – 312 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – ISBN 5-93292-001-7.

121. Гальперин, В.М. Микроэкономика : [учебник : в 3 т.] / В.М. Гальперин, С.М. Игнатъев, В.И. Моргунов ; под общ. ред. В.М. Гальперина. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2007. – 3 т. – (Библиотека «Экономической школы» ; Вып. 43). – ISBN 978-5-370-002712-7.

122. Головненков, П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : науч.-практ. коммент. и перевод текста закона / П.В. Головненков ; Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, Союз криминалистов и криминологов. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 489, [2]. – (Научные труды в области немецкого и российского уголовного права ; 4). – ISBN 978-3-86956-494-4. – Электрон. копия доступна на сайте Потсдамский университет : [официальный сайт]. URL: <https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lis>

hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

123. Горелик, А.С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / А.С. Горелик, И.В. Шишко, Г.И. Хлупина ; Краснояр. гос. ун-т, Юрид. ин-т. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1998. – 200 с. – ISBN 5-7638-0116-4.

124. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с. ISBN 985-6235-17-0.

125. Горохова, С.С. Юридическая техника : учебник и практикум для академического бакалавриата / С.С. Горохова. – Москва : Юрайт, 2017. – 317 с. – (Бакалавр. Специалист. Магистр). – ISBN: 978-5-534-00408-3.

126. Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации : [в 2 т.] : монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, Н.Е. Фонарева [и др.] ; ред. С.С. Сулакшин ; Центр пробл. анализа и гос.-упр. проектирования при Отд-нии обществ. наук РАН. – Москва : Научный эксперт, 2008. – 2 т. – ISBN 978-5-91290-006-8.

127. Денисова, А.В. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие / А.В. Денисова, В.А. Широков, А.Н. Чернышов ; под ред. В.А. Широкова ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Дальневост. юрид. ин-т. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2009. – 128 с. – ISBN 978-5-9753-0095-9.

128. Дубровская, Е.С. Экономика : учебник / Е.С. Дубровская. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2012. – 253, [1] с. : ил., табл. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-369-00902-4 (РИОР) ; ISBN 978-5-16-0042123-8 (Инфра-М).

129. Еременко, В.И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран / В.И. Еременко ; Всерос.науч.-исслед. ин-т пат.информ. – Москва : ВНИИПИ, 1997. – 179 с.

130. Жалинский, А.Э. Избранные труды : [в 4 т.] / А.Э. Жалинский ; сост.: К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная ; отв. ред. О.Л. Дубовик ; Высш. шк.

экономики нац. исслед. ин-т. – Москва : ИД Высшей школы экономики, 2015. – Т. 3. – 618, [2] с., 1 л. портр. – ISBN 978-5-7598-1214-2.

131. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / А.В. Иванчин ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва : Проспект, 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-392-15511-8.

132. Каминка, А.И. Основы предпринимательского права / А.И. Каминка. – Петроград : [Труд], 1917. – 338, [7] с. – Электрон. копия доступна на сайте Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18166> (дата обращения: 25.02.2024).

133. Карапетов, А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2016. – 527 с. – ISBN 978-5-8354-1238-9.

134. Клепицкий, И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И.А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2022. – 984 с. – ISBN 978-5-392-35426-9.

135. Комплексное (экономическое и криминологическое) исследование картелей и иных антиконкурентных соглашений в Российской Федерации, в том числе уровня их латентности, доходов картелей и иных антиконкурентных соглашений и оценки причиняемого ущерба : отчет о научно-исследовательской работе (промежуточный) / Уральский гос. юрид. ун-т, – Екатеринбург, 2018. – 199 с.

136. Конституционная экономика / Г.А. Гаджиев, П.Д. Баренбойм, В.И. Лафитский [и др.] ; отв. ред. Г.А. Гаджиев. – Москва : Юстицинформ, 2010. – 255 с. – ISBN 978-5-7205-1067-1.

137. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2010. — 196 с.

138. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А.И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 347 с. : диагр., табл. – (Уголовное право). – ISBN 978-5-4396-1926-9.

139. Корпоративное право : учеб. пособие / Моск. ун-т м-ва внутр. дел России ; под ред. И.А. Еремичева, Е.А. Павлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ, 2010. – 438, [1] с. – ISBN 978-5-238-01743-3.

140. Князева, И.В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие / И.В. Князева. – Москва : Омега-Л, 2006. – 526 с. : ил., табл. – (Высшее экономическое образование (ВЭО). Экономика). – ISBN 5-98119-748-X.

141. Князьков, А.А. Конструирование и применение поощрительных норм в сфере уголовно-правового регулирования экономической деятельности: вопросы теории и практики : монография / А.А. Князьков ; под науч. ред. Л.Л. Кругликова. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 268 с. – (Уголовное право). – ISBN 978-5-4396-1331.

142. Кругликов, Л.Л. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания) : учеб. пособие / Л.Л. Кругликов, Н.О. Дулатбеков ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2001. – 158 с. : табл. – ISBN 5-8397-0145-9.

143. Кругликов, Л.Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности / Л.Л. Кругликов, О.Г. Соловьев, А.С. Грибов ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль : [ЯрГУ], 2008. – 233 с. – (Ярославская юридическая школа XXI века / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова). – ISBN 978-5-8397-0611-8.

144. Курс экономической теории : учебник для спец. вузов / под общ. ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России. – [5-е изд., доп. и перераб.]. – Киров : АСА, 2002. – 828, [3] с. : ил., табл. – ISBN 5-88186-417-4.

145. Левин, М.И. Лекции по экономике и коррупции : учеб. пособие / М.И. Левин, Е.А. Левина, Е.В. Покатович ; Высшая школа экономики. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 360 с. – ISBN 978-5-7598-0660-8. – Электрон. версия доступна на сайте Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/66035> (дата обращения: 26.02.2024), доступ для авториз. пользователей.

146. Лист, Ф. фон Учебник уголовного права. Особенная часть : разреш. авт. пер. с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич / Франц фон Лист. – Москва : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. – XVIII, 409 с.

147. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия = The fundamentals of criminal-law influence: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 337 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. юрид. центр). – ISBN 5-94201-398-5.

148. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : [в 2 ч.] / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – Ч. 1. – 330, [1] с. : ил., табл. – ISBN 978-5-4396-0811-9.

149. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления : авторский курс / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 437, [1] с. : диагр., табл. – (Уголовное право). – ISBN 978-5-4396-1934-4.

150. Максимов, С.В. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности / С.В. Максимов, К.А. Утаров ; ИПРАН РАН. – Москва : Институт проблем развития науки Российской академии наук, 2018. – 77, [2] с. – ISBN 978-5-91294-119-1.

151. Неклюдов, Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права : [в 4 т.] / Н.А. Неклюдов. – Москва : тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – Т. 4. – VIII, 584 с.

152. Орешкина, Т.Ю. Обстоятельства, исключают преступность деяния : учеб. пособие / Т.Ю. Орешкина ; отв. ред. А.И. Рарог. – Москва : Проспект, 2016. – 111 с. – ISBN 978-5-392-19298-4.

153. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / [В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин [и др.]] ; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев]. – Москва : Наука, 1982. – 303 с. – (Право и социология).

154. Назначение уголовного наказания: проблемы теории и практики / А.В. Павлинов // Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / [П.В. Агапов [и др.]] ; под ред. О.С. Капинус] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва : Проспект, 2019. – С. 399–444. – ISBN 978-5-392-29077-2.

155. Писенко, К.А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования / К.А. Писенко. – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2010. – 238, [2] с. – ISBN 978-5-209-3474-2.

156. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер. – Москва : Альпина Паблишер, 2016. – 946, [1] с. – ISBN 978-5-9614-4835-1.

157. Регламент Мануфактур-коллегии от 03 декабря 1723 года // Гарант : информ.-прав. портал. – URL: <https://base.garant.ru/57566524/?ysclid=ltbd6g6jrh228839346> (дата обращения: 29.02.2024).

158. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / [Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]] ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай [и др.]. – Москва : Инфра-М, 2003. – Т. 2. – 797, [1] с. – (Высшее образование). – ISBN 5-16-001530-2.

159. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР : 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон ; под ред. [и с предисл.] И.Т. Голякова. – Москва : Госюриздат, 1953. – 464 с.

160. Свод законов Российской Империи : [в 5 кн.] / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского ; сост.: Н.П. Балконов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – Санкт-Петербург : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912–[1913]. – Кн. 5, Т. XIII–XIV. – Электрон. копия представлена на сайте КонсультантПлюс: Классика Российского Права : [сайт]. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/220/1.html> (дата обращения: 27.02.2024), доступ после регистрации.

161. Сиполс, О.В. Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика. Москва : Флинта; Наука. 2010 // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. – URL:

<http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy/fc/slovar-202-2.htm#zag-505> (дата обращения: 21.11.2019).

162. Сравнительно-правовой анализ договорно-правовой базы Евразийского экономического союза и государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования: анализ законодательства отдельных государств-членов ОЭСР в сфере конкуренции и антимонопольного регулирования (II Этап): отчет о научно-исследовательской работе. Т. 1. / ТОО «КазАналитик Групп» – Астана, 2017. – 257 с.

163. Станковская, И.К. Экономическая теория: полный курс МВА / И.К. Станковская, И.А. Стрелец. – Москва : Альпина, 2016. – 480 с. – (Российское бизнес-образование). – ISBN 978-5-4252-0255-0.

164. Стародубровская, И.В. Антимонопольная политика: теоретические и практические аспекты / И. В. Стародубровская. – Москва : О-во «Знание» РСФСР, 1991. – 52, [3] с. – (В помощь лектору. О-во «Знание» РСФСР, Секция пропаганды экон. знаний). – ISBN 5-254-00350-2.

165. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. Н.С. Таганцев. – 5-е изд., доп. – Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1886. – [4], 714 с.

166. Тарануха, Ю.В. Конкуренция и конкурентоспособность / Ю.В. Тарануха. – Москва : Русайнс, 2015. – 336 с. – ISBN 978-5-4365-0405-6.

167. Тотьев, К.Ю. Конкурентное право: правовое регулирование конкуренции : учебник / К.Ю. Тотьев. – Москва : РДЛ, 2000. – 352 с. – ISBN 5-93840-001-5.

168. Тумашев, А.Р. Экономическая теория : в 2 ч. / А.Р. Тумашев, С.Н. Котенкова, М.В. Тумашева. – Казань : Казанский ун-т, 2011. – Ч. 1 : Введение в экономическую науку. Микроэкономика. – 203 с. : ил., табл. – ISBN 978-5-98180-911-8 (в пер.).

169. Уголовное право. Особенная часть : учебник / [А.И. Бойко, Н.И. Ветров, А.А. Витвицкий [и др.]] ; под ред. В.Н. Петрашева. – Москва : Приор : Экспертное Бюро, 1999. – 607 с. – ISBN 5-7990-0371-3.

170. Уголовное право. Особенная часть : учебник / [С.В. Бородин, С.С. Босхолов, О.В. Бобылев [и др.]] ; под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – Москва : Форум : ИНФРА-М, 2003. – 400 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 5-8199-0095-2.

171. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / [С.В. Бородин [и др.]] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2006. – 543 с. – (Institutiones / Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т). – ISBN 5-7975-0677-7 (в пер.).

172. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник : [в 2 т.] / Ю.В. Голик, Н.Г. Иванов, Л.В. Иногамова-Хегай [и др.] ; под ред. Л.В. Иногамова-Хегай. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Инфра-М, 2005. – Т. 2. – 448 с. : ил. – (Высшее образование). – ISBN 5-16-002161-2.

173. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – Москва : Зерцало-М, 2005. – Второй полутом. – X, 588 с. – ISBN 5-94373-106-7.

174. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / [Т.Н. Волкова [и др.]] ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – Изд. испр. и доп. – Москва : Инфра-М : Контракт, 2006. – VI, 738 с. – (Высшее образование / Моск. гос. юрид. акад.). – ISBN 5-16-002208-2 (ИНФРА-М).

175. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Контракт : Инфра-М, 2008. – 800 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-98209-034-8.

176. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / [А.В. Блинников [и др.]] ; под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва : Проспект, 2008. – 1232 с. – ISBN 978-5-392-00200-9 (в пер.).

177. Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 911 с. – ISBN 978-5-91768-371-3.

178. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / [Е.В. Благов [и др.]] ; отв. ред. Ю.В. Грачева. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2013. – 367, [1] с. – (Электронно-библиотечная система ZNANIUM. COM) (Высшее образование. Бакалавриат). – ISBN 978-5-98209-137-6 (КОНТРАКТ) (в пер.).

179. Уголовное право. Общая и особенная части : учебник / [А.Е. Беляев и др.]] ; под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 783 с. – ISBN 978-5-91768-455-0 (Норма).

180. Уголовное право России. Части общая и особенная : [учебник] / [М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин и др.] ; под ред. А.И. Рарога. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 895 с. – ISBN 978-5-392-21762-5.

181. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики : учебник для ВУЗов / В.М. Алиев, Д.И. Аминов, А.А. Бакрадзе [и др.] ; под общ. ред. В.И. Гладких, А.К. Есяяна. – Москва : Юрайт, 2022. – 324 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13642-5.

182. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. - III, 592, XIV. – 37 с. – Электрон. копия доступна на сайте Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <http://hdl.handle.net/11701/8933> (дата обращения: 15.01.2017).

183. Федоров, А.Ф. Торговое право / А.Ф. Федоров. – Одесса : «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1911. – [2], X, II, 896 с.

184. Философская энциклопедия // Национальная энциклопедическая служба : – [сайт]. URL: <http://terme.ru/termin/cel.html> (дата обращения: 29.02.2024).

185. Хутов, К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / К.М. Хутов ; отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 189 с. : ил., табл. – (Серия: Уголовное право: современный взгляд). – ISBN 978-466-00241-6.

186. Чаадаев, С.Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения : пособие для слушателей нар. ун-тов / С.Г. Чаадаев. – Москва : Знание,

1991. – 111, [1] с. – (Народный университет. Факультет правовых знаний). – ISBN 5-07-001486-2.

187. Шаститко, А.Е. Недобросовестная конкуренция в сфере обращения объектов интеллектуальной собственности / А.Е. Шаститко, А.А. Комкова, А.А. Курдин ; РАНХиГС. – Москва : [Б. и.], 2015. – 80 с.

188. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права : [в 4 т.] / Г.Ф. Шершеневич ; [МГУ им. М.В. Ломоносова]. – Москва : Статут, 2003. – Т. 2 : Товар. Торговые сделки. – 543 с. – (Серия: Классика российской цивилистики). – ISBN 5-8354-0143-4. – Электрон. копия представлена на сайте Библиотеки БрГУ. URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/912.html (дата обращения: 01.02.2024).

189. Шишкин, М.В. Антимонопольное регулирование : учебник и практикум / М.В. Шишкин, А.В. Смирнов. – Москва : Юрайт, 2021. – 143 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08003-2.

190. Экономика фирмы : энциклопедия // Grandars : [сайт]. – URL: <https://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/kartel.html> (дата обращения: 29.02.2024).

191. Экономико-математический словарь // Академик : Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. – URL: https://economic_mathematics.academic.ru (дата обращения: 25.09.2020).

192. Emerson, J. W., Robert, W. Business law / Robert W/ Emerson, John W/ Hardwicke. – 3rd ed. 1997. 611 p. – ISBN 0764101013.

Научные статьи

193. Авдашева, С.Б. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта / С.Б. Авдашева, А.Е. Шаститко, Е.Н. Калмычкова // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2007. – № 1. – С. 89–123.

194. Авдашева, С.Б. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов / С.Б. Авдашева, А.В. Макаров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 51–71.

195. Авдеев, В.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 12–24.

196. Алешин, К.Н. Добровольное сообщение о заключении картеля: назревшие реформы / К.Н. Алешин, С.В. Максимов // Российское конкурентное право и экономик. – 2018. – № 4 (16). – С. 24–33.

197. Андреев, М.Ю. Тенденции развития макроэкономических моделей / М.Ю. Андреев, А.В. Полбин. – DOI 10.22394/1726-1139-2019-2-24-33 // Управленческое консультирование. – 2019. – № 2. – С. 24–33.

198. Адиньяев, С.И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Российская юстиция. – 2019. – № 4. – С. 23–25.

199. Арестова, Е.Н., Борбат, А.В. Проблемы возбуждения уголовных дел о манипуляции рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 384-391.

200. Арнаутович, А.А. Помощь и преференции: сходства и различия в целях применения законодательства о конкуренции / А.А. Арнаутович, С.А. Лебедев // Закон. – 2009. – № 12. – С. 201–209.

201. Белицкая, А.В. Государство как участник инвестиционных отношений в аспекте антимонопольного регулирования // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сб. науч. трудов. – 2017. – Вып. 1. – С. 206–207.

202. Бобков, О.В. Манипулирование рынком: проблемы эффективности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 206-211.

203. Бодрых, С.Е. Принудительные работы: первый опыт назначения и исполнения наказания / С.Е. Бодрых, В.Е. Южанин // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России. – 2017. – Вып. 5, Ч. 1. – С. 32–34.
204. Букалерева, Л.А. Компоненты законодательной техники, используемые при построении норм об экономических преступлениях / Л.А. Букалерева, А.В. Полукаров. – DOI 10.7256/2306-9945.2015.5.18067 // Административное право и практика администрирования. – 2015. – № 5. – С. 53–60. – Электрон. версия доступна на сайте NOTA BENE. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18067 (дата обращения: 25.02.2024).
205. Бушуева, Т.А. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду / Т.А. Бушуева, П.С. Дагель // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 6. – С. 49–55.
206. Викторов, И.С. Прокурорский надзор за исполнением антимонопольного законодательства // Законность. – 2000. – № 5. – С. 7–10.
207. Гавришин, К.В. Деловая репутация – конкурентное преимущество фирмы // Экономика и управление. – 2007. – № 5 (31). – С. 104–108.
208. Гертель, Е.В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» // Российский следователь. – 2010. – № 17. – С. 19–20.
209. Гольденберг, В.А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. – 1901. – № 6. – С. 48–81.
210. Гольденберг, В.А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. – 1901. – № 7. – С. 101–139.
211. Голомолзин, А.Н. Исторические уроки защиты и развития конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. – 2019. – № 4 (20). – С. 6–21.
212. Гущина, Е.Г. Проявление асимметрии информации на различных рынках / Е.Г. Гущина, Е.М. Витальева, С.К. Волков. – DOI 10.17213/2075-2067-2017-4-71-78 // Вестник Южно-Российского государственного технического

университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 71–78.

213. Дайшутов, М.М. Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2013. – № 10. – С. 76–79.

214. Даниловская, А.В. Картель как преступление, совершенное в соучастии // Право и экономика : междисциплинарные подходы в науке и образовании : IV Моск. юрид. форум : XII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : Проспект, 2017. – Ч. 3. – С. 139–143.

215. Даниловская, А.В. Выплата компенсации как способ защиты прав, нарушенных деятельностью картеля // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 30 марта 2017 г. / Хабар. гос. ун-т экономики и права ; под ред. Н.В. Корниловой. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2017. – С. 12–16.

216. Даниловская, А.В. Использование «цифрового робота» на торгах : вопросы уголовной ответственности // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы : V Тихоокеан. юрид. форум, посв. празднованию 120-летия Дальневост. федер. ун-та и 100-летия юрид. образования на Дальнем Востоке России, 3–5 окт. 2019 г. : материалы / сост. Н.Г. Присекина. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2020. – С. 149–151.

217. Даниловская, А.В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны. – DOI 10.17803/1729-5920.2020.159.2.075-091 // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 2. – С. 75–91.

218. Даниловская, А.В. Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции. – DOI 10.24866/1813-3274/2021-2/123-138 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 2. – С. 123–138.

219. Даниловская, А.В. Межотраслевой подход к исследованию понятия «конкуренция». – DOI 10.32686/2542-0259-2019-4-30-34 // Российское конкурентное право и экономика. – 2019. – № 4. – С. 30–35.

220. Даниловская, А.В. Непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, как антиконкурентных преступлений // Уголовное право: от Русской правды до наших дней : XIII Дагелевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Владивосток, 17 дек. 2022 г. / Дальневост. федер. ун-т ; науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2023. – С. 51–53.

221. Даниловская, А.В. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах / А.В. Даниловская, А.П. Тенишев. – DOI 10.17803/1994-1471.2019.98.1.119-131 // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 119–131.

222. Даниловская, А.В. Основания смягчения и исключения уголовной ответственности за картели на товарных рынках. – DOI 10.24866/1813-3274/2019-4/136-152 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – № 4. – С. 140–152.

223. Даниловская, А.В. Понятие картеля: от сделки до преступления // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения), Москва, 21–23 нояб. 2018 г. : в 3 ч. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва : РГ Пресс, 2018. – Ч. 2. – С. 112–116.

224. Даниловская, А.В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности. – DOI 10.24866/1813-3274/2020-2/107-124 // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2020. – № 2. – С. 107–124.

225. Даниловская, А.В. Уголовная политика в сфере охраны конкуренции в странах СНГ // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 254–258.

226. Даниловская, А.В. Уголовно-правовая охраны конкуренции в ЕС, ФРГ, Великобритании и Франции. – DOI 10.25136/2409-7136.2020.6.33294 // Юридические исследования. – 2020. – № 6. – С. 21-35. – Электрон. версия доступна

на сайте Nota Bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33294 (дата обращения: 25.02.2024).

227. Даниловская, А.В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в США. – DOI 10.25136/2409-7136.2020.2.32254 // Юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 30–43. – Электронная версия доступна на сайте Nota Bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32254 (дата обращения: 25.02.2024).

228. Даниловская, А.В. Применение ст. 128¹ УК РФ «Клевета» в сфере защиты добросовестной конкуренции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 янв. 2021 г. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – С. 550–555.

229. Даниловская, А.В. К вопросу о понятии монополизации и ее запрета // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2023. – № 2 (112). – С. 102-107.

230. Даниловская А. В. Процессуальные и организационные аспекты уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Уголовная юстиция. – 2023. – № 22. – С. 42-48.

231. Даниловская, А.В. Преступление, предусмотренное ст. 200⁴ УК РФ, как преступление, посягающее на добросовестную конкуренцию // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19–20 янв. 2023 г. / Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина. – Москва : Проспект, 2023. – С. 214–221.

232. Даниловская, А.В. Совершение антиконкурентных преступлений в сети Интернет: вопросы квалификации // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации : VII Тихоокеан. юрид. форум, посвящ. празднованию 65-летия непрерыв. юрид. образования на Дальнем Востоке России, 13–15 окт. 2023 г. : материалы / сост. В.В. Гаврилов ; Дальневост. федерал. ун-т. – Владивосток : ДВФУ, 2023. – С. 248–251.

233. Даниловская, А.В. Становление и развитие уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию. – DOI: 10.25136/2409-868X.2023.12.69411 // Genesis: исторические исследования. – 2023.

– № 12. – С. 55-74. – Электрон. версия доступна на сайте Nota Bene. URL: EDN: DSJSJG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69411 (дата обращения: 25.02.2024).

234. Даниловская, А.В. Криминализация как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции. - DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69454 // Право и политика. – 2023. – № 12. – С. 67 - 85. – Электронная версия доступна на сайте Nota Bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69454 (дата обращения: 29.02.2024).

235. Даниловская А.В. Дифференциация уголовной ответственности как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции – DOI: 10.25136/2409-7543.2024.1.70062 // Вопросы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 20-39. – Электронная версия доступна на сайте Nota Bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70062 (дата обращения: 06.03.2024).

236. Даниловская, А.В. Деяния, ограничивающие добросовестную конкуренцию: вопросы криминализации и дифференциации уголовной ответственности – DOI: 10.25136/2409-7136.2024.1.69703 // Юридические исследования. – 2024. – № 1. – С. 33-60. – Электронная версия доступна на сайте Nota Bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69703 (дата обращения: 06.03.2024).

237. Денисова, А.В. К вопросу о злоупотреблении доминирующим положением и ограничении конкуренции как о формах злоупотребления правом // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 9, Ч. 1. – С. 8–10.

238. Денисова, А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 26–32.

239. Денисова, А.В. Недопущение, ограничение, устранение конкуренции : субъект преступления // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 44–47.

240. Денисова, А.В. Уголовно-правовая защита конкуренции // Российская юстиция. – 2012. – №11. – С. 23-25.

241. Долотов, Р.О. Проблемы пенализации: штраф и лишение свободы в альтернативных санкциях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 5 (94). – С. 209–215.

242. Досюкова, Т.В. Уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Государство и право. – 2005. – № 8. – С. 31–41.

243. Дуюнов, В.К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк. – DOI 10.34670/AR.2020.91.11.026 // Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 11-1. – Т. 9. – С. 201–214.

244. Егорова, М.А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.126.5.095-104 // Lex Russica. – 2017. – № 5. – С. 95–104.

245. Иделиович, Л.Л. Недобросовестная конкуренция // Вестник советской юстиции (Харьков). – 1926. – № 7. – С. 288–291. – Электрон. копия доступна на сайте Наука права : библиотека. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/438/558313/37302?view=1&> (дата обращения: 25.02.2024).

246. Карабанова, Е.Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом). – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282 // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 271–282.

247. Каплин, М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 111–115.

248. Карагодина, Н.П. Пути преодоления проблемы использования оценочных понятий при конструировании норм о компенсации морального вреда // Налоги. – 2010. – № 24. – С. 21–26.

249. Кванина, В.В. О принципе недопущения осуществления недобросовестной конкуренции // Актуальные вопросы современного

конкурентного права : сб. науч. тр. / отв. ред. М.А. Егорова. – Москва : Юстицинформ, 2017. – Вып. 1. – С. 68–74.

250. Кленова, Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.

251. Кинг, К. Стоимость интеллектуальной собственности, нематериальные активы и их оценка // Всемирная организация интеллектуальной собственности: [официальный сайт]. – URL: https://www.wipo.int/sme/ru/documents/value_ip_intangible_assets.htm (дата обращения: 13.03.2019).

252. Кинев, А.Ю. Об уголовной ответственности за картели / А.Ю. Кинев, А.П. Тенишев // Юрист. – 2017. – № 1. – С. 7–13.

253. Кленова, Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.

254. Клепицкий, И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? // Законодательство: право для бизнеса. – 2005. – № 10. – С. 56–63.

255. Клименков, И.Н. Некоторые вопросы разграничения компетенции по обеспечению конкуренции между органами внутренних дел и ФАС России // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 207–212.

256. Кобаненко, М. Ответственность участников группы лиц за злоупотребление доминирующим положением / М. Кобаненко, О. Денченкова // Конкуренция и право. – 2011. – № 5. – С. 27–31.

257. Кокунов, А.И. Технико-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 80–85.

258. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений (обзор XI Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся) // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 38–51.

259. Коробеев, А.И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247–250.

260. Костылева, Г.В. О взаимодействии антимонопольных и правоохранительных органов в ходе расследования ограничения конкуренции. – DOI 10.17803/2311-5998.2019.55.3.109-115 // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3. – С. 109–115.

261. Кубанцев, С. П. Публично-правовые средства противодействия недобросовестной конкуренции: аспекты России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 120–123.

262. Кудрявцев, В.Л. Преступления против интеллектуальной собственности: некоторые проблемы объединения и совершенствования // Преступления против интеллектуальной собственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 мая 2011 г.). – Нижний Новгород : Нижегородский филиала НИУ – Высшей школы экономики, 2011. – Электрон. версия доступна на сайте Международная Ассоциация содействию правосудию. URL: <https://www.iauaj.net/node/735> (дата обращения: 28.02.2024).

263. Кузнецов, А.П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 281–282.

264. Кузнецов, А.П. Проблемы классификации преступлений, совершаемых в сфере экономики / А.П. Кузнецов, И.Н. Бокова, Н.Н. Маршакова // Бизнес в законе. – 2006. – № 1-2. – С. 29–38.

265. Кузнецова, И.Д. Конкурентные преимущества предприятий торговли в рыночной среде / И.Д. Кузнецова, Н.В. Фомина // Современные наукоемкие технологии. (Региональное приложение). – 2017. – № 4 (52). – С. 79–86.

266. Кузнецова, И.А. Система преступлений в сфере экономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. – 2012. – № 3-2. – С. 65–73.

267. Куклина, Л.Н. Мировой экономический кризис и модели посткризисного развития : макроэкономический анализ / Л.Н. Куклина, С.И. Пономарева // Известия УрГЭУ. – 2012. – № 1 (39). – 2012. – С. 11–17.

268. Куликов, А.Е. Служебное положение при недопущении, ограничении или устранении конкуренции: вопросы квалификации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 4. – С. 116–118.

269. Курдин, А.А. Нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как вид недобросовестной конкуренции / А.А. Курдин, А.А. Комкова // Научные исследования экономического факультета. – 2014. – Т. 6, № 2 (12). – С. 19–37.

270. Кучкина, В.Г. Классификация следственно-оперативных групп / В.Г. Кучкина, В.Д. Ларичев // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 38–42.

271. Кругликов, Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 8–13.

272. Кругликов, Л.Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // Lex Russica. – 2014. – Т. 96, № 3. – С. 305–313.

273. Кругликов, Л.Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники // Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики : материалы Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 17 окт. 2006 г. / отв. за выпуск Л.Л. Кругликов ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – С. 7–20.

274. Кругликов, Л.Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 120–126.

275. Лапшин, В.Ф. Финансовые преступления в структуре экономических уголовно наказуемых посягательств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 4 (16). – С. 9–13.

276. Липинский, Д.А. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 87–94.
277. Лымарь, Е.Н. Анализ особенностей и путей развития монополистической конкуренции в российской экономике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 28 (209). – С. 27–32.
278. Максимов, С.В. Конкуренция в России: проблемы уголовно-правовой охраны // Российское конкурентное право и экономика. – 2011. – № 1. – С. 6–8.
279. Малько, А.В. Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 57–81.
280. Мартишин, Е.М. Современные экономические парадигмы и развитие экономической теории // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 117–121.
281. Мартынова, О.В. Группа лиц как самостоятельный субъект злоупотребления доминирующим положением // Современная конкуренция. – 2013. – № 5 (41). – С. 18–23.
282. Машенцева, Н.Г. Гармонизация экономических интересов: сущность и проблемы обеспечения // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 7-8 (41-42). – С. 102–105.
283. Милованова, М.М. Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2019. – № 3 (55). – С. 116–122.
284. Михайлов, А.Е. Правовая жизнь изменяющейся России: проблемы качества и стратегии развития // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4 (14). – С. 48–66.
285. Мосунова, Н.Н. Иммунитет для картелиста // Конкуренция и право. – 2018. – № 1. – С. 18–20.
286. Наумов, Ю.Г. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности

Российской Федерации / Ю.Г. Наумов, Г.А. Хазиев // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 349–355.

287. Орлова, Л.Н. Механизмы формирования долгосрочных конкурентных преимуществ торговых организаций / Л.Н. Орлова, А. Ксенофонтова // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2017. – № 1 (21). – С. 88–95.

288. Пан, Д. Становление и развитие китайского уголовного законодательства / Д. Пан, М. Гао // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 215–229.

289. Пантюхина, Н. К вопросу о частных исках ... // Конкуренция и право. – 2013. – № 5. – С. 25–30.

290. Писенко, К.А. Монополистическая деятельность обладателей исключительных прав: правовые проблемы противодействия // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 47–51.

291. Платонова, Е.Д. Об общенаучных подходах к исследованию конкуренции и конкурентных отношений // Современная конкуренция. – 2007. – № 4 (4). – С. 104–113.

292. Прокументов, Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 4 (14). – С. 81–91.

293. Прокументов, Л.М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 132–135.

294. Рарог, А.И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции. – DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479 // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 470–479.

295. Розанова, Н.М. Политика поддержки конкуренции в России: вчера, сегодня, завтра. – DOI 10.17835/2078-5429.2015.6.3.006-021 // Journal of economic regulation. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 6–21.

296. Российская экономика в 2015–2017 годах / А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, Я.В. Сергиенко [и др.]. – DOI 10.18288/1994-5124-2016-5-10// Экономическая политика. – 2016. – Т. 11, № 5. – С. 198–233.
297. Рубин, Ю.Б. Что такое конкуренция? (введение в теорию конкурентного поведения) // Современная конкуренция. – 2014. – № 1 (43). – С. 101–126.
298. Рубин, Ю.Б. Конкуренция в экономике / Ю.Б. Рубин, О.Н. Потапова // Современная конкуренция. – 2016. – Т. 10, № 6 (60). – С. 107–142.
299. Рудомино, В. Частноправовые иски в антимонопольном праве: теория и практика применения в России / В. Рудомино, А. Нумерова // Корпоративный юрист. – 2010. – № 5. – С. 47–51.
300. Русин, К.В. ВТО как координатор в противодействии недобросовестной межстрановой конкуренции // Экономические науки. – 2009. – № 8 (57). – С. 368–372.
301. Сабитов, Т.Р. Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2007. – Т. 3, № 1. – С. 167–175.
302. Сабитов, Т.Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2011. – Т. 7, № 1. – С. 135–142.
303. Сафонов, А.В. Критерии добросовестности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 30–33.
304. Селивановская, И.Ю. Классификация преступления в сфере экономической деятельности // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 128–132.
305. Сидоренко, Л.П. Принудительные работы как элемент прогрессивной системы исполнения наказаний // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2012. – № 1-2 (53-54). – С. 199–204.
306. Сизов, В.А. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг). – DOI 10.21685/2072-3016-2017-1-4 // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – № 1 (41). – С. 40–48.

307. Скобликов, П.А. Исключение ответственности по ст. 210 УК РФ для учредителей, руководителей и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица: обновление законодательства, его основания и последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 4 (55). – С. 65–73.

308. Соловьев, О.Г. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе / О.Г. Соловьев, Ю.О. Гончарова. – DOI 10.18255/1996-5648-2021-1-76-83 // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 15, № 1 (55). – С. 76–83.

309. Соловьев, О.Г. Определение оснований дифференциации уголовной ответственности в современной правовой доктрине / О.Г. Соловьев, Р.Ю. Смирнов // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 63–66.

310. Степашин, В.М. Содержание принципа экономии репрессии. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.132.11.024-037 // Lex Russica. – 2017. – № 11 (132). – С. 24–37.

311. Струсь, К.А. Понятие и признаки правовых основ // Современное право. – 2012. – № 3. – С. 8–11.

312. Табакова, Н.А. Особенности уголовной ответственности за манипулирование рынком // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 304–308.

313. Тасаков, С.В. Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 210–215.

314. Тенишев, А.П. Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции / А.П. Тенишев, А.В. Даниловская // Законодательство. – 2022. – № 11. – С. 58–66.

315. Тенишев, А.П. Уголовно-правовая охрана конкуренции в условиях развития цифровых технологий / А.П. Тенишев, А.В. Тесленко // Закон. – 2019. – № 6. – С. 124–131.

316. Тенишев, А.П. Правовые инструментари для противодействия международным картелям / А.П. Тенишев, М.А. Хамуков // Российское конкурентное право и экономика. – 2016. – № 2 (6). – С. 18–21.

317. Тенишев, А.П. Роль ассоциаций в антиконкурентных соглашениях : анализ практик антиконкурентного поведения и особенностей их пресечения / А.П. Тенишев, А.П. Великанов // Конкурентное право. – 2016. – № 2. – С. 33–37.

318. Тихомиров, Ю.А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 12–16.

319. Тотьев, К.Ю. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. – 1998. – № 5. – С. 54–57.

320. Тюнин, В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 73–80.

321. Устинова, Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.110-117 // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7 (68). – С. 110–117.

322. Уткин, В.А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4 (25). – С. 117–121.

323. Уткин, В.А. Факторы пенализации и международное уголовное право. – DOI 10.17223/22253513/16/14 // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (16). – С. 128–137.

324. Филимонов, В.Д. Объект преступления и последствие преступления // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 67–72.

325. Франскевич, О.П. Сговоры на торгах как форма монополистической деятельности // Картели и иные антиконкурентные соглашения: проблемы предупреждения, пресечения и ответственности : [сборник] / Российская академия наук ; [под общ. ред. И.Ю. Артемьева, А.Г. Лисицына-Светланова]. – Москва : Учеб.-метод. центр ФАС России, фил. г. Москва, 2017. – С. 66–72. – ISBN 978-5-9500799-0-0.

326. Хасанова, Л.В. Классификация провалов рынка: уровни и основные формы их проявления // Вестник КРСУ. – 2008. – Т. 8, № 6. – С. 3–9.
327. Цыганов, А.Г. Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски / А.Г. Цыганов, Н.С. Павлова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 4. – С. 29–50.
328. Чемеринский, К.В. Принципы криминализации общественно опасных деяний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–29 янв. 2016 г. / [ред. кол.: Ю.В. Грачева [и др.]] ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – Москва : РГ-Пресс, 2016. – С. 40–42. – ISBN 978-5-9988-0444-1.
329. Шаститко, А. Конкурентная политика в период кризиса / А. Шаститко, С. Авдашева, С. Голованова. – DOI 10.32609/0042-8736-2009-3-54-69 // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 54–69.
330. Шаститко, А.Е. Уголовное право в антитрасте: хорошее место для встречи права и экономики / А.Е. Шаститко, К.В. Дозмаров // Закон. – 2020. – № 9. – С. 141–150.
331. Широков, В.А. Спорные вопросы новой редакции ст. 178 УК РФ / В.А. Широков, А.В. Денисова // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 60–64.
332. Шишкин, М.В. Антимонопольная государственная политика России в период перехода к рыночным отношениям // Государство и рынок. – 1995. – Вып. 30. – С. 54–69.
333. Эстрин, А.Я. Хозяйственные преступления и уголовное право: к вопросу о «хозяйственных преступлениях» в УК РСФСР // Революция права. – 1927. – № 3. – С. 48–65.
334. Яковлев, А.М. Библия свободной экономики // Закон. – 1999. – № 4. – С. 119–123.
335. Яни, П.С. Крайняя необходимость: непреступный вред экономического преступления // Закон. – 2000. – № 7. – С. 47–51.
336. Яни, П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 22–26.

337. Ясников, Г.Е. Оценка ущерба от недобросовестной конкуренции в сфере интеллектуальной собственности / Г.Е. Ясников, Т.П. Тихоненко // Белорусский экономический журнал. – 2012. – № 3 (60). – С. 78–89.

338. Bryant, P.G. Price fixing: the probability getting caught / P.G. Bryant, E.W. Eckard. – DOI 10.2307/2109581// Review of economics and statistics. – 1991. – Vol. 73 (3). – P. 531–536.

339. Choi, J.H. Cartels 2019: South Korea / J.H. Choi, J.Y. Park, C. Lee // Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2852/5685-5686-5687-5688-5689-5678-5680> (дата обращения: 25.12.2019).

340. Dietrich, M. Cartels 2020: Switzerland / M. Dietrich, F. Hoffet, R. Stäuber // Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/587/5174-5187/8205-8213-8231-8247-8256-8265-8271> (дата обращения: 18.06.2021).

341. Doing business in ... 2019 : law and practice in UK / E. West, P. McGrath, D. Henry, J. Ross // Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/416/2892/5812-5814-5819-5825-5831-5839-5844-5851> (дата обращения: 05.06.2020).

342. Ezaki, S. Cartels 2019: Japan / S. Ezaki, V. Moussis, Y. Usuki, T. Ishida // Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2019/japan> (дата обращения: 10.10.2019).

343. Giles, I. Cartel leniency in the United Kingdom : overview / I. Giles, S. Rogers // Practical law. – URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-501-1833?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-501-1833?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (дата обращения: 28.02.2024).

344. Hellman, H.J. Cartels 2021: Germany / H.J. Hellman, K. Malz, S. Gross // Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website. – URL:

<https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2021/germany> (дата обращения: 18.06.2021).

345. Houston, D.A. Can corruption ever improve an economy? // *Cato journal*. – 2007. – Vol. 27, № 3. – P. 325–342.

346. Individual Accountability for Antitrust Crimes: Deputy Assistant Attorney General Brent Snyder Delivers Remarks at the Yale Global Antitrust Enforcement Conference // U.S. Department of justice : an official website of the United States government. – URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/deputy-assistant-attorney-general-brent-snyder-delivers-remarks-yale-global-antitrust> (дата обращения: 28.02.2020).

347. Ishida, H. Japan: cartels / H. Ishida, A. Yamada // *Global competition review*. – March 2019. – URL: <https://globalcompetitionreview.com/insight/the-asia-pacific-antitrust-review-2019/1188996/japan-cartels> (дата обращения: 01.03.2024).

348. Jaspers, J.D. Leniency in exchange for cartel confessions. – DOI 10.1177/1477370819874432 // *European journal of criminology*. – 2020. – Vol. 17, N 1. – P. 106–124.

349. Klawiter, D.C. The U.S. Corporate leniency policy: it is time for a Renaissance // *Competition Policy International*. – January 2019. – URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-u-s-corporate-leniency-policy-it-is-time-for-a-renaissance/> (дата обращения: 02.03.2020).

350. Kmiecik, A. Cartels 2019: EU / A. Kmiecik, R. Burton, C. Gordley // *Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website*. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cartels-2020/eu> (дата обращения: 18.12.2019).

351. Rosman, M. Cartels 2019: USA / M. Rosman, J. van Hooreweghe, T. Ikeda, J. Epner // *Global practice guidelines (expert commentary on legal issues) : website*. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2806/5677-5685-5686-5687-5688-5689> (дата обращения: 18.11.2019).

352. Zelger, B. EU Competition law and extraterritorial jurisdiction – a critical analysis of the ECJ's judgement in Intel. – DOI 10.1080/17441056.2020.1840844 // European competition journal. – 2020. – Vol. 16, № 2-3. – P. 613–627.

Диссертации и авторефераты диссертаций

353. Артемов, В.В. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Артемов Владислав Викторович ; [Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва : [МГЮА], 2011. – 26 с.

354. Аслаханов, А.А. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Аслаханов Асламбек Ахмедович ; [Моск. юрид. ин-т]. – Москва : [МЮИ], 1997. – 49 с.

355. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 710 / Бабаев Владимир Константинович ; [Свердл. юрид. ин-т]. – Свердловск : [СЮИ], 1969. – 24 с.

356. Бабаева, Ю.Г. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции с использованием служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бабаева Юлия Григорьевна ; [Моск. ин-т экономики, политики и права]. – Москва : [МИЭПП], 2007. – 173 с. : ил.

357. Бацин, И.В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бацин Иван Викторович ; [Нижегор. ин-т менеджмента и бизнеса]. – Нижний Новгород : [НИМБ], 2017. – 216 с.

358. Богданова, Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... докт.

юрид. наук : 12.00.03 / Богданова Елена Евгеньевна ; [Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. – Москва: [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ], 2010. – 64 с.

359. Бокова, И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бокова Ирина Николаевна ; [Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород : [НА МВД России], 2002. – 258 с.

360. Болдырев, С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Болдырев Сергей Николаевич ; [Юж. федер. ун-т]. – Ростов на Дону : [ЮФУ], 2014. – 45 с. – Место защиты: Куб. гос. аграр. ун-т.

361. Борцев, В.В. Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия : дис. ... экон. наук : 08.00.01 / Борцев Валерий Викторович ; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва : [МГУ], 2014. – 151 с.

362. Валеев, М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Валеев Марат Тагирович ; [Том. гос. ун-т]. – Томск : [ТГУ], 2005. – 25 с.

363. Василевский, А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Василевский Александр Валентинович ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль : [ЯрГУ], 2000. – 219 с.

364. Варламова, А.Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Варламова Алла Николаевна ; [Моск. гос. ун-т]. – Москва : [МГУ], 2008. – 618 с.

365. Владимирова, П.М. Правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Владимирова Полина Михайловна ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – Москва : [РГГУ], 2007. – 26 с.

366. Власов, А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 : 12.00.09 / Власов Анатолий Александрович ; [Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при ген. прокуратуре Рос. Федерации]. – Москва : [Б. и.], 2000. – 385 с. : ил.

367. Волошин, В.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Волошин Василий Михайлович ; [Урал. гос. юрид. акад]. – Екатеринбург : [УГЮА], 2008. – 47 с.

368. Гешелин, М.И. Законодательная техника и дифференциация ответственности за экономические преступления по уголовному законодательству России и Англии: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гешелин Михаил Ильич ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль [ЯрГУ], 2015. – 212 с. – Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т.

369. Головизина, И.А. Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Головизина Ирина Александровна ; [Акад. экон. безопасности МВД России]. – Москва : [АЭБ], 2008. – 26 с.

370. Грибов, А.С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Грибов Александр Сергеевич ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Саратов : [СГЮА], 2011. – 26 с. – Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.

371. Гуляев, Г.Ю. Особенности развития конкуренции в современной экономике России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Гуляев Герман Юрьевич ; [Пенз. гос. ун-т]. – Пенза : [ПГУ], 2014. – 195 с.

372. Густова, Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Густова Элла Владимировна ; [Воронеж. ин-т МВД Рос. Федерации]. – Воронеж : [ВИ МВД РФ], 2015. – 204 с.

373. Демьяненко, Е.В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Демьяненко Елена Владимировна ; [Рост. юрид. ин-т МВД России]. – Ростов на Дону : [РЮИ], 2003. – 23 с.

374. Денисова, А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Денисова Анна Владимировна ; [Дальневост. гос. ун-т]. – Владивосток : [ДГУ], 2006. – 217 с.

375. Деревягина, О.Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Деревягина Ольга Евгеньевна ; [Сиб. федер. ун-т]. – Красноярск : [СФУ], 2021. – 202 с. – Место защиты: Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т.

376. Дроздова, Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дроздова Татьяна Юрьевна ; [Байкал. гос. ун-т экономики и права]. – Иркутск : [БГУЭП], 2004. – 187 с. – Место защиты: Моск. акад. экономики и права.

377. Еременко, В.И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Еременко Владимир Иванович ; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва : [МГУ], 2001. – 457 с.

378. Жабагинов, Р. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции : автореф дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жабагинов Руслан Акунжанович ; [Моск. ун-т МВД Рос. Федерации им. В.Я. Кикотя]. – Москва : [МУ МВД РФ], 2021. – 34 с.

379. Жайворонок, А.В. Незаконное использование товарного знака : криминологическое и уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жайворонок Артем Викторович ; [Омская акад. МВД России]. – Москва : [ОА МВД РФ], 2010. – 24 с. – Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ.

380. Жигалов, А.Ф. Коммерческая и банковская тайна в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жигалов Алексей Федорович ; [Нижегор. акад. МВД Рос. Федерации]. – Нижний Новгород : [НА МВД РФ], 2000. – 28 с.

381. Жилкин, М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Жилкин Максим Геннадьевич ;

[Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя]. – Москва : [МУ МВД РФ], 2019. – 402 с. : ил.

382. Зайцев, В.Н. Уголовно-правовая охрана промышленной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зайцев Владимир Николаевич ; [Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород : [НА МВД РФ], 2010. – 25 с.

383. Иванчин, А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович ; [Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Екатеринбург : [УГЮА], 2003. – 201 с. – Место защиты: Урал. гос. юрид. акад.

384. Иванчин, А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль : [ЯрГУ], 2014. – 462 с. – Место защиты: Урал. гос. юрид. ун-т.

385. Исайчева, Е.А. Недобросовестная конкуренция как социально-правовое явление: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Исайчева Елена Александровна ; [Сам. гос. акад. права]. – Саратов : [СГАП], 2011. – 26 с. – Место защиты: Саратов. гос. акад. права.

386. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кадников Николай Григорьевич ; [Юрид. ин-т МВД России]. – Москва : [ЮИ МФД РФ], 2000. – 349 с.

387. Каменева, П.В. Правовое регулирование ограничения монополистической деятельности на рынке товаров, работ и услуг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Каменева Полина Валерьевна ; [Юж. федер. ун-т]. – Краснодар : [КГАУ], 2008. – 184 с. – Место защиты: Куб. гос. аграр. ун-т.

388. Кинев, А.Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Кинев Александр Юрьевич ; [Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина]. – Москва : [МГЮУ], 2014. – 329 с.

389. Клепицкий, И.А. Система норм о хозяйственных преступлениях : основные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Клепицкий Иван Анатольевич ; [Рос. акад. правосудия]. – Москва : [РАП], 2006. – 623 с. : ил.

390. Ключина, С.В. Монополия и локальная монополия как ее тип: история вопроса, методология, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Ключина Светлана Владимировна ; [Иван. гос. ун-т]. – Иваново : [ИГУ], 2005. – 44 с. : ил.

391. Кожинский, А.В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Кожинский Александр Владимирович ; [Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород : [Б. и.], 2021. – 31 с.

392. Корнева, Л.А. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия нарушениям имущественных авторских и смежных прав в Интернете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Корнева Людмила Александровна ; [Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва : [МГЛУ], 2008. – 29 с.

393. Корниенко, В.Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Корниенко Валерий Тарасович ; [Рост. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации]. – Ростов на Дону : [РЮИ], 2004. – 224 с.

394. Крянин, С.М. Уголовно-правовая охрана секрета производства (ноу-хау) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Крянин Сергей Михайлович ; [Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород : [НА МВД РФ], 2009. – 25 с.

395. Кузьмина, И.К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кузьмина Ирина Константиновна ; [Сам. гос. ун-т]. – Самара : [СГУ], 2010. – 20 с.

396. Кузнецов, А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления) : автореф. дис.

... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кузнецов Александр Павлович ; [Нижегор. акад. МВД Рос. Федерации]. – Нижний Новгород : [НА МВД РФ], 2000. – 63 с.

397. Лаптев, Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лаптев Дмитрий Борисович ; [Рос. гос. ун-т правосудия]. – Москва : [РГУП], 2016. – 181 с. : ил.

398. Лапшин, В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Лапшин Валерий Федорович ; [Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний]. – Рязань : [Б. и.], 2016. – 446 с. : ил. – Место защиты: Каз. (Приволж.) федер. ун-т.

399. Ласточкина, М.С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ласточкина Мария Сергеевна ; [Гос. ун-т – Высш. шк. экономики]. – Москва : [Б. и.], 2010. – 23 с.

400. Лепина, Т.Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лепина Татьяна Геннадьевна ; [Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Курск : [МГЮА], 2014. – 31 с.

401. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Лесниевски-Костарева Татьяна Александровна ; [Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации]. – Москва : [Б. и.], 1999. – 493 с.

402. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России : методологические, правовые и организационные основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Лесников Геннадий Юрьевич ; [Акад. упр. МВД РФ]. – Москва : [Б. и.], 2005. – 350 с.

403. Лозинский, И.В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лозинский Игорь Владиславович ; [Том. гос. ун-т]. – Томск : [ТГУ], 2010. – 28 с.

404. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Лопашенко Наталья Александровна ; [Сарат. акад. права]. – Саратов : [САП], 1997. – 43 с.

405. Лукашенко, О.А. Переход от антимонопольной политики к политике защиты конкуренции в современных экономических условиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Лукашенко Ольга Александровна ; [Том. гос. ун-т]. – Томск : [ТГУ], 2011. – 23 с.

406. Мазур, С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Мазур Сергей Филиппович ; [Акад. упр. МВД РФ]. – Москва : [Акад. упр. МВД РФ], 2004. – 48 с.

407. Мандрыко, А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мандрыко Александр Владимирович ; [Северо-Кавказский федер. ун-т]. – Москва : [Рос. акад. адвок. и нотар-та], 2016. 26 с.

408. Мельников, И.М. Криминологические проблемы противодействия преступности в сфере антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мельников Игорь Михайлович ; [Кислов. ин-т экономики и права]. – Кисловодск : [КИЭП], 2002. – 25 с.

409. Мелюханова, Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мелюханова Евгения Евгеньевна ; [Урал. гос. юрид. ун-т]. – Екатеринбург : [УГЮУ], 2017. – 219 с.

410. Молчанов, Д.В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Молчанов Дмитрий Валерьевич ; [Акад. экон. безопасности МВД России]. – Москва : [АЭБ], 2009. – 28 с.

411. Мусаев, Ф.А. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности (ст. 171, 172–174.1 УК РФ) : вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд.

юрид. наук : 12.00.08. / Мусаев Фарид Агарза ; [Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. – Ярославль : [ЯрГУ], 2005. – 191 с.

412. Некрасова, Е.А. Конкурентная ситуация в России и влияние сделок слияний и поглощений на ее динамику : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Некрасова Екатерина Александровна ; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург : [СПбГУ], 2014. – 220 с. : ил.

413. Нечаев, А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Нечаев Алексей Дмитриевич ; [Сарат. гос. юрид. акад.]. – Саратов : [СГЮА], 2017. – 331 с. : ил.

414. Никитина, Л.К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Никитина Людмила Константиновна ; [Краснод. ун-т МВД РФ]. – Ростов-на-Дону : [РЮИ], 2010. – 21 с.

415. Новиков, М.В. Недобросовестная конкуренция как одна из форм злоупотребления гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Новиков Максим Владимирович ; [Сарат. гос. юрид. акад.]. – Саратов : [СГЮА], 2018. – 270 с.

416. Осокин, Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Осокин Роман Борисович ; [Моск. ун-т МВД РФ]. – Москва : [Моск. ун-т МВД РФ], 2014. – 581 с.

417. Панько, К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России : теория и законодательная практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Панько Кирилл Константинович ; [Воронеж. гос. ун-т]. – Саратов : [СГАП], 2006. – 429 с.

418. Панченко, П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблема формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР) : дис. ... д-ра

юрид. наук : 12.00.08 / Панченко Павел Николаевич ; [МВД СССР Горьк. высш. шк.]. – Горький : [МВД СССР Горьк. высш. шк.], 1990. – 528 с.

419. Паращук, С.А. Недобросовестная конкуренция : содержание и правовые средства ее пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Паращук Сергей Анатольевич ; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – Москва : [МГУ], 1995. – 222 с.

420. Пинкевич, Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Пинкевич Татьяна Валентиновна ; [Краснод. юрид. ин-т МВД РФ]. – Москва : [ВНИИ МВД России], 2002. – 414 с. : ил.

421. Притулин, Р.В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Притулин Роман Валерьевич ; [Моск. ин-т экономики, политики и права]. – Москва : [РУДН], 2010. – 31 с.

422. Пронников, А.В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Пронников Алексей Васильевич ; [Ом. акад. МВД РФ]. – Омск : [ОА МВД РФ], 2008. – 214 с. : ил.

423. Пухтий, Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних : вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Пухтий Екатерина Евгеньевна ; [Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова]. – Ярославль : [ЯрГУ], 2004. – 210 с.

424. Радошнова, Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Радошнова Наталия Валерьевна ; [Сарат. гос. юрид. акад.]. – Санкт-Петербург : [СПбГЭУ], 2015. – 276 с. : ил.

425. Репин, П.Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Репин Павел Николаевич ; [С.-Петербур. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ]. – Санкт-Петербург : [С.-Петербур. юрид. ин-т Генерал. прокуратуры РФ], 2007. – 162 с. : ил.

426. Рокоссовская, В.В. Развитие международно-правового сотрудничества в области конкуренции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Рокоссовская Вероника Владимировна ; [Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва : [РУДН], 2004. – 17 с.

427. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна ; [Акад. упр. МВД РФ]. – Москва : [Акад. упр. МВД РФ], 2014. – 596 с. : ил.

428. Семенов, Я.И. Законодательная техника в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Семенов Ярослав Игоревич ; [Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск : [ЧГУ], 2007. – 167 с.

429. Семенова, Д.М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Семенова Диана Михайловна ; [Самар. нац. исслед. ун-т им. акад. С. П. Королева]. – Самара : [СНИУ], 2019. – 23 с.

430. Серебруев, И.В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений : генезис, система, уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Серебруев Игорь Владимирович ; [Урал. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург : [УГЮА], 2016. – 262 с. : ил.

431. Серегин, Д.И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03/ Серегин Дмитрий Игоревич ; [Рос. гос. ин-т интеллект. собственности]. – Москва : [Рос. гос. ин-т интеллект. собственности], 2002. – 159 с.

432. Симанченко, М.Г. Институциональный механизм локализации слабой конкуренции на отраслевых рынках России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Симанченко Максим Геннадиевич ; [Юж. федер. ун-т]. – Ростов на Дону : [ЮФУ], 2015. – 207 с. : ил.

433. Скребец, Д.Д. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Скребец Денис Дмитриевич ; [Сарат. юрид. ин-т МВД России]. –

Волгоград : [ВА МВД России], 2008. – 29 с. – Место защиты: Волгогр. Акад. МВД России.

434. Следь, Ю.Г. Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Следь Юрий Геннадьевич ; [Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск : [УГУ], 2007. – 195 с.

435. Спиридонов, А.П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.08 / Спиридонов Анастас Павлович ; [С.-Петерб. ун-т МВД России]. – Санкт-Петербург : [СПбГУ МВД России], 2006. – 48 с.

436. Степанов, М.В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности: теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Степанов Максим Вячеславович ; [Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород : [НА МВД России], 2005. – 30 с.

437. Степанова, М.М. Правовое регулирование конкуренции на современных товарных рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Степанова Мария Михайловна ; [Рос. гос. гуманитарный ун-т]. – Москва : [Рос. гос. гуманитарный ун-т], 2010. – 28 с.

438. Степашин, В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Степашин Виталий Михайлович ; [Ом. акад. МВД РФ]. – Омск : [Ом. акад. МВД РФ], 2019. – 39 с.

439. Стомпелева, Е.С. Развитие системы экономических интересов как фактор общественного воспроизводства : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Стомпелева Екатерина Сергеевна ; [Финансовый ун-т при Правительстве РФ]. – Москва : [Финансовый ун-т при Правительстве РФ], 2017. – 194 с. : ил.

440. Талан, М.В. Преступления в сфере экономической деятельности : вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Талан Мария Вячеславовна ; [Каз. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. – Казань : [КГУ], 2002. – 42, [1] с.

441. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Татарников Алексей Валентинович ; [Моск. ун-т МВД России]. – Москва : [Моск. ун-т МВД России], 2010. – 30 с.

442. Тимошенко, Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Тимошенко Юлия Александровна ; [Ун-т прокуратуры Рос. Федерации]. – Москва : [Ун-т прокуратуры РФ], 2019. – 537 с. : ил.

443. Толстая, Е.В. Посягательства на авторские и смежные права в российском сегменте сети Интернет: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Толстая Елена Владимировна ; [Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. – Москва : [Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ], 2011. – 204 с. : ил.

444. Толченова, Ю.В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Толченова Юлия Владимировна ; [Моск. ун-т МВД России]. – Москва : [МУ МВД России], 2010. – 25 с.

445. Трейгер, С.М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Трейгер Семен Михайлович ; [Моск. ун-т МВД России]. – Москва : [МУ МВД России], 2011. – 26 с. : ил.

446. Тюнин, В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Тюнин Владимир Ильич ; [С.-Петерб. ун-т МВД России]. – Санкт-Петербург : [СПбГУ МВД России], 2001. – 525 с.

447. Улезько, А.Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Улезько Аэлита Юрьевна ; [Кислов. ин-т экономики и права]. – Кисловодск : [КИЭП], 2004. – 191 с.

448. Устинова, С.В. Преступления, посягающие на свободу экономической деятельности (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Устинова Светлана Валерьевна ; [Нижегор. акад. МВД Рос. Федерации]. – Нижний Новгород : [НА МВД РФ], 2002. – 249 с.

449. Устинова, Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Устинова Тамара Дмитриевна ; [НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации]. – Москва : [Б. и.], 2005. – 54 с.

450. Файзуллина, Н.Г. Особенности интеллектуальной собственности и ее роль в переходе к инновационному развитию экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук 08.00.01 / Файзуллина Найля Гайсановна ; [Ин-т экономики Рос. акад. наук]. – Москва : [НИИ труда и соц. страхования], 2016. – 24 с.

451. Фирсов, И.В. Методология формирования системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Фирсов Иван Владимирович ; [Моск. ун-т МВД РФ]. – Москва : [Моск. ун-т МВД РФ], 2014. – 508 с. : ил.

452. Хакулов, М.Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Хакулов Мурат Хасанбиевич ; [Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва : [РУДН], 2009. – 374 с. : ил.

453. Хамуков, М.А. Развитие инструментария антикартельного управления в российской промышленности : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Хамуков Мухамед Анатольевич ; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва : [МГУ], 2018. – 150 с. : ил.

454. Цатурян, Т.В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цатурян Тамара Владимировна ; [Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь : [СГУ], 2004. – 172 с.

455. Чугунов, А.А. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чугунов Анатолий Аркадьевич ; [Моск. гос. юрид. акад.]. – Москва : [МГЮА], 2001. – 202 с.

456. Шавлохова, З.К. Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шавлохова Заира Карловна ; [Моск. ун-т МВД России]. – Москва : [МУ МВД России], 2010. – 27 с.

457. Шахманаев, К.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности: уголовно-правовой и криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шахманаев Калимулла Абдулмуслимович ; [Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва : [РУДН], 2009. – 26 с.

458. Шиянов, В.А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шиянов Владимир Александрович ; [Моск. новый юрид. ин-т]. – Москва : [МНЮИ], 2008. – 26 с.

459. Шкараденко, И.А. Правовое регулирование конкуренции и ограничение монополистической деятельности на товарных рынках по законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Шкараденко Игорь Анатольевич ; [С.-Петерб. ун-т МВД России]. – Санкт-Петербург : [СПбГУ МВД России], 2001. – 21 с.

460. Шутова, А.А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности : теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шутова Альбина Александровна ; [Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород : [НА МВД России], 2017. – 264 с. : ил.

461. Щербина, А.В. Конкуренция как проявление агональности в экономической культуре : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01, 09.00.11 / Щербина Алексей Владимирович ; [Рост. гос. ун-т]. – Ростов на Дону : [РГУ], 2006. – 251 с.

III Материалы судебной практики и иного правоприменения

462. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2003 года № 508-О // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [декабрь 2003]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46958/?ysclid=lbt7p9phq6670082126 (29.02.2024).

463. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максименко Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 199.2 Уголовного кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 года № 1346 // Гарант : информ.-прав. обеспечение. – [июнь 2014]. – URL: <https://base.garant.ru/70704730/?ysclid=lt5y4hq75q172662074> (дата обращения: 26.02.2024), доступ после регистрации.

464. По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 года № 6 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2408.

465. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 ст. 12, ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ст. 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года №11-П // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [июнь 2009]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89224/?ysclid=lbt7s55v58187373343, доступ после регистрации.

466. По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также

пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2023 года № 19-П. – Электрон. копия представлена на сайте Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision675687.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

467. О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 года № 11 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 5. – С. 104–115.

468. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [июнь 2018]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/?ysclid=lbt7brxckm771378131 (Дата обращения: 29.02.2024), доступ после регистрации.

469. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 года № 1 // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [январь 1997]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/?ysclid=lbt7f8kvh5914070778 (29.02.2024), доступ после регистрации.

470. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 // Российская газета. – 2010. – 18 июня (№ 132). – С. 17.

471. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 (ред. от 11 июня 2020 года) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [ноябрь 2016]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/?ysclid=ltal4z1ecx474633376 (дата обращения: 07.12.2023), платный доступ после регистрации.

472. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 года № 14 // Российская газета. – 2007. – 5 мая (№ 95). – С. 13.

473. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 // Российская газета. – 2013. – 5 июля (№ 145). – С. 16.

474. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 // Российская газета. – 2015. – 30 июня (№ 140). – С. 12–14.

475. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 года № 6 (ред. от 22 мая 2012 года) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [май 2012]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26228/?ysclid=ltamwb0g7171993305 (дата обращения: 07.12.2023), доступ платный после регистрации.

476. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 26.02.2024).

477. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 (ред. 11 июня 2020 года) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [июнь 2020]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/?ysclid=ltan1kucn651222305 (дата обращения: 07.12.2023), доступ платный после регистрации.

478. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. – [ноябрь 2016]. – URL: https://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=11109 (дата обращения: 26.02.2024).

479. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 года № 31 и от 7 июля 2015 года № 32) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 года № 23 // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. – [ноябрь 2004]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8243/?ysclid=ltanu8eju9621235660> (дата обращения: 26.02.2024).

480. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1997 года № 1 (ред. 03 марта 2015 года) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. – [март 2015]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/?ysclid=ltan55fhng183126795 (дата обращения: 26.02.2024), доступ платный после регистрации.

481. О практике применения законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3.

482. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 года // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. – [март 2016]. – URL: http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=10734 (дата обращения: 26.02.2024).

483. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года // Гарант : информ.-прав. портал. – [март 2016]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71251694/?ysclid=ltanaua89t658549854> (дата обращения: 26.02.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

I Общие положения

1. Конкуренция является ключевым элементом рыночной экономики Российской Федерации, обеспечивающим ее стабильность и безопасность, способствующим справедливому распределению материальных ресурсов в обществе, установлению экономического и социального порядка, уравниванию частных и публичных интересов, что является первостепенным критерием для ее признания экономической и социально-политической ценностью.

2. Выступая в качестве одной из экономических основ конституционного строя, закрепленных в Конституции РФ экономических прав и свобод, конкуренция является объектом уголовно-правовой охраны согласно ст. 2 УК РФ.

3. Уголовно-правовая политика в сфере охраны конкуренции – это официально закрепленное в правовых формах стратегическое направление правотворческой и правоприменительной деятельности государства в сфере охраны конкуренции, в рамках которой определяются цели, задачи, принципы, а также средства уголовно-правового воздействия на преступления, посягающие на добросовестные конкурентные отношения (далее – антиконкурентные преступления).

4. Уголовно-правовая политика в сфере охраны конкуренции базируется на взаимосвязи с государственной экономической политикой, включающей меры по защите конкуренции, предупреждению и пресечению антиконкурентных действий.

II Правовые основы уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции

1. Объектом уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции является группа общественно опасных деяний, посягающих на добросовестные конкурентные отношения.

2. Предмет уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции представляет собой деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, в результате которой осуществляется криминализация и декриминализация деяний против добросовестной конкуренции, их пенализация и депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

3. Источники уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, а также общепризнанные нормы и принципы международного права, определяющие принципы уголовно-правовой охраны добросовестной конкуренции, Федеральный закон «О защите конкуренции» (далее – ФЗ «О защите конкуренции»), Уголовный кодекс Российской Федерации, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы.

4. Принципы уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции:

- принцип приоритета публичного интереса в защите добросовестной конкуренции как основы национальной безопасности страны;

- принцип запрета монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции, ограничивающих конкуренцию действий должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления;

- принцип определения преступности антиконкурентных деяний с учетом базовых запретов, установленных антимонопольным законодательством;

- принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий;

- принцип эффективного сотрудничества антимонопольных и правоохранительных органов и координация их деятельности при выявлении и расследовании антиконкурентных деяний.

5. Целью уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции является эффективное обеспечение конкурентного правопорядка посредством максимального снижения количества антиконкурентных преступлений.

6. Задачи уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции обусловлены современным развитием российской экономики и общества и заключаются в решении следующих взаимосвязанных вопросов:

- необходимость защиты добросовестной конкуренции и основанных на ней правомерных экономических публичных и частных интересов как важного элемента эффективности рыночной экономики и национальной безопасности страны;

- обеспечение исчерпывающей и обоснованной криминализации антиконкурентных деяний на основе запретов антимонопольного законодательства, которые predeterminedены общественной опасностью антиконкурентных деяний, имеющих свою классификацию, включающую монополистическую деятельность, недобросовестную конкуренцию, ограничивающую конкуренцию деятельность должностных лиц органов власти и местного самоуправления и антиконкурентные преступления, совершаемые на торгах, в основе криминализации которых лежит экономически обоснованный принцип достаточности для уголовного запрета характера и степени их общественной опасности; в этой связи выделение группы антиконкурентных преступлений, приведение описания их признаков, содержащихся в Уголовный кодекс РФ, в соответствие с запретами антимонопольного законодательства, формулирование новых составов преступлений;

- достижение справедливости пенализации антиконкурентных преступлений, означающей соответствие видов и размера наказания и иных мер уголовно-правового характера степени и характеру общественной опасности преступлений против добросовестной конкуренции, отнесение основных составов данной группы преступлений к категории преступлений средней тяжести, распространение института конфискации на категорию антиконкурентных преступлений;

- определение и совершенствование критериев дифференциации ответственности за совершение антиконкурентных преступлений на основе преемственности административного и уголовного законодательства, учета оценки эффективности применения административно-правовых и уголовно-правовых институтов, включая основания смягчения ответственности и освобождения от нее, а также иных перспективных направлений поиска баланса частных и публичных интересов;

- развитие правовых основ стратегического характера, предусматривающих программы противодействия антиконкурентным деяниям;

- повышение эффективности широкого взаимодействия антимонопольного и правоохранительных органов в противодействии антиконкурентным деяниям посредством его законодательного закрепления, а также обеспечения соответствующей подготовки сотрудников правоохранительных органов.

III Направления уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции

1. Уголовно-правовая политика РФ в сфере охраны добросовестной конкуренции должна быть ориентирована на обеспечение соответствия нормативных правовых актов, определяющих ее направления, Конституции РФ и международным договорам, общепризнанным нормам и принципам международного права в сфере охраны конкуренции, с учетом требований национальной безопасности, определяемых государством на определенный период времени. В этой связи необходимо:

- осуществлять проверку соответствия нормативных правовых актов, направленных на защиту конкуренции, в том числе Уголовного кодекса РФ,

практики их применения Конституции РФ, международным договорам, общепризнанным нормам и принципам международного права в целях ориентирования уголовно-правовых мер на противодействие наиболее опасным формам антиконкурентного поведения;

- совершенствовать антимонопольное законодательство в целях точности и ясности изложения и понимания специальных терминов, развития системы превентивных и иных защитных мер, наделения антимонопольного органа полномочиями, которые способствовали бы успешности в достижении стоящих перед ним задач по выявлению, расследованию, предупреждению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства;

- принимать решения о криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации антиконкурентных деяний, дифференциации ответственности за их совершение, основываясь на конституционном запрете монополизации и недобросовестной конкуренции, специальных запретах антимонопольного законодательства, а также исходя из анализа практики его применения, включая оценку сведений о количестве и видах нарушений антимонопольного законодательства, эффективности применения его предупредительных и пресекательных мер в целях выявления перспективных направлений уголовно-правовой охраны добросовестной конкуренции;

- развивать международное сотрудничество по вопросам уголовно-правовой охраны добросовестной конкуренции в рамках международных организаций, при заключении двух и многосторонних соглашений, в том числе о взаимной помощи по уголовным делам в целях обмена информацией о наиболее эффективных механизмах уголовно-правового противодействия антиконкурентным преступлениям, унификации подходов к перечню антиконкурентных преступлений и их понимания, закрепления основ взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов стран участниц на основе принципов вежливости и взаимного учета общих и национальных интересов;

- изучать опыт других стран по противодействию антиконкурентным преступлениям, в том числе по применению пресекательных и предупредительных

мер как уголовно-правового, так и административного характера, в целях анализа возможности корректирования внутренней политики Российской Федерации по поддержке и защите конкуренции, развития и гармонизации отечественного законодательства.

2. Криминализация и декриминализация антиконкурентных деяний должна основываться:

- на приоритете антимонопольного законодательства, которым определяются виды и основные признаки посягательств на добросовестную конкуренцию;

- на оценке возможности пресекательных, предупредительных и иных мер антимонопольного законодательства воздействовать на динамику антиконкурентных деяний, а также анализа результата их применения в практике антимонопольного органа;

- на экономическом подходе к оценке степени и характера общественной опасности антиконкурентных деяний.

3. При конструировании составов антиконкурентных преступлений следует учитывать методику их построения, основанной на бланкетных нормах и позволяющей применять термины антимонопольного законодательства, учитывая отраслевую специфику регулирования конкурентных отношений, а также на элементах, характеризующих: 1) объект преступления в виде добросовестных конкурентных отношений; 2) предмет преступления в формах недобросовестной конкуренции – конкурентное преимущество в виде объектов интеллектуальной собственности, охраняемой информации, инсайдерской информации, деловой репутации, добросовестное обладание которыми используется в конкуренции; 3) объективную сторону преступления, выраженную в нарушении запретов Федерального закона «О защите конкуренции» в виде монополистической деятельности хозяйствующих субъектов (картеля); недобросовестной конкуренции в форме использования чужих прав на объекты интеллектуальной собственности, распространения ложных, неточных или искаженных сведений, введения в заблуждение, незаконного использования, в том числе разглашения информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, либо

совершения умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком; ограничивающей конкуренцию деятельности должностных лиц органов власти и местного самоуправления в виде их индивидуальных действий и соглашений с хозяйствующими субъектами; антиконкурентных преступлений, совершаемых на торгах работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок на торгах, включая соглашения, ограничивающих конкуренцию на торгах, а также соглашений на торгах, заключаемых хозяйствующими субъектами между собой и с должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления; 4) специальный субъект преступления, характеристика которого связана с понятием хозяйствующего субъекта в соответствии с ФЗ «О защите конкуренции», а также определена ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ФЗ «Об организованных торгах», ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; 5) вину в форме прямого или косвенного умысла, волевой и интеллектуальный моменты которого направлены на ограничение конкуренции ради получения дохода.

4. Дифференциации уголовной ответственности за антиконкурентные преступления должна:

- отражать принципы уголовного закона;
- основываться на четкой и понятной системе антиконкурентных преступлений, построенной с учетом запретов антимонопольного законодательства, не допуская пробелы в защите всех сопутствующих добросовестной конкуренции интересов, устанавливающей соответствующую степени и характеру опасности этих деяний систему наказаний, ориентированную на отнесение основных составов антиконкурентных преступлений к преступлениям средней тяжести, установление в качестве основных наказаний

штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишения свободы, а также применение конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера;

- учитывать принцип связи уголовного и административного законодательства, основываясь на всестороннем анализе квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков, а также целесообразности отнесения к таковым встречающихся в правоприменительной практике обстоятельств совершения антиконкурентных преступлений;

- обеспечить: возможность применения специального основания освобождения от уголовной ответственности за картель путем изменения примечания к ст. 178 Уголовного кодекса РФ, допустив возмещение причиненного картелем ущерба организацией, в интересах которой действовало виновное физическое лицо; внедрение в правоприменительную практику правила о смягчении наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 178 Уголовного кодекса РФ, согласно ст. 61 и 64 Уголовного кодекса РФ, в случае установленной антимонопольным органом полезности картеля для экономики или товарного рынка; изучение возможности рассматривать экономический кризис, ставший причиной совершения отдельных преступлений против добросовестной конкуренции, в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, а также доказанные позитивные последствия картеля в качестве факторов, влияющих на оценку его общественной опасности и вопрос привлечения к уголовной ответственности.

IV Организационное и процессуальное обеспечение достижения целей уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции

1. Для достижения цели уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции в виде эффективного обеспечения конкурентного правопорядка посредством максимального снижения количества антиконкурентных преступлений, необходимо закрепить в нормативных правовых актах следующие положения:

- правила взаимодействия антимонопольного органа в лице Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных управлений с правоохранительными органами для повышения эффективности выявления признаков антиконкурентных преступлений и расследования уголовных дел по ним (ФЗ «О защите конкуренции», Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);

- правила подследственности дел об антиконкурентных преступлениях Следственному комитету РФ в целях недопущения споров о подследственности, а также повышения профессионализма расследования таких уголовных дел (Уголовно-процессуальный кодекс РФ);

- правила взаимодействия антимонопольного органа в лице Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных управлений с Центральным банком РФ в целях своевременного выявления признаков недобросовестной конкуренции и иных нарушений антимонопольного законодательства при осуществлении Центральным банком РФ своей деятельности в подконтрольной сфере (ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

2. В целях совершенствования механизмов противодействия нарушениям антимонопольного законодательства, определения предпосылок его изменения, а также изменения уголовного, административного законодательства необходимо:

- выделить категорию антиконкурентных преступлений и вести официальный учет количества совершенных антиконкурентных преступлений, лиц, осужденных за их совершение, назначенных наказаний и иных показателей, отражаемых в формах федерального статистического наблюдения состояния преступности, а также в судебной статистике Верховного Суда РФ;

- осуществлять своевременную оценку изменений состояния, структуры и динамики преступности в сфере добросовестной конкуренции, возникновения новых и изменения существующих угроз конкуренции в целях оперативного реформирования законодательства;

- проводить анализ уровня криминологической безопасности предпринимательства в сфере конкуренции, а также последствий применения мер

уголовно-правового реагирования в связи с совершением антиконкурентных преступлений на экономическое состояние соответствующих товарных рынков с привлечением различных специалистов, путем опроса субъектов экономической деятельности;

- повышать общий уровень правовой культуры населения посредством учреждения в вузах страны специализированных кафедр, введения в учебные планы специальных дисциплин, нацеленных на изучение антимонопольного законодательства и правовых основ ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию, на систематической основе осуществлять профессиональную переподготовку, обучение сотрудников правоохранительных органов в целях получения комплексных знаний об особенностях противодействия антиконкурентным преступлениям, методике их выявления и расследования.

3. Функции организационного и процессуального обеспечения достижения целей уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции возложить на Правительство РФ, Федеральную антимонопольную службу России, Следственный комитет РФ, МВД РФ, Прокуратуру РФ, Верховный Суд РФ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Статья 1. Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) Включить в перечень статей, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, ст. 178, 180, 185³ и 185⁶ УК РФ.

2) Исключить из УК РФ:

А) ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности»,

Б) ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав»,

В) ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав».

3) Ст. 178 УК РФ изложить в новой редакции:

Статья 178. Ограничивающее конкуренцию соглашение

1. Заключение картеля, запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, -

наказывается штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. Заключение должностным лицом ограничивающего конкуренцию соглашения, запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, -

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет со штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет,

либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи:

а) совершенные лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации либо лицом, распоряжающимся более чем пятьюдесятью процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства);

б) сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, либо с воспрепятствованием экономической деятельности либо с угрозой воспрепятствования экономической деятельности, при отсутствии признаков вымогательства, -

наказываются лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет со штрафом от одного миллиона рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до пяти лет либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух лет до пяти лет.

4. Те же деяния, совершенные:

а) организованной группой;

б) с применением насилия или с угрозой его применения, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

Примечание. 1. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, а также если этим лицом или организацией, в чьих интересах

действовало виновное лицо, был возмещен ущерб или иным образом заглажен вред, причиненный этим преступлением, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2. Наказание лиц, совершивших преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно заявивших об этом во вторую и третью очередь, а также выполнивших иные требования, предусмотренные в части первой настоящего примечания, подлежит смягчению в соответствии со ст. 64 УК РФ.

3. Лицо, повторно совершившее преступление, предусмотренное частью первой ст. 178 УК РФ, привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях, без применения положений, предусмотренных частью первой и второй настоящего примечания.

4. Организатор преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК РФ, а также лицо, допустившее принуждение иных лиц к совершению этого преступления либо к продолжению участия в картеле, не подлежит освобождению от уголовной ответственности и смягчению наказания согласно настоящему примечанию.

5. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если антимонопольным органом будет установлено, что положительный экономический эффект от заключения и реализации ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) превышает негативные для товарного рынка последствия, связанные с ограничением конкуренции».

4) Дополнить УК РФ новой статьей 178¹ в редакции:

Статья 178¹. Ограничивающее конкуренцию соглашение, заключенное на торгах

1. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения участниками торгов, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, а равно участие в его реализации, если это повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от

одного года до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет.

2. Заключение соглашения, предусмотренного частью первой настоящей статьи, повлекшего те же последствия, должностным лицом либо работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно участие в его реализации, -

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до пяти лет со штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи:

а) совершенные лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо лицом, распоряжающимся более чем пятьюдесятью процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства);

б) сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, либо с воспрепятствованием экономической деятельности либо с угрозой воспрепятствования экономической деятельности, при отсутствии признаков вымогательства, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти лет до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

4. Те же деяния, совершенные организованной группой и (или) с применением насилия или с угрозой его применения, или повлекшие тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти лет до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от четырех лет до десяти лет.

5) Изложить ст. 180 УК РФ в новой редакции:

Статья 180. Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности

1. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а равно незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, совершенное в коммерческом масштабе, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, -

наказываются штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;
- в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, -

наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до четырех лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до пяти лет, либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до пяти лет.

Примечание. 1. Деяние считается совершенным в коммерческом масштабе, если производство контрафактной продукции основано на механизации и автоматизации процесса, ориентированном на массовое изготовление контрафактных товаров и реализацию таких товаров, а равно реализация товаров, изготовленных таким путем, направленные на систематическое получение прибыли.

Массовое изготовление, массовая реализация – изготовление, реализация для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

3. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 180, ч. 1 ст. 180¹, п. «б» ч. 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ, считается совершенным в целях недобросовестной конкуренции, если оно совершено в целях получения преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности посредством незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, распространения ложных, неточных или искаженных сведений о лице или его деятельности либо умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, и любого умышленного использования инсайдерской информации.

4. Деяние считается совершенным в коммерческом масштабе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, если размещение объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет или средствах массовой информации допускает их использование неопределенным кругом лиц и направлено на систематическое получение прибыли, в том числе от размещения рекламы на сайте (странице) лица.

б) Включить в УК РФ новую статью 180¹ УК РФ «Дискредитация» в редакции:

Статья 180¹. Дискредитация

1. Умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, в целях недобросовестной конкуренции, которые причинили ущерб их деловой репутации, -

наказывается штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или в средствах массовой информации, -

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до четырех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до пяти лет, либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

7) Изложить ст. 183 УК РФ в новой редакции:

Статья 183. Незаконное собирание и использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну

1. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, незаконным способом, -

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Незаконное использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, совершенное:

а) без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе;

б) в целях недобросовестной конкуренции, -

наказывается штрафом в размере от шестисот тысяч до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации -

наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до четырех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью второй или частью третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой или повлекшие тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до пяти лет, либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

8) Изложить ч. 1 ст. 185³ УК РФ в новой редакции:

Статья 185³. Манипулирование рынком

1. Умышленные действия, определенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в результате которых цена, спрос, предложение или объем торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без таких действий, –

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, -

наказываются штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, –

наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до четырех лет.

4. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до пяти лет, либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

9) Изложить ст. 185⁶ УК РФ в новой редакции:

Статья 185⁶. Неправомерное использование инсайдерской информации

1. Использование инсайдерской информации, запрещенное законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях недобросовестной конкуренции, -

наказывается штрафом в размере от шестисот тысяч до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору,

б) путем неправомерной передачи инсайдерской информации другому лицу, - наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до четырех лет.

4. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до пяти лет, либо с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до семи лет.

10) Изложить ст. 200⁴ УК РФ в новой редакции:

Статья 200⁴. Нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

1. Нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, -

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет со штрафом в размере от двухсот тысяч рублей до одного миллиона рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) из корыстной или иной личной заинтересованности, -

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до пяти лет со штрафом в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок от четырех лет до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1. Дополнить ст.140 п. 1.4 следующего содержания:

«Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 178, 178¹, ч. 2 ст. 180, 181¹, п. «б» ч. 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые направлены антимонопольным органом в соответствии с законодательством о защите конкуренции для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

2. Пп. «а» п. 1) ч. 2 ст. 151 дополнить цифрами «178», «178¹», ч. 2-4 ст. 180», «180¹»; в п. 3) в ч. 2 ст. 151 изменить «180 частями третьей и четвертой» на «180 частью первой».

3. В ч. 2 ст. 163 предложение «К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» изложить в новой редакции: «К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также должностные лица компетентных органов, осуществляющих функции контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИ ИЗМЕНЕНИЙ В СТ. 23
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»»

Статья 1

1. Дополнить ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции» п.1.1 следующего содержания:

«1.1 Антимонопольный орган осуществляет взаимодействие с правоохранительными органами Российской Федерации в пределах своих полномочий в следующих формах:

1) в установленном законодательством Российской Федерации порядке обращается в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, с запросом о проведении оперативно-розыскных мероприятий и получает их результаты;

2) информирует правоохранительные органы о выявленных фактах нарушений ст. 11, 14.1-14.8, 15, 16, 17 Федерального закона «О защите конкуренции», имеющих признаки преступлений;

3) в пределах своей компетенции проводит по запросам правоохранительных органов экспертизы, дает заключения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции, предоставляет аналитическую информацию о состоянии конкуренции на товарных рынках;

4) по запросам правоохранительных органов направляет в качестве экспертов работников антимонопольного органа для участия в процессуальных действиях и мероприятиях по расследованию нарушений законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции».

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»»

Статья 1

1. Пункт 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности направляются:

1) в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц;

2) в антимонопольный орган для использования при реализации функций государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, хозяйствующими субъектами, физическими лицами, а также при выявлении нарушений антимонопольного законодательства, принятии мер по прекращению нарушения антимонопольного законодательства и привлечения к ответственности за такие нарушения».

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЦЕНТРАЛЬНОМ БАНКЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (БАНКЕ РОССИИ)»»

Статья 1

1. Дополнить ст. 21 главы IV «Взаимоотношения Банка России с органами государственной власти и органами местного самоуправления» абзацем 6 следующего содержания:

«Банк России взаимодействует с Федеральной антимонопольной службой России о вопросам соблюдения кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, операторами платежных систем и операторами услуг платежной инфраструктуры, саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, организаторами торгов и их участниками антимонопольного законодательства, контроль за соблюдением которого осуществляет антимонопольный орган, а также предоставления информации в рамках, установленных законодательством и нормативными правовыми актами Российской Федерации. Банк России и Федеральная антимонопольная служба России осуществляют информационный обмен, проводят взаимные консультации, рабочие встречи, конференции и семинары в целях выработки предложений по вопросам, входящим в сферу их компетенцию и представляющих обоюдную заинтересованность, в том числе по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, создают совместные экспертные органы и участвуют в их деятельности».

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц»:

1) Пункт 6 абзац 1 дополнить следующим содержанием:

«Потерпевшим также может выступать физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, если сведения порочат его деловую репутацию в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности как с образованием юридического лица, так и без такового, в том числе если сведения распространяются на учрежденную или возглавляемую им организацию».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»:

1) дополнить п. 9.1 абзацем 5 следующего содержания: «При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, следует исходить из того, что соглашение, ограничивающее конкуренцию (картель), может быть заключено только хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими

приобретение товаров на одном товарном рынке (ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции»). Исходя из определения хозяйствующего субъекта, приведенного в п. 5 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции», субъектом ответственности следует признавать: 1) индивидуального предпринимателя; 2) непосредственного руководителя (единоличный исполнительный орган), иного представителя юридического лица (например, члена коллегиального органа управления, управляющего, участника юридического лица), имеющего правовые основания (в силу договора, закона, доверенности, иного правового акта) осуществлять юридически значимые действия от его имени (либо от своего имени) и в его интересах; 3) физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (например, аудитор, арбитражный управляющий).

Действующая редакция ч. 1 ст. 178 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за соглашение об ограничении конкуренции (картель), которое как уголовно-правовая конструкция представляет собой деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, что само по себе не требует дополнительной квалификации и не влечет усиления ответственности, в том числе в виде обстоятельства, отягчающего наказание в соответствии со ст. 63 УК РФ».

2) Абзац 1 п. 13 дополнить следующим содержанием:

«В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, возмещение ущерба допускается организацией, в интересах которой действовало виновное в совершении этого преступления физическое лицо».

3) Пункт 18 дополнить абзацем 2 следующего содержания:

«Размер подлежащего возмещению ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 178 УК, в силу конституционных принципов справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности ответственности, следует устанавливать на основании доли личного участия в ограничивающем

конкуренцию соглашения (картеле) организации-хозяйствующего субъекта, в интересах которой действовало виновное физическое лицо, или индивидуального предпринимателя. Возмещение ущерба в размерах такой доли одним из соучастников является основанием освобождения лишь такого соучастника».

4) Второе предложение абзаца 2 пункта 18.1 изложить в следующей редакции:

«Например, не влечет уголовной ответственности:

- временное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (лицензия не продлена в установленные сроки), если прекращение указанной деятельности может привести к дезорганизации работы объектов жизнеобеспечения (прекращение водозабора, водоочистки, теплоснабжения жилья и социальных объектов населенного пункта, угроза техногенной аварии и т.д.);

- участие в заключении и реализации ограничивающего конкуренцию соглашения, если такие действия были вызваны уничтожением или повреждением имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, либо с воспрепятствованием экономической деятельности либо с угрозой воспрепятствования экономической деятельности, насилием или угрозой применения насилия со стороны лиц, склонивших к совершению преступления, а также если участие в ограничивающем конкуренцию соглашении вызвано внешними экономически неблагоприятными факторами, не связанными с неэффективным управлением, и направлено на предотвращение вынужденной остановки производства, прекращения деятельности, включая банкротство, а также их последствия в виде неуплаты налогов, иных обязательных выплат, увольнения работников;

- манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации, сопряженные с избежанием убытков, если существовала угроза, например, банкротства или иных серьезных неблагоприятных последствий для существования и деятельности хозяйствующего субъекта, в интересах которого действовало виновное лицо, избежать которых удалось благодаря изменению ценообразования на финансовые инструменты, товары».

5) Абзац 1 пункта 19 после первого предложения дополнить предложениями следующего содержания:

«В частности, при решении вопроса о назначении наказания лицу, впервые совершившему преступление, предусмотренное ст. 178 УК РФ, следует исходить из установленных ст. 64 УК РФ оснований назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Так, назначенное наказание может быть смягчено согласно ч. 1 ст. 64 УК РФ, если виновное лицо, не являясь первым из числа соучастников преступления, которое добровольно сообщило об этом преступлении, активно содействовало его раскрытию, сообщив о нем в антимонопольный или правоохранительные органы, возместило причиненный ущерб, пропорционально доле своего участия в картеле, не являлось организатором этого преступления, не склоняло иных лиц к его совершению, и в его действиях отсутствуют признаки иных преступлений. Перечисленные условия для смягчения наказания могут быть учтены в качестве обстоятельства, смягчающего наказание и по п. «и» ст. 61 УК РФ. В качестве смягчающего наказание за совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, обстоятельства следует также рассматривать характер последствий картеля для товарного рынка. Так, если антимонопольным органом будет установлено, что характер последствий картеля имеет как отрицательные, так и позитивные проявления, то наличие последних может рассматриваться в качестве обстоятельства, смягчающего наказание виновного лица».

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ

В процессе работы над диссертационным исследованием автором был проведен опрос 144 сотрудников антимонопольного органа и 310 сотрудников правоохранительных органов (Министерства внутренних дел, Следственного комитета РФ) Вологодской области, Иркутской области, Липецкой области, г. Москвы, Мурманской области, Новосибирской области, Приморского края, Псковской области, Свердловской области, Смоленской области, Ставропольского края, Томской области, Хабаровского края, Чувашской Республики. В ходе опроса были получены следующие результаты.

1. Полагаете ли Вы, что Уголовный кодекс РФ должен предусматривать уголовную ответственность только за нарушение запретов, установленных ФЗ «О защите конкуренции»:

- сотрудники правоохранительных органов: да – 26,4 %, нет – 73,6 %,
- сотрудники антимонопольного органа: да – 50 %, нет – 50%.

2. Считаете ли Вы достаточными меры, включая антикоррупционные, которые государство применяет для противодействия нарушениям антимонопольного законодательства со стороны органов власти и местного самоуправления:

- сотрудники правоохранительных органов: да - 37,3 %, нет – 62,7%;
- сотрудники антимонопольного органа: да – 27,8 %, нет – 55,6 %;

3. Считаете ли Вы достаточными те меры, которые государство принимает для противодействия картелям:

- сотрудники антимонопольного органа: да – 27,8 %, нет – 52,8 %.

4. Считаете ли Вы достаточными те меры, которые государство принимает для противодействия недобросовестной конкуренции:

- сотрудники антимонопольного органа: да – 39,8 %, нет – 44,5 %.

5. Считаете ли Вы продуктивным взаимодействие антимонопольного и правоохранительных органов при выявлении и расследовании случаев нарушения запрета на картель:

- сотрудники правоохранительных органов: да – 0,9 %, нет – 9,1% (из 10 % имевших такой опыт);
- сотрудники антимонопольного органа: да – 69,4 %, нет – 16,7 % (из 86,1 % имевших такой опыт взаимодействия).

6. Считаете ли Вы продуктивным взаимодействие антимонопольного и правоохранительных органов при выявлении и расследовании случаев нарушения запрета на недобросовестную конкуренцию:

- сотрудники правоохранительных органов: да – 5,5 %, нет – 7,3 % (из 12,8 % имевших такой опыт);
- сотрудники антимонопольного органа: да – 27,8 %, нет – 33,3 % (из 61,1 % имевших такой опыт взаимодействия).

7. С какими трудностями Вы сталкиваетесь (сталкивались) при расследовании антиконкурентных нарушений с участием правоохранительных органов (вопрос адресован сотрудникам антимонопольного органа):

- нежелание оказывать содействие в проведении расследования – 15,2 %,
- низкий уровень подготовки сотрудников, отсутствие знаний антимонопольного законодательства – 57,6 %,
- отсутствие четкой процессуальной роли и опыта в проведении таких мероприятий – 3 %,
- отсутствие правовых механизмов взаимодействия – 3 %.

8. С какими трудностями Вы сталкиваетесь (сталкивались) при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, имеющих антиконкурентную направленность (вопрос адресован сотрудникам правоохранительных органов):

- отсутствие методических разъяснений по вопросам расследования антиконкурентных преступлений – 43,8 %,
- незнание антимонопольного законодательства - 30,5 %,

– экономическая специфика дел, которая усложняет процесс расследования – 37,1.

9. Что нужно сделать, по Вашему мнению, для повышения эффективности взаимодействия правоохранительных и антимонопольных органов:

1) закрепить правила их взаимодействия в ФЗ «О защите конкуренции»:

– сотрудники правоохранительных органов - 20 %,

– сотрудники антимонопольного органа – 20 %;

2) закрепить в УПК РФ правило о том, что правовой акт антимонопольного органа об установлении факта нарушения антимонопольного законодательства должен стать единственным поводом для возбуждения уголовного дела:

– сотрудники правоохранительных органов – 30,9 %,

– сотрудники антимонопольного органа – 15,9 %;

3) оба варианта:

– сотрудники правоохранительных органов – 49,1 %,

– сотрудники антимонопольного органа – 56,8 %.

10. Считаете ли Вы необходимым наделить антимонопольные органы оперативно-розыскными полномочиями в целях более эффективного выявления и расследования нарушений антимонопольного законодательства:

– сотрудники правоохранительных органов: да – 66,1 %, нет – 33,9 %,

– сотрудники антимонопольного органа: да – 36,4 %, нет – 54,5 %.

11. Считаете ли Вы необходимым наделить антимонопольные органы функциями органов следствия или дознания в целях эффективного расследования антиконкурентных преступлений:

– сотрудники правоохранительных органов: да – 49,6 %, нет – 25,2 %, только функциями органа дознания – 25,2 %,

– сотрудники антимонопольного органа: да – 27,3 %, нет – 56,8 %, только функциями органа дознания – 13,6 %.

12. Какой вид ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в виде заключения и реализации антиконкурентного соглашения (картеля), по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен для

физических лиц - представителей хозяйствующих субъектов (руководителей, иных должностных лиц организации, а также ИП):

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 29,6 %, административная – 40,9 %, уголовная – 48,7 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 15,9 %, административная – 65,9 %, уголовная – 61,4 %.

13. Какой вид ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в виде недобросовестной конкуренции, по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен для физических лиц-представителей хозяйствующих субъектов (включая ИП):

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 36 %, административная – 43 %, уголовная – 21,1 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 9,1 %, административная – 88,6 %, уголовная – 2,3 %.

14. Какой вид ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в виде злоупотребления доминирующим положением, по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен:

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 14 %, административная – 34,2 %, уголовная – 51,1 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 4,5 %, административная – 86,4 %, уголовная – 9,1 %.

15. Какой вид ответственности за нарушения антимонопольного законодательства в виде индивидуальных действий должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен:

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 15,7 %, административная – 36,5 %, уголовная – 64,3 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 15,9 %, административная – 86,4 %, уголовная – 15,9 %.

16. Какой вид ответственности за заключение антиконкурентного соглашения между хозяйствующими субъектами и должностными лицами органов власти и местного самоуправления, по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен для должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления:

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 15,7 %, административная – 20,4 %, уголовная – 53,9 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 4,5 %, административная – 61,4 %, уголовная – 29,5 %.

17. Какой вид ответственности за нарушения на торгах, по Вашему мнению, наиболее целесообразен и эффективен для должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления:

– сотрудники правоохранительных органов: гражданско-правовая – 20 %, административная – 47,8 %, уголовная – 32,2 %,

– сотрудники антимонопольного органа: гражданско-правовая – 6,8 %, административная – 68,2 %, уголовная – 25 %.

18. Полагаете ли Вы, что к уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства следует привлекать лишь в случаях причинения антиконкурентными действиями ущерба другим лицам или извлечения дохода от такой деятельности:

– сотрудники правоохранительных органов: да – 31,8 %, нет – 38,2 %, другие ответы: признак ущерба или извлечения дохода должен быть криминообразующим только в отношении картелей – 6,4 %; за картель уголовная ответственность должна наступать безотносительно к последствиям – 13,6 %; ущерб должен быть криминообразующим признаком в отношении недобросовестной конкуренции - 24,5 %; уголовная ответственность за все нарушения антимонопольного закона должна наступать не за причиненный ущерб или извлеченный доход, а за ограничение конкуренции на рынке определенного товара - 18,2 %;

– сотрудники антимонопольного органа: да – 45,4 %, нет - 54,6 %.

19. Полагаете ли Вы необходимым предусмотреть конфискацию имущества (как уголовно-правовую меру) за картель:

- сотрудники правоохранительных органов: да – 77,4 %, нет – 22,6 %,
- сотрудники антимонопольного органа: да – 52,3 %, нет – 47,4 %.

20. Какое уголовно-правовое наказание, по Вашему мнению, должно быть предусмотрено за картель в качестве основного:

– сотрудники правоохранительных органов: лишение свободы – 24,3 %, штраф – 48,7 %, принудительные работы – 12,2 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 56,5 %, арест – 4,3 %;

– сотрудники антимонопольного органа: лишение свободы - 29,5 %, штраф – 70,5 %, принудительные работы – 13,6 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 59,1 %, арест – 6,8 %.

21. Какое уголовно-правовое наказание, по Вашему мнению, должно быть предусмотрено за недобросовестную конкуренцию в качестве основного:

– сотрудники правоохранительных органов: лишение свободы – 15,7 %, штраф – 60 %, принудительные работы – 8,3 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 44,3 %, арест – 4,3 %;

– сотрудники антимонопольного органа: лишение свободы – 2,3 %, штраф – 90,9 %, принудительные работы – 13,6 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 38,6 %, арест – 0 %.

